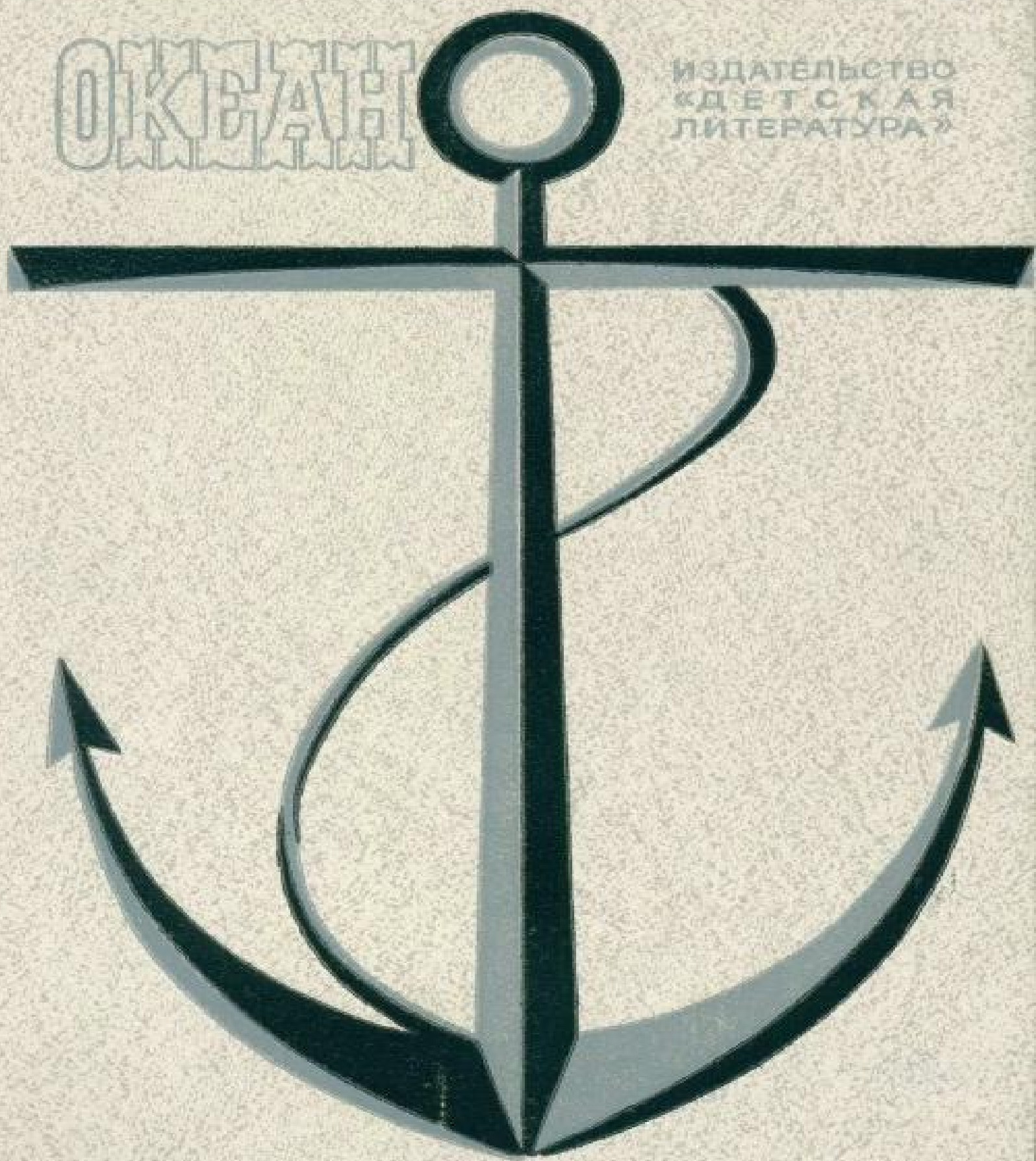

ОКЕАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

Annotation

Литературно-художественный морской сборник знакомит читателей с жизнью и работой моряков, с выдающимися людьми советского флота, с морскими тайнами, которые ученым удалось раскрыть.

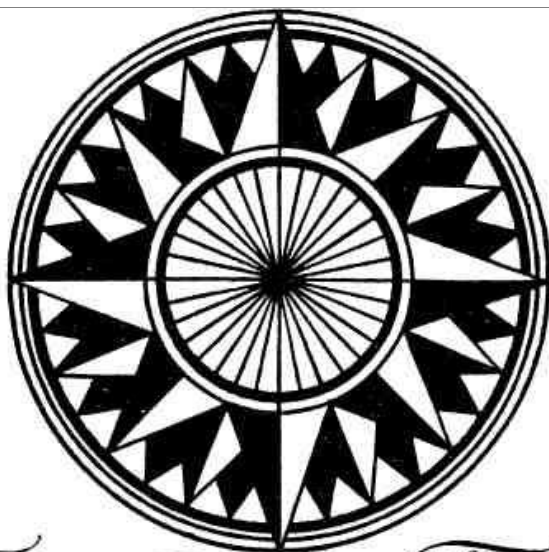
- [Океан. Выпуск восьмой](#)
 - - [ПРИХОДИ К НАМ НА МОРЕ!](#)
 -
 - [Ю. Оболенцев](#)
 - [Б. Лапузин](#)
 - [Н. Хабибов](#)
 - [ПЛЕЩЕТ МОРСКАЯ ВОЛНА](#)
 -
 - [А. Суворов](#)
 - [Ю. Иванов](#)
 - [Е. Сигарев](#)
 - [В. Тимофеев](#)
 - [В. Тюрин](#)
 - [А. Радушкевич](#)
 - [Б. Волохов](#)
 - [ФЛОТ ВЕДЕТ БОЙ](#)
 -
 - [С. Чумаков](#)
 - [ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ПУТЕШЕСТВИЯ, ФАНТАСТИКА](#)
 -
 - [Д. Лихарев](#)
 - [Ю. Миронов](#)
 - [В. Мезенцев](#)
 - [С. Гагарин](#)
 - [МОРСКОЙ АРХИВАРИУС](#)
 -
 - [В. Дыгало](#)
 - [Ю. Дудников](#)

- [А. Рункин](#)
 - [МЕЖДУ ВАХТАМИ](#)
 -
 - [Е. Сузюмов](#)
 - [В. Демьянов](#)
 - [НА ИРОНИЧЕСКИХ ШИРОТАХ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Океан. Выпуск восьмой

Л

Приходи к нам
НА МОРЕ!
5

Плещет
МОРСКАЯ ВОЛНА
9

Флот
ВЕДЕТ БОЙ
141

*Приключения,
путешествия,
Фантастика*
177

Морской
АРХИВАРИУС
289

Между
ВАХТАМИ
325

ОКЕАН

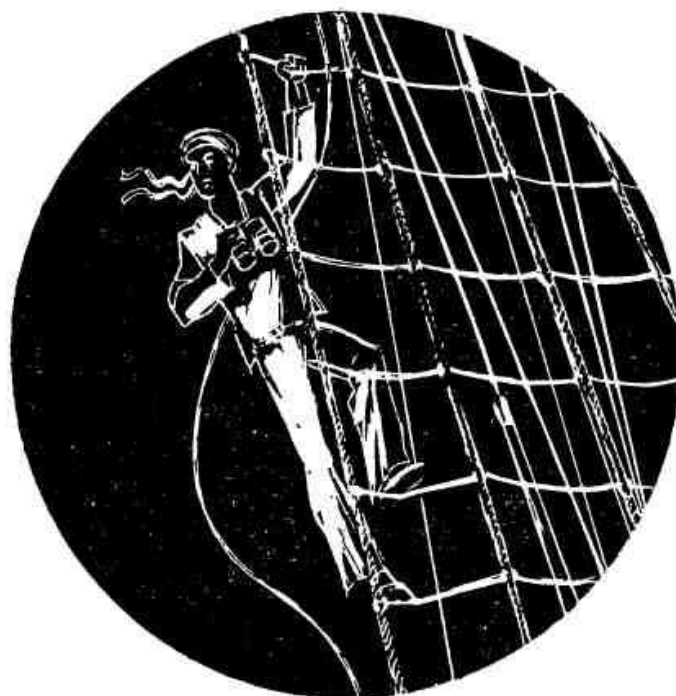
*литературно-
художественный
морской
сборник*

МОСКВА
«Детская литература»
1982

ПРИХОДИ К НАМ НА МОРЕ!

Приходи к нам
НА МОРЕ!

Ю. Оболенцев

НЕПОКОЙ

В последний раз водою невской вымыться,
Немного задержаться у дверей...
Я уйду за штормом и за вымыслом
Дорогой через тридцать морей.

Живешь благоразумно год за годом
Но... рано или поздно — все равно
Однажды в ноздри острый запах йода
Ударит, словно в голову вино.

С мужчинами случается такое,
Потянет в путь — и не остановить.
Должно быть состояние покоя
У нас, как соль, растворено в крови.

Б. Лапузин

* * *

Ветры буйствуют над бухтами,
сопки — сочные стога.
Океан Великий бухает
бесконечно в берега.

Манят, манят дали синие,
ждут богатые дары.
Приходите, люди сильные,
будьте только лишь добры.

Приезжайте в гости, смелые,
оставайтесь насовсем.
Сколько дел еще несделанных,
ненаписанных поэм!

Н. Хабибов
ВСТРЕЧА С МОРЕМ

ВСТРЕЧА С МОРЕМ

Пил прохладу горных
родников,
Мял в ладонях травы
полевые,
Слушал пенье
девственных лесов,
А вот с морем встретился
впервые.
Как безбрежна даль
и как светла!
Море, стань единственной
судьбою!
Видно, не случайно привела
Жизнь меня к шумящему
прибою.
Значит, я увидеть должен
был
Чаек, что у берега
кружатся.
И, наверно, долго будут
в сны
Эти чайки с криками
врываться.
И опять, в дорогу уходя,
Брошу на ладонь волны
монету...
Может быть, окажется
верна
Старая и добрая примета.

ПЛЕЩЕТ МОРСКАЯ ВОЛНА

Плещет **МОРСКАЯ ВОДНА**

А. Суворов НА ПУТИНЕ

Студенткам путинного отряда ДВТИ «Викинг»

Хоть это далеко не шутки
Работа по двенадцать в сутки,
И все ж придется выбирать
Под вечер: танцы или... спать.
И кажется невероятным,
Но, робы поменяв на платья,
Вновь так отплясывают девочки,
Что туфельки едва выдерживают.
Смешался запах рыбы с запахом
Духов каких-то редких, западных.
Вам ночью мамы будут сниться,
А поутру под крики чаячьи
Отрядный командир отчаянно,
Вас поднимая, будет злиться.
Путина знатная идет,
Зато плен рыбою завод.

Ю. Иванов
БУТЫЛКА С ЗАПИСКОЙ
Рассказ

«...Я полагаю, что это большая акула, сэр». — «Акула в этих водах?» — недоверчиво воскликнул Гленарван».

Прочитав эти строчки, я представил себе великолепную яхту «Дункан», несущуюся по Северному каналу, яркую зелень вспененной воды и чаек, с криками летящих следом. И черный острый плавник чудовищной рыбыны, вспарывающий поверхность воды... Согнувшись пополам, устроив книгу на коленях, я с жадностью принялся читать дальше. И все отодвинулось, исчезло. И класс, в котором я сейчас находился, пятый «Б», и самая последняя в ряду, на «Камчатке», парта, и урок арифметики, которую я не понимал и не любил со всей искренностью своей детской души.

Парусный корабль! Акула! Я слышал об этой книге. И вот Женька Егоров принес мне ее и дал почитать всего на два дня. За это я отдал ему десять лучших своих марок. В том числе и три коричневые марки далекой страны Мозамбик с изображением льва, слона и крокодила...

Продолжаю читать.

«Акула судорожно забилась, почувствовав, что ее вытаскивают из родной стихии. Но это не испугало матросов: они живо справились с ее яростью, накинув акуле на хвост мертвую петлю...»

О, как мне захотелось оказаться там, на палубе яхты «Дункан», среди веселых бородатых сильных матросов, выволакивающих хищницу из зеленых волн Северного канала! Да-да, я хочу туда, я хочу карабкаться по вантам и чувствовать ладонями жесткость тросов; ощущать, как корабль кренится то в одну сторону — и под тобой кипит вода, то в другую — и теперь тебе уже видна палуба и люди на ней. Люди отважные, необыкновенные, пропахшие морем и трубочным дымом!

Что-то говорил учитель. Шуршали листки бумаги: контрольная. О-о-о, мне не решить этих задачек. И я снова уткнулся в книгу.

«Помолчите, — сказал помощник капитана Том Аустин. — Разве вы не видите, что акула была горькой пьяницей и, чтобы не потерять ни капли напитка, проглотила его вместе с бутылкой!»

Совершенно забывшись, я громко засмеялся: проглотила вместе с бутылкой! Математик взглянул в мою сторону и поправил сползшие на кончик носа очки. Женька Егоров перегнулся через парту, зашептал:

— Решил уже?

— Нет, — отмахнулся я и прочитал: — «Как? — воскликнул Гленарван. — У акулы в желудке оказалась бутылка?»

— Тише ты. «Параллелепипед» услышит, — заволновался Женька.

— А? Все равно кол.

— Дать переписать?

— Подожди. Дочитаю.

«Том, достаньте-ка эту бутылку, — сказал Гленарван. — Только поосторожней: найденные в море бутылки часто содержат важные документы...»

— Ученик Ветров. Я вам не помешал? — раздался вдруг над моим ухом скрипучий голос. — Ну-те-ка, что мы тут читаем?

— Помешали, — буркнул я, весь увлеченный событиями, происходящими на яхте «Дункан». — Очень помешали!

— Что-о?

Рука учителя легла на книгу. Я рванул ее к себе. Затрещал картон обложки. Я мертвой хваткой вцепился в книгу. Не отдам! Поправив сползшие очки, учитель повысил голос:

— Во-он из класса!

До конца урока я читал на улице. И всю перемену. Потом удрал домой. И читал всю ночь, сунув маленькую настольную лампу под одеяло. Ах, как все это здорово: моря, океаны, Африка, Магелланов пролив, пампасы. Засыпая под утро, я думал о том, что должен побывать там же, где и полюбившиеся мне герои. Спасибо тебе, Жюль Верн! Теперь я знаю, что я должен делать в этой жизни, кем должен

стать! Правда, придется и математикой заняться: разные там счисления, вычисления, долготы и широты. Но ничего. Я все преодолею. Я все осилю и стану моряком, стану путешественником.

— Подвел я тебя, — сказал мне на другой день Женька Егоров. — Хочешь, верну тебе марки?

— Я тебе отдам все-все марки. Оставь мне эту книгу, а? — попросил я.

Прошли годы. Вот и окончен десятый класс. Поступаю в мореходку. Зачеты по физической подготовке сдаю. Вот ведь еще что придумали! Прежде чем допустить нас к экзаменам — силу нашу испытывают. Бегаю. Прыгаю. Гранату швыряю. На перекладине подтягиваюсь. Десять раз надо. Раз, два... четыре, пя-ять... шесть... семь. Не могу больше. Что? Неужели из-за этой проклятой перекладины разрушится моя мечта? Во-о-осемь... Лопнут сейчас мои мышцы! Нет, не могу больше.

— Эх ты, слабак, — сказал мне инструктор по физической подготовке. — Иди. Погуляй годик. Нарастивай мышечную массу, шкет, море любит сильных.

— Море любит упрямых! — воскликнул я в отчаянии. — Море любит тех, кто по-настоящему любит море. Кто предан ему. И я докажу это!

Но все позади. Ничего, что двери училища захлопнулись перед самым моим носом, в океан-то двери настежь. Вот сколько объявлений: «Для работы на судах рыбопромыслового флота требуются матросы».

Здравствуй, Океан, принимай меня матросом траулера! Познавать разные науки можно и заочно, а вот познать океан и премудрости судовых будней... Боцман Михайлыч учит меня морской жизни. Любим мы и побаиваемся своего боцмана. Строгущий! Помню, только пришел на судно, капитан говорит:

— Иди к боцману. Глянет он, получится ли из тебя матрос.

Вывел меня Михайлыч на палубу, повертел, хватая ручищами за плечи, потискал твердыми, будто железными пальцами мои бицепсы, хмыкнул. Не понравился я ему, жидковат.

— Матросу крепкие мышцы нужны, — сказал боцман сердито. — Попадется тунец под центнер — вытянешь багром на палубу?

Да что они, сговорились? В мореходке разговор про мускулы, здесь о том же! А боцман мой живот щупает, сплевывает презрительно:

— Это разве пресс? Кисель.

Обидно мне стало.

— Нормальный пресс...

Усмехнулся боцман:

— Нормальный? Проверим. А ну спружинь брюхо. Вдарю.

Да что тут: траулер или боксерский зал? Ну, надулся я, спружинил брюшной пресс. Словно кувалдой меня шарахнуло, еле на ногах устоял, вздохнуть не могу.

— Кисель, — сказал боцман. — А как руки?

— Что? Нормальные у меня руки, — выдохнул я.

— Дай-ка правую.

— Чего еще недоставало! Вы не Командор, а я не Дон Жуан...

Будто стальные тиски сжали мою ладонь, слезы покатались из глаз. О-о-о! Да он же мне ее в лепешку раздавит! Но молчу. Терплю.

— Как новичок? — спросил капитан, выйдя на палубу.

— Банан зеленый, — ответил Михайлыч. — Но терпеливый, упрямый. И это главное. Сделаю из него хорошего матроса.

Здравствуй, Океан! Неузнанные мной товарищи, те, кто подтянулся на перекладине десять и больше раз, сидят в аудиториях, а я глотаю соленую пыль, шкерю рыбу, скулю по ночам в подушку от дикой боли в изрезанных, проткнутых костями рыб ладонях. А утром, как и все, натягиваю просохшую за ночь робу и длинные рыбацкие сапоги. И уже слышу грозный голос Михайлыча: «Все спите? Па-адьем. Колька, банан зеленый, почему без перчаток к рыбоделу прешь?..»

Детская мечта своими собственными глазами увидеть акулу и поймать ее не проходила. Почему? Может, оттого, что акула стала для меня неким символом дальних океанских рейсов? Но пока работать приходилось на траулере, совершающем рейсы в северные широты. А так хотелось попасть в тропики! За экватор! Туда, где в прозрачной воде скользят длинные серые тени акул.

Повезло. Попал я в тропики. И хватили мы лиха с акулами во время рейса на тунцелове!

Первую акулу я и увидел в этих местах. Мы только что пришли туда, был полдень, вахтенный штурман уже созвал команду в салон на обед, а я замешкался. Стоял на полубаке и, свесившись через леера, глядел в прозрачную синюю воду.

— Коля, погляди влево, — услышал я тут голос вахтенного штурмана — он с биноклем в руках стоял на крыле мостика, — акула!

— Где? А, вижу!

Наискосок, пересекая курс траулера, резал воду черный треугольный плавник. Громадная рыбина прошла метрах в трех от форштевня траулера, и я увидел длинное и толстое светло-синее сверху и белое с боков острорылое тело. Это была голубая акула, и, хотя потом я видел много всяких акул, эта первая встреча с хищницей океана осталась в памяти на всю жизнь.

...Акулы появились возле нашего траулера, лишь только мы начали ставить тунцеловный ярус. С вечера траулер лег в дрейф. До темноты провозились на палубе: готовили ярус к выметке. Стаскивали, составляли рядом ящики с коваными, величиной почти в палец крючками. Каждый из крючков прикреплен к металлическому, свитому из многих крепчайших стальных проволоочек поводку, чтобы хищная рыбина не откусила крючок. Отдельно штабелем уложены поплавки, похожие на пластины сыра, а в сторонке — бамбуковые вешки с красными флажками на вершинках.

Ночь. Все кругом будто тушью залито. Россыпь звезд над головой и в воде.

И странное ощущение. Где вода сливается с небом — не видно. Легкое покачивание. Как будто мы не на траулере, а на космическом корабле. Летим среди невероятного скопища звезд вне Солнечной системы. Потому что не видно ни Земли, ни Луны.

Голубая тень скользнула вниз. Всплеск. Тонкий свист. Дельфин подплыл полюбоваться на траулер.

Гаснет свет в одном, в другом иллюминаторе. Завтра подъем еще до восхода солнца. И мне пора, не выплусь. Но как уйти? Будет ли еще когда-нибудь в моей жизни такая ночь?

Тяжелые шаги. Черная угловатая фигура движется по ботдеку. Таким, наверно, черным, угловатым и тяжким был Командор, идущий к Дон Жуану. Но это не Командор — боцман. Меня, наверное, ищет, грохочет своими сапожищами, тишину разрушает.

— Колька, банан зеленый! Весь пароход обшарил, думал: ухнулся в океан. — Голос у боцмана хрипловатый, какой-то шершавый. — А ну марш в каюту!

— Да ты погляди, какая ночь...

— И то верно, — понизив голос, отвечает боцман. — Бегаешь, бегаешь, а на такую красу и взглянуть некогда. Подвинься. — Помолчав немного, окинув взглядом весь этот прекрасный ночной мир, он

озабоченно говорит: — Итак, ты на крючках. Учти, самое опасное место на ярусе. Если не успел рыбу наткнуть на крюк, не удерживай поводок — отпускай. А то крючок вонзится в руку и сам улетишь за борт вместо наживки. Однако иди все же спать.

— Иду, иду.

Вовка Нагаев, мой напарник по каюте, уже спит. Лезу в свою верхнюю койку и зажигаю над головой лампочку. Надо хоть немного почитать учебник астрономии. Так, на чем я вчера остановился? Неужели наступит момент, когда я уже сдам все зачеты, все экзамены и поднимусь в ходовую рубку штурманом?

Глаза слипаются. Книга валится из рук. И вдруг что-то холодное, трепещущее и скользкое падает на мою голую грудь.

— Змея! Змея! — ору я, хватаю руками э т о и открываю глаза. Фу, летучая рыбка. Впорхнула на свет прямо в иллюминатор.

Швыряю ее назад, в родную стихию. Потянувшись, ногой захлопываю иллюминатор и выключаю свет. Пищат пружины койки. Что-то бормочет во сне Вовка Нагаев. Ему хоть из ружья дуплетом над ухом пали, не проснется...

...— Па-адъем! На ярус, лежебоки!

Топот сапожищ по коридору, удары кулаком в двери. Кажется, лишь глаза сомкнул — и уже подъем. Соскакиваю с койки. Трясу Вовку за плечо, тот отмахивается, пытается закутаться с головой в простыню. Стаскиваю его на пол, дергаю за мягкие, похожие на пельмени уши. Вовка мычит, отбрыкивается и, кутаясь в простыню, уползает под столик. Беда с ним! Вот так каждое утро. Пока моюсь, Вовка засыпает под столом, храпит даже. Выливаю ему на голову кружку воды.

Холодюга. Африка называется! Вся палуба, планширь, каждая железка покрыты крупной и холодной росой. Небо на востоке чуть розовеет. Где ты, солнце, отчего мешкаешь? Вылезай побыстрее из-за горизонта, обогрей нас.

Шр-рр-р... Ш-рр-рр. Шурша, гибкой и влажной серо-зеленой змеей уползает за борт из ящика и исчезает в волне «хребтина» — крепчайшая веревка, к которой крепятся поводцы с крючками, поплавки и вешки. Подхватив холодную, из морозилки, сардину, я насаживаю ее на крючок и бросаю за борт.

Кажется, траулер идет слишком быстро. Еле успеваю насаживать рыб. Чувствую, как поводок натягивается струной, крючок рвется из рук. Отпускаю один крючок без наживки, потом еще один.

— Эй, в рубке! — орет Михайлыч. — Зачем гонку устраиваете?

— Нормальный ход, — возражает вахтенный штурман, — три узла. Дам меньше — до ночи ярус не поставите.

— Три! А не все ли пять? — И, повернувшись, мне: — Осторожнее, Коля, осторожнее... Да не держи ты крючок... Отпускай пустым!

— Жаль!..

И все же скорость слишком велика. Мы уже несколько раз делали короткие тренировочные заметы, и там я успевал оснастить все крючки. Поводец натягивается, левой рукой я удерживаю его, зажав основание крючка в ладони, правой насаживаю рыбину. Сильно замороженная ткань рыбьего тела не поддается жалу крючка.

— Боцман! Рыбу оттаять не могли как следует?

Рывок. Не успеваю отпустить крючок, и он вонзается в ладонь. Поводец тянет за борт, чувствую, как с сухим треском крючок распарывает кожу и рвет мякоть руки. Боцман перехватывает своей ручищей поводца, тянет на себя, взмахивает ножом...

Через полчаса, с забинтованной ладонью, я снова становлюсь на свое место. Дергающая боль разрывает руку, но что поделаешь, поставить на крючки некого — в палубной команде, особенно на работе с ярусом, каждый выполняет свое.

Всходит солнце. Носятся над палубой чайки, пытаются схватить наживку, падающую в воду. Несколько дельфинов приплывают и кружат возле яруса, изучают, что это за штуковина, и я боюсь — не схватил бы какой из них рыбину. Но дельфины умные. Обнаружив, что сардинки насажены на крючки, они разворачиваются и уплывают.

Становится тепло. Боль в руке немного утихает. А вернее, просто притерпелся. Все же скорость траулера завышена. Работаю внимательно, вторичной оплошности допустить нельзя.

Полдень. Жара! Пот льется по лицу, щиплет уголки глаз. Рот высох, губы шершавые. Но некогда вытереть лицо, некогда глотнуть воды: выметка яруса идет безостановочно. Падают в воду вешки, шлепаются поплавки, уходят поводца за поводцом.

Болит спина, ломит шею, кровь тяжело колотится в висках. Слезятся глаза, кажется, что под веки песок насыпан. Невозможно как сияет в воде солнце, пляшет в мелких волнах, рассыпается на остро сверкающие осколки.

— Коля, долго еще? — слышу я страдающий голос Вовки Нагаева. — Сил нет.

— Терпи, Вовулька. Совсем пустяк осталось.

Какая жара! Африка! Неужели утром было прохладно? Ну и солнце... Мне кажется, что лучи стальными штырями пробивают мою легкую кепчонку и впиваются в череп, мозг. Сейчас он расплавится, разжижится и потечет из ушей, рта. Гонят они траулер, гонят! Ага, остался последний ящик. Значит, двадцать миль яруса выметано, осталось еще пять. К обеду закончим. Вот только бы выдержать до обеда, выстоять! У других-то работа попроще: поплавки крепят к хребтине через двадцать поводцов, вешку — еще реже. Поводцы к хребтине крепят четверо. Вот что: и на крючки надо ставить не одного, а двоих. Надежнее и быстрее будет. И вообще, всех матросов обучить всем специальностям для работы на ярусе.

За борт летит концевая вешка. Все!

На палубе, возле полубака, хлещет тугая струя душа. Мы топчемся под ним, толкаемся, хохочем. Кок тащит громадный чайник, полный прохладного изюмного кваса. Я так устал, что от кружки кваса хмелею, как от браги. Сидим на палубе под тентом, курим, глядим в океан. Спина и шея уже не болят, а лишь слегка ноют. Ничего, пять-шесть ярусов поставим — пообвыкнем и не будем замечать этих нагрузок. Лишь бы рука не разболелась. Зыбь раскачивает траулер. Ровной чередой уходят за горизонт вешки яруса. Мучительно хочется спать. Сейчас мы пообедаем и действительно часа два поспим. Я уже забронировал себе местечко под спасательной шлюпкой. А потом начнем выборку яруса.

Начали...

— Отгоняй акулу, отгоняй! Куда ты! Кыш!

— Вот еще одна! Глядите, глядите! Тунца харчит.

— Спина сейчас лопнет. Коля, не удержу.

Бросаюсь к портлазу, вырезу в фальшборте, и хватаюсь за скользкое древко багра. Рядом пыхтит, топчется, тянет багор из воды мой сонливый приятель Вовка Нагаев. А внизу, в полутора метрах от наших ног, кипит вода и на багре бьется сине-серебристый тунец весом килограммов на сорок. И акулы! Серые, стремительные тела мелькают в воде. Вот одна из рыбин бросается к тунцу, рывок и... тащить становится легче.

Выдергиваем тунца из воды, он тяжело падает на палубу. Скользя по ней раскисшими от воды сандалетами, мы отступаем, смотрим на тунца. Но это уже не рыба. Половина! Мощные челюсти, как бритвой, отсекали хвост тунца по анальный плавник.

Гудит машина ярусоподъемника. Возле борта судна пляшут вешки и поплавки. Все идет в обратном порядке: судно медленно движется вдоль яруса, машина выволакивает хребтину, а с ней и всю оснастку. Отсоединяем вешки, поплавки, складываем их в сторонке, отцепляем поводцы и, скрутив их, укладываем в ящики, а если попалась рыба — спешим к портлазу с баграми.

Акулы. Сколько же тут их? Почуяли живность, сплылись отовсюду. Вначале их было три, потом стало с десятков, а теперь возле борта траулера кружат, снуют, то уходят в глубину, то всплывают к самой поверхности десятки огромных рыбин. Тут и похожие на короткие, толстые бревна тупорылые акулы-быки; подвижные, стремительные черноперые акулы. У них светлая окраска и черные кончики брюшных плавников. Чуть в отдалении кружат длинные, веретенообразные голубые акулы и группками, по три-четыре, носятся верткие, стремительные и кровожадные акулы-собаки.

Пир горой. Акулы пожирают наш улов. То и дело мы выдергиваем из воды лишь одну — еще живую — тунцовую голову или обглоданный скелет парусника. Акулы разрывают рыб на наших глазах. И сами попадают на крючки. Обрезали один поводец, другой: акулу из воды выволочь на палубу трудно. Обрезали третий поводец, и боцман разорался: мол, так мы вообще без яруса останемся. Впереди пять месяцев работы, и если на каждом ярусе терять по пять-шесть поводцов... «Выволакивайте акул на палубу!»

До чего же они живучи, эти рыбины. Володя Нагаев прыгает возле одной из них, над головой хищницы занесена тяжеленная кувалда. Удар... Как по резиновой подушке. Акула взвивается свечой, лупит шершавым, как терка, хвостом по ящикам, фальшборту.

— Тунец! — хрипит багровый от духоты боцман. — Колька, банан зеленый... Подхватывай багром, подхватывай.

Подхватишь тут! Прыгаю через акулу. Кося безумным кошачьим глазом, акула извивается, резко и гибко взмахивает хвостом. Ух! Попала бы по ногам — считай, что всю оставшуюся жизнь на костылях скакать будешь.

— Отволакивайте ее к полубаку, — командует Михайлыч и, выхватив у Вовки поводец, толкает его: — Иди помоги взять тунца!

Сам тащит акулу по палубе к полубаку. Там он крепит поводец к железной утке. Акула изгибается, грызет стальную проволоку поводца, а боцман, утирая на ходу лицо ладонями, спешит помочь нам.

Тяжелый день. Когда же он пойдет на убыль? Работаем молча, уже нет сил на выкрики, разговоры. Лишь плеск воды, суматошные вопли чаек, шлепанье сандалий, тяжкие удары падающих на палубу рыбьих тел. И всхлипы задыхающихся, гибнущих на воздухе тунцов, бешеные всплески попавшихся на крючки акул да тихие, яростные охи и ахи матросов.

Вот и конец ярусу. Вместе с Володей мы выволакиваем концевую вешку на палубу, укладываем ее вдоль фальшборта. Володька, криво усмехаясь, смотрит на меня, стягивает с рук липкие перчатки, бросает их на палубу и сам опускается в розовую лужицу. Кок спешит с изюмным квасом, сует нам кружки. Кто-то из штурманов раскуривает сигарету и пускает ее по кругу. Капитан с деловым видом пинает ногой тунцовые туши, хмурится, улыбается, хлопает нас ладонью по мокрым спинам.

— Вовка, а ты что?..

Сидя на палубе, Нагаев разглядывает левую ногу. Когда волокли акулу, та лишь слегка задела его хвостом. И кожу от коленки до щиколотки будто рашпилем содрали. Старпом идет с бутылкой зеленки, присев, льет на ногу Володи; тот кривится. Один из парней ладони сжег поводцом, другой поскользнулся и упал, ударился об острый угол лючины, у третьего еще что-то. Тихие вздохи. Усталые смешки. Мы будто из боя, из схватки. Да ведь так оно и есть: океан ничего не отдает без боя.

— Мужики! Первый раунд за нами, — говорит боцман. — А ну, быстренько тунчиков в трюм. Колька, Вовка, вздымайте лючины.

Первый раунд за нами. А сколько еще впереди таких раундов? Почти полтора. Полтора промысловых дней, полтора схваток с океаном.

К концу рейса кожа наша, прожаренная солнцем и просоленная водой, задубеет, а на руках и ногах появятся шрамы, которыми мы потом будем гордиться, как гордится шрамами солдат, участник многих отчаянных схваток.

С длинным острым ножом я иду к полубаку. Десятка три акул лежат там, похожие на серые плахи дров. Рядом со мной таким же ножом орудует боцман. Распялив зубастую с тремя сотнями острейших зубов пасть, выпластывает глубоко увязший в гортани рыбыны крючок. До чего же мерзкие эти акулы, рыбы моей детской мечты! «Как? — воскликнул Гленарван. — У акулы в желудке оказалась бутылка?..» — «Самая настоящая, сэр. Только можно сказать... что она попала в брюхо акулы не прямо из винного погреба...» — «Том, достаньте-ка эту бутылку... Найденные в море бутылки часто содержат важные документы». Так. А не найдем ли и мы что-нибудь?

— Михайлыч, вспори-ка акуле брюхо. Иногда в желудки хищниц попадают разные предметы, — говорю я. — Бутылки, к примеру, с записками. Морские бинокли, свайки, часы. В Англии, в Музее естественной истории, собрана целая коллекция предметов, извлеченных из акульих брюх.

— Свайки, говоришь? Это дело. Найти бы английскую. Из настоящей стали, — заинтересованно говорит боцман. — Ну и кожища! Нож не берет.

— Вот ту не трогай. Я с нее шкуру снимать буду.

Палуба пустеет. Она тщательно вымыта. На золотистых досках розово сияют маленькие теплые лужицы, и от них поднимается парок. Как гигантский красный кухтыль, сползает к горизонту солнце. Нижний его край садится на пылающую кромку, и оно слегка сплющивается, расплывается в своих пылающих боках. А Володя налаживает кинопроектор: кино крутить будет. Здесь же, на палубе. В салоне душно.

«Самогонщики» — называется кинофильм. По белому скату ходовой рубки несутся незадачливые любители алкоголя. Хохот на весь океан. Будто и не было утомительнейшего дня. Время от времени из океана вылетают летучие рыбы и врезаются в рубку. И падают на головы матросов и парней из машинной команды.

А я пластаю акулу. Пообещал привезти в музей научно-исследовательского института пяток шкур акул разных видов. Потом, во время отпуска, чучела набыю. Пускай ребятишки, школьники, которые часто приходят в музей института, разглядывают их, восторгаются и мечтают о морях и океанах, о встречах с морскими хищниками.

Боцман рядом сопит, стягивает с акулы шкуру, аккуратно подрезает, отслаивает ее от плотных, беловатых мышц. Попыхивает

трубкой и зло ворчит:

— Видел я многих людей, но таких, как ты... Кто тебе скажет спасибо?

Кто-нибудь и скажет. А может, у кого-то при виде акулы шевельнется что-то в душе, в океан потянет.

Катятся день за днем. Рука зажила, шрам только через всю ладонь остался.

Лов тунцов шел хорошо, но акулы досаждали по-прежнему. И приходилось тех, которые попадались на крючки, выволакивать и утаскивать к полубаку. А потом выпластывать из челюстей крючки.

Увы! Не обнаружили мы с боцманом Михайлычем ни морского бинокля, ни карманных часов, ни хотя бы стальной английской свайки.

Нашли, правда, кое-что. Авторучку, к примеру. Какой-то растяпа уронил с судна, акула и подхватила. Газету на немецком языке. Края были оторваны, в ней я прочитал и перевел на русский, что некая фрау Мюллер (Гамбург, Адальберт-Штрассе № 97) потеряла свою любимую собачку, порода черный пудель, по кличке Жужу, и обещает тому, кто найдет собачку, вознаграждение в сумме ста сорока марок. А в желудке голубой акулы мы обнаружили женскую туфельку тридцать шестого размера. Видно, шел по водам Атлантики пассажирский лайнер, молодая женщина стояла у его борта, качала ножкой над водой, а туфелька и соскочила.

Вот, пожалуй, и все. А жаль. Так хотелось привезти на берег и подарить музею бутылку с запиской, извлеченную из брюха акулы.

Но вот однажды... Рейс подходил к концу. Выбирали последний ярус. Тунцы, акулы, парусники. Незадачливый марлин попался, весом центнера в три, с толстым и коротким бивнем, в который превратилась верхняя челюсть рыбины. Шкура одного из марлинов уже хранилась в трюме, и я с сожалением подумал, что тот был помельче. Корифена клюнула, а потом луну-рыбу подволокли к борту. Была она такой огромной — диван-кровать, вряд ли бы мы вытащили ее на палубу, да и к чему? Мясо у луны-рыбы несъедобное, а для музея мы заморозили рыбу-луну помельче. Пока решалась ее судьба, рыба-луна спокойно кружила на поводке возле борта траулера, поглядывала на нас добрыми круглыми глазами, а вокруг нее шныряли акулы и порой тыкались рылами в упругие золотистые бока. Но не трогали: мясо рыбы-луны ядовито. Зубастые рыбы опасались: куснешь эту толстуху — и перевернешься вверх брюхом!

— Иди гуляй, — сказал боцман рыбе.

Перегнувшись через фальшборт, он кусачками перекусил стальной поводок.

И рыбина медленно погрузилась в фиолетовую пропасть глубин.

Вновь заурчал двигатель машины, поползла из воды хребтина. Концевая вешка показалась.

— Все! — возвестил боцман. — Конец работам! На, океан, на память.

Он стянул с ладоней дырявые, много раз чиненные перчатки и кинул их в воду. Тотчас акула-собака метнулась и проглотила одну из перчаток, а в другую вцепились две акулы. Они дергали ткань, заглатывали, а мы, свесившись над фальшбортом, хохотали.

— Поздр-равляю всех с окончанием яр-русных р-работ! — пророкотало судовое радио голосом капитана. — После уборки палубы пр-риглашаю всех в салон.

— Ур-ра! Да здравствует наш капитан! — заорали мы.

— Ребятунки, быстренько-быстренько, — засуетился боцман. — Все убрать, поводцы скойлать, хребтинку на сушку, палубку прополоскать. Коля, банан... быстренько своих акул потроши!

— Надоело, — сказал я. — Эй, Вовка, помоги акул в трал смайнать.

— Э-э-э, а как же «найденные в море бутылки содержат важные документы»? — обеспокоился Михайлыч. — Нет уж, надо до конца.

— Давай нож. Вовка, где мой нож?

Увы, пустые хлопоты. Исчезла в трюме одна туша, вторая, третья. Все акулы вскрыты — ничего нет.

— Коля, а эту что же? Последнюю? — спросил боцман.

— Да ну ее. Потасили в трюм.

На палубе уже все было прибрано. Вовка Нагаев стоял с брандспойтом в руках, ждал, когда я расправлюсь с акулой, чтобы скатить палубу водичкой.

— Подожди, Коля. Ей-богу, у этой последней в брюхе что-то лежит, — заволновался боцман и потискал акулу. — Вот, пощупай.

— Ладно. Держи тут.

Лезвие вдруг уперлось во что-то твердое. Я нажал сильнее, и на палубу вывалилась... бутылка! Обросшая ракушками морских желудей-балянусов, она сразу наводила на мысль, что проплавала многие месяцы в океане, прежде чем оказалась в брюхе акулы. Я взял ее в руки,

матросы окружили меня, заглядывают через плечи. Э, да в ней что-то есть! Записка?! Какая удача, вот ведь повезло, а я чуть не выбросил эту акулу за борт!

— Бутылка с запиской! — крикнул я. — Ребята, я ведь говорил...

— Эта акула была горькой пьяницей, — захохотал боцман. — Ишь акула-алкоголичка. Да вытаскивай побыстрее записку.

В мгновение ока на палубе собралась вся команда. Осторожно расколупываю красный сургуч, выбиваю пробку, и в ладонь мне вываливается свернутая бумажка. Осторожно разворачиваю ее. Текст по-английски сильно подпорчен водой. Жаль! Однако о чем же сообщается в записке? Читаю, перевожу:

— Так... гм... «никогда не надо терять надежд»... Они не теряют надежды! — говорю я громко. — Так... Тут ничего не понять... Гм, вот здесь кусочек фразы: «... и тогда будешь вознагражден...» Гм... «ба...» Что? «Банан ты зеленый». Что? Какой банан?

— Зеленый! — выкрикивает боцман. — Ха-ха-ха!

— Ребята, я не пойму. Что это вы?

— Это мы... бутылку! — давится от смеха Володя. Слезы катятся по его лицу. — Помнишь в Гвинее? Ездили на остров Касса купаться? Вот там мы и нашли эту бутылку! На берегу! А боцман и говорит...

— А писал текст я, — признается капитан. — Еле-еле отыскал в словаре «банан зеленый».

— Она мне... руку чуть не оттяпала, — стонет боцман. — Отослали мы тебя с палубы, помнишь... акулу выволокли! Я ей в глотку бутылку толкаю, а она выплевывает. Я ей толкаю, а она... О-ох, братцы, не могу больше.

Хохочу вместе со всеми. Что за чудо эта остроумная морская шутка! Ну, боцман, спасибо тебе за все. И за твою рыбацкую науку, и за эту бутылку с запиской из брюха акулы...

Сую записку в бутылку. Запечатываю. Шумно, весело на палубе. Я вглядываюсь в лица товарищей, друзей по такому нелегкому и такому увлекательному труду, и мне хочется сказать им, как я их всех люблю, но не говорю этого, ибо в такой среде не принято говорить о чувствах, волнующих тебя. Но главное — это чувство во мне, оно всегда будет со мной.

Матросы расходятся. Моем с Володей палубу. Теплый парок поднимается от нее, так приятно шлепать по лужам голыми ступнями.

Капитан, включив судовую трансляцию, поздравляет нас с окончанием научно-поискового режима, с тем, что мы освоили ярусный лов тунцов в этих океанских широтах и что уже целый час траулер идет курсом на север, домой.

Солнце садится. Громадный, какой увидишь лишь в тропиках, ярко-красный, распухающий на глазах шар. Чайки, лениво взмахивая крыльями, летят за кормой, переговариваются озабоченными голосами: отчего траулер не ложится на ночь в дрейф? Куда это он?

Боцман ходит по сырой палубе, смотрит, хорошо ли мы ее помыли.

— Дай-ка руку, — говорит он мне. — Испробую силенку твою, дружок.

Я протягиваю ему руку. Он стискивает мне ладонь, но я не охаю, сам сжимаю что есть силы грубую лапищу боцмана.

— Ах ты, банан... созрел! — весело ворчит Михайлыч. — Неплохого матроса я из тебя сделал.

То были самые лучшие слова, какие я услышал от него в этом долгом, таком нелегком для меня рейсе.

Е. Сигарев

ГИМН ЛЕДОКОЛУ

Зачастили, потеплели метели.
В белом шабаше не видно ни зги.
Всю неделю
Ходит треск ледовый,
Пробуя шаги.
Работяги катера не при деле,
Держат бухту якорь-цепи кораблей.
Всю неделю ледокол,
Всю неделю
Не жалеет ни себя, ни дизелей.
Давит корпусом заторы исправно,
Топит льдины в черноту полыньи.
Слева — красные,
Зеленые — справа
Влажно светят ходовые огни.
Отшаманят над Камчаткой метели,
Разбегутся по заливу катера,
Там, где вмерзли в Заполярье параллели,
Солнце спутает
Дни и вечера.
Где гудки, салютуя ветерану,
Со стамух^[1] песцами прыгают в снег,
Он на Тикси поведет караваны,
Путь проложит лесовозам в Певек.
И опять от Уэлена до Тромсе
Над безмолвием арктических орбит:
— Мы пробьемся, — прогудит он, —
мы пробьемся,
Мы на то и ледоколы, — прогудит.
Но однажды над зимовьями усталыми,
Добровольный обогрев неуют,
Вертикальными звенящими кристаллами

Встанут сполохи и небо подопрут.
Неуклюжий,
Повернет он грустно к югу,
Миля хрусткая с разгона дробя,
Сколько миль!
И все для друга, для друга
И ни метра, ни полметра для себя.
Вот и снова город к берегу причален.
И по бухте, не жалея дизелей, —
Посмотрите! —
Ледокол, как Корчагин,
В океан торит пути для кораблей.

В. Тимофеев

УЧЕБНАЯ АТАКА

К такому-то часу.
В такой-то квадрат.
Цель расстрелять!
Буи подобрать!
Учебно, но
 вздулись реальные вены.
Учебно, но
воют надсадно сирены.
Реальны — команда,
 и выкрик,
 и шаг.
Реальная тяжесть —
 до боли в ушах.
Реальна усталость —
 такая усталость,
как будто ни капельки сил не осталось
в скелете и мышцах,
 в крови и в душе, —
ты выкачан,
 высосан,
 выжат уже!
Ты к черту послал бы тревоги и стрельбы,
ты, может, почти умереть захотел бы,
но только
 тебе перед смертью нужна
одна сигарета,
 всего лишь одна.
Но только тебе перед смертью разок лишь
на землю взглянуть
 сквозь окошки бинокля.
Но только
 тебе дней хотя бы на пять

на Волгу иль Вычегду к мамке слетать.

В. Тюрин

ПРАВО НА РИСК

Повесть

Кто бы мог предположить, что именно с этого совсем обычного дня начнется короткая цепочка дней, которые так круто изломают устоявшиеся и годами притеревшиеся связи между главными героями нашего повествования? Бывшая дружба вдруг обернется неприязнью, а людей ранее далеких друг от друга вдруг сблизит тайно сосущий восторг риска, бремя трудных решений...

Впрочем, обо всем по порядку. Холодным и слякотным утром 9 июля 195... года сразу же после подъема флага по длинному, почерневшему от времени и от пролитых на него соляра и масла причалу быстро шла группа офицеров штаба одной из бригад. Впереди легко вышагивал невысокий, хрупкий на вид адмирал, в новой щегольской фуражке. Рядом с ним — комбриг капитан первого ранга Щукарев. Рослый, огромный Щукарев чувствовал себя не совсем ловко рядом с адмиралом: чтобы поддерживать беседу, ему все время приходилось сгибаться и неудобно выворачивать шею — вниз и вбок. Но Щукарев с этим мирился. Утро начиналось удачно, и его хорошего настроения не могли поколебать ни это неудобство, ни гадкая погода.

Несколько дней назад, когда комбриг докладывал адмиралу план боевой подготовки, тот, услышав, что на одной из подводных лодок штаб бригады будет проводить смотр, то есть проверять на ней чистоту, порядок, организацию службы, вдруг почему-то решил самолично возглавить эту проверку. Это странное желание адмирала не на шутку озадачило комбрига: с чего бы это с а м? И почему он заинтересовался именно этой лодкой? И обеспокоило, хотя лодкой командовал самый опытный из командиров, его ученик и младший друг капитан второго ранга Логинов.

Поэтому комбриг на неделе нет-нет да и заглядывал на логиновскую С-274. Вместе со старпомом Березиным он лазал с чистой ветошью по трюмам, с пристрастием экзаменовал немевших перед ним от страха матросов.

Зато к сегодняшнему утру Щукарев был совершенно спокоен за этот экипаж. Нет, он был не просто спокоен, он гордился лодкой, он был исполнен той непоколебимой веры в нее, в ее экипаж, которая приходит с сознанием, что ты честно и до конца сделал все, что мог. Он лично все десятикратно выверил и вымерил.

Сейчас, направляясь вместе с адмиралом на лодку, Щукарев чуть ли не посвистывал от полноты чувств. Сдерживало лишь присутствие начальства. В легкости, с которой комбриг нес свое большое и отяжелевшее с возрастом тело, в незамутненной ясности взгляда, в бродившей по его лицу тонкой ухмылке откровенно читалось довольство собой.

Адмирал, бросив снизу вверх на комбрига удивленный взгляд, любопытствовал:

— Что это вы, Юрий Захарович, нынче так и светитесь?

— Это я так, товарищ адмирал, в личном плане... Внучек вспомнил. Уж больно они забавные стали, — вывернулся комбриг, твердо зная, что упоминание о его внуках сразу же изменит ход мыслей у всех окружающих, включая и адмирала.

И не ошибся. Поспешавшие за ними флагманские специалисты деликатно, но искренне рассмеялись. В бригаде почти каждый знал, что у комбрига, в общем-то еще относительно молодого человека — весной ему исполнилось сорок пять, — было уже пять внуков. Старшая дочь родила ему двойню, средняя — тройню, а совсем недавно вышла замуж последняя, младшая дочь. И теперь офицеры гадали: обойдет она своих старших сестер или нет? Кое-кто даже заключил пари.

В таком вот распрекрасном расположении духа как-то совсем незаметно они подошли к пирсу, с правой стороны которого стояла логиновская лодка. На узкой кормовой надстройке ее в каменном напряжении застыл выстроившийся экипаж. В ожидании командования перед строем, нервно одергивая полы шинели, крупно вышагивал длиннющий старпом лодки капитан третьего ранга Березин. Он почти на голову возвышался над строем.

Волноваться у Березина были основания: на сегодняшнем смотре он оставался за командира. Логинов, который вот уже почти полгода исполнял еще и обязанности начальника штаба бригады, был сейчас среди сопровождавших адмирала офицеров.

Адмирал, поравнявшись с носом лодки, бросил случайный взгляд на хлопающий на ветру новенький (специально сменили к проверке)

гюйс^[2] и вдруг резко и круто остановился, да так, что в него чуть не врезался идущий следом офицер. И было от чего...

На флоте традиции складываются и хранятся сотнями лет. Одни, безнадежно устарев, давно оказались в архивах истории, и о них шуточно вспоминают лишь во время веселой флотской травли. Другие были с корнем вырваны и развеяны буйными ветрами революции. Но большинство традиций продолжают жить, свято хранимые и почитаемые. Одна из них — это церемония утреннего подъема флага.

«На фла-аг и гю-юйс... Сми-ирна-а!»

Только человек безнадежно потерявший вкус к флотской службе может остаться равнодушным при этой команде. Если же ты радуешься окружающей тебя жизни, если гордишься своей принадлежностью к славной флотской семье, если твой корабль стал твоим вторым домом и за любовь платит любовью, то каждое утро к подъему флага ты спешишь с трепетно бьющимся сердцем. На подъем флага, как и на первое свидание, никогда не опаздывают. Оправдания в расчет не принимаются.

«Фла-аг и гю-юйс поднять!»

Где бы ты ни был, услышав эту команду, ты непроизвольно подтянешься, повернешься лицом к морю, в торжественном молчании приложишь руку к козырьку фуражки и, замерев, с душевным трепетом будешь ждать, когда на штоках взметнутся бело-голубой военно-морской флаг и кумачовый со звездой гюйс.

С этого мгновения начинается отсчет нового флотского трудового дня. Вот почему все, что связано с этой традиционной церемонией, соблюдается на флоте неукоснительно и ревностно.

А теперь вспомним, что адмирал резко и оторопело остановился, какое-то мгновение, видимо, опешив, помолчал и бросил комбригу с обидой:

— Наведите на бригаде порядок, товарищ капитан первого ранга! — Бросил, как отрубил, и быстро пошагал прочь.

Комбриг растерянно, не понимая, что произошло, проводил недоуменным взглядом адмирала, пожал плечами, хмыкнул и стоял бы так в изумлении, если бы кто-то из подчиненных не подсказал:

— Гюйс, товарищ комбриг... Гюйс...

Комбриг взглянул на нос лодки, на развевающееся над ним кумачовое полотнище, и лицо его начало тоже приобретать кумачовый

оттенок: новехонький гюйс на С-274 трепыхался перевернутый вверх ногами. И никто этого не заметил раньше.

— Раззявы!!! — рявкнул Щукарев и крупной рысью устремился к ведущему на лодку трапу. Вслед за ним нога в ногу заторопился и Логинов. Лицо его было расстроенным, виноватым. Надо же такому случиться, и как раз в день смотра!

Офицеры штаба незаметно начали куда-то испаряться: они знали — комбриг будет сейчас «выдавать» всем подряд, виновным и невиновным.

Первым на глаза Щукарева попался Березин, встретивший комбрига, как это и положено, командой «Смирно». Щукарев сначала окинул долговязого старпома яростным взглядом, а потом зло улыбнулся и обернулся к Логинову, как бы приглашая его в свидетели:

— Во! Все ясно! Кто здесь командует? Академики! Математики!

Кто-то из «флажков»^[3] за спиной Щукарева огорченно вздохнул:

— Ну, сейчас раскочегарится...

Говорят, пришла беда — отворяй ворота. Через два часа после утреннего конфуза другой молодой командир лодки из бригады Щукарева при перешвартовке не справился с сильным прижимным ветром, навалился на другую подводную лодку и помял ей цистерну главного балласта.

Эти два прискорбных события явились причиной созыва комбригом экстренного совещания. В кабинете Щукарева грохотали октавные переливы комбриговского баса. Стены кабинета сотрясались, а портреты флотоводцев, развешанные на них, вибрировали от его трубного рыка. Комбриг вошел «в режим самозавода», как окрестил это душевное состояние своего начальника беспощадно злой на язык флагмех бригады. Щукарев подсакивал на стуле, багровел, с размаху бухал огромной, в рыжих волосинках, лапищей по крышке утробно гудящего письменного стола.

Комбриг ярился, а командиры подводных лодок и офицеры штаба сидели, потупя головы, и... ухмылялись. Ухмылялись потому, что слишком хорошо знали своего комбрига. За крикливостью и грубостью Щукарев, словно краб под хитиновым панцирем, оберегал от всех добрую и незлопамятную душу. Еще в первые лейтенантские годы нарвался он по своей мягкосердечности разок-другой на крупные неприятности и понял, что всегда найдется кто-нибудь, кто не прочь

будет поэксплуатировать его доброту ему же во зло. Понял и создал тогда для себя стереотип этакого простоватого и прямого рубахи-морячины. С той поры в Щукареве жило как бы два человека: один, выдуманный им, был хамоват, бранчлив, любил порисоваться тем, что он «прямой мужик», и под эту «прямоту» мог безоательно ляпнуть в глаза любому самую что ни на есть обидную правду-матку. За это кто-то не мог его терпеть, кто-то перед ним преклонялся, но все боялись. Другой же, истинный Щукарев, тяжело переживал грубость первого, мучительно и долго казнился в душе, старался как-то незаметно загладить вину перед обиженными.

Он терзался, пряча свое раздвоение ото всех. Ему думалось, что никто о нем не догадывается, что это его наискровеннейшая тайна. Однако секретом это не было ни для кого, и его шумные разносы подчиненные воспринимали как июльские грозы: страшно, пока грохочет над головой, а прокатится гроза — вновь становится ясно, спокойно и тихо. Комбриг был отходчив.

И еще они ухмылялись потому, что понимали комбрига: хоть кипел он сегодня не по очень серьезным поводам, но несколько дней назад его наконец-то представили к адмиральскому званию, и каждое, даже мушиное, пятнышко на репутации бригады могло отдалить его мечту о широком адмиральском погоне.

Закончив «раздалбывать», комбриг чуть было по стародавней привычке не помянул мать святую богородицу, но метнул осторожный взгляд на своего нового зама по политической части и осекся. Посопел малость, в последний раз и уже не сильно шлепнул ладоницей по столу и протрубил:

— Детский сад, а не бригада... — И, еще посопев, добавил: — Все свободны.

А когда офицеры молча заторопились к двери, комбриг приказал им вслед:

— Логинов, останься!

Щукарев подошел к окну, обвел тяжелым взглядом безобразие, творящееся на улице, и сморщился: вот уже какой год в такую непогоду его жестоко ломал ревматизм — не прошли даром двадцать с лишним лет, проведенные в железном прочном корпусе подводных лодок.

И надо же такому случиться: именно в этот момент мимо окна к казармам проскочили его командиры. Они дружно над чем-то хохотали.

— Молодежь... — раздраженно пробурчал комбриг. — Хоть кол на голове теши!

Он оставил в кабинете Логинова, своего друга, однако начинать с ним разговор не хотел, пока не схлынет раздражение. Логинов в ожидании переминался с ноги на ногу. Все в нем было в меру и подчеркнуто аккуратно. Рост — чуть выше среднего, не широкоплеч, но и не узок, вьющиеся волосы лежали волосок к волоску, серые умные глаза с юморком, в углах губ затаилась улыбка. Отутюженная форма ладно облегла его. И вообще он выглядел таким новеньким, каким выглядит выпускник училища, впервые надевший офицерскую форму, хотя носил ее уже семнадцать лет.

Все так же глядя в окно, будто высматривая там что-то шибко интересующее его, комбриг буркнул:

— Вот твое доверие во что обходится. Чертов «академик»!

Невзлюбил Щукарев логиновского старпома. Учась на командирских классах и одновременно заочно в академии, Березин всерьез увлекся проблемами математического моделирования. В них он увидел единственно возможный путь развития науки управлять, руководить боем. Боем современным — быстротечным, на огромных скоростях, с применением ракетного оружия. Дело это было новое. Кто-то в этом самом моделировании просто-напросто ничего не понимал и пропускал березиновские завихрения мимо ушей, посмеивался над ним. Другие тоже пока ничего в этом не смыслили, но прислушивались, приглядывались, улавливая в дебрях рассуждений Березина очень четкую и умную систему мышления и выработки командирского решения.

Комбрига же, искренне считавшего все это блажью и чепухой, прямо-таки трясло, когда Березин на очередном командирском занятии при решении элементарно простых, как считал Щукарев, задач начинал вдруг умничать и сыпать всеми этими «численными интегрированиями плотности распределения нормированной случайной величины...» или же «искусственными реализациями вероятностных законов». Черт те что! И комбриг, когда особенно хотел задеть Березина, обзывал его, правда за глаза, «академиком».

После сегодняшней стыдобыщи с гюйсом Щукарев Березина прямо возненавидел.

— Почему же я ему должен не доверять, Юрий Захарович? То, что произошло утром, просто нелепая случайность. Гюйс менял боцман, он

дольше Березина служит и в няньках давно не нуждается. А Березин — готовый командир лодки, грамотный, толковый.

— Вот этот грамотный, толковый и накомандовал. На весь флот ославил... Позорище, да и только! — Щукарев вновь уставился в окно.

Сегодня утром местное радио опять не порадовало метеосводкой: «Температура минус два градуса, пурга. Ожидается плюс два, дождь со снегом. На побережье ноль. Ветер северо-восточный, пятнадцать — восемнадцать, порывами до тридцати метров в секунду».

Вторую неделю столбики термометров приплясывают вокруг нуля. Низкие, огрузшие от влаги тучи с разбега ударяются о запорошенные снегом сопки, рвутся о них в клочья, запутываются в низкорослой корявой березовой поросли, свиваются вокруг скал и вершушек сопки в замысловатые хороводы. А потом, подхваченные волглым сивером, несутся дальше, беспеременно осыпая сжавшуюся от стылого холода землю и беспокойно гудящее море снежной слякотью. И днем и ночью стоит одинаковый тоскливый пепельный полусвет.

В нем среди скалисто-серого однообразия друг над другом громоздятся дома, карабкающиеся на крутые склоны сопки. С раннего утра и до глубокой ночи не гаснут окна в этих домах. Поэтому когда смотришь на городок снизу, с моря, то кажется, что смотришь на громадный светящийся небоскреб, основанием опершийся на подножия сопки, а вершиной поднявшийся высоко над их макушками.

Помолчав, Щукарев спросил:

— Ты помнишь, как мы в фиорде в немецкую сеть попали?

— Конечно, помню. — Разве мог забыть Логинов свой первый и самый, пожалуй, трагический в его жизни боевой поход? Тогда их подводная лодка вслед за немецким буксиром вошла в фиорд и удачно торпедировала разгружавшийся у причала огромный транспорт. Он, видимо, был напичкан боеприпасами, потому что его разнесло в клочья. Силища взрыва была так велика, что лодку, не успевшую уйти на глубину, выбросило на поверхность. На какие-то несколько мгновений ее рубка показалась над водой, но и этих мгновений было достаточно, чтобы немецкие сторожевики набросились на нее и забросали глубинными бомбами.

Одна из бомб взорвалась прямо над центральным постом, у рубки. Лейтенант Логинов, оглушенный грохотом, скрежетом разрывающегося прямо у самого уха железа, сам не заметив, как это произошло, в какие-

то считанные доли секунды втиснулся в щель между штурманским столом и бортом. И притаился.

Пройдет время, и он вместе со всеми будет смеяться над собой, над своим жутким, неподотчетным ему инстинктивным страхом. Но в тот момент, когда вместе с оглушительным взрывом в мельчайшую пыль рассыпались все лампочки в центральном посту, когда отсек погрузился в непроглядную, грозящую гибелью тьму, ему стало жутко.

Через несколько секунд начал вдруг расти дифферент на нос, и из электромоторного отсека доложили, что резко увеличилась нагрузка на электродвигатели.

— Сеть... — Голос командира даже сел от волнения. Лодка оказалась в западне — немцы успели перекрыть выход из фиорда противолодочной сетью.

В тот раз смерть их не дождалась. Выскочили.

— Помню, конечно, Юрий Захарович. Такое разве забудешь?

— А другие боевые походы, в которых мы были вместе, помнишь? — Комбриг повернулся к Логинову и давил на него прессом тяжелого взгляда.

— Помню, разумеется. — Логинов недоумевал: что происходит с комбригом? Не был он любителем ворошить прошлое, а тут вдруг ударился в воспоминания...

— Это хорошо, что ты все помнишь... А теперь скажи, был ли я трусом в бою?

— Да вы что, Юрий Захарович? — возмутился Логинов, невольно бросив взгляд на орденские планки комбрига: одних орденов Красного Знамени три, да Отечественной войны, да Красной Звезды. — Кто же посмеет вас в таком обвинить? У кого язык повернется?

— Поворачивается... И ты об этом знаешь. — Увидев, что Логинов намеревается протестовать, комбриг воздел ладонищу вверх, растопырил пальцы и гаркнул: — Стоп моторы!

Это означало: замолчи!

Логинов не смог сдержать улыбки. Комбриг вообще не умел говорить тихо. Даже у себя дома он гудел, и его жена, Елена Павловна, не раз жаловалась Логинову, что уже через полчаса после возвращения Юрочки со службы у нее начинает разламываться голова от его командирского голоса. Сама она старалась говорить потише, чтобы Юрочка подражал ей. Он тоже переходил на шепот, но тут же

забывался, и его могучее фортиссимо вновь заставляло дребезжать стекла в окнах.

— Ты думаешь, я не знаю, что командиры прозвали меня дедом Щукарем? Знаю, все знаю... Щукарь одряхлел... Щукарь тени своей боится... — Комбриг скорчил свою мясистую физиономию, насупил раскидистые жесткие брови и передразнил кого-то: — Щу-у-карь... Будешь бояться. Лодки строят быстро, командиров постоянно новых подавай. А откуда их, опытных-то, взять? Родить, что ли? Ты на наших командиров когда-нибудь повнимательнее посмотри. Им еще, прости меня, сопли утирать надо, а они уже лодками командуют. Год отслужил — командир группы, еще год — командир боевой части, два года — старпом, год — на командирских классах и, пожалуйста, в двадцать девять — тридцать уже на мостике красуется. Тоже мне... флотоводцы... Ты вот во сколько командиром стал?

— В тридцать. И вы в тридцать. Вернее, вам еще не было тридцати. В двадцать девять с хвостиком.

Комбриг исподлобья посмотрел на Логинова беспокойным взглядом, что-то прикинул в уме и впервые за последние часы заулыбался всем своим широким сдобным лицом.

— А ведь точно... — удивился он. — Сами салажатами в командиры вышли.

— Мы ли одни, Юрий Захарович? Вспомните, кто командовал лодками в начале войны: старший лейтенант Стариков, капитан-лейтенант Фисанович. А Щедрин?

— Тьфу ты! Заморочил голову: Стариков... Щедрин... — опомнился комбриг, сбитый с позиций, казавшихся ему абсолютно незыблемыми. — То ж война была... — Он помолчал, потеряв нить мысли, потом ухватил ее и продолжил: — Вот ты говоришь, тоже в тридцать лет командиром стал. Тебе сейчас сколько? Тридцать восемь? А скажи-ка, за восемь лет командования сколько раз ты сталкивался с другими кораблями? Ни разу. А Золотницкий при абсолютной видимости в борт сейнера въехал. Море для него, видишь ли, узким оказалось. Сколько раз при дифферентовке ты проваливался на грунт? Ни разу. А Орлов и Козодоев в док после таких дифферентовок становились. Ты когда-нибудь корежил себе цистерны при швартовке? Нет. Вот то-то. — И вдруг, вспомнив утренний конфуз, комбриг снова вспылil: — Наконец, сегодня твой «подготовленный» и «грамотный» Березин гюйс вверх ногами поднял. Стариков... Щедрин... Были бы это

Щедрины, а то сплошь Орловы, Козодоевы... Птичий двор какой-то... Вот они где у меня! — Комбриг гулко пошлепал себя по шее. Звук был такой, будто шлепает он по плоскому булыжнику.

— Юрий Захарович, но ведь те же Козодоев и Золотницкий первыми сходили в автономное плавание в Атлантику. И хорошо сходили, сам главком их отметил.

— Ну и что с того, что сходили? Не верю я им, Коля, ни на грош. Правильно ты говоришь: хорошо они себя показали в Атлантике. И главком отметил. Это точно. А я вот, их комбриг, не уверен, что завтра в самой простой обстановке они не отчебучат чего-нибудь. Ненадежные все они, легковесные. — Щукарев сморщился и вдруг как-то неожиданно и искренне огорчился: — Они, чудики, мою осторожность, заботу мою, чтобы они ЧП не наделали, принимают за трусость. Тоже мне, труса нашли... — обиженно и уже вполне миролюбиво фыркнул комбриг.

Хотя и был Логинов среди командиров лодок самым старшим и старым, если такое допустимо сказать о тридцативосьмилетнем человеке, хотя многие из них прошли у него выучку и до сих пор, сами став командирами, обращались к нему на «вы», но все же он жил теми же интересами, заботами, нуждами, что и все остальные командиры. Он лучше Щукарева знал, что заботит командиров, что таят они в своих душах. Их интересы были и его интересами. Поэтому разговор по душам с комбригом Логинов и сам уже давно мечтал завести. Однако, помня, что Щукарев болезненно обидчив, что он всегда и все знает лучше своих подчиненных, Николай Филиппович щадил его самолюбие и выжидал удобного момента. Сегодня же комбриг сам затеял такой разговор, и Логинов решился.

— А может, мы сами в этом, Юрий Захарович, виноваты?

— Это в чем же?

— Да в том, что они, как вы говорите, ненадежны, в том, что мы боимся им доверять.

— Вот тебе и раз! Мы их учим, учим, они фортели выкидывают, а мы же и виноваты?

— Да ведь беда-то вся в том, что мы их не столько учим, сколько опекаем, трясемся над ними. Как чуть посложней задача, так в море рядом с командиром лодки комбриг или начальник штаба. И командир не мог что-нибудь сделать, не взглянув в рот начальнику. А раз его постоянно лишают самостоятельности, стало быть, он не приучается и

к чувству ответственности. Отсюда и все ошибки. Ведь так они, глядишь, вообще плавать без поводыря разучатся. — Логинов на мгновение замолчал, присмотрелся к реакции комбрига. Тот вроде еще не заводился. — Неужто мы их до старости в море пасти будем?

— Будем, Коля, будем! От себя самих их оберегать надо. Иначе они таких дров наломают, что и уголовного кодекса не хватит. Новый сочинять придется. Не тебе же мою историю рассказывать, сам знаешь.

Логинов, конечно, знал, по каким ухабам пришлось трястись служебной колеснице Щукарева. В английском флоте в личном деле капитанов кораблей есть в анкете графа: везучий или невезучий? Так вот у Щукарева наверняка написали бы: «Невезучий». Да еще добавили бы: «Очень». Правда, где-нибудь в скобочках оговорили бы: «...После войны». В войну он не только остался в живых, но и неуклонно шагал вверх по служебной лестнице, причем довольно быстро. А в последние годы злодейка судьба что-то обиделась на Щукарева.

Это комбригство у него было уже третьим. Впервые бригаду он принял давно. Был самым молодым комбригом. Бригаду сформировали из новых лодок послевоенной постройки. Приходилось одновременно и командовать, и учиться. Его усердия хватало на троих, шло все преотлично, бригада его была на хорошем счету. А вот беда пришла какая-то неожиданная и чудная, ранее ни с кем не приключавшаяся. Случилось это в начале зимы. Ледок в бухте был так себе, в полвершка. Щукарев получил приказание перешвартовать лодки бригады, чтобы для какой-то надобности освободить пирс. Перешвартовал. Мог ли он знать, что у новых лодок на заднем ходу засосанные струей воды осколки такого льда могут принести неприятности? Не мог. И никто не мог.

Такое произошло впервые. Старые лодки — «катюши», «сталинцы», «щуки», «малютки» — через лед перли как танки, хочешь — вперед, хочешь — назад. И никогда с ними ничего не делалось. Снизили Щукарева до начальника штаба бригады и вновь послали служить в далекий гарнизон.

Через два года он во второй раз принял бригаду.

И опять беда пришла, откуда Щукарев ее не ждал: один из лучших командиров после удачной торпедной атаки на приз Главнокомандующего Военно-Морским Флотом потерял от радости голову и при всплытии, понадеявшись только на данные гидроакустика, проскочил перископную глубину и всплыл прямо под форштевень

идущего по инерции с выключенными двигателями сторожевика, выполнявшего роль корабля охранения.

Никто, слава богу, не пострадал, но начальство с этим не посчиталось. И опять Щукареву пришлось «сдавать назад».

После всех этих не по своей вине передраг он стал опасливым, и к нему намертво приклеилось прозвище «дед Щукарь».

— И все-таки я убежден, Юрий Захарович, что командирам надо больше доверять. Вспомните мудрые слова: «Учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться». А какой же прок от ученика, которому не веришь?

— Почему ты решил, что я не верю? Верю. Тебе, например. Не меньше, чем себе. — И вдруг Щукарев расхохотался. Хохотал так же басовито, как и ругался, издавая при этом какие-то округлые звуки, нечто наподобие «хо-о-о-хо». А весело ему стало от внезапно пришедшей в голову смешной мысли: — Недаром, Коля, тебя все чалочным капитаном кличут... Хо-о-о-хо! Все из-за моего доверия к тебе... Хо-о-о-хо!

Логинова на бригаде действительно шутливо прозвали чалочным капитаном. Условия швартовки в гавани были сложными, и Щукарев, доверявший только Логинову, на все перешвартовывающиеся лодки непременно посылал Николая Филипповича. Он чувствовал себя спокойней, если рядом с молодым командиром на мостике стоял многоопытный Логинов.

Логинов подождал, пока отхохочется комбриг, и, стремясь придать голосу извиняющуюся окраску, чтобы, упаси боже, не обидеть Щукарева, проговорил:

— Не смеяться нам, Юрий Захарович, надо, а плакать. У нас на бригаде скоро ни один командир, кроме меня, швартоваться не будет уметь. Еще бы нам на бригаду одного Логинова, чтобы он за всех торпедами стрелял, и тогда других командиров можно было бы разогнать. За ненадобностью. Благо сейчас сокращение Вооруженных Сил идет. Как раз было бы в духе времени.

— Ишь как ты его! Комбрига-то своего! Так его! Так! — Щукарев неожиданно обиделся. — А мне где место определил? В скотниках или овощеводах?!

Логинов смотрел на расходившегося комбрига и тоскливо думал: «Неужто не дошло? Неужто не понял?»

— Я теперь у вас всех вроде кандалов на ногах. Мешаю. Так сказать, вы в прогресс, а я вас за уши обратно. Инициативу глушу, свободы лишаю... Так, что ли? — Голос Щукарева дрожал от обиды.

— Я этого не хотел сказать. Вы меня учили, хорошо учили, строго спрашивали, но и верили. И я вам за это благодарен. Но я что-то не упомяну, чтобы вы у меня, молодого штурмана, над душой стояли или за меня прокладку вели. А сейчас... — Логинов замялся, подбирая слова поделikatнее, чтобы высказать, наконец, то, что уже давно наболело на душе не только у него. — Вы простите меня, Юрий Захарович, но сейчас вы порой бываете... Как бы это лучше сказать...

— А чего ты деликатничаешь? Сажай прямо под дых!

— Бываете чересчур уж осторожны. Давите на командиров. Не даете им самим выбрать правильное решение. — Комбриг вздел было свою лапищу, намереваясь остановить Логинова своим излюбленным «стоп моторы», но тот, что называется, закусил удила: знал, что другого такого случая может больше не представиться и что если сейчас не выскажется, то потом уже вряд ли когда на это решится. — Откуда же в нашей бригаде, подчеркиваю — в нашей бригаде, командирам набираться умению? Перешвартовываюсь за них я. Штаб чаще всего проверяет не то, что умеет делать командир или вахтенный офицер, чему он обучен, а чему надрессирован, что знает назубок. Чего стоят все эти вводные вроде «человек за бортом» или «срочное погружение без хода»? Это же все задачи для филатовских медведей. А вот сумеет тот же молодой командир правильно самостоятельно действовать при неожиданной встрече с противником под водой? Сумеет ли он в невыгодных для себя условиях упредить противника и первым выйти на него в атаку, использовать оружие? Вы это умеете делать. И флагманские специалисты умеют. А этому надо обучать командиров, не бояться доверять им. Я вот помню, в войну какое сложное время было — и то, будучи молодым вахтенным офицером, вдвоем с сигнальщиком на мостике оставался. И всегда все в порядке было. А сейчас у нас на мостике стоит вахтенный офицер и рядом с ним днем и ночью или командир, или старпом, или кто-нибудь из штаба. И основная обязанность этого бедолаги не командовать кораблем, а не прозевать и правильно отретировать^[4] команды начальства. Дальше идет цепная реакция: вы не доверяете командиру, он, естественно, своим офицерам.

Комбриг немного подождал, не скажет ли еще чего Логинов, сцепил пальцы ладоней, хрустнул суставами, будто кто-то в кабинете ломал кирпичи, и спросил:

— Ты, надо полагать, теперь все высказал? Это хорошо. Теперь, как говорят в Одессе, слушай сюда. Чего ты от меня требуешь? Учить тому, что будет нужно на войне? Учим. И ты это не хуже меня знаешь. Планы боевой подготовки мы выполняем? Выполняем. Приз главкома за торпедные стрельбы вот уже два года у нас. Так ведь? В автономное плавание ходили лодки именно нашей бригады. А почему? Выучка лучше, чем у других. Согласен? Согласен. Так теперь ты мне скажи: какого же тебе еще рожна надо?! Разумного риска? Меня комбригом никто четвертый раз не назначит. А теперь что касается войны. Ты ведь ее только хвост застал, а я, когда ты к нам пришел, уже в командиры метил. И я-то уж знаю, какой спрос в войну был. Сегодня напортачил, а завтра вышел в море и фрица утопил. Плюс на минус — и все по нулям. А сейчас, к счастью, не война, топить некого. И к тому же, уважаемый Николай Филиппович, помни: осторожность — сестра мудрости. Это не я, трусливый дед Щукарь, выдумал, а предки наши. Они не глупее нас были.

Зазвонил телефон. Комбриг снял трубку и пророкотал в нее:

— Щукарев у аппарата... Да, да. Орлов, слушаю тебя... Перешвартовывайся. Только подожди Логинова. Он у меня. Сейчас придет. — Положив трубку на место, комбриг хмуро бросил: — Сходи помоги Орлову.

Выходил Логинов из кабинета комбрига с облегченной душой, он даже довольно улыбнулся. Обычно в таких случаях комбриг ему приказывал: «Иди перешвартуй», а сегодня попросил: «Иди помоги...» Видать, разговор хоть немного, но до цели дошел.

* * *

В кубрике команды подводной лодки С-274 безлюдье, только дневальный да двое старшин первой статьи — Ларин и Киселев. Оба — Володи.

Огромный зал с бетонным полом и самыми обычными окнами и дверьми, расположенный на третьем этаже кирпичной казармы, даже при очень богатом воображении кубриком никак назвать было нельзя. И

тем не менее именно это по-казенному неуютное помещение, в котором рядами выстроились аккуратно и однообразно заправленные койки, подводники величали кубриком.

Во всех официальных документах это называлось казармой. Но ни один из моряков на вопрос, где сейчас тот-то или тот-то, не ответит: «В казарме». Ни за что! Он обязательно скажет: «В кубрике», «В команде» или же «На бербазе» (то есть на береговой базе). Где угодно, но только не в казарме.

Такова уж давняя флотская традиция — переносить привычное, прикипевшее к душе за время службы на корабле на самое что ни на есть земное, житейское. Отслужит моряк свою флотскую службу, уедет далеко от моря, куда-нибудь в сибирскую кедровую глухомань или в бескрайние иссушенные безжалостным солнцем казахстанские степи, а все равно еще долго будет говорить вместо столовой — камбуз, вместо пола — палуба, вместо компаса — компас.

Есть в этом что-то от флотского форса: знай, мол, наших! Но это хороший форс, если, конечно, бывшего моряка, сменившего бескозырку и бушлат на кепку и пиджак, отличают от других не только эти привычные слова, но и воспитанное в нем флотской службой трудолюбие, честность, умение крепко, по-моряцки работать и преданно дружить.

Ларин в раздумье стоял у окна. Раздумье его было чуть с грустинкой. Неделю назад, когда им зачитали приказ об увольнении их года в запас, когда наконец-то исполнилась целые четыре года пестовавшаяся в душе мечта о вольной, как ветер, без подъемов и отбоев жизни, все они, «годки», от затопившего их счастья просто ошалели. Двадцатидвухлетние парни, в основном уважаемые, солидные старшины, плясали, кричали что-то нечленораздельное, хохотали. И вряд ли кто из них в первую ночь после этого приказа сумел заснуть: счастливые грезы наяву были слаже любого сна.

Неделя пролетела в заботах: надо было сдать заведование, рассчитаться с боцманом, с библиотекой, сняться с партийного учета... Да и мало ли какими еще корнями обрастает моряк за долгие годы службы? Теперь их надо было рвать. И вот все сдано, со всеми рассчитался, как говорят на флоте, «якорь чист». Остался лишь завтра утром последний подъем флага — и прощай, служба... Катером до города, а там на самолет или в поезд — и айда кто куда по домам...

Но оказалось, что вот так, запросто, сказать службе прощай совсем нелегко. Как и всегда в жизни, все неприятности, неизбежные в службе тяготы, вынужденное самоограничение сразу же забылись, оказались похороненными где-то на дне памяти. Зато затопили воспоминания о штормовых вахтах, о первых победах, одержанных над разгневанным морем, о друге, подменившем на перекур во время тяжких и долгих работ, о больших и сильных людях, с которыми повенчала тебя флотская служба. Можно с легким сердцем рассчитаться с интендантами, с библиотекой, с боцманом, а вот память обо всем этом по акту не спишешь, с ней не порвешь.

Потому-то и грустно было старшине первой статьи Володе Ларину. Потому-то и не было радости в его взгляде, неприкаянно, бесцельно скользившем по всему, что было за окном. А там справа виднелся кусочек камбузного двора береговой базы с выстроившимися вдоль забора из металлической сетки баками с пищевыми отходами. Над баками вместе с густыми хлопьями снега тоже белыми огромными хлопьями кружились с резкими требовательными криками чайки. Некоторые из них, широко распластав крылья, планировали вниз, усаживались на край бака и высокомерно и важно начинали рыться в остатках каши, корках хлеба, костях. Иногда они сбрасывали с себя спесь и начинали по-базарному визгливо галдеть и клевать друг друга. Видимо, попадался очень уж лакомый обглодок.

Ларин посмотрел на птиц и вспомнил, как эти же самые чайки подолгу сопровождали их в море, грациозно паря над лодкой и напутствуя их в далекий и долгий путь полными печали гортанными криками. И щемяще жалко стало ему этих гордых, благородных птиц. А может, вот эти, пожирающие помои, совсем не те овеянные романтикой птицы, которые улетают вместе с моряками в голубые дали? Может, эти уже превратились в нахлебников человека, вроде жирных и ленивых городских голубей? Может, они уже и не хотят видеть, как в безбрежье океана молнии рассекают небо и воду?

Это щемящее чувство Ларин постарался подавить в себе простой мыслью, что в природе все устроено мудро и, значит, так нужно. Но легче от этого почему-то не стало.

Налево из окна виден сквер, вокруг которого выстроились в каре штабные здания и казармы, окрашенные в блекло-синий цвет. Густо исчерченная трещинами штукатурка на стенах напиталась влагой, кое-где обвалилась, зашелушилась, и поэтому дома кажутся пегими,

неухоженными. Высокая некошенная трава в сквере, беспорядочно перепутанная в разных направлениях дождем и ветром, напоминала всклокоченную шерсть намочшей кошки. Из-за черноты неба, сопок, воды она тоже кажется не зеленой, а черной. Деревья от непогоды поникли, почернели, вид у них сиротский, печальный.

А в погожие дни все здесь совсем иное. В густом переплетенье листьев берез, ольхи, рябин весело играет солнце, оно щедро греет звонкоголосое птичье поселение, обосновавшееся в этой не по-северному щедрой сени, нежит, голубит враз поднявшуюся под его теплой лаской густую траву.

А когда-то здесь были лишь лысые камни да мхи. Это зеленое чудо выросло на земле, принесенной с дальних сопок. И возили, носили на себе эту землю, удобряли ее своим потом, а потом высаживали в нее вырытые в скалах хилые саженцы, оберегали их от стылых февральских ветров да от июльских шальных штормов моряки-подводники, служившие здесь в годы войны.

Возвращаясь из полных смертельного риска боевых походов, они непременно шли в сопки, чтобы принести оттуда в свой скверик кустик или горсть земли. В этом малом добром деле они оттаивали сердцами.

Ларин вдруг сразу, внезапно почувствовал себя виноватым перед ними: прослужили они здесь долгих четыре года, а никому из них в голову ни разу не пришло посадить в сквере хоть какую-нибудь самую малость — ветку, кустик, цветок.

— Володь, а Володь! — окликнул он Киселева. Тот на своей койке укладывал чемодан.

— Ну?

— Ты знаешь, о чем я подумал? Люди во время войны, да и до нее тоже, чище нас, наверное, были. Как-то возвышенней, что ли.

— С чего это ты решил?

— Сейчас я на наш сквер посмотрел. Ведь война была, никто не знал, будет ли он жив завтра, а все равно моряки находили время, чтобы в сопки сходить за землей, за деревьями. Для комфорта своего? Нет, при них все эти деревца им по колено были. Стало быть, о нас они думали, о тех, кто после них здесь служить будет. Понял?

Киселев подошел к окну, встал рядом с другом и тоже как-то сразу погрузнел.

— В общем-то ты, наверное, прав. Помнишь, года два назад через весь сквер прокладывали канализацию? Перерыли все, перекопали,

засыпали кое-как, а сейчас там все провалилось, канава... — И, помолчав, вдруг разозлился: — Черт его знает, сто раз в день ходишь мимо, все видишь, а внимания ни на что не обращаешь... Ведь сквер-то искалечили, а всем это до лампочки. Слушай-ка, Иваныч, — предложил Киселев, — а что, если до отъезда собрать всех демобилизованных парней да устроить в сквере аврал? А?

— Кого ты соберешь? — усмехнулся Ларин. — Все уже на чемоданах давно сидят. Да и в такую погоду кто пойдет? А вообще-то хорошая традиция могла бы быть. Представляешь себе, перед увольнением каждый, скажем, по мешку земли приносит или куст, деревце. Такой тут парк можно было бы соорудить, будь здоров. — И тут же Ларин вроде бы совсем не к месту рассмеялся.

— Ты чего это заржал? — удивился Киселев.

— Да маниловщина все это.

— Что? Что?

— Маниловщина, говорю. Помнишь «Мертвые души» Гоголя?

— Откуда я могу помнить? Не читал я. Ты же знаешь, что у меня семь классов и коридор.

— В «Мертвых душах» есть такой помещик — Манилов. Пустопорожний мечтатель. Он то у себя в усадьбе через пруд мост мечтал построить, чтобы на нем купцы лавки пооткрывали и сидели там, торговали, то высокий дом с бельведером, с которого даже Москву видно было бы.

— А я-то при чем здесь? Тоже мне, Манилова нашел.

— Да это я не о тебе, о нас обоих. Размечтались мы по-маниловски. «Традиция хорошая была бы»... — передразнил он сам себя. — Об этом раньше думать надо было, не сейчас. Теперь, как в преферансе говорят, поезд уже ушел. Игра такая есть — преферанс. Не слышал? — Ларин просветленно улыбнулся и совсем уж не к месту вспомнил: — Ох уж и погонял я пулю в студенческие годы...

Еще до службы Ларин закончил индустриальный институт, получил диплом инженера-электрика, поработал немного — и призвали его служить: кончилась отсрочка. Еще студентом он женился, и теперь его сыну уже шел седьмой год. Самому Ларину недавно исполнилось двадцать восемь. На лодке старше его возрастом были лишь командир, старпом, заместитель командира по политчасти, инженер-механик да два мичмана-сверхсрочника: боцман Ястребов — ему было уже за

пятьдесят, все на лодке его ласково-уважительно называли Силыч — и старшина команды мотористов Оленин.

Поначалу служба Ларину давалась через силу, пришлось его обламывать. Привыкший к студенческой вольнице, он каждое, даже самое малое и справедливое, замечание старшин, упрек воспринимал как покушение на свободу его личности, ущемление его человеческого достоинства. Правда, несколько позже он и сам понял, что военная служба в пору притирания к ней требует от молодых не только одинаковой, «под ноль», прически, но и того, чтобы сами они были неотличимы друг от друга, тоже «под ноль». Чтобы никто из них не выпирал из единообразного общего строя. Значение имел только рост. В зависимости от него новобранцев обували, одевали, распределяли по учебным ротам, ставили на тот или иной фланг строя. Индивидуальные особенности, склонности, обретенные до службы знания — все это играло на первых порах самую ничтожную роль.

Это потом уже, во время учебы, и тем более на корабле, одноликая масса расслаивается на отдельные, отличимые друг от друга характеры: на смекалистые и тугодумные, на работающие и бездельные, на управляемые, подчиняющиеся дисциплине и неуправляемые, на личности или, как теперь принято говорить, лидеры и на так себе, шалый-валяй, но меня не трогай, на тех, кто начисто лишен струны. Со временем жизнь ставит все и всех на место, по полочкам — кто чего стоит.

Поставила она, естественно, и Ларина. Он был личностью и потому уже на третьем году службы стал специалистом первого класса и старшиной команды гидроакустиков. Конечно же, сказалось и высшее образование — то, что другие усваивали трудно и долго, он хватал с лета, и обретенный им жизненный опыт — «болезнями роста» он отболел еще в институте. Приблизительно с этого времени как-то уж так сложилось, что все офицеры и старшины начали величать его не иначе как по имени-отчеству — Владимиром Ивановичем или просто Иванычем.

Ларин и Киселев стояли у окна, смотрели в него и на светлом фоне почти не отличались друг от друга: оба рослые, плечистые, с крутыми шеями и затылками. Обычно такими вот крепкими, широкогрудыми изображают художники матросов времен революции или обороны Одессы и Севастополя.

— Смирна!!! — испуганно вскрикнул у порога кубрика дневальный молодой матросик Федя Зайцев. На лодку он пришел совсем недавно. В учебном отряде у него, видимо, сильно строги были командиры, запугали бедолагу до смерти. И он до сих пор каменел от страха при виде любого начальства.

— Вольно... — милостиво пробасил вошедший в кубрик старпом лодки капитан третьего ранга Березин. Он был невероятно тощ и для подводника чрезмерно высок. В экипаже его любовно окрестили циркулечком. И действительно, казалось, что длиннющие ноги его начинали расти чуть ли не из подмышек. Ходил он угонисто: как шаг — так полтора метра, еще шаг — еще полтора. Особенно же напоминал Березин циркуль, когда поворачивался вокруг на пятке одной ноги, чуть отставляя другую в сторону. Поворачивался он именно так. Ну как есть циркуль!

Говорил Березин громко, в разговоре широко и ярко жестикулировал. Так, наверное, разговаривали бы немые, вдруг научившиеся говорить. Поэтому его длинные руки вечно были в ссадинах и ушибах — в теснотище подводной лодки всегда что-нибудь не вовремя оказывалось под его размашистыми руками.

Должность старпома на корабле самая что ни на есть муторная и неблагодарная. Нет на корабле ничего, за что старпом не нес бы ответственность. Кто-то нарушил дисциплину — виноват старпом, беспорядок в отсеках — старпом недосмотрел, корпус грязный — плохо следит старпом, удалили с развода на вахту матроса — а куда смотрел старпом?.. Зато если корабль вышел в отличные — молодцы командир и замполит. А старпом вроде бы даже и ни при чем.

Поэтому все старпомы спят и видят себя командирами. А если кто-то из них надолго засиживается в старпомовской должности, то у него на всю жизнь портится характер — становится желчным, придирчивым и брюзгливым.

Березин же понимал шутку, сам любил и умел повеселиться, был всегда охоч принять участие в розыгрыше. Вот этим-то несоответствием должности и легкости характера был дорог морякам лодки Березин. Не сказать чтобы он отличался мягкостью. Нет. Он твердо придерживался принципа, что старпом на корабле — не приживалка в богатом доме, чтобы стараться всем угодить и понравиться. Был строг, не стеснялся прибегать к рекомендациям Дисциплинарного устава. Но делал это всегда разумно и, самое главное,

доброжелательно и с юмором. Он мог вспыхнуть, но сердиться долго не умел.

Увидев у окна пригорюнившихся старшин, он в несколько шагов перемахнул через весь кубрик, сгреб обоих длинными руками за плечи и басовито хохотнул:

— Что вы голову повесили, орелики? Радоваться должны — отслужили, домой к женам, матерям поедете, а у вас вид, как-будто на собственные похороны собрались...

— Да вот вспомнили сейчас годы службы, товарищ капитан третьего ранга, и вдруг жаль стало. И чего вроде бы хорошего в ней, в службе? Ведь не мед она, а такое ощущение, будто отрываешь от души что-то дорогое. Честное слово! — Киселев выпалил это одним духом и с такой искренней взволнованностью, что пришедший в кубрик вместе со старпомом командир группы движения инженер-лейтенант Казанцев от удивления остолбенел. Состояние его объяснялось просто: самого его служба тяготила и ничего хорошего о ней сказать он не мог. Не меньше его поразился и Березин, но по другой причине: Киселева он привык видеть немногоречивым и даже несколько угрюмоватым. А тут вдруг на тебе — ода службе!

— А вы бы и не отрывали. Ну, Ларина я понимаю: жена, сын ждут. Теща, небось, уже пироги печет. А куда вы-то с флота уходите? У вас же на всем белом свете ни родных, ни близких. Я не вижу логики в вашем поступке. Коммунист, специалист первого класса, будущий старшина команды. Да останетесь служить — вам цены нет! Пишите рапорт на сверхсрочную, и в темпе все оформим.

— Спасибо, товарищ капитан третьего ранга, но мы с Иванычем договорились ехать в Тюмень. Там сейчас такие великие дела начинаются...

— Ну, смотрите, Владимир Сергеевич, вам виднее. Но не совершите промашку. Думается мне, что флоту вы нужнее, чем нефтяникам. Там и без вас... — Березин вдруг замолчал. Старпомовским цепким взглядом он выудил кончики носков рабочих ботинок, припрятанных кем-то под одной из тумбочек, и рывкнул: — Дн-невальный-й-й!..

— Ес-с-ть, д-д-нев-вальный... — ответил осекающимся от страха голосом Федя и опрометью бросился к старпому.

— Эт-та что за кабак?!

Будь Федя не такой затурканный, он сразу понял бы, что ему ничего не грозит, что старпом совсем не сердится, что его просто забавляет Фебина паническая боязнь начальства и состояние полнейшего оглупления, в которое тот впадает из-за этой боязни.

Федя подлетел к старпому, поднес руку к бескозырке и проследил за гипнотизированным взглядом в направлении, куда тыкал своим длинным пальцем Березин. Со страха он не сразу понял, что за «кабак» имел в виду старпом, потом разглядел злополучные ботинки, и уши его запунцовели. Как же это он их проглядел? Ведь осматривал кубрик, весь глазами обшарил! Ах, чурбак с глазами!.. Ах!..

Пока Федя казнился, старпом достал из кармана огромную связку ключей, поперебирал их в пальцах, нашел нужный ключ и протянул связку Феде:

— Заберите этот кабак и отнесите ко мне в каюту. Вечером найдем хозяина.

— Есть забрать этот... эти ботинки и отнести к вам в... в кабак...

— Чего? Чего?

— К в-вам в к-каюту-у... — Краска с Фебиных ушей хлынула на щеки, лоб, в глазах его блеснули слезы. Старпом, а вслед за ним Казанцев и оба старшины закатились от смеха.

— Ну иди... Иди... — подтолкнул Федю Березин. От хохота его переломило пополам. — Ну и уморил Федя... Ну и уморил... Эт-то у меня-то кабак...

Федя действительно развеселил всех: Березин как раз славился на бригаде своей аккуратностью во всем, начиная от каллиграфического почерка и кончая обыкновением приходить на службу ровно за пятнадцать минут до подъема моряков — в 5.45 утра. Ежедневно, включая и воскресенья.

Насмевшись, Березин снова посерьезнел и попросил Киселева:

— Вы все-таки еще подумайте, Владимир Сергеевич, насчет сверхсрочной. Жизнь на «гражданке», говоря языком математики, для вас сплошная неопределенность. А останетесь на флоте — здесь все ясно. С жильем у нас сейчас стало полегче, комнату для вас найдем. Жену сами себе подыщите. И будем вместе пахать моря-океаны. Лады?

— Да я уже думал...

— А вы еще разок подумайте. — И, словно боясь, что Киселев прямо сейчас скажет категорическое «нет», Березин круто, на пятке, повернулся к нему спиной, уцепил за руку лейтенанта Казанцева,

подтащил его к одной из тумбочек, распахнул ее дверцу и, даже не заглянув внутрь нее, спросил:

— Вы видите этот кабак?

— Н-нет... Не вижу...

— Э-э, батенька мой, вы почти такой же жердяй, как я. Чтобы вам увидеть, надо наклониться.

Казанцев подогнул колени и чуть присел. В глаза Березину сразу же бросились его остро выпирающие из кителя лопатки и тоненькая, детская, с синими прожилочками шея. И почему-то появилось острое чувство жалости к этому бесприютному, задиристому лейтенантику.

— Да не книксен мне от вас нужен, Игорь Ильич. Не ленитесь наклониться. Не ленитесь... — Березин положил на хрупкий зашеек лейтенанта тяжелую руку и перегнул его пополам. В нос Казанцеву ударил тяжелый запах. Лицо его брезгливо сморщилось.

— Ну, теперь видите?

— Не только вижу...

— Обоняете? Это тоже полезно бывает... Вашего подчиненного тумбочка?

— Моего. — Лейтенант распрямился. В его тощей, длинной спине что-то хрустнуло. — Вот видите, товарищ капитан третьего ранга, травма при исполнении...

— Эта травма не от исполнения, а совсем наоборот — от неисполнения. Чаще надобно спину тренировать. Нагибаться и проверять, каким хламом обрастают ваши подчиненные. — Березин развернулся на каблуке и направился к выходу. Через плечо бросил: — Проверьте тумбочки всего экипажа. Лишнее отнесете в мой, как изволил остроумно выразиться Федор Мартынович Зайцев, кабак. Ясно?

— Так точно, ясно, — без малейших признаков энтузиазма, скучно повторил за старпомом Казанцев. — Только разрешите вопрос, товарищ капитан третьего ранга? Что же мне делать со спиной?

— Занимайтесь утренней гимнастикой.

— Я и занимаюсь. Потягиваюсь в койке, приседаю в галюне...

— Не помогает? — на полном серьезе спросил Березин.

— Нет... — растерялся Казанцев — он никак не ожидал от старпома такой реакции.

— Тогда добавьте к своему физкультурному комплексу еще и зевательные упражнения.

Когда старпом вышел из кубрика и Федя вслед ему молодым петушком профальцетил «Смирна!» — лейтенант пнул ногой дверцу тумбочки и плюхнулся на рядом стоящую койку.

— Видали флотскую романтику? — Он повернул злое, бледное лицо к старшинам. Те вмиг согнали со своих губ улыбки. — Муссоны... Пассаты... Стоило ли пять лет учиться на инженера, чтобы потом рыться в матросских тумбочках и выбрасывать из них вонючие носки? А, Ларин? Вы ведь тоже инженер. Ответьте...

Чувствовалось, что Ларина этот неожиданный вопрос застал врасплох. Он замялся:

— Как вам сказать... Станиславский вроде бы говорил, что театр начинается с вешалки. А наш старпом считает, что порядок на корабле начинается с порядка в матросской тумбочке. — Он на мгновение замолчал, а потом упрямо дополнил: — Думаю, что он прав.

— И вы, Брут? — слегка опешил Казанцев. — А впрочем, это и не удивительно. Вы же зампарторга. Вам, так сказать, по штату положено... быть оптимистом.

— Вы напрасно иронизируете, товарищ лейтенант. — Киселев неожиданно ожесточился. Скулы его, взгляд, плечи стали угловатыми, злыми. — Эта самая флотская служба мне, безотцовщине, мать, отца заменила, специальность дала, в партию привела. А возьмите того же Брынько. Кем он до службы был? Детдомовец, по карманам шарил, чуть в тюрьму не угодил. А сейчас лучший трюмный на бригаде, комсорг. Да разве мы с ним одни такие? Мы перед флотом, перед нашими командирами до гроба в долгу. А вы говорите, носки, тумбочки...

Казанцев переводил удивленный взгляд с одного старшины на другого, а когда Киселев кончил говорить, вдруг рассмеялся:

— Вот уж не думал, не гадал, что меня когда-нибудь будут воспитывать мои же подчиненные. Ей богу! Ну, там родители, учителя, наконец, командиры. А тут свой собственный старшина мозги вправляет... Ей-ей! — И Казанцев вновь залился смехом. Лицо его даже порозовело.

— А чего вы смеетесь, товарищ лейтенант, и удивляетесь? Я с вами одногодок, а Иваныч вообще старше вас на пять лет. Мы ведь тоже кое в чем разбираемся.

— Да я и не удивляюсь. Даже не обижаюсь. Просто я только сейчас понял, что до сих пор я на вас всех только смотрел, но не видел.

Непонятно? Разъясняю. Какой-то умный человек сказал, что смотрят лишь глазами, а видят и глазами, и умом, и сердцем. Вот теперь до меня дошла эта разница. Спасибо за науку. Учту на будущее. А сейчас пойду поразмышляю на досуге. — Он, посмеиваясь, тронулся было к выходу из кубрика.

— А как же тумбочки? — с ехидцей напомнил ему Ларин.

— Ах, да, совсем забыл. Еще одно спасибо.

Лейтенант, кряхтя и постанывая от ненависти к этому романтическому занятию, скрючился между койками. Вдруг он перестал издавать возмущенное фыркание, выпрямился во весь свой длинный рост, ухватил себя обеими руками за поясницу, поизгибался вперед-назад и сказал:

— Вот теперь я полностью солидарен со старпомом: не одному Киселеву, а вам обоим надо было бы остаться на сверхсрочную. На лодке вы были бы совершенно незаменимыми кадрами. Поверьте, я говорю серьезно.

Федя Зайцев, естественно, все слышал, и при последних словах лейтенанта у него даже зашлось сердце от сладкой надежды, что старшина первой статьи Киселев все-таки даст себя уговорить и останется служить на сверхсрочную.

Еще в учебном отряде слышался Федя много пугающего о «годках», то есть старослужащих матросах последнего года службы, что, случается, заставляют они делать за себя грязную и тяжелую работу.

Одним словом, Федя, еще и не увидавши этих самых «годков», уже натерпелся страха.

Однако на лодке все его страхи рассеялись: никто его не обижал, не трогал, не заставлял делать ничего лишнего. Даже наоборот. В первую же субботу во время большой приборки на лодке в тесный и грязный носовой трюм моторного отсека к Феде вдруг спустился его командир отделения Киселев.

— Вы чего, товарищ старшина? — смущенно спросил Федя. — Я чего-нибудь не так делаю?

— Нет, все так. Это я чтобы вам одному скучно не было, — пошутил старшина и улегся животом на ребристые маховики клапанов. В трюме работать можно было только лежа.

Уже потом до Феде дошло, что старшина, помогая ему, одновременно показывал, как удобнее и быстрее работать в этой

теснотище. Без старшины Федя не управился бы и до ужина.

Правда, однажды на камбузе береговой базы какой-то незнакомый рослый матрос врезал Феде по шее. Но врезал он в сердцах, и Федя не обиделся, понимая, что получил, в общем-то, по заслугам: он заторопился встать в строй и по своей неуправности в дверях налетел на этого самого матроса, а тот нес миску со щами. Словом, щи оказались на робе и на полу, а Федя получил вполне заслуженную затрещину. Но это был единичный эпизод.

В общем же, молодым помогали, учили, поддерживали. Больше и внимательнее всех занимался с Федей Киселев. Они вместе на животе ползали по магистралям, ужом пробирались в самые дальние и неудобные уголки и щели трюмов. И все это старшина делал лишь для того, чтобы показать Феде какой-нибудь клапан или пробку, чтобы Федя и глазами проследил, и руками прощупал, где что стоит и куда погибается та или иная труба. Старшина допекал Федю занятиями, сам сидел с ним по вечерам до отбоя, дотошно требовал от него знания на память всех систем, клапанов, приборов, трубопроводов, расположенных в моторном отсеке.

Поначалу Федя не находил ответа на вопрос: зачем все это нужно старшине, если он уже начал собирать чемодан к увольнению? Не все ли равно ему, хорошо или плохо будет служить Федя после того, как он сам уйдет с флота? Но вот как-то в море во время обеда с мостика дали команду приготовить правый дизель на зарядку аккумуляторной батареи. Федя заторопился и убежал в моторный отсек, оставив миску с кашей на коробке с предохранителями. Через несколько минут старпом по трансляции вызвал Киселева в центральный пост. Старшина вернулся расстроенный, в руках он держал злополучную миску. Федя был готов провалиться со срама. Малость выждав, пока старшина охолонет, Федя спросил его:

— А вас-то, товарищ старшина, старпом за что? Ведь это я виноват, я миску оставил.

— За то, что пока не научил вас быть подводником. Плохо учил.

И вот тогда-то Федя с пронзительной ясностью вдруг понял: ведь старшина — коммунист. Ему, сельскому парнишке, впервые в жизни пришла в голову мысль, что коммунист — это не просто человек, это очень хороший и безразличный человек. Вроде их старшины Киселева. Вот почему старшине было не все равно, как будет служить Федя. Федя сам ответил на свой вопрос.

И тогда же он влюбился в старшину. Еще в школе Федя до беспамятства полюбил курносую и рыжую одноклассницу Анюту Швецову. Безропотно выполняя каприз Анюты, он однажды лазал на высоченный тополь, в самое поднебесье за грачинными птенцами. И теперь скажи ему старшина: «Федя, бросься с борта лодки в ледяную воду» — и Федя с восторгом бросился бы. Вот такая вспыхнула у него любовь!

Утром, заступив дневальным по команде, Федя улучил минуту, когда Ларин куда-то вышел из кубрика, и подошел к старшине.

— Все-таки демобилизуетесь, товарищ старшина?

— Да, Федя. Поеду вместе с Иванычем на Тюменщину.

— А жалко... — На конопатом лице Зайцева застыло огорчение.

— Что жалко? — не понял его Киселев. Но, повнимательней приглядевшись к Феде и уловив его тоскливый взгляд, все понял. — Э-э, Федя-я... У нас в команде все ребята вон какие дружные. В обиду тебя не дадут.

— Я не об обиде... Все равно без вас будет не так.

— Это почему же? — Киселеву стало немного смешно, немного грустно, но, в общем-то, от Феде повеяло каким-то легким теплом, как от ласкового, чистого телка. Старшина скрыл улыбку.

— Вы не такой, как все. — Федя задумался, не зная как точнее выразить свою мысль, но ничего особо торжественного, приличествующего случаю и его мыслям не выискал и быстро закончил: — Вы лучше всех. — И улыбнулся такой светлой и широкой улыбкой, что казалось, улыбнулся он весь...

Сейчас, после слов лейтенанта Казанцева, в душе Феде вновь затеплилась надежда, что все-таки старшина Киселев останется на лодке.

* * *

Щукарев со всего маха трахнул дверью своего кабинета, с тонкой дощатой перегородки обвалился очередной кусок штукатурки. Стаскивая тесные, чтобы облегали руку, перчатки, Щукарев зло фыркал. Этот злосчастный день он запомнит надолго: с утра перевернутый гюйс, потом навал лодки, а только что сейчас он

вынужден был снять и наказать дежурного по бригаде. Хорошо, если до вечера его самого не снимут с должности...

Когда-то очень давно, в первые послевоенные годы, когда он был еще старпомом и, как всякий старпом, был постоянно до полного обалдения задерган лавиной ежедневной текучки и различных ценных, более ценных и еще более ценных указаний, он жил исступленной мечтой о том времени, когда сам станет командовать лодкой. И не потому, что командирское звание так уж заметно прибавляло что-то в его семейный бюджет. Совсем нет. Оно давало несравненно большее — новое качество, а с ним и командирские привилегии. Отныне и навсегда ему по утрам докладывали о состоянии вверенного ему (ему!) корабля, ему всеобязательно подавали команду «Смирно!» всякий раз, как он входил на борт или сходил с борта его (его!) корабля, его командирскую каюту на лодке или его место за столом в кают-компании никто и никогда не имел права занимать. Никто и никогда!

Все эти привилегии Щукарев выстрадал собственным горбом и потому считал их незыблемо неприкосновенными, святыми. И он без малейших колебаний снимал дежурного по бригаде, если ему, комбригу Щукареву, из-за прохлопа дежурного забывали подать команду, когда он появлялся на собственной бригаде. Снимал и при этом говорил:

— А если бы на моем месте оказался командующий флотом? Или, представьте себе, главком? — Каждый раз он повторял одно и то же и каждый раз внутренне содрогался: что, если бы это произошло на самом деле?!

Перчатки наконец сдернулись. Щукарев аккуратно сложил их вместе ладошка к ладошке и положил справа от себя на угол стола, освободив для них место от бумаг, расслабился и с легкой теперь уже досадой подумал: неужто вот этому капитан-лейтенанту Олялину, которого он только что снял с дежурства, не ясны все эти элементарные требования службы? Детский сад...

В дверь кабинета кто-то очень деликатно постучал, затем она приоткрылась, в щель всунулась голова капитана второго ранга Радько из отдела кадров флота, и, прежде чем самому проскользнуть в эту щель, Радько извиняющимся голосом просителя произнес:

— Прошу разрешения войти, Юрий Захарович.

Щукарева такими манерами не проведешь и не загипнотизируешь. Он с грохотом отшвырнул из-под себя стул и — весь сияние и радость — бросился навстречу нежеланному гостю.

— Что за китайские церемонии, Валентин Иванович! Проходите, ради бога! Вы же знаете, я человек простой. Мой кабинет — ваш кабинет!

В отделе кадров флота Радько курировал подводников. То есть над подводниками он был если и не бог, царь и воинский начальник, то фигура значительная. От того, как он доложит о тебе по начальству, тебя могли вознести, а могли и уронить. От того, когда он доложит, звание ты мог получить летом, а мог получить и зимой этого же года. А мог и вообще не получить в этом самом году. Так что с ним безопаснее всего было находиться в добрых отношениях. Но общаться с ним для Щукарева всегда было сущим мучением: никогда не знаешь, чего от него можно ждать. А Щукарев ребусов не любил.

Он помог Радько снять промокший плащ, заботливо распыл его на плечиках, трусцой подрулил к столу, выдвинул для гостя стул. И никак нельзя было подумать, что этого самого Валентина Ивановича комбриг не то что не любил — просто не уважал. Командиром лодки Радько когда-то был так себе, без перспектив. И потому-то, как считал Щукарев, Радько поторопился списаться с лодок, как только у него забарахлило зрение. Покомандовал лодкой он всего года полтора-два.

Сейчас Радько носил очки с очень толстыми стеклами, сквозь которые глаза его казались маленькими, сверлящими, злыми. Сам он об этом знал и никогда в присутствии посторонних очки не снимал. Без очков глаза его становились беспомощными, а лицо растерянно-добрым. Таким он не хотел показываться людям. По его глубокому убеждению, кадровик не имел права быть мягким. Самое большее, что он мог себе позволить, — это быть объективным, и справедливым.

Радько аккуратно присел на краешек стула, перегнулся, вдавил себе в живот сжатые кулаки, сморщил высохшее лицо, на котором щека ела щеку, и, просидев так минуту-другую, пожаловался:

— Опять язва разыгралась. Как непогода — так хоть на стенку лезь. — Лицо у Радько было язвенное — бледное с синевой, прямо подземельное какое-то.

Щукарев, зная пристрастие Радько к своим болячкам, не дал ему сесть на своего конька, и едва тот успел закрыть рот, как Щукарев подбросил «нержавеющую» тему о погоде. Это все-таки лучше, чем слушать о колитах и гастритах.

— Прямо-таки осатанела погода... У меня три лодки в пятьдесят седьмом полигоне на отработке задачи БП. Так не знаю, что и делать:

отзывать их в базу — жаль истраченного времени и моторесурса. Оттуда, сами помните, сколько до базы идти. Оставлять их там — все время душа не на месте...

— Да, да, — поддакнул Радько. — И у меня, как такая погода, язва покоя не дает... — И пошел, и пошел. Ровным, без интонаций и выражения голосом.

Щукарев с тяжелой тоской посмотрел на худющего, прозрачного, точь-в-точь камбала вяленая, кадровика и ласково спросил:

— Может, коньячку пять капель, Валентин Иванович? Говорят, язву успокаивает.

— Спасибо, Юрий Захарович. Я, как говорится, при исполнении. Потом не откажусь. А сначала дело.

— Я весь внимание, — насторожился Щукарев и подумал: «Уж не о моем ли звании?» И сердце его жалобно трепыхнулось в дурном предчувствии. — Я слушаю вас, Валентин Иванович.

В голосе комбрига промелькнули совсем не свойственные ему заискивающие, просящие нотки. Радько, естественно, заметил это. Он вообще был человеком наблюдательным, хорошим психологом. Словом, в кадрах он оказался на своем месте. Мимо его внимания не прошла подчеркнутая забота хозяина о его плаще, вовремя прямо под него подсунутый стул, робость, вдруг обуявшая Щукарева, всегда громкого и нахрапистого. «Об адмиральском звании забеспокоился», — про себя усмехнулся Радько.

Он хорошо помнил, как когда-то, когда он еще командовал лодкой, Щукарев наорал на него площадно при всех и обозвал раззявой за то, что он сделал что-то не так при швартовке. Помнил и решил сейчас малость поиграть на щукаревских нервах, потянуть немного, не сразу выкладывая цель своего приезда.

— Интересные явления происходят с кадрами. Мы у себя как-то проанализировали общеобразовательный уровень старшин и матросов сейчас и десять лет назад. Перемены просто разительные. Нынче уже до сорока процентов моряков имеют среднее или среднетехническое образование. Остальные — восемь-девять классов. И вот с ростом общеобразовательного и культурного уровня моряков особую роль, актуальность приобретает педагогическое мастерство командиров, знание ими основ педагогики, психологии. Работать с людьми, с одной стороны, стало вроде как проще, так как они легче и быстрее усваивают преподаваемую им сумму знаний, лучше разбираются в том, чему их

учат. А с другой стороны, труднее. — Радько нудил, нудил, а сам зорко приглядывался к Щукареву. — Диапазон их мышления стал много шире, жизненные запросы многогранней, характеры сложнее. И теперь для них важно не только то, что сказал их командир, но и как сказал. Если за его словами они не почувствуют силу личного примера, глубокой убежденности в том, что он им внушает, то все его самые хорошие и правильные слова превратятся в пустой звук, мыльный пузырь, способный лишь вызвать у них усмешку и чувство внутренней неудовлетворенности.

Щукарев делал вид, что внимательнейше и с интересом слушает, в то время как пальцы его правой руки выколачивали по крышке письменного стола громкую нервную дробь. Раскидистые брови его стягивались к переносице.

Щукарев заводился. Радько это понял и сразу же прекратил игру.

— Я это к чему, Юрий Семенович... — Он не удержался и еще разок ужалил Щукарева: умышленно спутал его отчество и не поправился. Щукарев стерпел и это. — К тому, что подобрать сейчас офицера на должность командира подводной лодки становится все сложнее и сложнее. Прибавился еще и такой критерий, как наличие у него определенных педагогических данных.

— А короче можно? — не выдержал, сорвался Щукарев.

— Можно, — Радько откровенно рассмеялся. — Извините великодушно, Юрий Захарович, за то, что утомил вас. Приступаю к делу. Четыре дня назад Валерию Васильевичу, я имею в виду Николаева, вашего начальника штаба, сделали в госпитале операцию. Его разрезали, посмотрели и вновь зашили. Сплошные метастазы. Он не жилец, сами понимаете. Эрго: вам нужен новый начальник штаба.

— А чего тут думать? Логинов, — с готовностью выпалил Щукарев. — Опыт командования лодкой большой, академию закончил. И вообще, он уже полгода как за Николаева управляет. Так что другой кандидатуры не вижу.

— Вот и мы у себя в кадрах флота посоветовались и тоже пришли к такому же мнению. Итак, Логинов. А на его место кого?

Конечно же, Щукарев знал, что у кадровиков их соединения есть план перемещения, знал, что в этом плане первым на замещение должности командира подводной лодки значится Березин, знал, что с этим планом хорошо знаком Радько. Все знал, но с ответом не торопился. Он тихо надеялся: а вдруг флотское начальство предложит

кого-нибудь другого? Однако чуда не произошло. Радько, так и не дождавшись ответа комбрига, предложил Березина сам. Щукарев грузно поднялся из-за стола, молча прошелся по кабинету, остановился у карты морского театра, поскреб что-то на ней ногтем и, не оборачиваясь к Радько, спросил:

— А нельзя ли его, Валентин Иванович, куда-нибудь в науку? А? Там бы он ой как пригодился! А на место Логинова я подобрал бы человека потрезвей мозгами... Мало ли у нас еще старпомов хороших имеется?

На лице Радько застыло недоумение, даже глаза его за тяжелыми стеклами очков обрели округлость — так озадачил его своим ответом Щукарев.

— Простите, Юрий Захарович, я что-то, видимо, недопонимаю... Но вы же сами аттестовали Березина на должность командира корабля... Причем дали ему блестящую характеристику.

— А что тут понимать? — Щукарев резко развернулся и такой всесокрушающей глыбиной двинулся на Радько. Тому даже стало чуть-чуть жутковато от такого злого напора. — Березин закончил командирские классы, закончил академию, служит исправно. Что я ему должен писать? Что он в командиры не годится? Никто меня не поймет. А он мне во! — Щукарев яростно полосанул ребром ладони по горлу, а потом ткнул себя кулаком в живот. — И во! В печенках сидит! И это он пока еще в старпомах ходит! А что будет, когда командиром станет?

Недоумение так и не покинуло лица Радько.

— Простите, но я пока так и не понял: чем же он плох? С кем бы я ни говорил, все его хвалят на все лады. Толковый... Скромный... Умный... Знающий...

— А-а-а... умный. Знаешь, как в Одессе говорят? «Это ты в Москве умный, а у нас, в Одессе, ты еле-еле дурак». Фантазер он, а не умный. Все с какими-то причудами, блажью. — В запале Щукарев и не заметил, как перешел с Радько на «ты». — Знаешь, чего мне стоит этот академик? Вот пример. В прошлом году осенью Логинов в отпуске был, лодкой за него командовал твой Березин. Я его обеспечивал в море. Стреляли по крейсеру. Командир крейсера малость хлопнул и по дурости поставил ним борт. Чего лучшего-то ждать? «Стреляй», — говорю, а Березин мне отвечает: «Товарищ комбриг, это нетипично...» Тоже мне, нетипично. На войне все типично. Пришлось приказать. Стрельнул, все торпеды всадил в цель. Пять баллов! Радоваться должен

был бы, а он мне месяца три на каждом совещании плешь переедал, все доказывал, что эта оценка незаслуженная. Договорился, что-де, мол, он не хочет строить свое показное благополучие на чужих ошибках. Ну, пришлось ему указать на место. Так знаешь, что он мне заявил? — Щукарев так надавил на слово «мне», что Радько невольно улыбнулся, краешком памяти, мимолетно вспомнил: «Мы, Николай второй!». — Знаешь? «Не согнете. Я за карьеру, но за карьеру с прямым позвоночником». Понял? Вот тебе и весь Березин в этом. Умный человек своему комбригу так не ответит.

Знал бы Щукарев, что каждым своим словом он укрепляет Радько в его решении назначить вместо Логинова командиром лодки строптивца Березина... А это было именно так. Во-первых, Радько импонировала независимость и человеческая нестандартность Березина. Он всегда инстинктивно тянулся к людям рисковым, напористым, вольнодумным. Им он внутренне завидовал, даже по-своему как бы преклонялся перед ними.

До поры до времени Радько не замечал своей заурядности, был вполне доволен собой. Однако, дожив до сорока лет, он, как это часто происходит с людьми интеллигентными и духовно честными, сумел критически посмотреть на самого себя и понять, что природа создала его человеком, что называется, среднеарифметическим. Со школьной скамьи учеба ему давалась легко, но он ни разу не блеснул своими знаниями. Его не отталкивали женщины, но и не увлекались им, ни разу не опалили его жаром страсти. Его не раз включали в сборные команды по боксу, баскетболу, лыжам, но если он заболел, то его совершенно безболезненно заменяли другим. И этого никто не замечал. Дослужившись до командира лодки, он все делал, как и остальные командиры, не хуже, но и не лучше. И поэтому, когда он ушел в отдел кадров флота, в бригаде не опечалились потерей.

Когда в нем наступило прозрение, он не озлобился, не завял душой. Наоборот, став кадровиком, Радько, найдя людей думающих, ярких, гордых, старался помочь им, отметить их.

Ну а во-вторых, сколько лет Радько знал Щукарева, столько лет и недолюбливал его. В сложном спектре человеческих характеров они были антиподами. И поэтому он не без легкого злорадства подсунул Щукареву этакого ежа, сообщив ему, что отдел кадров флота решил учесть великолепную аттестацию, которую тот дал Березину, и назначить капитана третьего ранга Березина Геннадия Васильевича

командиром подводной лодки С-274. Щукарев сокрушенно помотал головой:

— Ну и ну... Унтер-офицерская вдова сама себя высекла... Написал на свою шею. — Он хотел было рассказать о сегодняшнем случае с гуйсом, в котором винил одного Березина, но потом подумал, что негоже ему, комбригу, опускаться до таких мелочей. — И ничего нельзя изменить, Валентин Иванович?

— Ничего. Правда, Березин должен пройти еще один экзамен.

— Какой? — встрепнулся обнадеженно Щукарев.

— Завтра логиновская лодка уходит на отработку преодоления противолодочного рубежа. Мы предложили тут одну идею. Ее поддержал и Георгий Сергеевич.

— А это кто такой? — спросил Щукарев. Он не любил идей, спущенных сверху.

Радько удивленно поднял брови, вслед за ними на лоб начали вскарабкиваться и очки.

— Как это кто такой? Начальник штаба флота.

— Так бы и сказал — начштаба флота... А то Георгий Сергеевич! Тоже мне, приятель. Мне положено знать начальство по званию и по фамилии. — Неподдельное удивление Радько задело Щукарева, и он зло подумал: «Ишь ты, щелкопер. «Георгий Сергеевич»...» А вслух буркнул: — Что за идея?

Радько достал из папки конверт и передал его Щукареву.

— Я пойду в море на двести семьдесят четвертой в роли посредника от штаба флота. В конверте вводная. — Он помолчал, подождав, пока Щукарев ознакомится с документом. — Как только лодка придет в исходную точку, я по вводной «убиваю» Логинова — и в командование лодкой вступает Березин. Он и будет преодолевать противолодочный рубеж. Это станет для него своеобразным экзаменом на командирскую зрелость. Тут мы и посмотрим, что из него выйдет.

Щукарев расхохотался:

— Он вам покажет экзамен... О-хо-о-о-хо! Такие пируэты начнет выписывать — зайкой станешь. Поверьте моим словам! Он же шалый.

— Ну, если надумает чудить, то никогда не поздно отменить вводную, и Логинов снова вступит в свои командирские права. Вдвоем уж как-нибудь с одним Березиным справимся. Но проверить его в сложном деле надо. Только после этого можно принимать окончательное решение.

— Смотрите, Валентин Иванович, сами, как оно лучше. Начальству с горы всегда виднее. Вы до завтра у нас останетесь или к себе отправитесь?

— Что я буду туда-сюда мотаться? Переночую у вас в гостинице.

— Ну, ну... — Щукарев пожал радьковскую руку и остался стоять у стола, до двери провожать не пошел: не велика птица... И про коньяк тоже напоминать не стал.

Как только за Радько закрылась дверь, он снял телефонную трубку, приказал дежурному по бригаде разыскать Логинова и немедленно прислать к нему. Срочно!

Да, задал задачу товарищ Радько! Правда, такой экзамен для Березина, с одной стороны, хорошо. Комбриг противолодочников Голубев — мужик хваткий, на мякине его не проведешь и просто так через его рубеж в бухту Багрентовую не прорвешься. Для этого одних теорий статистических решений и методов моделирования случайных величин (тьфу, черт, запомнится же такой бред!) маловато. Надобно опыт иметь соответствующий, хорошо знать нашу земную технику, а не эти эмпиреи. Значит, «академик», возможно, сломает себе шею и с назначением можно будет малость погодить, а там чуть попозже сплавить его на новостроящуюся лодку... Вот так-то.

Это с одной стороны. А с другой — вдруг чего-нибудь этот самый «академик» напортачит? Правда, на лодке фактически командиром останется Логинов, он не допустит до греха, но... Но и он в последнее время что-то чересчур уж стал увлекаться экспериментами: то с сумасшедшими дифферентами плавает под водой, чуть ли не на попа становится, то проводит какие-то дурацкие опыты с отрицательной плавучестью. И на него перекинулась бацилла новаторства от этого чертового «академика»...

И что-то вдруг заняло сердце Щукарева в недобром предчувствии, в самые тайные глубины души проникло черное, щемящее беспокойство. «Нет, — твердо решил Щукарев, — сам пойду в море обеспечивающим. Так будет спокойней...» От принятого решения боль, причиняемая занозой, стала полегче.

Постучавшись, в кабинет вошел Логинов. Щукарев взглянул на его отутюженные до остроты бритвы брюки, сияющие ботинки, затем посмотрел на свои, заляпанные грязью, и спросил:

— Ты ко мне сейчас откуда?

— С лодки.

— Тогда поделись секретом: как ты умудряешься в эту грязь и слякоть ходить, не вывозив ног? Летаешь ты, что ли?

— Никакого секрета нет, Юрий Захарович. Я просто, когда прихожу в казарму, первым делом иду к дежурному и привожу себя в порядок.

— Десять раз в день туда-сюда ходишь и десять раз чистишься?

— Десять раз чищусь.

— А на лодке как? Ведь туда ты тоже по грязи идешь.

— И на лодке тоже чищусь. У нас в ограждении рубки специально ящик со щетками, бархоткой, гуталином стоит. В лодку с грязными ногами не пускаем.

— И давно это ты завел?

— Да вот уже года два, с тех пор как у нас тут все перекопали, грязь развели.

— А чего же я у тебя этих порядков не видел?

— Не будешь же комбрига заставлять чистить обувь, прежде чем в лодку пустить. Поэтому вы и не замечали.

— Да-а-а... Это, часом, уж не «академика» ли твоего нововведение?

— Нет, Юрий Захарович, он тут ни при чем. — И Логинов улыбнулся, подумав, что, скажи он «да» — и комбриг тут же сказал бы: «Вот видишь, до чего все эти дурацкие эмпирии доводят...»

Это словечко полюбили Щукареву, он его то ли где-то услышал, то ли вычитал, но что оно обозначало, точно не знал. Однако в памяти его оно запало как обозначающее что-то заумное и пустое.

— Я вот чего пригласил тебя, Николай Филиппович. Завтра у нас торжественный подъем флага, надо, чтобы увольняющиеся в запас моряки последний раз поприсутствовали на нем, простились с лодками. Не будем нарушать традиции. Да ты чего стоишь? Садись. Так вот, завтра после подъема флага твоя лодка пойдет на совместные учения с ОВРом. Корабли противолодочников будут перекрывать вход в Багреновскую бухту, а ваша задача — прорвать рубеж, пройти в нее и заминировать Порт-Счастливый. Ну, это у нас есть в месячном плане, и ты все знаешь. Но дело не только в этом. — Щукарев наклонился над столом, утопил свое лицо в ладонищах, потер ими лицо несколько раз вверх-вниз, будто снимая с него усталость, и вновь уперся взглядом в Логинова. — Ну, вот что, я выдам тебе сейчас служебную тайну, а ты, сам понимаешь, никому ни гугу... Понял?

Логинов молча пожал плечами: сами, мол, знаете, могила...

— С тобой на лодке посредником пойдет Радько. Из отдела кадров флота. В исходной точке он вручит тебе вводную, по которой ты будешь «убит», а лодкой командовать в дальнейшем будет Березин. Ты понял?

— Понять-то я понял, но не ясно одно: зачем это нужно?

— Затем, что есть мысль назначить тебя начальником штаба нашей бригады. А Березин, естественно, планируется на твое место.

— А как же Валерий Васильевич?

— Что Валерий Васильевич? Он уже, к сожалению, не жилец, проложил курс в кущи небесные.

Помолчали.

— Вот ведь ходит-бродит человек, здоровый, никаких тебе хвороб, болячек, и вдруг — раз! И конец! — Щукарев сокрушенно помотал головой. — В госпиталь-то когда ложился, зашел ко мне и говорит: «Это, Юрий Захарович, так, пустяки. Через пару недель выпишусь...» Вот тебе и выписался.

— Да, жалко человека. Хороший мужик был, добрый...

Щукарев хмыкнул:

— Ты это как, из приличия? О покойниках не принято говорить плохо?

— Нет, почему же, я искренне.

— А ты забыл, как он тебе в прошлом году нафитилял?

— Так это же за дело. Я сам и виноват. За что же тут обижаться?

— Ну-ну, всепрощенец. Обо мне так не сказал бы небось.

— Юрий Захарович...

— Ладно, стоп моторы. Давай поговорим о деле. На чем я остановился? Ах, да, значит, на выполнение задачи вам отводится трое суток. Капитана первого ранга Голубева, командира ОВРа, ты знаешь, противник он серьезный. Командиры кораблей у него тоже ребята опытные. И погода противолодочникам благоприятствует: ночью ветер круто перейдет на зюйд-вест, скорость снизится до трех — пяти метров в секунду. Одним словом, утихнет. За десять дней шторм перемесил всю воду до дна, так что рассчитывать на жидкий грунт, под слоем которого вы сможете укрыться от их гидроакустиков, не приходится. Такая вот обстановка. Хреновая. — Щукарев решительно хлопнул мясистой ладонью по столешнице, видно, принял окончательное решение. — Точно! Иду с тобой в море.

— А сто́ит ли? — спросил Щукарева Логинов внешне как будто спокойно, незаинтересованно, а у самого от неожиданного поворота перехватило дыхание. На душе у него сразу стало сумрачно, тревожно. Он мгновенно представил себе гам и нервотрепку в центральном посту лодки, когда столкнутся там — а столкнутся они всенепременно — Щукарев и Березин. — Нужно ли это, Юрий Захарович?

— Обязательно нужно, Коля. Обстановка будет сложная, и твой шалый «академик» требует глаза и глаза! А ты ему в последнее время потакаешь. И не возражай! Все знаю! Себе шею свернете — черт с вами. Но ведь еще сколько душ с собой на дно унесете! И мою тоже. Я-то ведь из-за вас, как пить дать, за решетку попаду.

Логинов понимал, что в море комбриг будет нещадно «пасти» Березина, одергивать его на каждом шагу, и Березин может сорваться. И тогда... Что будет тогда, Логинов даже боялся себе представить. Надо было что-то предпринимать, но что...

Зазвонил телефон. Щукарев снял трубку с рычагов, отработанным щеголеватым движением подбросил в воздух, перехватил так, чтобы удобнее было держать ее у уха, и пробасил:

— Щукарев у аппарата. — Вдруг лицо его посерьезнело, приняло торжественно-официальное выражение. — Слушаю вас, товарищ адмирал. Да. Да. Так точно, товарищ адмирал. Есть, товарищ адмирал. Есть... Счастливого вам пути, товарищ адмирал. — Аккуратно опустив трубку, Щукарев задумался, пожевал губами, покачал головой: — Да-а... Новая вводная... Все ломается...

— Что, выход в море отменяется?

— Да нет, выход не отменяется. Я не смогу с тобой пойти. — Щукарев искренне был огорчен, а у Логинова свалилось с души, и он испугался, как бы это чувство великого облегчения не прорвалось в его голосе, во взгляде. Это было бы не по-товарищески по отношению к Щукареву.

— Что-нибудь случилось?

— Адмирала в Москву вызвали. Рано утром с замкомандующего флотом улетает. А меня он за себя оставил. Вот такая петрушка получается. — Щукарев встал и подошел к Логинову. Тот тоже поднялся, подобрался. — Я тебя прошу, Николай Филиппович, не подведи меня, не рискуй без надобности. Ну, не прорвете рубеж, черт с ним. Не теряй головы. А начнет «академик» что-нибудь отчебучивать — пресекай и вступай сам в командование. Будь благоразумным. Добро?

— Добро, Юрий Захарович.
— Слово даешь?
— Даю!
— Помни, я тебе приказываю: никакого излишнего риска. Ни-ка-ко-го! Понял?
— Так точно, понял, — Логинов вытянулся по стойке «смирно».

* * *

Синоптики на этот раз не ошиблись: буйный метельный ветер ночью стих, зашел на юго-запад, и теперь, по-весеннему горький и тревожный, он нес с собой из-за сопки запах талого снега и терпкий аромат хвои. Солнце сияло вовсю. Но гладкое, без единого облачка небо еще не прогрелось, оно оставалось холодновато-синим, каким оно бывает в средней полосе в погожие дни конца октября.

Над бухтой, точно радуясь возвращению тепла, весело гомонили чайки. Покружившись над серой гладью воды, они одна за другой через крыло сваливались вниз и садились на огромные металлические плавающие бочки, к которым швартовались корабли. Чайки деловито усаживались на них и щедро поливали их пометом. Поэтому бочки, когда-то выкрашенные в красное, теперь уже потеряли свой первородный цвет, покрылись немыслимыми потеками и казалось, что на каждую из них просто-напросто неаккуратно выплеснули по несколько ведер грязных белил.

Ожили и люди. По деревянным трапам, стекавшим от береговой базы к причалу, суетились, бегали веселые моряки. Не такие, как в предыдущие дни, — нахохлившиеся и угрюмые.

Через несколько минут подъем флага. Сегодня он торжественный: подводники провожают своих товарищей, отслуживших срочную службу, в запас.

— Командам построиться к торжественному подъему флага! — на всю бесконечную длину причала разнесся усиленный динамиком голос дежурного по соединению. Под матросскими ботинками гулко загромыхал металл корпусов подводных лодок. Строились на кормовых надстройках, на той части верхней палубы лодки, которая начинается от рубки и заканчивается флагштоком. Здесь палуба чуть пошире, чем в носу.

Увольняемых в запас по традиции поставили на правый фланг строя. Сегодня они в последний раз пришли на подъем военно-морского флага. В последний раз... А ведь был и первый. Был, очень давно. Четыре года своей жизни, сил, умения они отдали флоту, отдали честно, не щадя себя, безоглядно. И потому они по праву стоят сегодня правофланговыми, направляющими в строю своих товарищей.

На пирсе перед С-274 маятником туда-сюда рысит дежурный по лодке штурман Хохлов. Обрадовавшись ясному дню, он не разобрался, выскочил на пирс в одном кителе и теперь прозяб до синевы. Но уйти одеться потеплее не может — вот-вот должен появиться командир. По палубе лодки перед самым строем, погромыхая сорок шестым размером ботинок, прохаживается Березин. Остановившись напротив Киселева, он спросил:

— Ну и как?

— Никак, товарищ капитан третьего ранга.

— А жаль.

Старпом еще несколько мгновений постоял перед старшиной, о чем-то поразмыслил и пошел дальше. Боцман Силыч ткнул Киселева локтем в бок и тихонько спросил:

— Ты о чем это так содержательно со старпомом потолковал?

— Да так, о смысле жизни...

— Ты, Володя, не темни, меня, старого хоря, не проведешь. На сверхсрочную небось агитирует остаться?

— Ну...

— Что это за «ну»? Не запряг, а уже нукаешь. Агитирует — и правильно делает. «Ну»... Чего ты за Иванычем тянешься? У него уже дом, семья есть. А тебя кто и где ждет? Чего молчишь? Я тебя спрашиваю. — У мичмана Ястребова лицо изборождено глубокими морщинами, а громоздкий обвислый нос как бы вырезан из пористой губки фиолетового цвета, которой моют детишек. Говорят такие носы бывают только у людей здорово пьющих. Но это неправда, Силыч не пьет даже те «наркомовские», которые выдают подводникам в походе перед обедом. Беда с носом у него от какой-то непонятной болезни.

Киселев ничего не ответил.

Силыч не обиделся, он собрался с мыслями и повел атаку с другой стороны.

— Ты, Володька, знаешь, что ваш мичман Оленин лежит в госпитале и что его собираются списывать на берег?

— Ну.

— Что ты заладил: ну да ну?! Кого старшиной команды мотористов ставить? Варяга искать? (Киселев опять промолчал.) Совесть в тебе не бунтует? Где ты человеком стал? На нашей лодке. Где из тебя специалиста первого класса сделали? На нашей лодке. Кто тебя в партию рекомендовал и принимал? Опять же мы, на нашей лодке. Стало быть, для тебя нигде никого роднее нас не должно быть. А ты что? Бежишь. Дезертир ты. Вот тебе моя аттестация.

— Да разве на целину или в Тюмень уехать — это дезертирство? Там же холод, морозы, ни жилья, ничего!

— Для лодки ты все равно дезертир, — упрямо повторил боцман.

Хоть и препирались они шепотом, но в строю к ним внимательно прислушивались, и командир электромеханической боевой части инженер-капитан третьего ранга Егоров хотел было выступить на стороне боцмана, но в это время на пирсе прозвучала команда «Смирно». Все замерли и подтянулись. Штурман большими пальцами обеих рук разогнал складки на кителе под ремнем и, печатая каждый шаг, чуть красуясь собой, поплыл навстречу командиру.

— Тов-варищ командир! — Хохлов сделал глубокий вдох и начал перечислять, сколько на лодке сейчас находится торпед, топлива, пресной воды, какая плотность электролита аккумуляторных батарей и прочее, прочее, прочее... — Подводная лодка готова к походу и погружению! Дежурный по кораблю капитан-лейтенант Хохлов... Вольно! — продублировал он командира и пожал протянутую ему руку.

Утренний церемониал продолжался. Только командир поставил ногу на сходню, как «Смир-р-рна!» гаркнул старпом. Командир приложил руку к козырьку фуражки, прошел четким строевым шагом до середины строя, повернулся направо, щегольски прищелкнул каблуками, провел взглядом по лицам от фланга до фланга и, видимо оставшись довольным, улыбнулся и поздоровался:

— Здравствуйте, товарищи подводники!

— Здрав-жела-товарищ-капитан-второго-ранга! — дружно пролаял строй.

— Вольно!

Ритуал встречи командира корабля повторяется каждое утро. Повторяется и соблюдается неукоснительно в любую погоду — в пургу ли, в ливень, в стужу. Когда более торжественно, когда менее, но непременно каждое утро за пять минут до подъема флага. И в этом

скрыт глубочайший смысл: такое повторяющееся изо дня в день, из года в год торжественно-строгое начало рабочего дня как бы подчеркивает всю важность, значимость того, чем будут заняты моряки сегодня, придает праздничную окраску их труду, дисциплинирует. И сплачивает экипаж: и командир, и офицеры, и старшины, и матросы — все они с раннего утра вместе и вместе же будут делать одно общее дело.

С мостика крикнул сигнальщик:

— Товарищ капитан третьего ранга, «исполнительный» до места!

Это означало, что на фалах мачты плавбазы «Вычегда» поднят до верха бело-красный флаг, носящий наименование «исполнительный», и что до подъема флага осталась ровно одна минута. На подводных лодках, привалившихся боками к пирсам и причалу, разногласно запели команду:

— На-а флаг и гюйс, смирна-а!

И началась та самая минута гулко-го молчания, которая открывает сегодняшний трудовой день. В эту минуту на флоте каменно замирают все. А Ларину с пронзительной ясностью вспомнился тот день, когда он впервые вступил на борт лодки. Нет, даже не когда вступил — этого момента он не помнил, а когда впервые поднялся на мостик, опасливо заглянул через верхний рубочный люк в чрево лодки, увидел где-то далеко внизу оранжевый кружок света, две обрывающиеся вниз отполированные руками полосы поручней трапа — и внутри него все заглохло от страха и тревожной смятенной мысли о том что все равно спускаться придется. И еще запомнил, как тоже в первые дни пребывания на лодке он, подойдя к трапу в центральном посту, выглянул снизу вверх и днем увидел на небе звезды. Точь-в-точь как из глубокого колодца. Может, тогда это ему и показалось, но сегодня он точно помнил, что видел их. Ведь прощаться с прошлым всегда щемяще-горько.

— «Исполнительный» долой!

На плавбазе флаг быстро пополз вниз. По лодкам рассыпалось дробной скороговоркой:

— Флаг и гюйс поднять!

И тут же на «Вычегде» молодым кочетом залился горн: та-та-ра-та та-та! Та-та ра-та та-та-та! Голубой влажный ветер затрепыхался в складках флагов и гюйсов.

— Во-ольно-о-о... — как вздох облегчения пронеслось над гаванью.

Логинов отошел к середине строя, задумавшись, взглянул на заснеженные макушки скал острова, что лежал на противоположной стороне бухты и сейчас торчал над головами его моряков, окинул взглядом подтянутых, одетых в «первый срок» — в парадно-выходную форму — Ларина и Киселева и вздохнул.

— Ну, что ж, друзья, сегодня мы прощаемся с нашими боевыми товарищами и сослуживцами старшинами первой статьи Лариным и Киселевым. Я не сказал бы, что меня лично, да и, смею думать, весь наш экипаж, это прощание очень радовало. Это и естественно — мы провожаем в запас великолепных специалистов, надежных и верных товарищей, коммунистов. А расставание с хорошими людьми всегда невесело. Нам их долго еще будет не хватать. Я, как командир корабля, должен сказать, что в море, когда вахту несли Ларин или Киселев, моя душа была всегда спокойна, я знал, что уж они-то не подведут. Почти четыре года мы прослужили вместе на одном корабле. Старший помощник, штурман, инженер-механик, боцман, мичман Оленин, мы помним их еще совсем молодыми матросами, помним их первые робкие шаги на корабле. Всякое за эти годы бывало — и хорошее, и такое, о чем не хотелось бы вспоминать. — Командир посмотрел на Киселева, и оба улыбнулись: когда-то попервоначально и за Киселевым водились грешки. — Но сейчас я должен сказать, что все эти годы нелегкую флотскую службу оба вы несли с честью, достоинством, старанием и большой любовью. За что от всех нас вам огромное спасибо. — Логинов подошел к старшинам, крепко, в две руки, пожал их руки и расцеловал. — Конечно, мы очень хотели бы, чтобы вы оба остались продолжать службу с нами, но... У вас свои планы, да и народному хозяйству тоже нужны крепкие и умелые люди. Счастливого вам обоим плавания в новом для вас и большом жизненном море. Уверен, что вы с честью пронесете через всю свою жизнь звание моряка-подводника. Старпом, зачитайте приказ!

Березин развернул кожаную папку и обвел взглядом строй. Он был на голову выше всех, кроме Казанцева, и потому видел сверху всю вторую шеренгу. От его цепкого взгляда не ускользнуло, что матрос Шварев пытается скрыться за спины впереди стоящих моряков. Березин чуть вытянул шею и увидел, что тот надел бушлат без галстука, и не удержался даже в такой торжественный момент. Он шагнул прямо

вплотную к строю, поманил длиннющим пальцем Шварева и, когда тот приблизил свою голову к голове согнувшегося старпома, громко, так, что слышали все стоящие рядом, шепнул ему:

— Подойдете к боцману и попросите, чтобы он нашел вам сегодня работу погрознее. Ясно?

— Ясно, товарищ капитан третьего ранга, — таким же громким шепотом ответил Шварев.

— Знаете, за что?

— Подозреваю.

— Вот и хорошо.

Старпом шагнул назад и скомандовал:

— Смир-рна! Слушай приказ командира войсковой части о поощрении старшин...

В будке на пирсе, возле которой стоял верхний вахтенный, зазвонил телефон. Вахтенный снял трубку, послушал, ответил «есть», подошел к лодке и негромко окликнул командира:

— Вас к телефону...

Логинов тронул старпома за рукав: продолжайте, мол, читать, — и, стараясь не громыхать по палубе, сошел на пирс. Из будки донесся его голос: «Есть, товарищ комбриг... Есть... Сейчас буду...» Он дождался, пока старпом дочитал приказ, и позвал его:

— Геннадий Васильевич, готовьте лодку к походу. Меня вызывает комбриг.

— Есть, товарищ командир. — И гаркнул: — По местам стоять, лодку к бою и походу изготовить! — От полноты чувств он рубанул в воздухе рукой, трахнулся ею о леерную стойку, взвыл, выругался и широко зашагал вслед за всеми к ограждению рубки.

Там по узенькому трапу все они поднимаются на мостик и ловкими ящерками юркнут в провал верхнего рубочного люка, окунутся в тепло и привычные лодочные запахи. А внизу, в прочном корпусе, уже тревожно и отрывисто рвут в ключья тишину колокола громкого боя, по корабельной трансляции гремят команды, по переговорным трубам перекатываются доклады, из отсека в отсек снуют люди. В лодке стоит шум, гам, ералаш. «...Механизмы вскрыть, осмотреть, проверить вручную... Включить батарейные автоматы... Проверка сигнализации и аварийного освещения...» Бьют по ушам звонки, квакают ревуны, шипит воздух высокого давления...

Но проходит какое-то время, и все это светопредставление начинает утомляться, в лодке все помаленьку успокаивается, затихает. Замолкли вентиляторы, отгрохотали прогретые дизеля, отданы все команды, прекратились доклады. Больше не о чем докладывать, и лодку вновь спеленала тишина. Сейчас лодка была готова выйти в море, погружаться, воевать. Оказывается, весь этот громкий сумбур был подчинен строгому порядку и железной логике целесообразности.

В ожидании команды на выход моряки высыпали на причал перекурить. Командир все еще не возвращался. Моряки отогревались под ярким, но пока еще не прокалившимся солнцем, блаженно жмурились. Березина обступили наиболее любопытные:

— Куда идем, надолго ли, зачем?

— Придет командир — и все станет точно известно, — отвечал Геннадий Васильевич.

— А к субботе вернемся? — это кто-то назначил на субботу свидание с девушкой. В городке их маловато, но все же есть.

— Если ничего не изменится, то должны вернуться. Будем работать с ОВРом.

Начавшие уже прощаться с друзьями Ларин и Киселев услышали последние слова старпома, насторожились. Ларин подозревал друга.

— Отойдем на минутку. Ты слышал, что сказал старпом?

— Ну...

— С ОВРом работать будут. Как же без меня-то? Им ведь акустик хороший нужен, а Золотов пока еще меня заменить не сможет. Не потянет...

Киселев хмыкнул:

— А без меня как? Ведь мичман наш в госпитале. — И вроде как огорчился. — Значит, чемоданы распаковывать?

— Так на три дня всего-то, Володь!

— А ты меня не уговаривай. Я уже давно уговоренный. Куда же я без тебя денусь?

И оба счастливо рассмеялись.

— Только вот разрешит ли командир? Может, он чего-нибудь нарушит, если возьмет нас с собой в море. Ведь приказ-то о нашем увольнении уже был.

— Попросим, — пожал плечами Ларин. — А вот и командир.

По громко повизгивающему деревянному трапу от штаба быстро спускался Логинов. Вслед за ним поспешали Радько и заместитель

командира бригады по политической части капитан второго ранга Золотухин. Оба были в канадках, зимних шапках, с чемоданчиками. По их виду можно было понять, что они намереваются идти с лодкой в море. Замполит логиновской лодки сдавал экзамены в академию, и Золотухин решил подменить его в море. Да и надоело ему сидеть на берегу.

— Смотри-ка, Иваныч, начальство с нами в море идет. Значит, будет дело.

— Это худо, при замкомбриге командир нас может и не взять.

Логинов подошел к курящим, завернул рукав плаща и взглянул на часы.

— У нас есть еще несколько минут, и я вкратце введу вас в курс дела. Сейчас мы выходим в море, будем преодолевать противолодочный рубеж. Далее мы произведем минные постановки у Порт-Счастливого и возвращаемся. Срок на все это — трое суток. Задача перед всеми нами стоит чрезвычайно сложная, и каждый из вас должен отнестись к решению ее с чувством максимальной ответственности. С нами в море пойдут представитель штаба флота капитан второго ранга Радько и замкомбрига. Думаю, что его представлять вам нет нужды. — Логинов помолчал, видимо вспоминая, что еще следовало бы сказать, решил, что сказано все, и спросил: — У кого есть вопросы?

Киселев хотел было спросить насчет них, но Ларин дернул его за рукав бушлата:

— Не надо. Спросим, когда останется один.

Логинов окинул взглядом экипаж, поймал несколько спокойных, не замутненных тревогой взглядов, будто и не ставил он им только что серьезнейшей задачи, и потеплел голосом:

— Ну, спасибо вам всем, товарищи... Геннадий Васильевич, у меня к вам несколько вопросов.

Березин в два шага одолел разделяющие их три метра и согнулся над Логиновым:

— Слушаю вас, товарищ командир.

Логинов взял его под руку, отвел чуть в сторонку, обернулся ко все еще стоявшим в ожидании его приказа морякам:

— Вы пока покурите. — И спросил старпома: — У вас все варианты просчитаны?

— Да вроде бы все. Еще с прошлого учения. А почему вас это интересует, если не секрет?

— Сдается мне, что в этот раз будет не совсем так, как всегда. Недаром Радько с нами в море идет. Так что продумайте все еще раз, и самым внимательнейшим образом. Буквально каждую мелочь.

— Есть, товарищ командир. Только вот одно меня беспокоит...

— Что именно?

— Да что без Ларина идем. Сейчас он просто незаменим. Золотов хороший акустик, но ему пока до Ларина далеко. И без Киселева тоже трудно придется. Оленина-то нет...

— Я тоже об этом думал. Но... — Логинов развел руками. — Задерживать их мы не имеем никакого права.

— А что, если они сами захотят?

— Как же захотят, если уже неделю на чемоданах сидят? Они мыслями давно дома.

— Ну, а если их попросить?

— Попробуйте... А впрочем, не надо. Это будет бестактным с нашей стороны: мы пока еще их командиры и любая наша просьба для них приказание. Они, конечно, не откажут нам, но... Лучше не надо.

Они оба повернулись в сторону к курящим морякам и сразу же встретились с устремленными на них напряженными взглядами Ларина и Киселева. Те, на что-то решившись, переглянулись и бросились к офицерам.

— Товарищ командир, разрешите обратиться? — Ларин запыхался, будто пробежал стометровку. — Товарищ командир, разрешите нам пойти с вами в море? В последний раз... Вам акустик нужен и моторист.

Старшины стояли, не опуская рук от бескозырок.

Командир и старпом переглянулись, и Березин радостным голосом гаркнул на весь причал:

— По местам стоять, со швартовых сниматься! — Он облапил обоих старшин, слегка потряс их и, развернув лицом к лодке, скомандовал: — Ну, сыпьте, орелики!

Старшины опрометью бросились к сходне.

— Да-а, выручили. — Логинов был откровенно растроган. — Честное слово, никак не ожидал!

В сторонке одиноко, не спуская глаз с командира и старпома, ожидая чего-то, переминался с ноги на ногу инженер-лейтенант Казанцев.

— А вас, что, команда не касается? — Лицо старпома посуровело.

— Я к командиру.

— Нашли время, — недовольно буркнул Березин и направился на лодку.

— Я вас слушаю, Казанцев.

— Разрешите отдать вам рапорт?

Лейтенант протянул сложенный пополам листок бумаги. В выражении его лица, в голосе, во взгляде его было столько совсем не свойственной Казанцеву жесткой решимости, что Логинов забрал у него бумагу и тут же начал ее читать. Он пробежал ее раз, другой, и с лица его сбегало выражение внутренней радости, до сих пор светившееся на нем. Он поднял недоуменный взгляд на Казанцева, смерил снизу вверх, а потом сверху вниз его нескладную, худющую фигуру и с насмешкой спросил:

— Это плод зрелых раздумий или вас кто-нибудь обидел и вы надули губы?

— Товарищ командир, — в голосе Казанцева металлом прозвучала нотка непреклонности, — это серьезно.

— Серьезные вопросы, Казанцев, вот так, на бегу, не решаются. В море у нас будет время, поговорим. А сейчас идите на лодку. Кстати, — остановил он по-журавлиному задравшего ногу Казанцева, — на будущее имейте в виду, что вас никто не мобилизовывал и никто демобилизовывать не будет. Сейчас не военное время. Если вы и уйдете с флота, то вас уволят в запас, а не демобилизуют. Запомните это, пожалуйста.

Когда командир взошел на борт лодки, Березин скомандовал:

— Убрать трап! Отдать носовой! — И крикнул в провал рубочного люка: — Правый малый вперед, левый малый назад!

— Есть правый малый вперед, левый малый назад, — отрепетовали команду из боевой рубки.

Корпус лодки мелко затрясся, за кормой вспухли пенные буруны, кормовой швартовый конец напрягся до звона, нос лодки начал отходить от пирса.

А на макушке сопки, у здания штаба бригады, стоял комбриг Щукарев и негромко, только для внутреннего потребления, поминал жвако-галс, кливер-шкоты и еще что-то, совсем уж не флотское: опять Логинов передоверил съемку со швартовых своему «академику». Мало того, что передоверил, но и самого-то его не видать на мостике! А сейчас прилив, лодку течением может занести... Во! Во! Во! Сейчас

врежется как раз в борт соседней лодки! А-а, чер-рт!!! Мало ему, что ли, было перевернутого гюйса?!

Пока комбриг переживал, двести семьдесят четвертая вполне благополучно снялась со швартовых и погнала тупым форштевнем веселый бурун, направляясь к выходу из гавани. Начались первые из трех суток, отпущенных для выполнения задания.

* * *

Далеко за кормой осталась цепочка бонового заграждения, скрылся за отрогами сопки городок, и лишь торчит из-за скалы верхушка железной трубы городской котельной. Вокруг разлился кристальной синевы воздух. Дышится легко, студено, и это будоражит, волнует.

Залив петляет между сопками. Они стоят насупившись, еще не очнувшиеся после долгой непогодицы. С них медленно сползает жидкое снежное кружево, запутавшееся в корявой зеленой поросли. В обращенных на север распадках снег слежался и утрамбовался до ледяной твердости.

Дремотную неподвижность залива нарушают лишь лодка, медленно лавирующая между островами, да вскарабкавшийся на самую макушку высоченной крутой сопки радиолокатор. Ажурная чаша его антенны неторопливо вращается, обстоятельно обшаривая заоблачные дали.

Лодка прошла поворотный буй. Поворотный — это значит, что за ним лодке необходимо поворачивать на норд и выходить на фарватер, ведущий в океан.

— Лево на борт!

Теперь Березин прочно уселся на крыше ограждения рубки, свесил вниз длинные ноги. С крыши лучше видно, что делается вокруг. Логинов тоже на мостике, он спокойно покуривает под козырьком рубки.

Силыч переложил штурвал вертикального руля и доложил:

— Руль лево на борту. Циркуляция влево. На румбе триста десять градусов... Триста градусов... Двести девяносто...

— Одерживайте, боцман! Старпом, пройдите, пожалуйста, по отсекам и проверьте готовность лодки. И еще разок просмотрите свои

расчеты. — Березин ловко соскользнул с крыши рубки прямо на трап, вертикально падающий в распахнутый зев рубочного люка.

Началась походная жизнь. На этот раз короткая, всего лишь на три дня, но от того не менее хлопотная и трудная. Ведь океан — это всегда опасность. Подстерегает она моряков и в шторм, и в туман, и ночью, и днем, вблизи от берегов и вдали от них.

А у подводников на глубинах еще и стискивает прочный корпус жуткое давление воды, стискивает порой так, что становится слышно, как натужно потрескивает, постанывает металл. И не выдержи он, дай течь — преградой бешенству воды сможет послужить только лишь мужество и стойкость людей.

Когда-то в старинном русском морском уставе было записано: «Собери умы свои и направи в путь. Горе, когда для домашних печалей ум мореходу вспять зрит». В нынешних уставах такого нет. За ненадобностью. Когда уж тут «зрит вспять», если не всегда и поспать-то удастся? Вахты... Занятия... Учения... Сутки на боевом корабле в море спрессованы до плотности атомного ядра.

Командир продолжал молча покуривать, спокойно и будто расслабленно, отключившись от всего, что происходило на мостике и на лодке вообще. Но это была лишь видимость спокойствия.

Пока ты просто офицер лодки, будь ты командиром группы, боевой части или даже старшим помощником командира, уходишь в море — и тебя все-таки больше беспокоят дела земные: семья, что-то оставленное недоделанным, невыполненным. Но как только ты становишься командиром, человеком, на плечах которого лежит вся полнота ответственности за корабль, за жизнь целого экипажа, человеком, который в море один отвечает за все и за всех и который никогда не имеет права на растерянность или сомнение в правоте своих действий, ибо он единолично принимает окончательное решение, так с первой же минуты похода, с команды «отдать швартовые», ты полностью отключаешься ото всех земных забот. Тебя всего целиком поглощает, затапливает уже начавшаяся походная жизнь и все, что связано только с морем.

Вот и сейчас в голове Логинова, точно кадры в фильме, мелькали мысли: «А это проверено? А это готово? А это? А это?» Он отвечал себе: «Да, готово, проверено. Да. Да. Да». Отвечал и чувствовал, как помаленьку сваливается с души гнет тревоги.

Радько и Золотухин, стоявшие здесь же на мостике, понимали состояние командира и деликатно помалкивали, чтобы не мешать ему. Золотухин пришел на бригаду месяц с небольшим назад, после окончания военно-политической академии. Судьба оказалась к нему милостивой: в неполные тридцать два года Золотухин уже был капитаном второго ранга и замкомбрига. Карьера, в хорошем понимании этого слова, прямо скажем, неплохая. Но именно это обстоятельство и настораживало Щукарева, который твердо считал, что Золотухин неприлично молод для этой должности. Ему бы на лодках еще пяток лет погорбатиться следовало, а он, видишь ты, успел уже академию закончить и в начальстве ходит. Щукарев был уверен, что у Золотухина есть где-то сверху рука. Таких «инвалидов» с третьей рукой комбриг, сам никогда не имевший покровителей, терпеть не мог, но вместе с тем побаивался — от них можно ожидать всякого свинства.

Карьера же Золотухина зависела вовсе не от милостей судьбы, и тем более уж не от «руки». Просто он обладал редким даром работы с людьми, был честным и добросовестным. К тому же он не растерял еще умения удивляться и увлекаться. А эти качества всегда привлекали людей. Привлекли они и на этот раз: несмотря на короткий срок Золотухина уже успели полюбить на бригаде все. Кроме Щукарева. Комбриг пока настороженно и даже неприязненно изучал своего зама.

Логинов поднес к глазам бинокль и начал внимательно приглядываться к чему-то, пока еще неразличимому невооруженным глазом. Он смотрел минуту-другую, затем опустил бинокль и искоса взглянул на вахтенного офицера старшего лейтенанта Лобзева. Маленький, суетливый Лобзев, словно шарик ртути, катался поперек мостика от борта к борту. Он то вспархивал на металлическую подножку, приваренную к борту ограждения рубки, быстренько озирался туда-сюда, то прыгивал, перекатывался на другой борт, взлетал на подножку там, опять крутил головой, то вскарабкивался на крышу рубки, туда, где в специальном гнезде сидел сигнальщик, и опять глазами шасть-шасть по сторонам. Ни мгновения в спокойствии, все в прыткой суете. Торопыга...

— Справа десять на горизонте торговое судно, — доложил сверху сигнальщик.

— Есть! — в один голос ответили командир и Лобзев.

— Поздно заметили судно, Самохвалов. — Голос Логинова был ровен, спокоен, но сказано это было так жестко, с таким предгрозовым

спокойствием, что даже Радько и Золотухин невольно подтянулись и переглянулись, точно проверяя друг друга: а не провинились ли и они в чем-нибудь? — Я наблюдаю за ним уже несколько минут. А вы находитесь выше меня. Вячеслав Станиславович, — подозвал Логинов Лобзева. Тот мгновенно подкатился к командиру и впился в него широко распахнутыми серыми глазами, всем своим видом показывая, что он весь внимание и сплошная исполнительность. Тихо, так, чтобы не услышал сигнальщик, но от этого не менее внушительно Логинов сказал: — Я вами недоволен, Вячеслав Станиславович, вы слишком много суетитесь и поэтому невнимательны.

— Есть, товарищ командир. Понял, товарищ командир... Вы имеете в виду судно? Простите, товарищ командир, но у нас для того и стоит вахтенный сигнальщик, чтобы вовремя замечать изменение обстановки...

— Ничего-то вы не поняли, Лобзев. Вы, вахтенный офицер, первые глаза на корабле и первый ум. Именно на вас лежит вся ответственность за безопасность плавания корабля. Случись что, вы тоже будете оправдываться: сигнальщик, мол, проглядел? А?

— Никак нет, товарищ командир, не буду! Учту!

— К сожалению, это уже не первый случай. Ваша беспечность несовместима со службой вахтенного офицера. Вы меня поняли?

Лобзев сразу потерял подвижность. Голос его потускнел.

— Есть, товарищ командир... Учту...

— Хотелось бы верить.

Когда Лобзев отошел и вновь взгромоздился на подножку, командир пригласил Радько и Золотухина вниз, в кают-компанию.

— Познакомлю вас сейчас с одним разочаровавшимся в службе лейтенантом. Просит, чтобы дал добро на увольнение в запас.

— Это кто же такой? Я его знаю? — спросил Золотухин.

— Вряд ли, Сергей Михайлович. Он у нас недавно. Инженер-лейтенант Казанцев, командир группы движения. Перед самым выходом в море подал мне рапорт: учитывая, мол, что сейчас наше правительство производит сокращение Вооруженных Сил и что Родине нужны специалисты в народном хозяйстве, считаю своим патриотическим долгом отдать все свои знания и пока еще не растраченные силы освоению новых районов нашей страны. И так далее, и тому подобное... Прямо трибун, а не движок.

— Он, к сожалению, не одинок, Николай Филиппович. Прямо какое-то поветрие пошло... У нас через отдел кадров таких вот Казанцевых немало проходит.

— А чему вы удивляетесь? — Золотухин понизил голос, но все равно чувствовалось, что он волнуется. — Вы разве не обратили внимания в последние несколько лет на тон нашей печати по поводу военных пенсионеров? То стишки какие-то гаденькие появляются, то оскорбительные карикатуры в «Крокодиле». Вроде той, где пенсионеры «забавляются» якобы тем, что в узел рельсы завязывают. Вот и создается у наших читателей искаженное, неправильное общественное мнение об офицерах. Я помню, когда поступал в училище, у нас конкурс был чуть ли не пятнадцать человек на место, а теперь в училища через военкомат призывают. Так какой же из него будет офицер, если его насильно в училище тянут? Добавьте к тому неустроенность молодых офицеров, отсутствие возможности жить вместе с молодой женой, потому что нет жилья; в каютах на береговой базе холодно, бесприютно. Вот и появляются такие, с позволения сказать, «патриоты» вроде вашего этого лейтенанта.

Чувствовалось, что Золотухин выплеснул из души давно наболевшее, тысячу раз передуманное и выстраданное.

Когда они все трое спустились вниз, Радько спросил Логинова:

— Вы не боитесь, что Лобзев остался на мостике один?

— Нет, он теперь неделю землю носом рыть будет. А потом снова забудет. Что делать, такой уж он человек. Командира из него, конечно же, никогда не получится. Вот его я с удовольствием отдал бы в народное хозяйство...

— А что-то я не вижу вашего старпома. Может, его следовало бы сейчас оставить на мостике?

Радько, сам когда-то командовавший лодкой, никак не мог взять в толк, как это можно оставить на мостике полноправным хозяином старшего лейтенанта, только что так провинившегося. И он искренне беспокоился, потому что все, что случится с лодкой, случится и с ним.

А зачем ему это?

— Да вы не беспокойтесь, Валентин Иванович, сейчас светло, обстановка спокойная, Лобзев справится. А старпом занят. Вы же знаете, какая сложная задача стоит перед нами. Вот он и обсчитывает варианты, исходя из состояния моря, гидрологии. Одним словом, готовит мне исходные данные. Так что оснований для беспокойства нет.

Логинов понимал тревогу и удивление Радько. Вместе с тем он был уверен, что тот наверняка поделится этими чувствами с комбригом, когда они вернутся в базу. И будет ему, Логинову, от Щукарева очередная вздрючка. Радько пожал плечами, хмыкнул и спросил:

— И часто вы так м-м... экспериментируете?..

От прямого ответа Логинов уклонился.

— Видите ли, Валентин Иванович, ни старпом, ни я не двужильные. Хорошо, мы сейчас на трое суток вышли. А если бы на месяц-другой? Представляете себе, каково торчать месяцами на мостике или в центральном посту, не уходя оттуда? И потом вспомните, в Корабельном уставе обязанности командира еле уместились на двадцати четырех страницах. В море с меня их никто не снимает. Даже наоборот.

А в это же самое время инженер-лейтенант Казанцев в теплом и тихом электромоторном отсеке экзаменовал своего подчиненного матроса Федю Зайцева. Лейтенант вальяжно развалился в складном ковровом стуле, между его длинными, тощими, точно жерди, вытянутыми ногами прямо на палубе была расстелена нарисованная Федей схема корабельной топливной системы. Зайцев же съежился в комочек на крышке металлического ящика с инструментом.

Казанцев с лютой тоской во взоре глядел на Федю и вытягивал из него слова.

Оба мучились.

У лейтенанта снежно-белые, красивые, но редкие зубы (флагмех назвал их как-то фильтрами грубой очистки), и поэтому между ними всегда что-нибудь застревало. Казанцев же только что «нырнул» в рундук вестового офицерской кают-компания и прямо от батона откусил ароматнейшей сырокопченой «Московской» колбасы, которую старые подводники с ненавистью (попробуй-ка в море поешь ее четыре раза в день!) прозвали «пожуй и передай товарищу». Казанцеву она пока еще не опостылела, и вот сейчас он расплачивался за это, с трудом выковыривая остатки колбасы из своих «фильтров». Это весьма раздражало.

Кроме того, Зайцев, правильно по памяти нарисовав схему топливной системы, никак не мог по ней рассказать, какие клапаны надо открыть и какие закрыть для того, чтобы поставить на расход топливную цистерну номер семь. Это уже бесило.

Федя же все отлично вызубрил, разбуди — расскажет и покажет, но своего лейтенанта он боялся до полной потери памяти и сейчас никак не мог собрать разбежавшиеся в панике мысли.

Нудным, скрипучим голосом лейтенант зудел:

— И что же ты, бармалей с балалайкой, такой беспонятный? Что ты мне голову морочишь? А? Ведь все, сен-симон ты этакий, изобразил правильно... Знаешь ведь, матрешкин сын, а голову мне морочишь... Зачем? Почему? Вот ведь вопрос...

Федя, виновато и жалостно глядя Казанцеву в рот, мямлил:

— Давайте я вам, товарищ лейтенант... в отсеке... все открою... и закрою... Товарищ лейтенант... я умею...

Казанцев вспомнил, как сейчас в моторном отсеке шумно и холодно, вздрогнул всем своим тощим телом и поморщился:

— Мне от тебя, флибустьера с кисточкой, нужно, чтобы ты мыслить научился. Понял? Мыслить! Открыть и закрыть и медведя научить можно. А ты, насколько я вижу, гомо сапиенс. Ты понял меня, луи арагон?

Зайцев покивал головой: понял, мол, понял, только отвяжитесь...

По трансляции передали команду: «Второй боевой смене приготовиться на вахту». Казанцев, не скрывая радости, облегченно вздохнул.

— Иди, санкюлот, учись дальше. Повезло тебе: мне на вахту заступать. Хорошо хоть, ты один у меня такой... — Казанцев подумал какой и разъяснил: — Из красного дерева. Твердый, в смысле. Еще бы мне парочку таких жанов вальжанов — и в петлю лезь. Позови-ка мне старшину Киселева.

Федя радостно вскинул руку к непокрытой голове, мигом развернулся и пулей вылетел из отсека. Тут же в отсек вошел Киселев.

— Слушайте, Киселев, мне вас ругать вроде бы и нельзя, вы уже демобилизованный... То бишь уволенный в запас. В общем, вольный казак. Но скажите мне по совести: вы этого птеродактиля чему-нибудь учили?

— Почему птеродактиля? Федор очень толковый и добросовестный паренек. Просто он панически боится вас. Вы же его ни разу ни по фамилии, ни по имени не назвали. Его только при упоминании о вас уже начинает трясти.

— Так я же это не со зла, шутя.

— Это вы так считаете — шутя. А он скромный деревенский мальчишка. Между прочим, он один во всем районе получил золотую медаль. Мог бы без экзаменов в любой институт поступить, а он добровольно на флот пошел. Характер строить, как он сам говорит.

— Да я... — Казанцев в растерянности даже не знал, что сказать. — Да я...

«Лейтенанта Казанцева командир приглашает в офицерскую кают-компанию», — прогремело из динамика.

— Побегу! — с заметным облегчением бросил лейтенант и подхватился из отсека. Слава богу, оправдываться перед Киселевым не придется.

Казанцев пробежал грохочущий, наполненный сквозняками дизельный отсек, отдраил переборку четвертого, и в лицо ему пахнуло теплом и сытными ароматами камбуза. В центральном посту было холодно, строго и буднично. Через верхний рубочный люк доносился гул моря. Лодку начинало раскачивать, близился шторм. Казанцев, сложившись пополам, протиснулся еще через один круглый переборочный люк и окунулся в тепло и покой второго отсека.

Он называется аккумуляторным, потому что под настилом его стоит аккумуляторная батарея. А также офицерским: в отсеке расположена офицерская кают-компания, каюта командира, а вдоль бортов отсека за плюшевыми занавесками подвешены в два яруса друг над другом мягкие диваны, на которых, если удастся урвать от дел часик-другой, спят офицеры. Каюта есть только у командира да еще у замполита. Не каюта, а так, нечто вроде деревянной ширмы без дверей. Изнутри на стенах этой ширмы угнездились множество полок и полочек с литературой для проведения политических занятий, папок с вырезками из газет и журналов, с соcobязательствами, с планами, методическими разработками и прочей документацией, определяющей и регламентирующей духовную и общественно-политическую жизнь экипажа.

В глаза Казанцева, едва он просунул голову за комингс переборочного люка, бросился не у места поставленный обрез с водой и брошенная возле него на линолеум ветошь. Старшина отсека электрик старший матрос Яшин — его подчиненный, и поэтому Казанцев ну никак не мог не отреагировать на такое безобразие. Казанцев страсть как любил командовать.

— Яшин!

— Есть, товарищ лейтенант. — Откуда-то из-за плюшевых занавесок угрем выскользнул щуплый и юркий Яшин.

— Эт-та что за кабак? — пророкотал Казанцев, даже интонациями голоса стараясь подражать старпому. — Я тебе, па-де-де с тросточкой, сколько раз говорил, чтобы ты все убирал за собой своевременно? А-а?!

— Товарищ лейтенант, это я с содой протирал корпус батарейного автомата. Еще не кончил... Сейчас кончу и уберу... — Вид у Казанцева был действительно грозный, да и появился он не ко времени: Яшин за занавеской на койке штурмана надумал побоковать и сейчас лежа решал кроссворд в «Огоньке». Поэтому он растерялся и неподдельно струхнул.

— Эшь ты... — Опять промелькнуло что-то старпомовское. — Тоже мне, ки-ли-ман-джа-ра...

Казанцев нагнал страху и, довольный собой, отдернул занавеску в кают-компанию. Отдернул и в замешательстве остановился: он готовился к разговору с командиром, пока шел сюда через отсеки, набрался решимости и упрямства, а здесь, оказывается, сидели еще замкомбрига и вовсе незнакомый капитан второго ранга. Да. Три кавторанга на одного лейтенанта... Не очень то поупираешься, рога враз обломают. Казанцев внутренне подобрался, чувствуя, как что-то в нем натянулось и тоненько задрожало.

— Товарищ командир, лейтенант Казанцев прибыл по вашему приказанию.

И вдруг Золотухин, едва лейтенант закончил доклад, громко, на весь отсек, сказал Казанцеву:

— Ну-ка ты, колоратура с зонтиком, проходи, садись!

Казанцеву в лицо плеснуло жаром. Он какое-то время простоял окаменев, не понимая, шутят с ним или все это всерьез и как на это реагировать.

— Чего колом торчишь, мадагаскар бесхвостый?

Позорище! Ведь все это слышит Яшин! И Казанцев обиделся, даже мелко затряслись губы, вот-вот расплечется.

— У м-меня, т-товарищ кап-питан второго ранга, есть з-звание и фамилия...

— Да ну? — вроде бы удивился Золотухин. — Ишь ты, и звание, значит, есть, и фамилия... Ну и удивил, барсук с ходулями.

Казанцев насупился, на его глазах действительно выступили слезы.

— Обиделись, лейтенант, на меня? Вижу, что обиделись. И правильно сделали. — Золотухин встал, подошел к Казанцеву, снизу вверх заглянул ему в повлажневшие глаза, на совсем по-детски надутые губы и, улыбнувшись, опять громко, на весь отсек, четко произнес: — Простите, пожалуйста, товарищ лейтенант, за мое хамство. — И вновь взглянул в сразу же просветлевшее лицо Казанцева. — Ну, теперь вы удовлетворены?

Казанцев потряс головой:

— Да...

Золотухин снизил голос почти до шепота:

— А теперь последуйте моему примеру и извинитесь перед Яшиным. Но сделайте это так, чтобы слышали и мы. Хорошо? Идите.

Казанцев побагровел. Ноги будто приросли к палубе.

— Идите, идите. Это не просьба, а приказание.

Когда лейтенант, круто развернувшись, вылетел из кают-компания, все трое переглянулись и заулыбались, а Золотухин прошептал:

— Совсем пацан еще.

Из отсека донесся громкий голос Казанцева — он извинялся, повторяя слово в слово Золотухина. Он закончил, и тут же забубнил виноватый говорок Яшина. Похоже, что теперь извинялся или оправдывался матрос. Только было непонятно, за что. Видимо, от неожиданности, с испуга.

Казанцев вернулся и хмуро доложил Золотухину, что выполнил его приказание.

— Слышал. Все слышали, — поправился Золотухин. — Присаживайтесь, разговор долгий будет. Так вы просите, чтобы вас уволили в запас, хотите применить свои знания в народном хозяйстве? Так вас надо понимать?

— Так.

— Теперь объясните, почему вы не хотите служить.

— Я этого не писал и не говорил. Может быть, я и хочу служить, но... Как бы это вам сказать... Я исхожу из принципа максимальной целесообразности: хочу быть там, где я нужней. Наше правительство производит сокращение Вооруженных Сил, значит, оно знает, где люди сейчас нужнее для мирного труда. Вот я и хочу быть среди тех, кто в нашей стране нужнее.

— Долг военного человека служить там, куда послала его Родина, а не там, где ему больше нравится, — вмешался Логинов.

— Согласен с вами, товарищ командир. Я потому и прошу меня демобили... Простите, уволить в запас, чтобы не быть военным человеком и получить право распоряжаться собой так, как я сам этого хочу.

— Вот, вот, вот... — уцепился Золотухин за последнее слово Казанцева. — Вот здесь-то собака и зарыта, Игорь Ильич. Именно в «хочу» и «не хочу»! Все соображения высшего порядка, о которых вы только что так красноречиво ораторствовали, — это всего лишь маскировка. И не больше. Корень же вопроса заключается в том, что вы не хотите служить. И не пытайтесь убеждать нас всех в обратном.

Казанцев исподлобья обвел взглядом командира, Золотухина, Радько, подумал и решился, как в прорубь прыгнул.

— Ну, допустим, это действительно так. Не хочу! Зачем же меня держать? Ведь раз я не хочу, то теперь неизвестно, чего от меня на флоте больше — пользы или вреда. Отпустите меня. Пусть служат те, кому хочется, кому это в радость. А потом, раз идет сокращение, то все равно кого-то и с лодок надо увольнять. Так увольте вместе с другими и меня...

— Нет, дорогой товарищ Казанцев. Подводников это сокращение не касается. Наоборот, сейчас в стране началось строительство атомных подводных лодок, и нужны люди для их укомплектования. Поверьте мне, кадровику.

Через Радько прошел уже ряд таких лейтенантов и старших лейтенантов, разочаровавшихся в службе. Одни, хлебнув сполна подводнического лиха, просто почувствовали свою слабость, не выдержали бессонных ночей, напряжения вахт, ответственности, да и просто неустроенности жизни подводников в море. Других сломала необходимость каждодневного общения с подчиненными и работы с ними. Это только на первый взгляд кажется все легко и просто: построил, скомандовал — налево или направо — и все пошли дружно и в ногу. Нет, у этих восемнадцатилетних что ни парень, то характер. В одном только похожи — все ершистые.

У третьих розовые мечты о пассатах и прочих кокосовых пальмах оказались задавленными неукоснительностью распорядка дня, скучными инструкциями и наставлениями, а в море — кругом только вода, удручающе много воды, и никакой тебе экзотики. И они, эти третьи, потеряли вкус к флотской жизни. Четвертые... Пятые... Десятые...

Хоть и мало таких, но есть, — у которых остыло сердце к службе.

Благо, если молодой офицер за этой каждодневной и земной прозой видел высокую цель, перспективу, тогда он служил легко и ровно. Иначе наступало разочарование, неудовлетворенность, срывы и в конечном итоге рождались вот такие рапорты, который сейчас лежал перед Логиновым.

— Атомные лодки... — Казанцев вдруг потерял свою напористость. — Вы, товарищ капитан второго ранга, хотите убедить меня в необходимости и важности нашей службы. Что-то не верю я в эту необходимость. И потом, я вообще не могу спокойно смотреть на свою службу. Хоть зажмурься и не открывай глаза. Все равно ничего не изменится: каждый день одно и то же, одно и то же. Я жизнь каждую пятницу на неделю вперед планирую: знаю, кто, что и когда на следующей неделе делать будет. И ведь всегда будет так. Только с разницей в том, что сейчас я планирую за свою группу, а потом буду расписывать заранее жизнь боевой части, корабля, бригады и так далее. А в общем это все одно и то же, только масштабы разные. И всю жизнь в субботу большая приборка, с утра в понедельник политзанятия, в среду — плановая учеба... Вы возьмите нашего мичмана Ястребова, боцмана. Он тридцать лет служит и все тридцать лет одними и теми же конспектами пользуется, что еще в молодости, в первые годы службы написал. Так он их наизусть вызубрил. Попросите его — и он вам с любой по заказу строки на память шпарить будет. — Казанцев перевел дух. — Товарищ командир, разрешите задать вам вопрос?

— Пожалуйста.

— Я вас очень уважаю, вы умный, по-настоящему интеллигентный человек. Это не только мое мнение. Так считают многие. Скажите, неужто вас никогда от такой жизни тоска не брала?

— Нет, Казанцев, никогда. Вот вы говорите: каждый день одно и то же. А что одно и то же? Боевая подготовка? Позвольте с вами не согласиться. Ведь она каждый день наполнена новым содержанием. Сначала мы обучаем наших подчиненных первичным навыкам в овладении техникой, затем постепенно совершенствуем их знания и умение и, наконец, доводим их до мастерства. Так я говорю, Игорь Ильич? Правильно?

— Ну, в общем-то, наверное, правильно.

— Вот это и есть наша с вами каждодневная черная работа — научить людей воевать. Но ваша беда, а моя вина, что вы за этой

повседневщиной не видите или не хотите видеть конечного результата нашего с вами труда. Ответьте мне на вопрос: уверены ли вы в том, что нас не вынудят воевать?

— Да нет, не уверен. Даже наоборот... Ну, а если будет война, — спохватился Казанцев, — тогда другое дело. Все будем воевать, и не хуже других.

— Хм, — усмехнулся Золотухин. — То, что вы говорите, товарищ Казанцев, носит вполне определенное и точное название: нравственное иждивенчество. Завтра, послезавтра, через пять лет, если потребует Родина, я буду совершать подвиги, жизнь за нее отдам. Но это через пять лет. А сегодня, позвольте, я поживу налегке, не утруждая себя ни физически, ни нравственно. Извините меня за прямоту, но это психология потребленца, она безнравственна.

Казанцев хотел было что-то возразить, но, видимо, все же решил, что промолчать будет полезней.

— Вот вы говорите, что будете воевать, — продолжил свою мысль Логинов. — Да, будете. Но чем и на чем? Надо полагать, предпочтете делать это на новой технике? Но ей, этой самой технике, мы уже сейчас должны обучать и обучаем наших подчиненных. Это и есть наша с вами работа.. Вы когда-нибудь слышали о таком великом голландском художнике Ван-Гоге? Слышали? При жизни он не продал ни одной своей картины, жил в нужде, в голоде. Он умер, не познав пьянящей сладости славы. Как видите, конечный результат дела, его венец не всегда приходит при жизни его творца. А вам прямо сейчас подавай и чтобы слава впереди вас бежала, и чтобы служить весело было. Наше дело с вами такое: важное, но не громкое. Вы попробуйте не пожалеть себя и поработайте так, чтобы соль на погонах выступила. Вот тогда вам и скучать некогда будет, да и глаза зажимуривать не придется.

Командир замолчал, в кают-компании воцарилась тишина, и сразу же стало слышно, как в корпус лодки монотонно долбят волны.

Тишину нарушил Золотухин:

— Вы какого года рождения?

— Сорокового.

— Вот видите, вы и войну-то знаете только по книгам и фильмам... Так вот, в начальный период войны немцы имели временный успех. И одной из причин его, кроме элемента неожиданности, перевеса сил и так далее, было еще и то, что у нас не доставало кадров, имеющих боевой опыт. Это не было чьим-то

упущением, просто страна жила мирными устремлениями, а теперь? Посмотрите, сколько каждый год уходит с флота высококлассных специалистов, знающих, обученных. Это вы, лично вы, ваш командир, ваш штурман, ваш минер, ваш механик учите их, готовите к тому, что может потребоваться на войне. Вы, Игорь Ильич, просто недооцениваете всю важность и необходимость своего труда. Вы почему-то вбили себе в голову, что трудится лишь тот, кто что-то строит, кто непосредственно производит материальные ценности. Это неверно. А учитель? А музыкант? А писатель? Что же, по-вашему, они бездельники и нахлебники?

— Я этого совсем не думаю.

— Не думайте так и о своей службе, не принижайте себя и свой труд!

Казанцев молча осмысливал все сказанное. В раздумчивом усердии он собрал лоб в мелкую гармошку.

— Ну так что, Игорь Ильич? — спросил нетерпеливо Логинов.

Казанцев поднялся, принял стойку «смирно». Лицо его, до сих пор какое-то по-детски растерянное, вдруг снова стало жестко-упрямым.

— Не знаю, товарищ командир. Скушно мне...

— Ну, хорошо. Подумайте еще. До возвращения на базу время есть. Только помните: специальности у нас с вами разные — вы инженер-механик, я штурман, но профессия у нас одна — защитник Родины. Почетная профессия.

* * *

А жизнь в лодке идет своим чередом. От базы до точки погружения только на штурманской карте недалеко: прошагал циркулем разок-другой — и у цели, а в действительности топаешь и топаешь, топаешь и топаешь. Впереди лодки, справа, слева видны траулеры, процеживающие сквозь капроновое полотно сетей и тралов свинцовую воду моря. То над одним из них, то над другим вдруг собираются густой тучей чайки — значит, на этом судне сейчас выбирают трал. Там идет горластый птичий пир.

Траулеры, большие и малые, только сошедшие со стапелей верфей — и потрепанные штормами, летом и зимой, днем и ночью черпают и черпают рыбу, и совершенно непонятно, откуда же берется

ее такая прорва. Как ее всю уже давно не вычерпали? Бездонное, что ли, оно, это море?

Уже давно северо-западный мокрый ветер нагнал волну, лодку раскачало и Федя Зайцев, не выдержав, рухнул на палубу шестого отсека, сомлел в зыбучем забытии в обнимку с ведром. Это был его первый в жизни выход в море. Еще утром, когда только подали команду о приготовлении лодки к походу, у Феди куда-то глубоко внутрь ухнуло сердце, он позеленел и его начало подташнивать. Наслушавшись рассказней, Федя испугался, сник. Поначалу он, правда, крепился часок-другой, его даже хватило на занятия с Казанцевым. А теперь вот совсем сник.

Кок Иван Козлов, голенастый, небрежно сварганенный из толстых и неуклюжих костей малый, запихнул в бак сразу все, что полагалось по меню-раскладке для супа с макаронами, и вот уже четвертый час не вылезал из трюма моторного отсека. Чего-то там чистил, копошился — словом, помогал мотористам.

В бак с супом он больше не заглядывал, суп его нисколько не интересовал.

До призыва на военную службу Иван работал в колхозе трактористом и до самозабвения любил свою профессию, свою «лошадку». Но по чьему-то головотяпству его послали переучиваться на кока. Придя из учебного отряда на лодку, Козлов категорически заявил, что готовить харч не научился. С тех пор вот уже четвертый год мучился он и мучилась команда. В море большую часть суток он проводил в моторном отсеке, а варево его можно было есть только после многодневной голодухи. Оно все и всегда было на одно лицо — густой клейстер, сваренный на мясном бульоне. Уговоры и взыскания не помогали.

Когда лодка идет в надводном положении, воздух к дизелям подается через верхний рубочный люк. И поэтому сейчас в центральном посту стоит жуткий сквознячище. Командир группы рулевых (в просторечье — штурманский движок) лейтенант Вадим Белиловский, друг-приятель Казанцева, снует вверх-вниз от штурманского прокладочного стола в центральном посту до мостика и обратно. Он то берет пеленги, высоту выползающего иногда из-за туч солнца, то ведет метеорологические наблюдения. Он молодой, не уставший от всего этого, и ему пока еще в удовольствие такое вот шныряние по вертикали. Правда, шныряя, он старается не терять

чувства собственного достоинства, делает это степенно и солидно. Белиловский всегда этакий прибраненький, аккуратненький и уважительный к старшим, ну точь-в-точь примерный ученик-первоклашка. И, видимо, потому приклеилось к нему уменьшительно-ласкательное имя Вадюня. Даже матросы за глаза так зовут его, и никак от этого не избавиться. Зато Вадюня расцветает, когда его величают Вадимом Леонидовичем. У него даже веснушки розовеют от удовольствия.

Когда Вадюня лезет вверх или спускается вниз, он закупоривает собой отверстие рубочного люка, и тогда сквознячище начинает завывать на разные голоса. Ну прямо осипший орган.

Казанцев, закутавшись в меховую куртку-канадку, стоит вахту в центральном посту. Точнее, не стоит, а сидит на складной табуретке почти под самым люком. Знобкий сквозняк прежде всего окатывает его. Лейтенант сидит нахохленный, насупленный то ли от холода, то ли от обиды на начальство. Не понять... Дела у него вроде бы сейчас никакого: раз в полчаса обойти и осмотреть лодку, проверить, как моряки несут вахту, а в остальное время сиди себе, принимай доклады из отсеков — что в них делается и что не делается, какой насос или компрессор пустили, какой остановили. И все. Холодно и скучно Казанцеву. А душа у него вся в занозах. Гложет его свирепая обида.

Очередной рейс сверху вниз совершил Вадюня. Деловито поколдовав над картой, он чинно подошел к переговорной трубе, солидно прокашлялся и крикнул в нее:

— На мостике! — Голос его сорвался. Вадюня дал петуха и смущенно зыркнул по сторонам — не смеются ли над ним. Убедившись, что никто не обратил внимания на его колоратуры, он потише и баском раздельно по слогам возопил: — Мос-с-тик-к!!! — Когда мостик откликнулся, Вадюня доложил: — Время поворота на курс семьдесят градусов!

Легли на новый курс, и лодку резко накренило — волны теперь били точно в борт. Что-то гулко грохнуло в трюме центрального поста. Казанцев, не вынимая подбородка из теплого воротника канадки, громко спросил:

— Эй, там, в погребе! Вы чего, чебуреки-бублики, ушами хлопаете? — Обозвал и тут же спохватился, оглянулся — не услышал ли замкомбрига.

— Это кингстонный ключ упал, — сообщили снизу, прямо из-под ног Казанцева.

— Ну, слава богу, хоть уши целы, — умиротворенно прокомментировал доклад Казанцев.

Лодку раскачивало все больше и больше. Перехватываясь за трубопроводы, к Казанцеву подобрался Вадюня и спросил его:

— Ты чего в миноре? Отказали?

— Отказали.

— И правильно сделали, — тихо, но убежденно произнес Вадюня. — Блажь это.

— Блажь? — вскинулся Казанцев. От возмущения его голова на длинной, тонкой, с нежными синими прожилками шее вылезла из широкого ворота куртки, и он стал похож на черепаху Тортиллу, только еще молодую. — Блажь?! А если я не хочу вот так часами сидеть и пялить глаза на все эти железки?! А если... Если мне все это плешь до мозгов переело?!

— Что «все это»?

— Ну, все! Хотя бы эти дурацкие вахты, подчиненные, вся эта так называемая воспитательная работа — чтобы никто не напился и не наделал дров из нашей боевой техники... Понимаешь, я советский человек, комсомолец, патриот своей Родины. Надо будет — пойду в бой и жизнь отдам без сожаления. Но сейчас вот, в мирное время, я под танки бросаться не желаю. Увольте меня на «гражданку» — и я буду полностью удовлетворен...

— Неубедительно.

Казанцев зло посмотрел на приятеля и, решив его побольнее задеть, умышленно громко протянул:

— Вадюня ты и есть Вадюня. Вадю-унчик...

Лицо Белиловского ярко вспыхнуло, он покосился вправо, влево и зашипел:

— Тише, ты, жердь дубовая, люди же слышат...

Казанцев довольно хохотнул:

— Ха, сенжюст запорожский, за командирский авторитет свой дрожишь? Вот так всю жизнь трепыхаться будешь, волноваться.

— А-а, пусть волнуется Ледовитый океан. Я не ты, я службу люблю, пойми ты это своей дырявой скворечней.

— Ну ладно, кончай дуть балласт... Я это шутя, извини. Хочешь, я у тебя публично извинения попрошу? Мне это уже не впервые.

— Не валяй дурака, Игорь. Помни, что ты пока еще офицер.

— К сожалению... А впрочем, продолжай меня воспитывать. — Казанцев взглянул на часы. — Еще до конца вахты времени навалом.

— Не знаю, какой из тебя инженер получится, но вот клоун из тебя знатный вышел бы. Знаешь, рыжий такой и глупый. — Белиловский обозлился. — Серьезно-то оглядись в отсеках. «Гражданка»... «Гражданка»... Заладил, А ты подумал, куда ты на «гражданке»-то пойдешь? Кому ты там нужен?

— Это я-то? Ну уж ты, братец, загнул — «кому ты нужен»... Я и инженер-дизелист, и системщик, и электрооборудование знаю, и компрессоры, и насосы. Да меня на любой завод механиком с руками-ногами возьмут.

— Во, во! На завод! А там те же вахты, только сменами зовутся. Тот же план. Только у нас план БП, а там — производственный. Те же подчиненные. Но здесь они тебя по уставу уважать обязаны, честь тебе отдавать, на «вы» называть, а там хотят — уважат, не захотят — к черту пошлют.

— А-а, знаешь ты много...

Они и дальше продолжали бы спорить, если б из второго отсека не вылетел шалый от счастья старший лейтенант Лобзев. Гулко захлопнув за собой переборочный круглый люк, он, сияющий, постоял мгновение-другое в обалделом онемении и завопил:

— Ур-р-а-а-а!!!

Все повернулись к нему в недоумении.

— Ур-р-а-а-а!!! Сын родился!!! Сережка! Во! Только что радиogramму получил: «Поздравляю, родился сын. Назови его сам. Целую, Муза». М-м-м... — Лобзев взасос впился в бланк радиogramмы. — Ур-р-аа!

— Что за шум в центральном посту? — раздался с мостика недовольный голос командира.

— Товарищ командир, у старшего лейтенанта Лобзева родился сын, — с готовностью доложил Казанцев. По вахте он сейчас был старшим в центральном посту. — Только что радиogramму получили.

Командир несколько мгновений помолчал и ответил:

— Есть. Старшину команды радистов на мостик. — И тут же щелкнул тумблер включения корабельной трансляции. — В носу! В корме! Говорит командир. Товарищи подводники, только что получено радостное сообщение о том, что в семье старшего лейтенанта Лобзева

родился сын. От имени всех нас поздравляю вас, Вячеслав Станиславович, желаю, чтобы сын ваш рос здоровым, крепким, жизнерадостным, радовал родителей и со временем тоже стал подводником. Еще раз поздравляю вас и вашу супругу.

В динамике щелкнуло, торжественная часть закончилась. За обедом сегодня все выпьют «наркомовские» за лобзевского малыша.

В горле рубочного люка завывало — это на мостик выскочил старшина команды радистов Эдик Павлейко. Стройный, подтянутый красавец с маленькими, по-мушкетерски подвитыми усиками, он, казалось, не терял своей франтоватости даже во сне. Все на нем новехонькое, начищенное!

— Товарищ командир, старшина первой статьи Павлейко прибыл по вашему приказанию, — доложил, и ладонь его от пилотки точно в соответствии со Строевым уставом упала вниз и прижалась к бедру. Ну и красив, чертяка! Прямо хоть напоказ! А ругать все равно придется.

— Скажите, Павлейко, с каких это пор офицеры корабля узнают содержание радиограммы раньше командира? Кто ввел у нас этот порядок?

— Товарищ командир, старший лейтенант как сменился с вахты, так и не отходил от дверей радиорубки. Он ждал эту радиограмму. Пришла она открытым текстом прямо в его адрес. Я хотел ее прежде вам доложить, но Лобзев ее у меня из рук вырвал. Дело такое, товарищ командир...

— Ну, ладно, раз дело такое, то придется на первый раз вас простить. Но...

— Ни в жисть, товарищ командир. — Было заметно, что старшина замечание выслушал только из вежливости. Сделай его кто-нибудь другой, он огрызнулся бы, убежденный в своей правоте.

Когда Павлейко ловко юркнул в люк, Радько улыбнулся и покачал головой:

— Артист! — В голосе его чувствовалось восхищение. — Артист!

— Неплохой старшина и специалист первостатейный. На мастера осенью сдавать будет. Вот только очень уж много в нем... показного усердия.

— А что? Лучше пусть будет показное, чем вообще никакого. Побольше бы таких.

— Да как сказать. Посмотришь на таких вот исполнительных бодрячков — «Есть!», «Будет сполнено!», каблуками щелк, щелк, — и

вроде бы кругом сплошное благолепие. А у самого этого бодрячка под крахмальной рубашкой грязная шея. Таких людей больше заботит форма, чем содержание. Поймите меня правильно: каких-либо серьезных претензий к Павлейко у меня нет, но и душа к нему не лежит! И все тут! Возможно, это и моя причуда, но, когда речь идет о деле, я не разделяю его на составные — важные и неважные. В серьезном деле все важное. Помните, кажется, у Маршака есть баллада о гвозде? Смысл ее заключается в том, что у кузнеца не было гвоздя, чтобы подковать перед боем лошадь. В бою отлетела подкова, лошадь упала, командир погиб, конница побежала. Только лишь из-за того, что у кузнеца вовремя не нашлось гвоздя. Павлейко умеет четко препарировать всю свою службу на то, что обязательно надо сделать — иначе накажут, и то, чем можно и пренебречь. Не заметят. А если и заметят, то спустят. Данный случай с радиограммой вроде бы и мелочь, но все равно отступление от узаконенного, порядка. И не наказал я его только потому, что не хочу омрачать радости Лобзева.

— Не знавал я за вами такой строгости, Николай Филиппович. У нас, у кадровиков, за вами прочно закрепилась репутация командира мягкого, гуманного, противника любых репрессий.

— Эта репутация ошибочная. Кто-то у вас там спутал элементарную вежливость с требовательностью. Не обязательно кричать на своих подчиненных, чтобы они были исполнительными. Можно и тихо приказать, а люди все сделают. Нет, кричать совсем не надо.

Золотухин рассмеялся:

— Мы это с Валентином Ивановичем на себе сегодня прочувствовали... — Увидев недоумение на лице Логинова, пояснил: — Когда вы вахтенному сигнальщику втык делали.

Теперь улыбнулся и Логинов.

— Вон вы о чем... Ничего, Самохвалов матрос еще молодой, выправится. Вообще-то он мальчишка старательный.

Берег уже давно пропал из вида, кругом лишь вода и вода. В прореху между тучами выкатилось слепящее, яркое солнце и окрасило в ярко-зеленый цвет штормовые, в белых пенных шалах валы. Они раздольно текут от горизонта к горизонту по рябому полю ровненько, словно на параде. Лодка взрезает их по диагонали. Встречаясь с форштевнем корабля, валы сначала натыкаются на правую скулу лодки, бьются о клюз, из которого торчат лапы якоря, взметываются с шумом

ввысь, взрываются бриллиантовой россыпью, обрушиваются на палубу. Ухает вода, гудит натужно металл, над самым носом лодки вспыхивает радуга. А вал, раненный, но не укрощенный, толстым слоем прозрачного зеленоватого стекла подминает под себя носовую надстройку лодки, стремительно приближает к рубке. И вот они встретились в противоборстве, вода и сталь. И опять грохот дробящейся воды, стон корабля. Над рубкой ошалело проносятся клочья воды. Обессилев в полете, они плюхаются на крышу рубки, проваливаются через разверзнутый зев рубочного люка прямо в центральный пост. Там неустанно работает насос на откачку воды из трюма.

А на форштевень начинает вскарабкиваться очередной чугунно-тяжелый водяной вал. Порой кажется, что теперь-то уж волна задавит лодку, окончательно погребет ее. Но проходит мгновение, нос корабля прорывает стеклянную толщу, выныривает из нее, вода сваливается с бортов, хлещет струями из бортовых шпигатов, вслед за ней с шумом, похожим на вздох облегчения, вырывается из шпигатов воздух, эти звуки сливаются, и кажется, что лодка, вынырнув из воды, отфыркивается совсем как огромный серый кит.

— Красотища-то какая! — не удержался от восторга Радько.

— И самое главное — никогда не надоедает, — поддержал его Золотухин.

Логинов отвел взгляд от горизонта, и глаза его сразу же потеряли настороженность, потеплели.

— Это уж точно, не надоедает. Я двадцать с лишним лет вижу море, и каждый раз оно предстает передо мной иным. Как у Айвазовского: что ни картина, то новое море. Вот ведь феномен — казалось бы, ну что тут такого: вода и вода. А он нашел для нее столько красок, света, душевного тепла... Меня, например, научил видеть красоту моря Айвазовский. Честное слово! Я уже капитан-лейтенантом был, когда впервые побывал в его галерее в Феодосии, увидел его море — будто прозрел.

Глядя на распалившегося Логинова, Радько усмехнулся:

— Будь моя власть, я бы в эту галерею таких вот разочаровавшихся Казанцевых в принудительном порядке водил. Строем. Может, хоть это проняло бы.

— Думаю, не проняло бы, Валентин Иванович. Они видят лишь то, что хотят видеть. Один, например, в беременной женщине видит счастье зарождения новой жизни, и она для него красива именно этим.

Она как прекрасный сосуд, вынашивающий эту жизнь. А другой видит лишь уродующие ее желтые пятна на лице и выпирающий живот, к которому не приладишь никакой одежды. Так и в службе. Разочаровавшиеся видят в ней лишь теневые стороны. Отсюда и ипохондрия.

— Нет, — возразил Золотухин, — я с вами не согласен. Истоки этой самой, как вы сказали, ипохондрии я вижу не в отсутствии у молодых офицеров романтической настроенности, воображения, а совсем наоборот — в неудовлетворенности их жажды к романтике. Молодости свойственно мечтать о подвигах, о громких и интересных делах, а флот их встречает сухой повседневщиной. Будем прямо говорить — они мечтали о дальних плаваниях, об экзотических странах, о пальмах, да, да, о пальмах, не о пыльных ресторанных в кадках, а о растущих в земле. О тех же алых парусах. У каждого из них есть своя Ассоль. А мы их носом в параграфы и инструкции. Запрещаем им даже думать о романтике, глумимся над ней. Потому что сами в этой толчее рано состарились и растеряли жар души. Наша с вами задача не осуждать их, а поддержать, помочь им найти себя. Я, например, считаю очень правильной практику визитов в другие государства. Сходят наши моряки в чужую страну, людей тамошних посмотрят, себя покажут, и, глядишь, гордости за свой советский флаг прибавится, за свою службу. А где гордость, там и любовь.

Возражать ему никто не стал. Видимо, в суждениях каждого из них была своя правота, не исчерпывающая всей глубины этой сложной проблемы, и своя неправота, мешающая правильно оценить и разрешить ее.

С кормы доносился гул дизелей. Когда волны наваливались на корму и затапливали выхлопные отверстия, гул становился глухим, ватным, будто слышишь его залитыми водой ушами. Но стоило воде схлынуть, газы, словно обрадовавшись, что им наконец-то дали волю, со свистом и ревом вырывались наружу, а стук дизелей становился оглушающе торжествующим.

На мостик то и дело попарно поднимались моряки. Одни покурить, другие просто подышать свежим воздухом. Испросив разрешения вахтенного офицера выйти, они выныривали из люка, протискивались в кормовую часть ограждения рубки, быстренько, но с наслаждением выкуривали сигарету-другую и спускались вниз. На смену поднималась новая пара. Таков неукоснительный закон: вахтенный офицер на случай

срочного погружения должен точно знать, сколько человек находится на мостике.

Вот и сейчас он помнил — на мостике их семь человек: командир, замкомбрига, кавторанг из штаба флота, он сам, вахтенный сигнальщик и двое курящих. Раздайся в это мгновение рвущий душу тревогой гудок ревуна — сигнал срочного погружения, — верхний рубочный люк будет задраен сразу же, как через него стремглав пролетит седьмой человек. И будь наверху кто-то восьмой, кто без ведома вахтенного офицера покинул прочный корпус, он останется один на один с морем. Лодка погрузится без него.

Из люка пулей вылетел старпом. Хоть он и старался проскочить снизу вверх по трапу так, чтобы его не застала в люке очередная волна, все-таки ему это не удалось, и на его голову, плечи море выплеснуло ведра полтора. Нагнувшись, он нырнул под козырек рубки, стряхнул пилоткой с кителя и брюк остатки воды и рассмеялся:

— Холодок бежит за ворот, холера ему в бок. — И, сразу же посерьезнев, доложил, что все расчеты вариантов преодоления зоны ПЛО еще раз проверены и приведены в соответствие с сегодняшним состоянием моря и погоды.

Слева впереди на носовых курсовых углах из-за горизонта, как будто прямо из воды, начала вспучиваться макушка острова Угрюмого. Остров, словно огромный гранитный сторож, охраняет вход в бухту Багреновую. Со стороны моря он неприступен: прямо от уреза воды до макушки метров на триста вздымаются совершенно отвесные сиренево-серые стены. Их покрывают частые морщины. Это за миллионы лет, отделяющие наши дни от того времени, когда в результате каких-то вселенских катаклизмов огромная глыбища откололась от материка и превратилась в остров, вода, время, студёные ветры избороздили гранит глубокими трещинами. У подножия острова круглый год безумолчно стонут волны. Плоская вершина его, как и береговые сопки, поросла пестрым разноцветьем мхов и трав. Но с воды этого разноцветья не видно, и поэтому остров оставляет впечатление мрачное, нелюдимое, и по праву назвали его когда-то Угрюмым.

Однако люди уже давно обжили его. Со стороны материка, от которого остров отделяет неширокий пролив Буйный, склон не столь крут, и по нему пробили люди дорогу-бережник. Она сначала ровненько бежит вдоль берега, а затем начинает уворачивать в гору и петляет до самой макушки острова. По ней, хотя и с трудом, автомашины

добираются до верха. Здесь в годы войны стояли батареи береговой обороны, а теперь — наблюдательные посты.

— До точки погружения десять минут хода, — доложил по переговорке из центрального поста штурман.

— Есть. Дайте команду: приготовиться к погружению. Геннадий Васильевич, проверьте, пожалуйста.

Березин было ринулся к люку, но его за руку ухватил Радько:

— Подождите минуточку, Березин! Извините, товарищ командир, но я задержу старпома.

Он достал из кармана кителя конверт и передал его Логинову. Тот изобразил на лице недоумение, затем неподдельный интерес, спросил для приличия: это, мол, что, какая-нибудь вводная? — хотя от Щукарева он знал о содержимом конверта. Прочитав записку, подписанную начальником штаба флота, в которой говорилось, что с этого момента он считается убитым и в командование лодкой вступает Березин, Логинов передал ее старпому. Березин быстро пробежал ее глазами, уловил смысл написанного, и в его голове мелькнула (какой же старпом не мечтает стать командиром!) радостная мысль: «Ну, держись, Генка! Вот оно! Началось!» Он справился с охватившим его ликованием, перечитал еще раз вводную, теперь уже спокойно и вдумчиво, и поднес руку к пилотке:

— Разрешите приступить, товарищ командир?

— Давайте действуйте. Я «убит».

Логинов спустился вниз, и через несколько мгновений в отсеках по трансляции зазвучал его голос:

— Товарищи подводники, мы приступаем к выполнению нашей учебно-боевой задачи по преодолению зоны противолодочной обороны. Прошу соблюдать в отсеках максимальную тишину. С этой минуты, согласно вводной штаба флота, в командование лодкой вступил старший помощник капитан третьего ранга Березин. По всем вопросам прошу обращаться к нему...

Щелкнул выключатель трансляции, и штурман тут же доложил Логинову:

— Товарищ командир, мы в точке погружения.

Логинов не обратил на Хохлова никакого внимания, будто и не слышал его. Штурман удивленно помолчал, а затем вновь повторил:

— Товарищ командир...

Логинов перебил его:

— Вы что, не слышали, что я «убит»? — и указал пальцем вверх.

Штурман хлопнул себя по лбу:

— Простите, товарищ ко... капитан второго ранга, — поправился он. — Привычка. — И теперь уже крикнул в переговорку: — На мостике, пришли в точку погружения!

— Есть! — Даже переговорная труба не могла скрыть радостного возбуждения Березина. — По местам стоять, к погружению! — звонко скомандовал он.

Часто заквакал ревун, громкоговорящая связь разнесла по отсекам команду, и невольно у каждого из моряков напряглись нервы. Невозможно привыкнуть равнодушно слушать боевой сигнал, не испытывать волнения, когда ты чувствуешь, как над твоей головой смыкаются океанские волны, и видишь, как глубиномеры начинают отсчитывать метры воды, отделяющие тебя от солнца, голубизны неба, жизни. Даже у бывалых подводников в эти мгновения душа сдвигается с места. А что же говорить о Феде Зайцеве, у которого это погружение было первым в жизни?

Когда он был еще мальчишкой лет восьми-деяти, у них в колхозе строили новую ферму и для устройства то ли кормораздатчика, то ли вентиляции привезли и свалили рядом со стройкой трубы из листового железа. Пацаны долго мудрили, как бы пристроить эти трубы для их игр, и додумались на слабо пролезать сквозь них. Федю подначили, и он, чтобы доказать всем, что он не трус, первым полез сквозь одну из них. В самой середине трубы он, зацепившись за что-то штанами, застрял, испугавшись, начал дергаться туда-сюда, еще плотнее застрял и начал взывать о помощи. Пацанве только того и надо было: она с веселыми воплями принялась бегать по трубе, стучать по ней палками, кулаками, камнями. Федя от навалившегося на него ужаса начал задыхаться и потерял сознание. Обошлась ему та труба дорого: пролежал он в больнице больше трех месяцев с тяжелым нервным потрясением и на всю жизнь обрел стойкий страх перед замкнутыми объемами — панически боялся вновь задохнуться.

Совершенно непреодолимым, драматически жутким для него испытанием был обязательный в учебном отряде выход через торпедный аппарат в легководолазном снаряжении. Ведь это была все та же труба диаметром чуть больше полуметра и длиной восемь метров. Но еще заполненная водой! Все остальные ребята из его смены разок-другой проползли сквозь сухой торпедный аппарат, быстренько

приноровились и бестрепетно забирались в узкую его горловину. Когда в аппарат их ложилось четверо, заdraивалась задняя крышка, курсанты включались в водолазные дыхательные аппараты, труба заполнялась водой, открывалась передняя крышка, они друг за другом выползали в бассейн и выплывали на поверхность. Вот и все! Просто и совсем не страшно!

Но это для кого как. Федя только всовывался в трубу по пояс, как сердце его начинало беспорядочно трепыхаться и за горло схватывало тяжкое удушье. Под общий смех он с ужасом на лице стремглав выскакивал из аппарата. Инструкторы сначала кричали на него, ругались, пытались пристыдить, но потом поняли, что заставлять Федю лезть в аппарат — занятие совершенно безнадёжное. Он панически боялся этой трубы.

Один из водолазных инструкторов, пожилой мичман свирепой наружности и с черным от татуировок торсом, однажды оставил Федю после занятий в учебном корпусе, посадил его рядом с собой, обнял за плечи и попросил:

— Расскажи, сынок, что тебя так пугает. Я вижу, у тебя что-то было в детстве... Не бойся, расскажи...

Федя разрыдался горькими облегчающими слезами и поведал мичману, всхлипывая и сморкаясь, про трубу и как тогда ему было жутко.

Больше лазать в аппарат Зайцева уже никто не пытался заставлять. Ему зачли ЛВД (легководолазное дело) и без этого упражнения. Опытные инструкторы мудро рассудили, что ставить Зайцеву двойку будет себе дороже: по начальству затаскают. А доведется ли ему на флоте спастись через торпедный аппарат или нет — бабушка надвое сказала. Кому-кому, а уж им-то было хорошо известно, что подводников, которым удалось в годы войны спастись из затонувшей подводной лодки таким вот манером, можно пересчитать по пальцам.

Учебный зачет Феде зачли, а вот жизненный перед самим собой он не сдал. Не смог переломить своего страха. И ушла у него из-под ног земля, да и смелости у него после того случая еще поубавилось. Долго казнился Федя. И долго он еще, парнишка впечатлительный, лежа по вечерам в койке, воображал, как он геройски мигом проскакивает эту распроклятую трубу, а ночью просыпался в холодном поту — он опять задыхался.

И вот сейчас, когда над головой гукнули клапаны вентиляции, когда за бортом загудел выходящий из цистерн воздух, когда на смену качке и шуму волн пришел покой и гулкая тишина, Феде стало жутко до тошноты, он явственно почувствовал, как ему стало не хватать воздуха, закрыл глаза, и ему показалось, что его забаякало, закачало. Но это был всего лишь какой-то миг. На его плечо легла рука.

— Ты чего это, Федор Мартынович? Ну-ка, гляди веселее. С первым погружением тебя. — Негромкий ободряющий голос старшины Киселева напомнил Феде того мичмана из учебного отряда, и у него зашипало в глазах.

* * *

Старенький каботажный сухогруз «Кемь» шел в Порт-Счастливы с пустыми бочками для рыболовецких колхозов. Кроме того, в его трюмах была загружена всякая промысловая всячина — сети, тралы, кухтыли, бобинцы.

Капитан «Кеми», человек уже в возрасте и давно потерявший надежду расстаться с каботажем и уйти в розовые океанские дали, был разбужен и приглашен на мостик ввиду скорого входа в узкость, то есть в бухту Багреновую. Он сладко, точно обленившийся кот, потянулся и прижмурился от яркого солнечного света. Дневное солнце затопило все поднебесье и оттуда разбрызгивало слепящую рябь по прозрачным гребням волн. На бликующей нестерпимым сиянием глади воды острыми черными тенями ползали у входа в бухту военные корабли. Капитан спросил у стоящего вахту второго штурмана:

— Чего-то они вдруг понаторкались сюда?

— А я знаю? В какую-нибудь войну играют, Лексей Лексеич. Делать-то им больше нечего... — Лицо у второго свежее, черты его мягкие, еще не изломанные жизненным опытом и разочарованиями.

Капитан, дважды тонувший в войну здесь же, в этих краях, покосился на своего зеленого помощника и осуждающе проворчал:

— Ну, это ты брось. Молодой ты еще, необстрелянный. И потому пока многого не понимаешь. У военных, брат, все делают с умом.

Уважительный штурман ответил уклончиво:

— Вам виднее. Вы капитан.

— Во-во, ты завсегда так: «Вам виднее...» Ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак. Это, брат, не та философия. — И тут же поправился: — О тебе речь не идет, ты еще вроде глупого кенаря — за другими повторяешь. — Приглядевшись к сторожевому кораблю, который вдруг развернулся и пошел прямо на их судно, спросил: — Что он там пишет? Ни черта против солнца не разберу.

Действительно, яркие блики солнца забивали мерцание прожектора.

— Капитану... Прошу... застопорить... ход... Командир.

— Это еще что?! — взвился было штурман.

— Давай, давай, стопори. Значит, так надо.

Штурман нехотя, откровенно пересиливая себя, перевел рукоятки машинного телеграфа на «стоп». В чреве судна замерло старенькое паровое сердце, и «Кемь» перестала вздрагивать своими выдавшими виды ржавыми боками.

А на лодке в этот же миг Ларин доложил Березину:

— Товарищ капитан третьего ранга, транспорт застопорил ход.

Березин зло махнул рукой, ударился об очередной клапан и то ли в адрес клапана, то ли в адрес застопорившего ход транспорта чертыхнулся.

— А ч-черт! Разгадали, холера им в бок! — И уже спокойно: — Стоп оба! Лево руля! Боцман, погружайтесь!

Лодка, пока ещедвигающаяся по инерции, стала уходить влево и на глубину, подставляя сторожевику корму. Водяную толщу прорезал вибрирующий звук работы гидролокатора: у-у-у-ю-ю-ю... У-у-у-ю-ю-ю... У-у-у-ю-ю-ю... Словно посвист огромной сабли. У-у-у-ю-ю-ю... По корпусу лодки как будто стеганула пулеметная очередь. Нашупали!

— Лево на борт! Правый средний вперед!

Картушка компаса торопливо закрутилась.

— Оба средний!

Стрелка глубиномера резво побежала по циферблату.

В густой тишине бесстрастно звучали голоса боцмана Силыча и рулевого-вертикальщика. Они не мешали друг другу и не перебивали друг друга.

— Глубина семьдесят метров... На румбе сто восемьдесят пять градусов... Глубина восемьдесят метров... На румбе сто девяносто... Глубина девяносто метров... На румбе двести... Глубина сто метров... На румбе..

Сабельные свисты раздавались теперь над головой и где-то в стороне, они стали потише. Кажется, оторвались от преследователей... Березин вздохнул и грустно пошутил:

— И от бабушки ушел, и от дедушки ушел... А вот как в Багреновую зайти?.. — Он сокрушенно развел руками и вновь больно ударился.

Кончались вторые сутки, отведенные им для выполнения задачи, но... Но противолодочники держали рубеж крепко, разгадывая и пресекая все ухищрения Березина. Чего только не перепробовал он! Однако противник был опытен и каждый раз безошибочно находил контрмеры. Поединок Березина с надводниками напоминал шахматную партию гроссмейстеров: соперники на несколько ходов вперед предугадывали мысли друг друга, еще раз доказывая истину, что бой — это поединок умов. Только, в отличие от шахмат, здесь не могло быть ничьей: не прорвется за отведенные трое суток лодка в Порт-Счастливый — выиграют противолодочники, прорвется — победителем будет Березин.

Сегодня Геннадий Васильевич попробовал прорваться в губу под днищем парохода, но и тут противолодочники разгадали его замысел. Они попросили «Кемь» застопорить ход и сразу же услышали работу винтов лодки. Березину ничего не оставалось делать, как снова скрыться в море.

Тишину, заставшую в центральном посту, вдруг нарушил грохот, донесшийся по переговорной трубе из первого отсека. А противолодочники были еще совсем близко. Березин зло и почему-то совсем тихо бросил в раструб переговорки:

— Что там у вас за погром, Лобзев?

— Это мы... Это... Кудрин... миски уронил...

— Какие еще миски?

— Обычные, из которых едят...

— Думать надо. Корабли над головой, а вы там канонаду устраиваете.

Когда скрылась из вида земля и опасность атаки кораблей ПЛЮ миновала, в лодке объявили готовность два, подводную, и дали команду приготовиться к обеду. Штурман Хохлов, вместо Березина временно поднявшийся в должности до старпома, снял на камбузе пробу, отплевался и возмущенный влетел в кают-компанию.

— Товарищ командир, до каких же пор этот саботажник будет нас всех травить?!

— Опять?

— Ну конечно! Второй день подряд в рот ничего взять нельзя! Такой суп-кандей сотворил, что с души воротит.

В кают-компании в ожидании обеда сидели Логинов, Золотухин, Радько и трое офицеров лодки. За небольшим столом оставалось еще одно свободное место, и Логинов пригласил к столу Хохлова. Пока штурман усаживался, Николай Филиппович рассказал об их беде с коком, о его саботаже и взмолился:

— Помогите нам, товарищи, христом-богом молю. У нас действительно скоро моряки взбунтуются. Они нашего Ивана когда-нибудь смайнуют за борт, и будет ЧП.

— А я-то все хотел спросить у вас, Николай Филиппович, почему на вашей лодке так скверно готовят. Да как-то все неловко было. — Золотухин смущенно улыбнулся. — Теперь все ясно. Списать кока на берег не пробовали?

— За что? — Логинов от возмущения даже начал заикаться. — Здоров как бык, не курит, не пьет. Дисциплину не нарушает. Попробовали однажды попросить насчет списания его, нам ответили: «Нет оснований. Воспитывайте». А как его воспитывать, если он о камбузе и слышать не хочет?

— И не скажешь, что бездельник, — поддержал командира инженер-механик лодки Егоров. Тридцатилетний безнадежный холостяк, Виктор Васильевич розовой нежной кожей лица и белыми густыми кудряшками напоминал купидончика. Его так между собой и называли офицеры, но при нем — упаси боже! Егоров полностью оправдывал распространенное мнение, что внешность обманчива: он был не в меру суров, педантичен и совсем не располагал к фамильярности. — Видели бы вы, с какой любовью и старанием он работает у мотористов! В свою БЧ я его взял бы с удовольствием.

— Вот видите, удивительные парадоксы комплектования, — обрадовался поддержке Егорова Логинов. — Не хочет человек быть коком, спит и видит себя «мотылем»^[5]. Командир БЧ-5 его к себе тоже с удовольствием берет. А мы не можем его туда перевести: нарушение штатной дисциплины. Служи тем, кем тебя сделали в учебном отряде. А если допустили ошибку? Вон в прошлом году у нас на лодке были

три ученика гидроакустика. Один из них, Зиновьев, до службы работал шеф-поваром ресторана. Так он все время торчал на камбузе, а не в акустической рубке. Какие он нам пончики в масле пек! Котлеты делал! Пельмени даже! Представляете: на лодке, в море — и пельмени! Я такое впервые видел. Вот, кажется, и сделай нашего Ивана мотористом, а Зиновьева — коком, и все были бы довольны. Нет же, нельзя.

— Нельзя, — подтвердил Радько. — Этак все планирование подготовки младших специалистов под угрозу можно поставить. Будет сплошная анархия.

— Но и так планировать тоже нельзя. Как же так: из тракториста делают кока, а из повара — гидроакустика!

— Ну, большое дело никогда не обходится без издержек, — не сдавался Радько.

— Что-то больно много этих издержек и ошибок. Но если даже ошибка случайно произошла, то ее ведь надо исправить.

— На этой стадии уже поздно.

— А в порядке исключения? — допытывался Логинов, в тайниках души надеясь, что Радько сломится и посодействует насчет кока.

— Также нельзя, — стоял на своем Радько. — Создай прецедент — другие начнут кивать: почему, мол, им можно, а нам нельзя.

Вестовой Сережа Круглов внес в кают-компанию бачок с супом. Кисти рук у матроса были крупные, работающие и до черноты грязные. Логинов кивнул на вестового головой.

— Вот еще один экземпляр. Также бывший тракторист. Я вам, Круглов, сколько раз говорил, чтобы вы в кают-компанию не смели заявляться с такими ручищами? А?

Сережа, потупясь, молчал.

— Доктор, Круглов ведь ваш подчиненный?

— Так точно, мой, — тяжело вздохнул старший лейтенант медицинской службы Белоус. — Надоело говорить, товарищ командир. — Он провел по лицу вестового безразличным взглядом и лениво спросил: — Ну, чего ждете? Идите мойтесь. Да поскорей — суп стынет. — Когда Круглов вышел, он все так же безразлично пояснил: — Я об него уже язык обтрепал. Каждый день ему об этом долблю, а он мне в ответ свой резон приводит: это не грязь, а солярка и масло. Они чистые. Он там же, где и Иван, пасется, у «мотылей». Они ему с Иваном самую грязную работу оставляют, а эти и рады стараться.

Круглов вернулся, и доктор скомандовал ему:

— А ну покажите!

Сережа растопырил пальцы, поднял ладони вверх и покрутил ими. Не сказать чтобы руки его стали чище, они просто посветлели. Видимо, благородная тракторная «не грязь» уже не отмывалась.

По традиции первая тарелка наливается командиру. Сережа в знак уважения налил ее до краев, бережно пронес до стола и поставил перед Логиновым.

То, что стряпал Козлов, ни в одной из поваренных книг названия не имело. Егоров его вдохновенную стряпню окрестил точно и кратко: хлебово. Но хлебово приходилось есть: в море, как известно, ни ресторанов, ни кафе нет. Моряки свирепо ругались, но ели. Все, кроме Радько. У него язва желудка, и поэтому он с первого же дня напрочь отказался от Иванова харча и питался только сгущенным молоком, плавленым сыром и консервированными компотами.

Егоров отхлебнул ложку-другую и пробурчал:

— У кого-то из писателей, не помню, у кого, хорошо было сказано: даже хорошо прокипяченные помои все равно остаются помоями.

Казанцев молча и быстро ел. Глядя, как он управляет с хлебовом, доктор не удержался, чтобы не съязвить:

— А нашему Игорю Ильичу даже Иван не страшен. Вроде как слон клопу. Ишь как молотит — триста оборотов в минуту.

Они совершенно беспричинно недолго любили друг друга. Казанцев метнул злой взгляд в сторону доктора и огрызнулся:

— Кто не работает, тот не ест... с аппетитом.

Пауза между словами получилась эффектной.

Отобедали быстро. Во-первых, хлебова много не съешь, и, во-вторых, надо было уступать место очередной смене. Хохлов сменил с вахты в центральном посту Березина, и теперь Геннадий Васильевич в хмурой задумчивости сидел в кают-компании и водил ложкой в тарелке с супом. Ему было не до еды.

В Березине странно сочетались легкость характера, эмоциональность с крайним рационализмом во всем, что касалось дела. Любовь к математике и вообще к точным наукам приучила его думать, выстраивая мысли с неумолимой логикой. Такой образ мышления помогал ему располагать все события, связи между ними и возможные последствия в стройную систему, позволяющую почти безошибочно предвидеть их конечный результат.

Поэтому Березин отлично понимал, что даже если он не сумеет прорваться в Багреновую бухту, но при этом не совершит (а пока он их не совершил) грубых ошибок, не позволит «уничтожить» их лодку, то все равно назначение его командиром — дело решенное. Месяцем раньше, месяцем позже, но теперь уже назначат обязательно. И он мог бы без особого труда втереть очки кавторангу Радько, изобразив для него, а заодно и для замкомбрига еще пару классических, давно разработанных в учебниках по тактике попыток прорваться через рубеж, и с честью проиграть бой. Что же делать, «противник» на этот раз оказался сильнее. И никто ни в чем его не сможет упрекнуть...

Никто, кроме его собственной совести. Душа Геннадия Васильевича, азартная, незамутненно честолубивая и честная, не терпела проигрышей и сделок. И для него альтернативы не было — надо прорываться. Но как? С каждым часом задача эта становилась все менее и менее исполнимой.

Березин прошел в центральный пост, дал команду боцману подвсплыть, поднял на полную высоту перископ и начал рассматривать далекий берег, точно в нем крылась разгадка гвоздем торчащего в мозгах вопроса: «Как?» Собственно, берега Геннадий Васильевич не видел. В сияющей солнцем дали торчала из воды сиреневая глыбища Угрюмого. Так и не найдя ответа на это «как», он опустил перископ, прошел в штурманскую выгородку и принялся разглядывать испещренную карандашными линиями и пометками карту.

Вот их лодка, вот противолодочные корабли, вот вход в Багреновую, на запад от входа на полтора десятка километров вдоль берега вытянулся остров Угрюмый, от материка его отделяет узкий пролив Буйный. Вспомнилось из лоции, что плавание подводных лодок в подводном положении в Буйном не рекомендуется. А собственно, почему не рекомендуется? Почему можно в надводном положении и нельзя в подводном? Эти, в общем-то, праздные вопросы лениво шевелились в голове Березина, и он совсем было отвернулся бездумно от карты, как его осенило, словно ударило.

Рассказывают, что Ньютон открыл свой закон в яблоневоm саду, Архимед — лежа в ванне, а Менделееву его периодическая таблица элементов вообще приснилась во сне. Всякое бывает. Правда, известно еще и то, что случайные открытия могут совершить только подготовленные умы. Видимо, ум Березина был подготовлен, и теперь на него тоже сошло неожиданное озарение. И как он раньше до этого не

додумался? Вот уж действительно все гениальное просто! Геннадий Васильевич обрадованно потер руки и пропел:

— «Тор-реадор-р-р, смеле-е-е-е в бой! Тор-р-реадор! Тор-р-реадор-р!..» Снимите кальку с Угрюмого и Буйного, — приказал он Хохлову. — Срочно. И дайте мне лоцию. Я пошел в кают-компанию. Вы остаетесь за меня.

В кают-компании он тоже не стал дожидаться, пока Круглов уберет со стола, он пробрался на его дальний конец, сдвинул нетерпеливо локтем грязные тарелки вместе со скатертью, освободил себе место и с головой закопался в расчетах.

Суть осенившей его идеи заключалась в следующем: противолодочники знали, что в Буйном в подводном положении плавать не рекомендуется. А в надводном — лодка через него не пройдет — ее тут же засекут посты наблюдения и сообщат о ней на корабли ПЛО. Это их святая обязанность. Следовательно, командир бригады противолодочников не мог допустить и мысли, что С-274 попытается обойти их с тыла — проливом.

Что же мешало лодке форсировать в подводном положении Буйный? В самом узком месте его почти посередине торчала острая, как зуб акулы, скала. В прилив она на несколько метров предательски уходила под воду, при отливе же макушка ее хищно высывалась из под воды, точно угрожая мореплавателям: ужо я вам! И во время отлива и во время прилива вокруг скалы закипали бешеные водовороты, неумолимо затягивающие оплошавших моряков на самое лезвие скалы. Оно хранило на себе глубокие зазубрины — следы многих человеческих трагедий. Поэтому и разрешалось ходить Буйным только над водой, да и то с большой опаской.

Но что, если при минимальной воде, в минуты затишья между приливом и отливом, когда вода вокруг скалы уgomонится, аккуратноенько проскользнуть мимо нее? В подводном положении, чтобы посты не засекли. Ширина пролива между скалой и островом — достаточная, глубина — еще больше... Если абсолютно точно соблюсти курсы и скорость, если гидроакустики сумеют ювелирно давать дистанцию до берега, то на самом малом ходу можно и проскочить. Риск, конечно же, есть, но кто не рискует, тот... шампанское не пьет.

Благо и пример есть с кого взять. Березин вспомнил давний случай из истории Северного флота. В конце 1940 года перед Щ-421, которой командовал тогда Н. А. Лунин, была поставлена задача, подобная той,

которую сейчас выполняла и С-274: скрытно проникнуть в хорошо защищенную базу «противника» и там атаковать его корабли. Несмотря на сильное противодействие авиации и надводных кораблей, командир сумел провести свою «щуку» такими узкостями, которыми не рисковали ходить и надводные корабли. Лодка проникла в базу, торпедировала корабли, а от преследования вновь укрылась в тех же самых подводных лабиринтах.

Лунин действовал настолько скрытно, что командование флота заподозрило беду и подняло по тревоге аварийно-спасательную службу.

Этот эпизод Березин изучал в академии и до сих пор наизусть помнил содержание «семафора», переданного на «щуку» Лунину командующим флотом А. Г. Головкин:

«Военный совет Северного флота поздравляет экипаж подводной лодки с блестящим выполнением задачи и желает дальнейших успехов в боевой и политической подготовке».

Березин вычертил схему маневрирования в Буйном, затем, сверясь по карте с глубинами, нанес на ней несколько поперечных сечений пролива в месте, где они будут проходить, и пригласил в кают-компанию Ларина.

— Владимир Иванович, — Березин пододвинул ему кальку, — посмотрите, пожалуйста... Если мы попробуем пройти этим путем под водой, сможете ли вы точно, очень точно, буквально до нескольких метров, давать нам дистанцию до берега? Чтобы не воткнуться в него.

Ларин внимательно посмотрел на схему, в изумлении вскинул глаза на старпома.

— Вы, случайно, не разыгрываете меня?

— Нет, я вполне серьезно вас спрашиваю.

— Да кто же разрешит нам такое?

— Это уже моя забота. Но разрешение это во многом зависит и от вашего ответа.

Ларин промерил расстояние от точек поворота до берега, что-то прикинул в уме и твердо заявил:

— Смогу.

— Вот и спасибо. Честно говоря, иного ответа я от вас и не ждал. Перенесите эту схему на свой планшет.

Ларин ушел, а Березин подумал, что без него он не решился бы на такой риск. Вот ведь повезло, что Иваныч не успел уехать.

Для Геннадия Васильевича любое боевое решение обретало окончательную форму только в виде законченных математических и логических зависимостей. В них закладывались все объективные обстоятельства, возможные привходящие факторы, которые реально могли бы вмешаться в ход событий, всякие мелочи, могущие повлиять на успех дела. И только тогда, когда абсолютно все было учтено, когда в его решении были исключены даже случайности, Березин постучался в каюту командира.

Логинов сидел в кресле и читал. На его койке поверх казенного ядовито-синего одеяла, прикрывшись канадкой, сладко спал Радько. Из его широко открытого рта, будто из кальяна, вылетали булькающие звуки. Казалось, что внутри он был весь заполнен водой. Впрочем, это было недалеко от истины. В обед он съел банку сгущенного молока с черными сухарями и запил свою «диету» пятью стаканами чая. И теперь булькал.

Лодку мелко трясло. Она шла под РДП на перископной глубине и производила зарядку аккумуляторной батареи. Это означало, что один дизель работал на винт, обеспечивая лодке ход, а другой вращал электрогенератор, заряжающий батарею. Из воды, оставляя за собой белый пенный шлейф, торчали перископ, радиолокационная антенна и напоминающая большой плывущий чемодан поплавковая камера, через которую к дизелям с поверхности поступал воздух.

Логинов, оторвавшись от чтения, взглянул на Березина.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, товарищ командир. Одна идея пришла. Решил с вами посоветоваться.

Логинов приложил пальцы к губам и поднялся, чтобы выйти из каюты. Но Радько открыл один глаз и спросил:

— Секрет?

Логинов вопросительно взглянул на Березина.

— Нет, — ответил тот.

— Тогда давайте говорить здесь. Если, конечно, я вам не помешаю. — Радько сел, зажмурил глаза, протер лицо носовым платком, водрузил на нос свои толстенные стекла и притих в ожидании.

Березин разложил на маленьком столе каюты снятую с карты кальку, на которой были показаны и рассчитаны до секунды элементы

маневрирования лодки в Буйном, и начал докладывать. Он напомнил, что завтра утром истекает их срок, что все возможные варианты прорыва зоны ПЛО они уже испробовали, что подобный случай уже имел место в 1940 году с Щ-421 и что вообще в соответствии с Корабельным уставом командир корабля должен управлять кораблем смело, энергично и решительно, без боязни ответственности за рискованный маневр, диктуемый обстановкой.

Первым желанием Логинова было просто отмахнуться от бредовой идеи Березина и прервать его, даже не дослушав до конца. Известно, что трудно придумать что-либо более прочное, чем устоявшаяся привычка. А для любого штурмана свято чтить лоцию, карты и Извещения мореплавателям — не только привычка, но и совершенно неукоснительное правило их штурманской службы. В лоции же русским языком было написано, что... Что там было написано, мы уже знаем. И вдруг Березин предлагает наплевать на самое святое! Логинов вскинул было протестующе руки и открыл рот, но, увлеченный порывом и логикой рассуждений Березина, решил подождать с возражениями.

А Березин между тем закончил доклад и теперь перебрасывал тревожный, ожидающий взгляд с командира на Радько. Те молчали.

Доводы Березина были хорошо аргументированы, подкреплены расчетами, в достоверности которых Логинов совершенно не сомневался. Помешать выполнить задуманное могла только лишь какая-либо совершенно непредвиденная случайность. Однако предложение Геннадия Васильевича было столь неожиданным и выходящим из рамок повседневности боевой подготовки, что Логинов, несмотря на всю очевидность выполнимости маневра, не решался сразу ни отвергнуть его, ни одобрить. Что-то в нем сопротивлялось. Тем более он помнил свое обещание Щукареву не рисковать понапрасну и заранее знал, что, даже если они и пройдут проливом благополучно, это не спасет его от гневной головомойки и обиды. Да и вообще, стоит ли заваривать всю эту кашу? Живут же люди спокойно...

И вместе с тем его увлекла идея Березина. Он даже пожалел, что пришла она в голову не ему. Подумалось, что действительно люди и масштабность их мышления меняются, когда их самостоятельность подвергается испытанию чрезвычайными обстоятельствами. И с горечью признался себе, что, будь он на месте Березина, вряд ли рискнул бы на такой шаг, просто не додумался бы до этого.

Однако, думай не думай, принимать окончательное решение все равно ему, Логинову, хотя сейчас он вводной штаба вроде бы и «убитый». Командир корабля остается командиром, и это ему, не кому-либо другому, матери доверили своих сыновей.

— Ну, что скажете, Валентин Иванович? — спросил он Радько, чтобы хоть как-то оттянуть время.

— Да я сам думал послушать вас, — совсем неопределенно «ушел на крыло» Радько. Побывавший в командирской шкуре, он хорошо понимал всю серьезность ответственности и риска, на которые шел Березин. Надо было под водой ювелирно точно пройти несколько миль по проливу, найти узкий проход между скалой и островом, умудриться проскочить через него, снова еще несколько миль идти по проливу, найти выход из него и правильно зайти в бухту Багреновую. Малейшая ошибка в счислении или неточный доклад акустика могли привести если уж не к трагедии, то к неприятностям превеликим.

Беспокойных людей Радько любил и, если это было в его силах, поддерживал их. Но сейчас он был представителем штаба флота, и спрос с него — случись что — будет особый. Не пощадят. И Радько попробовал вывернуться.

— А не слишком ли вы рискуете, Березин? Я, конечно, ценю ваше похвальное рвение во что бы то ни стало выполнить боевое задание. Но прежде чем принять окончательное решение, мне кажется, необходимо соразмерить степень риска и его возможные последствия с целесообразностью идти на него. Я уж не говорю о том, что мы в какой-то мере нарушим правила плавания на театре. Так вот, как представитель штаба флота и его посредник я убедился, что вы, товарищ Березин, тактически грамотный офицер, созревший для командования лодкой, что вы сделали все, чтобы прорваться в Багреновую, и что сегодняшняя неудача — не ваша вина: противник оказался сильнее. Что же, вашей лодке противостояла целая бригада. И претензий к вам, товарищ Березин, у меня нет.

Ни Логинов, ни Березин не поняли точно: против Радько или за? Логинов про себя ухмыльнулся и переспросил Радько:

— Я так и не понял, как вы относитесь к предложению моего старпома.

Тот пожал плечами:

— Николай Филиппович, я думаю, что пора восстановить, так сказать, статус кво. Будем считать, что действие вводной закончилось и

вы «ожили», стали вновь командиром лодки.

Ну и хитрован же все-таки этот Радько! Одним махом он полностью снял с себя даже тень ответственности на тот случай, если что-нибудь произойдет, и всю полноту ее переложил на Логинова, заставив его крепко призадуматься. Логинов несколько мгновений поразмышлял и решил:

— Меня всегда учили, что умный командир обязан уметь бережно пользоваться своей властью. Я, конечно, могу приказать, но спешить, я думаю, не следует. У нас еще есть время посоветоваться с офицерами.

Эту беседу случайно подслушал (чего стоят фанерные переборки?) Вадик Белиловский, прилегший после обеда на свой куций диван второго яруса «завязать жирок». Он, будучи еще курсантом, почти наизусть выучил «Капитальный ремонт» Леонида Соболева, и на любой случай жизни у него всегда была запасена какая-нибудь соболевская сентенция. Например, заваливаясь после обеда на боковую, он оправдывал себя:

«...горизонтальное положение никому не может причинить вреда, кроме, конечно, откупоренной бутылки».

От услышанного у Вадюни сладко захолонуло сердце. Вот это дела! Когда Березин ушел из каюты командира и там воцарилась раздумчивая тишина, Вадюня не выдержал могучего напора клокочущей в нем сногшибательной информации и полетел в корму делиться ею с Казанцевым. Он даже забыл казаться степенным. Его так и разрывало от новости.

Влетев в шестой отсек, Вадюня наклонился к уху осоловевшего от тепла и сытости приятеля и жарко зашептал:

— Ну, старпом дает! Во удумал наш циркулечек! Предложил через Буйный в подводном положении идти! Прямо в тыл «плотникам».

Казанцев, не сбросивший еще сонливости, не понял Вадюню.

— Ну и что?

— Как это «ну и что»? Так в Буйном же нам нельзя под водой ходить! Не рекомендуется!

Смысл сказанного Вадюней только сейчас дошел до Казанцева, и он почувствовал, как сладко заныло сердце в предчувствии чего-то необычного, остро-волнующего, рискованного. Но внешне он остался

невозмутимым, как и подобает человеку разочаровавшемуся и ничего от жизни хорошего не ожидающему.

— Да, — ровным голосом протянул он, — «циркулечек» — это голова...

— И Чемберлен тоже голова, — подыграл ему Вадюня. И добавил: — А вот ты болван.

— Это прежде всего относится к тебе. Что мне или тебе от того: прорвемся мы или нет? Все равно нам ничего, кроме фитилей, не светит. Помнишь, как в том анекдоте, на какие этапы делится любое учение? Нет? Салага. Слушай: на шумиху, неразбериху, выявление виновных, наказание невиновных и вручение наград начальству. Но мы-то с тобой не начальство, и нам наград не перепадет.

Спустя полчаса командир лодки пригласил всех офицеров в кают-компанию. Плотно спрессовавшись, все они устроились вокруг стола. Логинов рассказал о предложении Березина, предупредил, что маневр рискованный, и сказал, что, прежде чем принять окончательное решение, он хотел бы выслушать мнение офицеров. По старой флотской традиции первому он предоставил слово самому младшему из них — Белиловскому (Казанцев пришел на лодку двумя месяцами раньше). Вадюня хотел было встать, но, стиснутый с обоих боков сидящими, засуетился, покраснел и позабыл заранее приготовленный солидный ответ.

— Я... Я... Я за...

Офицеры заулыбались. Кто-то съязвил:

— Вадим Леонидович спутал совещание офицеров с профсоюзным собранием. — Съязвил, но пилюлю подсластил, назвав Вадюню по имени-отчеству.

— Товарищи, товарищи, — вступился за Вадюню командир. — Лейтенант Белиловский хотел сказать, что он поддерживает идею капитана третьего ранга Березина. Не смущайте человека. У вас есть какие-либо предложения, Вадим Леонидович?

Окончательно смешавшийся Вадюня потряс головой, давая понять, что у него никаких предложений нет. Да и откуда они могли появиться у него или у Казанцева, прослуживших на лодке без году неделя? Но Логинов понимал, что значит для молодых офицеров доверие, и поэтому, совершенно уверенный, что и от Казанцева тоже ждать совета

не приходится, он все-таки дал слово и ему. Тот тоже ничего путного не предложил.

Зато командиры боевых частей высказывали соображения, как лучше и безопасней форсировать пролив. Говорили офицеры сдержанно, но в их голосах чувствовалась торжественность, подъем, как будто собирались они не в полный риска путь, а на первомайскую демонстрацию.

Радько от слова отказался. От только напомнил, что свое мнение он уже высказал. Не по душе была ему эта затея.

Золотухин же чему-то радовался и не скрывал этого.

Чему? Да хотя бы тому, что не перевелись еще люди, живущие неистребимым желанием быть всегда первыми, но первыми в делах только трудных, опасных, почти неосуществимых. В жизни их обычно называют чудаками и относятся к ним с подозрением. И несправедливо: переведись они — и человечество загинет. И еще потому, что у них в бригаде есть чудаки, способные даже во вред себе принимать такие неожиданные решения. И кроме того, ему в голову пришла совершенно парадоксальная мысль, что интересным может быть любое дело, но для этого его сначала надо запретить. И действительно, запретный плод всегда слаще.

Он, как и Логинов, не сомневался в расчетах Березина, доверял им. И тем не менее ответственность за жизнь людей, особая ответственность, определяющаяся его служебным положением, обязывала его быть предельно осмотрительным.

— Геннадий Васильевич, как велик риск, которому будет подвергаться лодка при прохождении узкости?

Березин пожал плечами:

— Трудно сказать... Риск, конечно, есть, но если все выдержать в расчетных пределах — курс, глубину, скорость, — то он будет сведен к минимуму. Но даже в самом худшем случае гибель никому не угрожает.

— И все-таки риск есть?

— В определенной мере да. Так ведь не рискуют только мертвые. Им уже нечего терять.

Замкомбрига какое-то время помолчал, будто ожидая, пока чаша весов в его душе займет твердо-устойчивое положение, поднял глаза, встретился с твердым взглядом Логинова и решился:

— Я поддерживаю предложение капитана третьего ранга Березина.

Казанцев и Белиловский быстрехонько переглянулись, в их глазах сиял восторг.

— Итак, возражений я ни от кого не слышал... — Логинов взглянул на Радько, тот промолчал. — Значит, товарищи, быть по сему. Кораблем по-прежнему остается командовать Березин. Командиров боевых частей прошу проинструктировать личный состав о мерах безопасности. Сергей Михайлович, — попросил он Золотухина, — выступите, пожалуйста, перед людьми, расскажите им, что нас ожидает. Добро? Спасибо. Все свободны.

Решение было принято, и теперь надо сделать все так, чтобы ничто не смогло помешать довести это решение до победного финала.

* * *

«Слушать в отсеках!» И все в лодке замирают, затаивают дыхание, можно было бы остановить стук сердца — и его остановили бы.

«Слушать в отсеках!» И тогда напряжен каждый нерв, тогда все пять чувств превращаются в одно — в слух.

«Слушать в отсеках!» И тогда важен любой забортный стук, шум, скрип, шорох. Вовремя услышишь его — отведешь угрозу от корабля, от товарищей, от себя.

«Слушать в отсеках!» И бездыханная тишина, чуткая, тяжелая, притаивается в отсеках подводной лодки.

Лодка вошла в Буйный. Из штатных гнезд вынут и разложен на палубе аварийный инструмент: клинья, пробки, кувалды, струбины, маты, — все, что может потребоваться при заделке пробойны в корпусе.

Безмолвие воцарилось в отсеках. В центральном посту стоят наготове у поста аварийного продувания балласта трюмные машинисты. Внизу, под настилом, тоже в готовности к работе главный осушительный насос. Егоров не спускает глаз с репитеров тахометров: молодцы электрики, держат обороты тютелька в тютельку — ни на один больше, ни на один меньше! Это сейчас сверхважно — лодка идет по счислению. Вслепую. Хохлов застыл над картой, он посекундно отмечает расчетное место корабля. И докладывает Березину.

— До поворота осталось пятьдесят секунд... Сорок... Тридцать... Двадцать... Десять... Ложиться на курс восемьдесят три градуса.

Каждая секунда, каждый метр на счету, ибо именно этой мерой исчисляется сейчас расстояние, отделяющее корабль от беды.

— Лево руля, ложиться на курс... — это уже командует Березин.

Рулевой, управляющий вертикальным рулем, легко и плавно переводит рукоятку гидроманипулятора и подворачивает лодку на новый курс. Рядом с ним сидит боцман Силыч и тоже колдует с гидроманипулятором, но горизонтальных рулей. Он словно по нитке ведет лодку на заданной глубине: стрелка глубиномера не шевельнется. Оба сидят спокойно, тихонько шевелят рукоятками манипуляторов, а у обоих мокрые спины, соленый пот ручьями заливает глаза. У Силыча на кончике фиолетового носа покачивается капля. Он сдувает ее, но тут же начинается новая.

Ларин ровно и монотонно докладывает точную дистанцию до гранитной толщи острова. Дистанция эта устрашающе мала.

Тупой нос огромной стальной рыбищи, рассекая упругую мглу воды, неумолимо надвигается на черную гранитную твердь острова. Метр! Еще метр! Вот-вот громоподобно встретятся сталь и камень! Но нос рыбищи еле заметно пошел влево, влево, и неохватное круглое рыбье тело втискивается в узкую щель между Угрюмым и подножием скалы-лиходейки. Рыбища мелко подрагивает от распирающей ее могучести, и катится впереди нее по подводному царству мощный гул, рушит он напрочь многолетиями устоявшуюся тишину, лишает покоя безмолвных подводных обитателей. Впервой творится здесь такое.

Штурман не спускает глаз с секундомера.

— Форштевень прошел скалу. До поворота тридцать секунд... Двадцать... Десять... Курс девяносто два градуса. Прошли скалу.

В отсеке прошелестел вздох облегчения.

— Дистанция двести метров... Двести пятьдесят... Двести восемьдесят метров...

— Слушать в отсеках!

Тут же послышались приглушенные доклады:

— В первом замечаний нет...

— В седьмом замечаний нет...

— В шестом замечаний нет...

И вновь глухая тишина.

— До поворота сорок секунд... Тридцать секунд... Двадцать секунд...

И словно оглушительный гром, тихий, вполголоса, доклад:

— Пожар в четвертом отсеке.

Тишина вдребезги разлетелась от яростного колокольного звона: «Пожарная тревога!»

— Этого еще не хватало, хол-лера тебе в бок! Егоров, в четвертый!

Но Егоров упредил приказ старпома и уже был в четвертом отсеке.

— На румбе девяносто градусов... — как ни в чем не бывало доложил рулевой и смахнул пот со лба. Теперь ему будет полегче — легли на выход из Буйного, скала позади и пойдем по линеечке. А пожар в четвертом — не его дело, разберутся кому надо. У каждого свои заботы, свои обязанности.

И все же что там, в четвертом? Ни докладов оттуда, ни просьб о помощи, ни шума... Открылась круглая переборочная дверь, и в ней показался Егоров.

— Ну?! Что там?! — Все впились в него взглядами.

— Отбой тревоге. Пожара не было. — И разъяснил, что в уголке старшинской кают-компании подтекала потихоньку магистраль гидравлики, масло покапывало и попадало на электрическую грелку. Коку стало холодно, он решил включить ее, и из грелки повалил дым. Вот и все.

— Путаник чертов! — зло буркнул штурман. — Мало того, что голодом морит, так еще чуть и зайкой не сделал.

— Это ты брось, — не согласился с ним Егоров, — Козлов поступил правильно. В этом деле всегда лучше перестраховаться.

— Ну, конечно, вечная поправка «на дурака».

— Штурман, — осек Хохлова Березин, — не отвлекайтесь от дела.

— Есть, товарищ капитан третьего ранга. — Хохлов обиделся. — Этим курсом нам идти еще тридцать четыре минуты и... одиннадцать секунд.

Одиннадцать секунд — это, конечно, мелочь, но Хохлов хотел подчеркнуть, что он, штурман, знает свое дело и незачем его тыкать носом.

— Добро.

Березин, облокотившись тощей спиной на острые ребра клапанов, вольготно развалился в разnojке. Он положил ногу на ногу и умудрился так замысловато завить их одну вокруг другой, будто это у него и не ноги вовсе, а шланги.

Скалу благополучно миновали, пожар не состоялся, и нервное напряжение в центральном посту улеглось. В разных углах отсека

послышались голоса.

— А насчет поправки «на дурака» я с вами, Хохлов, не согласен. — Березин чуть помолчал, обдумывая свою мысль. Разговор он продолжил лишь для того, чтобы загладить перед штурманом свою невольную резкость. — Мы еще с курсантских времен привыкли иронизировать над этой самой поправкой. Вы же, наверное, участвовали, и не раз, в парадах и помните, как нас поднимали в пять утра и выводили на площадь ни свет ни заря. Хотя парад начинался в десять. Так, на всякий случай — а вдруг... Вот это была настоящая поправка «на дурака». В нашем же моряцком деле эта поправка ох какая полезная штука! Возьмите судовождение. Опыт показывает, что поправка на ветер или на течение редко бывает чрезмерной. Чаще же всего — недостаточной. Или, скажем, при расхождении со встречным судном мы всегда предполагаем, что там на мостике стоят грамотные судоводители. А всегда ли это так? Но возьми эту поправку «на дурака» — и ты почти никогда не ошибешься. Правильно Виктор Васильевич сказал, что для нас всегда лучше перестраховаться. Я с ним согласен.

Еще предстояло под водой найти вход в бухту Багреновую, до Порт-Счастливого было еще несколько часов хода, в лодке еще стояли по готовности номер один подводной, но тягостное оцепенение уже покинуло людей, оно осталось где-то там, позади, у скалы.

Логинов, Золотухин и Радько за эти тревожные часы не сказали ни слова, промолчали, даже когда поступил аварийный сигнал из четвертого отсека. И сейчас они все также молчком слушали, о чем говорят скинувшие ярмо напряжения люди. Они сидели у носовой переборки рядом с рулевым и внимательно следили за работой боевого расчета центрального поста. Следили и оценивали. И, видимо, остались довольны. По крайней мере, после того, как лодка точно на фарватере вошла в губу и легла на курс, в Порт-Счастливый, они удалились во второй отсек, и там Радько протянул руку Логинову:

— Ну, Николай Филиппович, поздравляю. Сделано все вашим старпомом было по-мастерски. Прямо цирк шапито, да и только!

Логинов хотел было съязвить в его адрес, но передумал. Все-таки Радько хвалил их, а не ругал, и стоит ли вспоминать его ловкие уклонки и нырки... Тем более Радько был неподдельно восхищен.

— Березин ваш очень перспективный офицер. Очень. Так и доложу начальству.

— Недаром его наш комбриг иначе как академиком не обзывает, — рассмеялся Золотухин.

— Знаете, Сергей Михайлович, когда-то Вероккьо, учитель Леонардо да Винчи, увидев мастерство своего ученика, был настолько поражен, что навсегда расстался с кистью и в дальнейшем работал только как скульптор. И мне сейчас впору, как и Вероккьо, уходить с мостика лодки. — Логинов шутил, но в голосе его прорвалась грусть о скором и неминуемом расставании с кораблем.

* * *

Поставив «мины» на рейде Порт-Счастливого и сфотографировав стоявшие на нем корабли и суда, С-274 все так же в подводном положении вышла из Багреновой, благополучно миновала на выходе из нее строй противолодочных кораблей, которые безнадежно ожидали ее, в пяти милях от берега всплыла и взяла курс на базу.

Ночь была на исходе.

Диво дивное эти края — солнечные ясные летом. Льется себе и льется легкое тепло от повисшего над окомоем неяркого светила, обласкивает помаленьку все вокруг. Ровный желтой ясности свет растекается по розоватым каменистым сопкам, по прозрачным до самой потаенной глубины озерам, по серебристому ковру одуванчиков, обрызганному рдяными капельками росы. И кажется он чем-то сродни колыбельной: такой же напевный, ласковый, дремотный.

Любуйтесь вдосталь янтарной прозрачности ночью, тихо и безмолвно радуйтесь ей. В награду она наполнит вас легкой щемящей грустью, омоет уветливо вашу душу и осветлит все ваши тревоги, огорчения.

И как-то незаметно для себя, исподволь обновитесь вы, очиститесь от всего, что тяготило, печалило вас. Такое же, как ночь, ясное и тихое умиротворение захлестнет вас и не отпустит до той поры, пока незаметно подкравшееся утро не обрушит на вас новые заботы.

Любуйтесь еще и еще! Во все глаза, во все сердце! Любуйтесь, а то задует знобкий северо-восточный ветер, притащит с собой беспогодицу и одним махом выстудит, вывяюжит все — и небо, и землю, и море. Вмиг порушит прозрачную ночную сказку хмарной, снежной круговертью. Такое в этих краях случается часто.

Сейчас на море было тихо.

Лодка под ласковые всплески волн не торопясь подошла к поворотному бую, развернулась и, пофыркивая синим дымком, направилась к уже видным невооруженным глазом бонам. Вылезла из-за сопки тощая железная труба кочегарки.

Скоро дома.

Радько, увидев трубу, сладко потянулся и помечтал вслух:

— Вернусь домой — целую неделю одну манную кашу есть буду. За эти три дня еще одну язву нажил.

Как ни коротка разлука, а сердце все равно сладко щемит от предвкушения скорой встречи с землей, родными, с запахами трав, с пеньем птиц, со всем тем привычным, что окружает тебя в нормальной земной жизни. Все-таки жизнь моряка противоестественна для человека. Романтична, интересна и вместе с тем вынуждает его к таким самоограничениям, к которым может приноровиться психика не каждого. Поэтому и не из каждого получаются преданные моряки.

Всем на С-274 не терпелось вступить на берег. Но особенно Березину. До чего же хорошо возвращаться домой победителем! Душа его радостно трепетала — он сегодня чувствовал себя триумфатором. Довольный собой Геннадий Васильевич, сам того не замечая, чуток заважничал, заатаманился. Он вроде бы даже вырос сам над собой на полвершка.

Несколько иной строй мыслей был у Логинова. Возвращение с такой победой сулило ему мало хорошего. Он много лет знал Щукарева, чтобы питать иллюзии насчет ожидавшей их встречи. То, что он будет недоволен выкрутасами Березина и Логиновым, допустившим эти выкрутасы, было совершенно очевидным. Доказывать Щукареву их правоту было зряшным делом. Неясно одно: до какого градуса накала взовьется его недовольство и в какой форме оно проявится. То ли в ярости, то ли в разносе, то ли просто в личной обиде.

Когда лодка совсем уже подошла к бонам и открылась глазам бухта и обступившие ее дома, Логинов попросил Березина:

— Давайте-ка я швартоваться буду, Геннадий Васильевич. Хорошо? Незачем гусей дразнить. Знаете, поляки шутят, что невозможно что-либо предвидеть, особенно на ближайшее будущее.

Поход, из которого возвращалась С-274, был, в общем-то, заурядным, коротким, и поэтому ее никто не встречал. Ни комбриг, ни флагманские специалисты. Матросы со стоявших у пирсов лодок

совсем обыденно приняли швартовые концы, да прибежал на пирс дежурный по живучести. И то лишь затем, чтобы предупредить Егорова о том, что тот сегодня вечером сменяет его на дежурстве.

Адмирал еще не вернулся из Москвы, и Щукарев продолжал командовать в его кабинете. Настроение у него сегодня было созвучное погоде — солнечное. Утром он, воспользовавшись адмиральским прямым телефоном, позвонил в Москву, и друзья сообщили, что представление на него уже в Совете Министров и что к празднику Военно-Морского Флота, а возможно и раньше, он станет контр-адмиралом. Как говорится, дело в шляпе!

Итак, «все хорошо, прекрасная маркиза, все хор-рошо, все хор-рошо-о». Юрий Захарович, пружинисто подрагивая мышцами ног, неспешно прошелся по просторному кабинету, довольно потер руки, улыбнулся, отдернул занавеску, за которой стояла «тревожная» койка адмирала, и посмотрелся в висящее над ней зеркало. Он представил себе, как на его крутых плечах будут смотреться адмиральские, с тонкой, зигзагом, золотой строчкой погоны, и подумал, что ничего, будут смотреться, товарищ контр-адмирал Щукарев.

Час назад ему позвонил вернувшийся с моря комбриг Голубев и сказал, что вместе со своим начальником штаба прибудет к Щукареву сразу же после обеда. И дал понять, между прочим, что лодкой командовал какой-то вахлак, который в последние сутки даже и не пробовал пройти через их противолодочный рубеж.

— Знаешь, рыпался, рыпался, а потом понял, что с нами бороться безнадежно, и утомился.

Тон Голубева вообще-то задел Щукарева, но поскольку этим «вахлаком» был Березин, то Щукареву настроения Голубев не изгадил. «Все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо... все хор-рошо...»

В кабинет, постучавшись, вошли Логинов, Радько и Золотухин. По дороге сюда они договорились держаться купно, вместе. Так, на всякий случай...

— Ну-ну, герои подводнички, заходите, заходите. Докладывай, Николай Филиппович.

Смущенный вид Логинова красноречиво говорил о том, что прорваться через голубевские рогатки они так и не смогли.

Логинов приложил руку к козырьку фуражки и почему-то подчеркнуто официально доложил, что задание выполнено, Порт-Счастливый «заминирован», подводная лодка вернулась в базу без

замечаний. И еще что экипаж С-274 готов к выполнению... И так далее, и тому подобное.

Щукарев, ничего не понимая, переводил взгляд с одного на другого. Он видел, что Логинов напрягся в ожидании, что лицо Золотухина чуть тронула улыбка и он тут же опустил взгляд в пол и что Радько откровенно неуважительно ухмыляется и с интересом разглядывает Щукарева.

— То есть как это выполнили? Мне же Голубев час назад звонил. — И вспыхнул: — Чего вы ваньку-то валяете? Я вам что, мальчик? Ишь развеселились, пародисты-юмористы! — Его задел усмешливый взгляд Радько, его ухмылка. Он нутром почувствовал, что они что-то таят, недоговаривают. — Докладывай, Логинов, чего вы там навоевали!

Николай Филиппович молча разложил на столе кальку маневрирования лодки, фотоснимки Порт-Счастливого, сделанные через перископ, и, обменявшись быстрыми взглядами с Золотухиным, спросил Щукарева:

— Разрешите докладывать?

— Сам разберусь, — буркнул Щукарев и склонился над столом.

Одного его опытного взгляда было достаточно, чтобы все понять и оценить величину риска, которому подвергалась лодка. И не только она. Но и он сам, Щукарев. Ему даже стало жарко от внезапно охватившего страха, было такое ощущение, как будто он только что чуть было не угодил в бездонную пропасть. Ему даже показалось, что он все еще слышит мягкий шорох осыпающихся камней.

— Та-ак... — Это «та-ак» ничего хорошего не предвещало. — Вы, дорогие первопроходцы, что же думаете, что вокруг вас дураки живут? Одни вы умные? Вы никогда не задумывались над тем, что всякий запрет на крови нашей морской густо замешан? Так кто же дал вам право нарушать этот запрет? Рисковать жизнью людей?

— Но мы же доказали, что там можно пройти в подводном положении, — попытался возразить Логинов.

— Ничего вы не доказали! Вы прошли? Да. Случайно. А завтра, глядя на вас, туда еще кто-нибудь попрется и останется там. Что вы их женам и матерям скажете?

— Юрий Захарович, — попробовал вставить словечко Золотухин, — Березин все очень внимательно...

— Опять этот Березин! — взорвался Щукарев. — Я запрещаю даже называть его фамилию! Я его... — Он зашевелил губами, придумывая кару для Березина.

Его попробовал урезонить Радько:

— Давайте поговорим спокойно, Юрий Захарович.

— Спокойно?! Посмотрел бы я на вас, что заговорили бы вы, попадись к вам в подчинение такой вот Березин. Я от него ни днем ни ночью покоя не знаю! Теперь, видите ли, его через Буйный под водой понесло... А если он нас завтра взорвать надумает? А? Нет, с меня хватит, сыт им по горло. Вот так! — И черкнул себя ладоницей по кадыку.

Но Золотухин все-таки хотел вступить за Березина.

— Я считаю...

Но Щукарев перебил его:

— Считать будете, когда вместо меня командовать бригадой начнете. А пока хозяин здесь я. Я! — Он потыкал себя пальцем в грудь. — Я отвечаю за бригаду. Они вот, Логинов, Березин и иже с ними херувимы, наколбасят, а влетит мне. Не вам, уважаемый товарищ Золотухин. Ваша воспитательная и прочая работа всегда будет в ажуре, всегда найдете соответствующие бумажки, чтобы прикрыться. Так что позвольте считать мне. Вот так-то! — Щукарев понимал, что зарвался, что шумит он и обижает Золотухина зря, но остановиться у него уже не было сил. Слишком уж напугал и разъярил его Логинов.

Радько слушал и не верил самому себе. В отделе кадров они знали, конечно, что Щукарев грубоват, нетерпим, но не на столько же дремуче! Кроме того, он был оскорблен. Не считаясь ни с его присутствием, ни с тем, что и он, Радько, тоже в какой-то мере причастен к тому, что произошло в море, Щукарев отчитывал Логинова, а заодно и его, как неразумных мальчишек. И Радько твердо решил, что он сегодня же доложит командованию про эту сцену надлежащим образом.

Однако вступать в пререкания со Щукаревым он не стал, так как в запале Щукарев мог и его послать куда-нибудь подальше, а этого Радько никак допустить не мог. Авторитетом надобно дорожить.

— Так вот я, — Щукарев сделал ударение на «я», — считаю, что поторопился представить товарищей Логинова и Березина к повышению в должности. Сейчас я это упущение исправлю. — Дрожащими от возбуждения руками он отпер сейф, порылся там среди бумаг, отыскал представления и жирно перечеркнул их синим

карандашом. — Соответствующий приказ о лихачестве я напишу завтра. Можете идти. — Щукарев отвернулся от них, раздернул занавеску, закрывающую карту театра, и принялся на ней что-то внимательно изучать.

Логинов собрал со стола документы, виновато улыбнулся продолжавшим стоять Золотухину и Радько и вышел.

— Может, вы нам все-таки предложите присесть? — начал заводить Радько. Худое лицо его посерело и заострилось. Глаза за толстыми стеклами очков сузились, превратились в амбразуры.

Щукарев продолжал молчать.

— Вы не забываетесь, товарищ капитан первого ранга, мы все-таки старшие офицеры, а не кухарки.

— А я вас не задерживаю, — через плечо бросил Щукарев. — Можете и уйти.

— Хорошо, уйдем. Но о вашем оскорбительном поведении я доложу в штабе флота.

— Докладывайте... — Щукарев понимал, что теперь ему терять уже нечего, с Радько отношения изгажены всерьез и надолго, и он больше не щадил ни себя, ни его. — И доложите заодно, что вы, представляя на С-274 штаб флота, не только не пресекли легкомысленные действия командира и старпома, но даже попустительствовали их преступному лихачеству, поощряя их авантюры.

— Хорошо, доложу и это. — Радько переглянулся с Золотухиным, и они оба направились к двери. Уже выходя, Золотухин задержался и спросил:

— Разрешите мне завтра съездить в политуправление флота?

— Хоть сейчас.

— Благодарю вас.

Закрылась за ними дверь, Щукарев отошел от карты, тяжело плюхнулся в кресло и бездумно уставился взглядом в зеленое сукно, покрывавшее адмиральский стол. В голове было пусто и угнетающе тревожно.

— Идиот! — вполголоса обругал он себя и зло хрястнул кулаком по столу.

Конечно же, идиот! Этих-то, Логинова и Березина, правильно раздолбал. Правильно. Будут знать. Но зачем вот нахамил Радько? Щелкопер этого не простит, какую-нибудь козью рожу подстроит. Это

уж точно. А вдруг он сегодня же позвонит своим приятелям в кадры в Москву?! И тогда тью-тью звание... И-ди-от! Мешкать больше было нельзя. Надо что-то срочно предпринимать. Но что?

Щукарев снял трубку прямого с командующим флотом телефона и услышал его глуховатый ровный голос:

— Да...

— Здравия желаю, товарищ командующий. Извините, пожалуйста, за беспокойство. Это беспокоит вас капитан первого ранга Щукарев...

— Здравствуйте, Юрий Захарович. Слушаю вас.

Щукарев от удивления даже поперхнулся: надо же, помнит, как его звать-величать!

— Товарищ командующий, у меня на бригаде произошел не совсем обычный случай. Правда, все обошлось благополучно, но я считаю необходимым доложить вам о нем лично. Скажите, пожалуйста, не могли бы вы принять меня?

Командующий помолчал, слышно было, как он шелестит листками календаря.

— Завтра пятница. До понедельника это может потерпеть?

— Конечно, конечно, товарищ командующий.

— Вот и хорошо. Жду вас в понедельник в пятнадцать часов.

— Есть, товарищ командующий. — Щукарев подождал, пока в телефоне начали звучать частые сигналы, и бережно водворил трубку на рычаги. Разговор с командующим снял с его души гнет тревоги, сковывавший ее дурными предчувствиями. Появилась надежда, что он сумеет если уж и не упредить Радько, то хоть в какой-то мере ослабить впечатление от его доклада в штабе флота.

И все же покой в душу не пришел: там начал поднимать голову тот, второй Щукарев. Он спросил первого: «А не сукин ли ты сын? Не совершил ли ты предательство по отношению к своему другу, Николаю Логинову? Правильно ли ты сделал, что уничтожил представление на него?» — «Правильно, — отвечал первый. — Тем более что Логинов сам меня предал. Обещал же он не рисковать, а начал вытворять черт те что. Понимал же он, что грозит мне, его другу, если что-нибудь случится с ними? Ясно, понимал. Так кто же ему дороже: я или Березин?» — «Но он выполнял свой воинский долг, и с ними ничего не произошло...» — «Долг, долг»... Но есть еще долг товарищества. А кроме того, нельзя, выполняя свой воинский долг, нарушать установленные правила. Сказано, нельзя — значит, нельзя. Не дураки

это придумали». — «Это все, конечно, так, и все-таки ты неправ. Можно было все решить спокойно, не ссорясь с Радько и не обижая Логинова. И я знаю, почему ты так не сделал. От меня не скроешь. Сначала ты просто-напросто испугался и взъерился на Логинова, зачеркнул представления. Теперь же ты успокоился и можно было бы исправить ошибку, отдать представления перепечатать, поговорить с Логиновым спокойно, может быть, даже извиниться перед ним. Это было бы и честно и справедливо. Но ты этого не сделаешь. Нет. Для тебя сейчас важен повод для того, чтобы избавиться от Березина. И во имя этого ты готов на все...» — «Знаешь, пошел бы ты... — Вновь разозлился первый Щукарев. — Хватит! Надоело!»

И второй Щукарев временно приутих. Зато у первого окончательно испортилось настроение. Чтобы рассеяться, он решил пройтись..

Попасть с территории подплава в город можно было либо через нижнюю проходную, либо через верхнюю. Если идти через нижнюю, то никак не минешь причала и лодок, а там наверняка к нему начнут приставать с какими-нибудь пустыми делами и он может вновь сорваться. Щукареву же этого не хотелось — итак наругался на сегодня уже предостаточно. К тому же путь через нижнюю проходную много длиннее. Щукарев пошел через верхнюю.

Латаная-перелатаная асфальтовая дорога справа упиралась в забор подплава, а слева круто вскидывалась вверх, переваливала через раздол между сопками и дальше катилась под гору до самого моря в бухту Сладкую, куда приходили рейсовые «Кометы», связывающие городок с внешним миром.

С обеих сторон улицы торчали многочисленные деревянные одно- и двухэтажные невзрачные домишки. Сколько помнил себя здесь Щукарев, столько и стояли покорно эти старожилы, удивительно крепкие и цепкие. Ничто не старило их. Смывалась с их стен краска — их снова покрывали каким-нибудь немыслимо блеклым казенным колером. Калечили их безжалостные жильцы, и к домам-страдальцам снова прилаживали двери, рамы, заплаты. И они опять бодро противостояли натиску стихии и людей.

На стене одного из домишек висел лист кровельного железа, на котором какой-то грамотей от руки намалевал суриком: «Хазяйственные товары». Глядя на вывеску, Щукарев вспомнил, что дома кончился запас электрических лампочек, и свернул к магазину. Домишки стояли прямо на шишкастых боках сопков, и к дверям вели от асфальтовой мостовой

деревянные щербатые мостики. Справа и слева от них — сплошные бугры и колдобины, ноги переломаешь.

Щукарев по-хозяйски распахнул дверь в магазин, занес ногу над высоким порогом и замер наподобие журавля: спиной к нему стояла и разговаривала с продавцом Екатерина Михайловна Логинова, жена Николая. Трудно сказать, что испытал при виде ее Щукарев — то ли неудобство какое, то ли угрызение совести, но встречаться и тем более разговаривать с ней сейчас ему никак не хотелось.

Юрий Захарович тихонько шагнул назад, закрыл за собой дверь, спрыгнул с мостка и, насколько позволяли ему это сделать скрытые мхом кочки и ямины, быстренько шмыганул за угол барака. Там и проторчал он, плотно прижавшись к корявой стене домишки и тревожно озираясь, до тех пор, пока не ушла из магазина Екатерина Михайловна.

* * *

Триумфатор Березин был безжалостно повержен прямо с Олимпа на грешную землю. Повержен и растоптан. При всем своем пристрастии к сухой математике, человеком он был импульсивным, переживал неприятности бурно и искренне. Поэтому незаслуженная обида, которую нанес им с командиром Щукарев, повергла его в глубокое уныние. Ужинал Березин безо всякого аппетита. Выйдя из столовой, он решил подождать Логинова. Когда подошел командир, они оба молча закурили. Последнее плавание их особенно сблизило. Они молчали, но думали об одном и том же — о людской несправедливости.

Рабочий по камбузу вынес огромное ведро с остатками пищи и вывалил его в бак. Чайки тревожно, а может быть, и радостно загомонили, соскочили на землю, но чуть только матрос отвернулся, они вновь облепили край бака.

— У-у, дармоеды! Совсем летать отучились, — проворчал зло Логинов. Он переживал их со Щукаревым несогласье и тоже был не в настроении.

— Приспособились. Так и мы скоро тоже приспособимся к Щукареву и плавать отучимся, — буркнул в тон ему Березин.

— Ладно, ладно, Геннадий Васильевич, не смотрите так мрачно. Все со временем образуется.

— Легко сказать, образуется... Испытания временем не выдерживают даже часы. А мы все-таки люди. До бога высоко, до главкома далеко, а Щукарев вот он, под боком. Пока наши молитвы дойдут по инстанции, товарищ комбриг нас с потрохами схарчит и не подавится.

Логинов все-таки был другом Щукарева, и он бросил на Березина осуждающе-сердитый взгляд. Березин все понял и замолчал.

— У японцев есть бог удачи Дарума, что-то наподобие нашего Ваньки-Встаньки. — Пройдя десятка два шагов, Логинов начал сглаживать возникшую между ними неловкость. — Он олицетворяет там стойкость духа: «Семь раз упал — восемь раз поднимись». Поднимемся, Геннадий Васильевич. Поднимемся! Все, как говорится, прекрасно, а остальное — нюансы.

В казарме, у двери командирской каюты, переминались с ноги на ногу Ларин и Киселев.

— Пришли проститься, товарищ командир.

Это было понятно и без объяснений. Когда были сказаны положенные при прощании добрые слова напутствия, уже прощаясь, Ларин сказал Березину:

— А вам, товарищ капитан третьего ранга, от нас еще и особое спасибо за подарок, который вы всем нам сделали в этом походе. — Заметив на лице старпома удивление, он разъяснил: — Может, это звучит несколько высокопарно, но точно отражает наше чувство. В этом походе всех нас вы причастили к подвигу. Знаете, в нашем экипаже какие все ребята сейчас гордые и счастливые ходят?! Прямо именинники.

Старшины ушли. Березин, повеселевший, улыбнулся:

— Скажет же такое — «причастились к подвигу»... Знали бы они, какого хвоста накрутил нам комбриг за это причастие.

А после старшин пришел лейтенант Казанцев и попросил вернуть ему обратно его рапорт.

— Передумали? — спросил его Логинов.

— Так точно, товарищ командир. Передумал.

— Вот как? Значит, убедили мы вас?

— Никак нет, не убедили.

— В чем же тогда дело? Почему вы вдруг передумали?

— Меня не беседа ваша, а капитан третьего ранга Березин убедил. — Помолчал и добавил: — Очень убедительно убедил.

Закрылась за лейтенантом дверь, а в каюте будто повеяло свежестью. Логинов подошел к Березину и со счастливо-задорной улыбкой сказал:

— Только во имя этого уже стоит рисковать и жить.

Стоит, конечно, но перспектива стать командиром подводной лодки для Березина стала сегодня намного более призрачной, чем когда бы то ни было. Удалой баран не ходит без ран.

* * *

В пятницу Золотухин побывал в политуправлении флота и беседовал с членом Военного совета, Логинову о содержании ее ничего не сказал. А в понедельник утром пришла радиограмма, что Логинова и Березина к 15.20 вызывает к себе «на ковер» командующий флотом. Кинулись они искать подплавский катер, но оказалось, что на нем уже ушел в штаб флота Щукарев. То ли не знал, что и их тоже пригласили туда, то ли ушел без них умышленно, не захотел их обоих видеть. Пришлось добираться до штаба флота на «Комете».

Вместе с ними увязался и сын Логинова — Павел. Он был непонятно в кого долговязый, по-мальчишески нескладный, но уже уверенный в себе и одержимый мечтой стать офицером-подводником. Как отец. Сейчас он добирался в город, чтобы купить кое-какие радиодетали. Он считал, что каждый флотский офицер обязан знать радиодело, сигналопроизводство и иметь хотя бы второй разряд по самбо. Последнее очень важно: честь флотского офицера надо уметь отстоять.

Все трое дружно молчали. Павел, воспитанный в строгости и вообще по натуре молчаливый, сидел напротив отца и смотрел в стремительно проносящуюся за окном «Кометы» воду. Его снедало беспокойство: шла уже вторая половина июля, а до сих пор все не было и не было вызова из училища.

Молчание нарушил Березин. Он шумно вздохнул, будто подвел итоговую черту под своими раздумьями.

— Да-а... Колесо фортуны, кажется, встало на капитальный ремонт. Ну, что ж, комфлота не выдаст, комбриг не съест.

— Ну-ну, Геннадий Васильевич, осторожнее на поворотах. Не забываете, что как бы там ни было, а Юрий Захарович все-таки мой

учитель и друг. — Логинов приструнил Березина хоть и шутиливо, но вполне серьезно. — Но в общем-то, командующий мужик рисковый. Вас, по-моему, тогда на флоте не было, когда он пришел к нам служить. Буквально накануне его прихода «сталинцам» ограничили глубину погружения: на одной из лодок делали контрольное сверление корпуса и обнаружили, что он подызносился. Иногда бывает такое — попали точно в центр коррозионной раковины, ну и пошла-поехала. В техупре^[6] испугались и снизили глубину погружения чуть ли не вдвое. Вот так и ползали мы, чуть рубку замочивши. Прознал про это командующий и на свой страх и риск на С-15 произвел глубоководное погружение на предельную глубину. Сам в лодке был, а всю свою свиту сопровождающих на берегу оставил. На всякий случай, чтобы не рисковать людьми понапрасну. Ну и все прошло благополучно, а нам опять разрешили нормально плавать. Так что, как видите, и ему не чужд риск. — И добавил, лукаво рассмеявшись: — Возможно, и не выдаст...

— Знаете, какой-то остряк сказал, что хорошо смеется тот, кто смеется без последствий, — усомнился Березин.

Павел слушал, переводил взгляд с одного на другого и догадывался, что у отца произошло что-то неприятное, но он ничего не говорил ни маме, ни ему, делал вид, что ничего не случилось. И этот сегодняшний срочный вызов к командующему флотом...

Нет, тут что-то не так... Об этом можно было судить и из немногословного разговора отца с Березиным.

— Бать, что-то случилось у вас на лодке? — тихо, чтобы никто другой не услышал его вопроса, спросил Павел. Военную тайну он хранить умел. А какой мальчишка, выросший в гарнизонах, не знает их?

Отец и Березин переглянулись.

— С чего это ты решил?

— Да по вашему виду. Вздыхаете тяжело, приглашение к командующему не радует. Дядю Юру ругнули.

— Ишь ты, Шерлок Холмс. Дедукция плюс интуиция? Нет, сынище, все в порядке. Просто Геннадий Васильевич новый тактический прием использования лодок предложил. А командующий им заинтересовался. Кстати, в последние дни я то в море, то занят и все забываю у тебя спросить, как с училищем. Вызов прислали?

— Да нет пока. Я и сам волнуюсь, как бы не опоздать.

— Не опоздаешь, — заверил сына Николай Филиппович, — я сегодня же туда позвоню, выясню, в чем дело.

— Вы в какое училище поступать собираетесь? — спросил Павла Березин.

— В имени Фрунзе. Его папа заканчивал.

— И я тоже.

— При вас, Геннадий Васильевич, в училище не был распространен шутейный устав военно-морских жен? — спросил Логинов.

— Как же, был. Вот только содержание его не помню по своему холостяцкому положению.

— Там есть такой пункт: «Жена морского офицера воспитывает ребенка, прививая ему любовь к отцу и Родине, отвращение к морю и лютую ненависть к врагам». Наша мать не справилась с этой своей обязанностью. Отвращения к морю Павлу не привила.

— Она старалась, пап, — усмехнулся Павел, — да ты пересилил.

В приемной командующего флотом адъютант, худенький и аккуратный мичман, попросил их подождать — командующий пока занят. В приемную то и дело заходили адмиралы, капитаны первого ранга, другие начальники, и чтобы не вскакивать каждый раз при их появлении, Логинов и Березин встали у боковой стенки за дверной портьерой, за которой их не было видно.

А в эти же самые минуты перед огромным и пустым, как бильярдный, письменным столом командующего тоскливо переминался с ноги на ногу Щукарев. От его всегдашней молодцеватости не осталось и следа: только что прямо при нем командующий позвонил в Москву начальнику управления кадров военно-морского флота и попросил, если это еще возможно и удобно, притормозить представление на Щукарева к контр-адмиральскому званию. Судя по реакции командующего, на том конце провода пообещали придержать. «Придержат... — печально и зло подумал Щукарев. — Отбирать — не давать, всегда проще».

Командующий, осанистый и совсем еще не старый мужчина, красивый какой-то особой мужественной красотой, внешне очень напоминал артиста Мордвинова в роли Котовского: та же стать, орлиная гордость во взгляде и, самое главное, тоже был обрит наголо «под Котовского». Он положил телефонную трубку, привычно огладил левой

рукой гладкую блестящую макушку и пронзительно взглянул на Щукарева.

— Военный совет флота допустил ошибку, представив вас, товарищ Щукарев, к адмиральскому званию. Будем ее исправлять. Если вы уже сейчас позволяете себе так вести, то чего же можно ожидать от зарвавшегося адмирала?

Щукарев почувствовал, как внутри него что-то мягко рухнуло, отдавшись слабостью в коленях. Ноющей обидой засадило сердце: «За что?!.. Я ли не тянул как вол?!..» И тут же на душе горькой пеной начала взбухать неудержимая ярость на Золотухина: как только Щукарев вошел в кабинет командующего и увидел на штативе, на котором обычно развешивают карты, лист ватмана с аккуратно вычерченной схемой маневрирования С-274 в Буйном, он сразу же понял, что здесь уже побывал его замполит. И схема маневрирования, и вообще все, что сейчас происходило в этом большом и гулком кабинете, все — дело его рук. Накапал, сукин сын, члену Военного совета... Недаром тот так и сверлит глазищами.

Член Военного совета, такой же крупный, как и командующий, но значительно постарше возрастом, и впрямь был разгневан, но гневался он больше не на Щукарева, а на самого себя: о грубости Щукарева, его нетерпимости он уже слышал не раз, не раз собирался его пригласить на беседу, но за разными неотложными и более важными делами все как-то не доходили руки. И вот дождался скандала...

— Мне, товарищ Щукарев... Товарищ Щукарев! — Щукарев настолько углубился в свою обиду, что забыл даже про командующего, и тот вынужден был окликнуть его. — Так вот мне совершенно непонятны мотивы вашего отношения к действиям командования двести семьдесят четвертой. Вы опытный подводник, прошли всю войну, казалось, вы должны были бы пропагандировать маневр Логинова, поставить в пример другим командирам четкость и продуманность его действий. Вместо этого вы устраиваете дикий разнос своему заместителю по политчасти, офицеру штаба флота, наказываете Логинова, его старпома. За что?! Почему?! Вы мне это можете объяснить?

— Так точно, товарищ командующий, могу. Логинов и Березин нарушили правила плавания на театре. Я считаю, что любое отступление от требований руководящих документов противозаконно и преступно. А они нарушили запрет на плавание в Буйном, шли на

неоправданный риск. — Щукарев настолько увлекся, что не заметил, как командующий порывался что-то сказать, открывал рот. Щукарева было не остановить. — Если каждый в армии начнет переиначивать законы по собственному усмотрению, надумает переосмысливать их критически, то армия превратится в вооруженный сброд, товарищ командующий. Идя на совершенно неоправданный риск, и это мое глубокое убеждение, Логинов совершил проступок, в корне подрывающий основы воинской дисциплины. — Щукарев начал переводить дух, и командующий, воспользовавшись паузой, спросил:

— О каком, собственно, запрете вы ведете речь?

— О запрете плавать лодкам в подводном положении в Буйном. В лоции, правда, написано, что плавание подводных лодок в подводном положении там «не рекомендуется», но я — военный человек и привык считать, что в армии «не рекомендую» это то же самое, что «запрещаю». Если, скажем, мне мое начальство что-то не рекомендует делать, то у меня и в голову не придет делать это. Так же, как и моим подчиненным, если я им не порекомендую... По-моему, все это вполне естественно.

— Хорошо, что это только «по-вашему». У вас, товарищ Щукарев, своеобразное отношение к русскому языку. — Командующий хмыкнул. — Выгодно вам — толкуете так, не выгодно — толкуете этак. Я вот, например, всю жизнь считал, что «не рекомендуется» вовсе не означает «запрещается». Это не красный свет, а желтый, говоря языком автомобилистов. Если ты собираешься сделать что-то, что делать почему-либо не рекомендуется, то прояви осторожность, бдительность, мудрость, наконец. Логинов и проявил все эти качества, форсировав Буйный с блеском. Больше того, своим маневром он наглядно доказал нам, что в плане противолодочной обороны бухты Багреновой у нас был допущен существенный изъян. И вина этому изъяну — традиционность нашего мышления, отсутствие гибкости в нем. А вот подводники вероятного противника вряд ли стали бы оглядываться на рекомендации нашей лоции, наверняка пошли бы на риск. Так что, товарищ Щукарев, Логинова поощрять надобно было, а не наказывать. И риск его был вполне оправданным.

— Товарищ командующий, — чуть не возопил Щукарев, хватаясь за последнюю возможность хоть как-то оправдаться, — капитан второго ранга Логинов не выполнил моего приказа. Когда я ему давал задание на поход, я ему прямо приказал не рисковать, не идти на поводу у

Березина. Я понимаю, возможно, мой приказ был и не совсем правилен в чем-то, но он был, и уставы требуют, чтобы любой приказ был выполнен, а потом лишь обжалован. Поэтому не наказать Логинова я не мог. Иначе... мой авторитет...

— Ваш авторитет? — У члена Военного совета, в отличие от командующего, голову украшала прямо-таки львиная грива. Только седая. И сейчас, когда он резко обернулся к Щукареву, грива зло вздыбилась над его головой. — Вы его уже давно растеряли...

Логинов и Березин протомились за портьерой уже минут пятнадцать-двадцать, когда, наконец, на столе у адъютанта замигала лампочка, и мичман подчеркнуто не торопясь, с чувством собственного достоинства прошествовал в кабинет командующего флотом. Через несколько мгновений он все так же с достоинством и не спеша выплыл из кабинета и, оставив распахнутой дверь, пригласил:

— Командующий ждет вас.

Они вошли. Сочетание в кабинете самого командующего, члена Военного совета и начальника отдела кадров флота добра не сулило, и Логинов с Березиным заметно приуныли. Что-то будет?! В сторонке на краешке стула притулился Щукарев. Широкое мясистое лицо его обвисло, было багровым и растерянным, и вообще он напоминал полуспущенную надувную резиновую игрушку — весь мягкий, потерявший форму. «Видать, всыпали все-таки... — не без злорадства подумал Березин. — Так тебе, деду Щукарю, и надо...»

Логинов доложил о прибытии и замер в тоскливом ожидании. Командующий кивнул на штатив с ватманом:

— Доложите свои соображения, товарищ Логинов, которыми вы руководствовались, принимая решение на форсирование Переймы в подводном положении. — Голос командующего был бесстрастен и строг, тон его не предвещал ничего хорошего.

Однако не успел Логинов раскрыть рта, как вперед выступил Березин.

— Товарищ командующий, разрешите докладывать мне? Капитан второго ранга Логинов по вводной штаба флота был в это время «убит», и поэтому лодкой командовал я. И все расчеты тоже делал я. — Березин, была не была, вмешался — решил всю вину принять на себя. И все это поняли.

— Ну, — чуть помедлив, разрешил командующий, — докладывайте вы, старпом.

Березин взял в руку указку, подошел к схеме, собрался с мыслями и начал говорить срывающимся от волнения голосом:

— П-против нас объективно б-были высокая выучка моряков б-бригады противолодочных кораблей и неб-благоприятная гидрологическая обстановка. Многодневный шторм перемешал воду, разогнал слой скачка, и акустики противолодочников могли работать на п-предельной дальности и глубине. Поэтому в-все наши попытки преодолеть рубеж ПЛО хрестоматийными методами успеха не имели. Под хрестоматийными методами я имел в виду... — Окунувшись в привычный мир расчетов, Березин сразу же успокоился, обрел уверенность, голос его утвердился. — Принимая решение на форсирование пролива Перейма в подводном положении, я прежде всего в крупном масштабе вычертил схему поперечных сечений фарватера между скалой и основанием острова, по которому должна была пройти лодка, рассчитал курсы, радиусы циркуляции при поворотах... — Говорил он теперь уверенно, легко и веско оперировал цифрами.

Начальник отдела кадров, сам в прошлом командир подводной лодки, встал рядом с Березиным и с неподдельным интересом разглядывал схему, не пропуская при этом ни одного слова из того, что говорил Березин. Член Военного совета походил на массивное изваяние, лишь глаза выдавали интерес, с которым он слушал Березина. Командующий выглядел совершенно бесстрастным.

— Доклад закончен. Считаю необходимым особо отметить высокое мастерство штурмана капитан-лейтенанта Хохлова, рулевых, гидроакустиков и электриков. Именно они больше всего способствовали успеху. — Березин замолчал и тут же со страхом осознал, что чересчур увлекся и доложил совсем не в той тональности, в какой следовало бы это сделать: в конце концов их пригласили сюда не хвалить, а наказывать. «А, будь что будет! Семь бед один ответ...» — с безнадежностью обреченного успокоил он себя.

— Да-а... Дела-а... — будто очнувшись от забытья, глухим прокуренным голосом протянул член Военного совета. — Вот тут пойдешь и разберись... Один требует — наказать, другой докладывает так, что в пору всех к орденам представить... Дела-а... — И покосился на командующего.

— Мы старались выполнить задание, — неожиданно даже для себя громко и дерзко выпалил Березин.

Командующий метнул удивленный взгляд на Березина, в раздумье огладил голову и, подойдя к схеме, принялся в какой уже раз внимательно разглядывать ее.

— Ваша оценка действий личного состава лодки, товарищ Логинов, совпадает с только что высказанной вашим старпомом?

— Полностью, товарищ командующий.

— Тогда будем считать, Артем Сидорович, — командующий повернулся к члену Военного совета, — что ваше предложение о поощрении личного состава двести семьдесят четвертой принято. Только, конечно, не орденами. — Он заметил, что глаза члена Военного совета удивленно округлились, и спросил: — У вас есть возражения?

— В общем-то нет, Андрей Сергеевич... Вот только как быть с командиром?..

— Это уже другой вопрос. Товарищ Щукарев.

Комбриг, точно его ужалило, вскочил, чуть было не опрокинув стул. Он ничего не понимал в происходящем: он ничего не нарушал, хотел как лучше, без фокусов и риска, а его жестоко выстегали. Этих же, он и до сих пор был уверен в своей правоте, почему-то хотят поощрять... Все стало вверх тормашками, вроде того злосчастного гюйса.

— Слушаю вас, товарищ командующий, — мятым голосом отозвался Щукарев.

— Наиболее отличившихся офицеров, старшин и матросов лодки поощрите своей властью. Да не скупитесь. Действовали они мастерски, и это надо оценить по достоинству. Не забудьте поощрить и старпома. — Командующий прошелся вдоль своего длинного стола и обернулся к обрадованным Логинову и Березину. — А вы, Логинов, чему радуетесь? Лично вас комбриг наказал правильно, и я его поддерживаю. Вы имели его приказание не идти на риск?

— Так точно, товарищ командующий, имел, — все так же радостно ответил Логинов.

— И тем не менее не выполнили его?

— Не выполнил.

— А приказы, любые приказы, как гласят наши уставы, надобно выполнять безоговорочно, точно и в срок. Даже если вы с ними и не согласны. Вы извините, что я выговариваю вам в присутствии подчиненного, но товарищ Березин уже без пяти минут сам командир лодки, и пусть он на вашем примере навсегда запомнит, что точное

выполнение приказов обязательно для всех, тем более для командиров кораблей. В первую очередь. Вы все свободны.

Когда Щукарев и его подчиненные вышли из кабинета, командующий погладил макушку и потерявшим строгость голосом сказал:

— Толковые офицеры, думающие. С такими воевать легко будет. — И тут же оговорился: — Но пока их в узде держать надобно.

— Но не передерживать, Андрей Сергеевич. А то из них такие же чересчур осторожные Щукаревы могут получиться, — сказал член Военного совета и вдруг засокрушался: — Проглядели мы человека, ох как проглядели! Особенно я!

— Бросьте, Артем Сидорович, все мы в этом повинны. Перехвалили безмерно.

— Товарищ командующий, — обеспокоенно спросил начальник отдела кадров, — а как же мне дальше быть с ними? С Логиновым и Березиным? Логинова мы начальником штаба назначить не можем, а с ним вот так, — кадровик сцепил пальцы обеих рук, — завязан и Березин.

— Чего это вы меня об этом спрашиваете? Вы же начальник наш кадровый, а не я, — усмехнулся командующий. — Как они вам показались?

— Отличные офицеры. Правда, Березин пока еще горячеват. Но с годами это пройдет.

— Пройдет, к сожалению... — раздумчиво протянул командующий. — Пройдет. Ну, раз отличные — планируйте их на строящиеся атомные лодки. Логинова — командиром, Березина — старпомом. Только на разные. Они, я вижу, спелись, а Березину пока пожестче командир нужен, его еще остужать иногда надобно.

ЭПИЛОГ

И вновь был июль, но в этом году тихий и на редкость знойный. Днем жарища загоняла столбики термометров до отметки тридцать пять градусов. Мальчишки и девчонки, не уехавшие на лето «на материк», с утра и до ночи барахтались в озерах. Чистая, словно родниковая, и прозрачная до дна вода прогревалась метра на полтора. И если плавать по поверхности, не становясь в воде вертикально, то купаться было

тепло, не хотелось вылезать. Но стоило невзначай опустить ноги вниз — и тут же тысячи ледяных игл впивались в подошвы.

Ни ветерка, ни просто легкого движения воздуха. Над сопками, засты солнце, лениво сбивался в пласты черный дым — по всей округе горели сопки. Горят они тихо и незаметно. В этой-то молчаливости и неприметности пожара в тундре и скрывается вся его жуть. Стоишь и не видишь, что огонь уже бушует под тобой, яростно пожирая нетолстый слой спрессованного мхового перегноя. Только ногам становится нестерпимо жарко да начинают вдруг на твоих глазах жухнуть, корчиться только что беззаботно шелестевшие листья низкорослых, анемичных березок. Беги с этого гиблого места, лети стрелой, пока не сожрало тебя тихонькое коварное огнище и пока не превратилось в раскаленный пепел все, что вокруг тебя, что под тобой, да и ты сам! Беги!

В один из этих тревожных душных дней на причалах нашей базы подводных лодок было шумно, многолюдно и торжественно. Посверкивая трубами, кучкой стояли музыканты. Одни из них рассказывали что-то веселое, другие продували свои инструменты, разминали пальцы, извергая из своих валторн, труб и тромбонов какие-то совершенно неорганизованные завывающие звуки. Все — и парадная форма офицеров, и сдержанный шум разговоров, и звуки настраивающегося оркестра, — все это напоминало оперный театр, торжественные, наполненные ожиданием минуты перед началом увертюры.

Сегодня в базу должна была прийти наиновейшая ракетная лодка. Ее ждали с нетерпением. Еще ничего подобного никто из подводников не видел. Она была уже где-то рядом, на подходе к базе.

Командир соединения подводных лодок контр-адмирал Логинов неторопливо прохаживался вдоль самого края причала, недовольно поглядывая на радужную пленку, пятнами расползшуюся по поверхности воды. Вот же, сколько ни ругай, сколько ни наказывай, а все равно не могут быть аккуратными.

Время не изменило Николая Филипповича. Он по-прежнему был таким же подтянутым и новеньким, как свежееиспеченный выпускник училища. Но только с адмиральскими погонами да с поседевшей головой.

Оркестр начал выстраиваться. Из-за сопки, обрывающейся прямо в воду, выползли буксиры, ведя за собой атомоход. Они вытянули его на

середину обрамленной со всех сторон гранитом бухты. Лодка произвела впечатление! Огромная, закованная в металлический корпус, она не выглядела громоздкой, даже, наоборот, казалась изящной. Округлый, правильной формы нос, маленькая рубка. Сзади, отделенная от корпуса водой, точно хвостовой плавник акулы, из глуби вздымалась на несколько метров острая лопасть стабилизатора.

Громадина, помогая буксирам, подрабатывала винтами и вскоре приблизилась к причалу. Матросы лихо перекинули на бетон причала трап, командир лодки, высокий капитан первого ранга, сбежал на причал, широко размахивая руками, подошел к Логинову.

— Товарищ адмирал, атомная ракетная подводная лодка прибыла в ваше распоряжение. По личному составу, работе механизмов замечаний нет. Командир лодки капитан первого ранга Березин!

Адмирал крепко пожал его руку, посмотрел на Березина счастливыми глазами и не удержался, обнял его.

— Ну, здравствуйте, Геннадий Васильевич. Вот и снова вместе. — И вдруг весело рассмеялся: — Но Буйным ходить больше не дам!

Чуть попозже, когда несколько улеглись суета и волнение и когда они смогли остаться наедине, Логинов, чему-то смущаясь, спросил:

— Как там мой-то?

— Павлик? Хорошо служит. За освоение новой техники медаль за бэ-зэ^[7] получил и досрочно капитан-лейтенанта. Вдумчивый паренек. Математик. — В устах Березина это была высшая похвала.

А. Радушкевич

ПОГРУЗКА ТОРПЕД

Когда устало ныли руки,
Скреблись в борта обломки льда
И по лотку сползала к люку
Торпеда скользкая. Когда

В луче прожекторного света
Грузили мы боезапас,
Продутые холодным ветром;
Когда заело полиспаг

И командир охрипшим басом
Три слова бросил в мегафон,
А ветер креп, и с каждым часом
Был ближе дальний полигон,

Тогда никто из нас, ручаюсь,
Про сущность мира и войны
Не думал, думали о чае,
Тепле, о том, что нам нужны

Хоть три минуты перекура,
Что сна сегодня не видать...
Звенел металл, дубели скулы,
Земля могла спокойно спать.

Б. Волохов
А МОРЕ ШУМИТ...
Рассказ

Вторая ночь шла на убыль, а я еще не смыкал глаз. Однако спать почему-то не хотелось, быть может, от непривычной обстановки...

Морской десант только что отбил контратаку «противника» и закрепился на возвышенности в километре от места высадки. Над лесом, что темнел на фланге, больше не взметались огненные всполохи, над головой не висел леденящий вой снарядов, не скрещивались раскаленные мечи прожекторов. Пушки, моторы, лязг гусениц — все умолкло вдруг. «Война» словно умаялась, выбилась из сил и прикорнула на всем приморском побережье. Не слышно было даже сверчков, которые обычно не умолкают в такие теплые летние ночи. Только где-то вдали шумело море. Шумело накатистыми вздохами с короткими ритмичными передышками.

На командном пункте, который морские пехотинцы оборудовали на склоне высоты, боевое напряжение тоже улеглось. Люди расслабились, и никто из них не знал, как долго продлится передышка и сколько еще придется отбивать атак «противника». Не знал этого, наверное, и сам майор Ойт, комбат морских пехотинцев.

Я развалился в праздности на ящиках из-под патронов и наблюдал за ним внимательно. Еще слегка взвинченный после боя, высокий, туго перетянутый ремнями, майор стоял в траншее, привалясь к брустверу, и, не оборачиваясь в сторону, где сидел радист Федотов, совсем не по-уставному требовал:

— Вызывай еще!.. Вызывай, голубчик!

Федотов щелкал тангентой и с новой настойчивостью повторял в микрофон:

— «Ястреб»! Я — «Волна»!.. Прием...

На позывные никто не откликнулся, рация молчала, и только море по-прежнему продолжало свою бесконечную песню. Майор Ойт чертыхнулся, нетерпеливо смял погасшую сигарету и стал вышагивать по траншее. Большой, резкий в движениях, он уже мало походил на того чуть высокомерного, самоуверенного человека, каким показался, и,

надо прямо сказать, не понравился мне вчера. Кажется, я еще подумал тогда: повезло мне, что попал на корабле служить к душевному командиру, а не к такому вот куску льда.

Но это было вчера, а сегодня майор уже не казался мне сердитым и недоступным. Больше того, он чем-то влюбил меня в себя, но чем именно, я пока и сам не знал.

Мысли мои еще вчера пошли кругом, и я никак не мог сосредоточиться. События, происшедшие со мной за последние сутки, напознали в моей памяти одно на другое, как вагоны во время крушения. Я нырял в сумятицу своих размышлений и каждый раз отмечал нелепость положения, оказавшись здесь, на берегу, с морскими пехотинцами, оторванный от своего корабля.

Впрочем, расскажу обо всем по порядку...

Еще засветло позапрошлым вечером десантники погрузились на корабли, и мы вышли в море. Когда покидали базу, погода была сносная, а потом заштормило. Налетел ветер, пригнал громадную тучу, хлынул проливной дождь.

Майора Ойта перемена погоды, кажется, обрадовала. Пока шли в район высадки, он то и дело поднимался на командирский мостик, немногословный, замкнутый, становился в сторонке и следил за нашей работой холодными голубыми глазами. Майор был подчеркнuto красив. Меня это почему-то раздражало, и в душе все более росло чувство симпатии к своему командиру, капитан-лейтенанту Белогорцеву. Я сопоставлял, сравнивал, и мне казалось, природа слишком щедро одарила майора изяществом бровей, носа, подбородка, но не дала чего-то самого главного, без чего его красивое лицо теряло что-то важное. А тут еще взгляд всезнающего, равнодушного инспектора, хотя майор со своими подчиненными были для нас, скорее, пассажирами.

Мне даже захотелось, чтобы разгулялся настоящий штормяга, — тогда-то у майора наверняка поубавится позы. Но когда небо и море почернели, Ойт щегольски расправил под ремнем куртку, подошел к нашему командиру капитан-лейтенанту Белогорцеву и неожиданно весело сказал:

— Глядишь, кэп, нам и повезет, а?

Его тон и манера обращения меня задели. Обидно стало за нашего командира, в которого весь экипаж был влюблен и которого сейчас называли кэпом. Жаргонные словечки у нас на корабле вообще были не в

почете. Я думал, Белогорцев тоже обидится, но он ответил совсем дружелюбно:

— Везение небольшое, товарищ майор. Видимость ухудшилась — это неплохо, а вот ветер крепчает...

Майор не успел ответить: корабль резко накренило, Ойта бросило на переборку, он едва удержался на ногах. Я откровенно усмехнулся и подумал: «Эх ты, пехота, на ногах не удержишься, а говоришь — повезло».

Мой командир обжег меня взглядом, резко приказал:

— Старший матрос Колосов, не отвлекайтесь! Ровнее держите корабль на курсе. — И, не замечая больше моего обиженного лица, спокойно сказал майору: — Скоро подойдем к точке поворота, пора готовиться к высадке.

— Лиха беда начало! — по-прежнему весело произнес тот, покидая мостик...

По сигналу с флагмана корабли повернули «все вдруг» и строем фронта на самом полном ходу устремились в сторону берега «противника». Качка усилилась. Корабль то взлетал на крутой гребень волны, то стремительно падал, будто в пропасть. Каково там нашей пехоте?..

Командир приказал мне передать вахту мичману Семину. В трудные минуты на руль всегда вставал мичман. Недаром он слыл лучшим рулевым во всей базе. Но на сей раз и он оробел.

— Можно ли подходить, товарищ капитан-лейтенант? Дует, как шальной... Волна крутая!..

— Подходите к берегу, товарищ Семин! — спокойно повторил Белогорцев. — Проверьте телеграфы. При подходе к берегу корабль одержим ходом — оба полный назад...

Темнота все еще скрывала берег, но мы ощущали его близость. В ходовую рубку доносился гул прибоя, который нарастал с каждой минутой. В воздухе, как чайки, носились хлопья пены. Впереди проглянула извилистая белая лента, тающим кружевом она очертила кромку берега. Громадная волна подняла корабль.

— Стоп дизеля! Оба полный назад!..

Корабль задрожал от огромного напряжения и... замер на месте. Из его раскрытого чрева в кипящее море уже плюхались бронетранспортеры. Командир наш стоял на правом крыле мостика и руководил высадкой десанта. И вот тут-то все случилось. Радист

морских пехотинцев матрос Федотов, с которым я незадолго до того познакомился, оказался вдруг за бортом. Бронетранспортеры уже приближались к берегу, а Федотов барахтался возле корабля. Он, наверное, испугался, что долго не продержится с аппаратурой на плаву, и стал звать на помощь...

Миг — и штормтрап за бортом. Федотов ухватился за него, стал подтягиваться, но тут налетела очередная волна — и радист снова скрылся под водой.

— Колосов!.. — услышал я голос командира и, поняв, что от меня требуется, прыгнул в воду.

Когда мы с Федотовым вынырнули, корабль удалялся. И хорошо — иначе под винты можно угодить. Откуда-то издалека, сквозь рев ветра, долетел голос капитан-лейтенанта:

— К берегу... плывите!..

Мне и без того было ясно, что самое лучшее для нас — выбраться на берег, но до чего же это тоскливо — видеть, как удаляется твой родной корабль...

Десантники уже вели бой с «противником», когда мы с Федотовым, держась за руки, выходили из воды. Корабли отошли мористее и через голову десанта артиллерийским огнем обрабатывали прибрежные высоты. Громовые раскаты сотрясали воздух, в светлеющее небо взметались огненные смерчи, по всему побережью стрекотали автоматы и пулеметы. А потом к этой разноголосице присоединился гул моторов. Он нарастал, приближался, низкий, давящий, пригибающий к земле, и мне стало не по себе. Зато Федотов, как только ступил на твердую землю, сразу преобразился. Наши роли теперь переменились: из опекуна я превратился в подопечного, притом, честно говоря, довольно жалкого.

Короткими перебежками мы догоняли атакующих. Федотов мчался через препятствия, как барс, зато я был мокрой курицей. Сырая одежда сковывала движения, ноги мои цеплялись за колючий ежевичник, я падал, чертыхался, вскакивал и снова падал.

— Ты что, матрос, по земле ходить разучился? — сердито спросил Федотов.

«Забыл, каким ты был в воде?» — подумал я с обидой, потирая ушибленные колени и локти. Уже не было сил бежать дальше, когда Федотов сказал:

— Слушай, Михаил! Оставайся здесь с гранатометчиками, а я махну искать комбата. Сам понимаешь, радист при командире должен находиться, а с тобой я до ночи не доберусь к нему... Эй, Джураев, приюти у себя моряка!..

Только теперь я разглядел лежащего неподалеку сержанта с гранатометом в руках. Он обернулся, приветливо произнес:

— Салям алейкум!.. Граната моя бери, помогать будешь танки бить. Лопата тоже бери — окоп тебе сделаем. Я помогать буду..

Сержант дал мне две гранаты и, перевалившись на бок, ловко заработал малой лопатой. Я тоже для виду ковырял землю, с тоской поглядывая в сторону берега. Там начинал светлеть горизонт. Чуть заметная слабенькая белая полоска отделяла небо от моря. Она ширилась на глазах, светлела и делалась вишнево-красной. Еще несколько минут, и небо стало золотым. Ярko очертились контуры облаков. Но море еще оставалось темно-серым. Потом появилась красная ниточка, она росла, превращалась в огненную горбушку, и вдруг из-под тучи необъятным пламенем вырвались лучи. Все сразу кругом ожило, небо стало голубым, море — зеленым. Огненно-красное, в легкой дымке солнце тоже менялось. Сначала к желтому, потом к белому горячему.

Странно как-то все устроено в природе: недавно лил дождь, небо было запятнано тучами, и вдруг все куда-то исчезло. Природа любит целесообразность и все уравнивает по своим законам. А человек?.. Человек, пожалуй, необычнее всего на свете: необыкновенней летних зорь, морских рассветов, быстро летящего облака, окрашенного первыми лучами солнца... Только одинокому человеку нельзя понять смысла и цели своего существования. Необыкновенным он становится, когда пристраивается к общности людей и через них — к природе и миру.

О многом, очень многом надо было мне подумать и многое разглядеть, прежде чем прийти к такой мысли. И мысль эта пришла потом, чуть позже. А пока что я наблюдал, как Джураев оборудовал окоп. Замурзанный и раскрасневшийся, он стоял на коленях и прикрывал зелеными ветками дымящуюся паром горку мокрой земли. Прищур узких глаз придавал его лицу мудрую задумчивость, а губы готовы были в любое мгновение распусться в улыбке.

— Пожалуйста, окоп твоя готов! — засиял Джураев. — Занимай свое место!

На меня вдруг нахлынуло чувство еще не осознанной близости к этому совсем незнакомому парню, а вместе с ними чувство стыда... Я торопливо вонзил лопату в стенку окопа, но сержант остановил меня:

— Не надо. Только испортишь — хороший окоп...

— Меня Михаилом зовут, — буркнул я смущенно.

— А я Садык.

— Садык Джураев. Значит, узбек?

Садык распластался в своем окопчике и строго сказал:

— Горячий наступает пора...

Из-за высоты справа вместе со знакомым давящим гулом выкатывали приземистые, темные танки.

— Граната метать умеешь? — Садык ободряюще подмигнул мне. — Пусть подходят близко!

Целясь, он прижался смуглой щекой к гранатомету, улегся поудобней. Я еще подумал: вот так, наверное, все морские пехотинцы, скрывшиеся в складках земной поверхности, исправно и по-хозяйски приготовились к тяжелой, но необходимой работе. А кругом уже ревели моторы, тяжело грохотали гусеницы. — казалось, весь мир заполнился железным воєм и скрежетом.

Подняв голову, я увидел танк совсем близко — прет прямо на нас. Его тень, длинная и уродливая, покачиваясь, легла на соседние кусты. Я знал, это свой танк, и все же, вобрав голову в плечи, готов был броситься в сторону, и только боязнь насмешек удержала на месте. К тому же и танк, кажется, шел не на меня, а на Джураева.

Когда я оглянулся, стальная махина уже проскочила линию окопов, а Садык стоя бросал ей вслед учебные гранаты. Тогда-то и я вспомнил про свои...

«Противник» еще не раз бросал против десанта свои силы, пытаясь опрокинуть нас в море, но морские пехотинцы стойко держались и даже медленно вклинивались в его оборону. В полдень десантники штурмом взяли важную высоту и закрепились на ней. Наступила короткая передышка. Собственно, передышки не было, смолкла стрельба, а десантникам было не до отдыха. Они оборудовали позиции, рыли траншеи, прятали технику в землю. Ни тебе резких команд, ни раскатистых окриков, которые подгоняли бы людей, — все происходило слаженно и умело.

А у меня на душе было скверно. Скверно от того, что мы всего за несколько часов огнем и железом исковеркали большой участок земли.

Цветы и траву превратили в пепел. Землю исполосовали гусеничными траками...

Я с детства люблю землю. Может, потому, что в деревне вырос, и земля всегда виделась мне такой доброй и щедрой, что ее нельзя не лелеять и не беречь. Деревушка наша, где я жил с родителями, утопала в садах и зелени. А рядом, за нашим маленьким домом, что стоял на самой окраине, начиналось великое поле хлебов. Как для младенца мила колыбельная песня матери, так мил и дорог мне звон спелых колосьев, стук кузнечика в скошенной ржи, сладок запах весеннего пара над вспаханной нивой.

А тут на моих глазах лысела, выгорала, трескалась земля. Мне трудно было совместить воедино чувство жалости к вечной природе и понимание той крайней необходимости, которая обязывает нас учиться военному делу...

В отделении Садыка Джураева меня уже считали своим. Я подносил боеприпасы, ломом долбил каменистый грунт. Добродушный Садык обучал меня премудростям солдатской жизни.

Во второй половине дня к гранатометчикам приехал Ойт. Комбат был строг, но, довольный, отметил, что на позиции порядок, назвал гранатометчиков орлами и велел не снижать готовность в любую минуту вступить в бой.

— Ну, флот, как на берегу воюется? — обратился он ко мне.

Я живо вспомнил холодные «инспекторские» глаза майора. Но, наверное, оттого, что было много солнца, на этот раз лед в его глазах растаял. Я даже растерялся — столько дружелюбного участия светилось в этом взгляде.

— Небось жарко с непривычки?

Действительно, было жарко и от палящего солнца и от непривычной обстановки, но я ответил сдержанно:

— Ничего, жить можно.

Майор оценивающе оглядел меня, и как будто опять в глазах его просквозил холодок, от которого я поежился.

— Спасибо, матрос, за выручку, — сказал он серьезно, — от меня и от всего батальона спасибо. — Вы настоящий товарищ... Едемте со мной, на командном пункте вам сподручней будет. На корабль еще не скоро попадете.

Мне не хотелось уходить из отделения Джураева, но возразить не осмелился.

— Товарищ майор, насовсем забирать Миша от нас не надо, — вмешался Джураев. — Моя отделения он теперь прописан.

— Спасибо, Садык, вернусь к тебе обязательно, — пообещал я, влезая в бронетранспортер.

Уезжая, Ойт еще раз поблагодарил гранатометчиков за добросовестную службу, а потом, наверное, для порядка строго сказал:

— Зорче смотрите! Деревья без надобности не калечьте!

На командном пункте мне действительно показалось уютней. Не надо было подниматься и бежать в атаку, падать в колючую траву, шарахаться от мчащегося на тебя танка.. К тому же сержант Федотов обрадовался моему появлению, и я прикрепился к нему напрочно. Одним словом, стал штабистом. Я бы не сказал, что такое положение меня радовало, но, в конце концов, устраивало.

С Джураевым мы снова встретились под вечер. Он прибежал на командный пункт, буквально свалился в траншею и, не переведя дух, выпалил:

— Где командир?!

— Что случилось, Джураев? — спокойно отозвался майор.

Садык заговорил сбивчиво:

— Окоп копал... Грунт твердый, камень много. Лопата в землю — огонь в стороны... Думал, камень, гляжу — это. — Джураев протянул комбату ржавую каску. — Еще копал и орден находил. Вот...

Мы сгрудились вокруг майора. Он молча рассматривал каску и потускневший орден Славы. Все молчали. В глазах майора опять стояла холодная синева, но где-то в самой глубине ее мне почудились грусть и тревога.

— На этом месте проходили кровопролитные бои, — заговорил он тихо. — Где-то здесь и мой отец сражался...

Последнюю фразу Ойт произнес почти неслышно. Потом передал орден Джураеву:

— Поберегите. Домой вернемся — в музей сдадим. А по номеру ордена узнаем, кому он принадлежал.

Джураев завернул находку в платок, спрятал в нагрудный карман, неторопливо надел каску и пошел по кособокому к своим гранатометчикам. Мы молча разошлись по местам...

С той минуты у меня не выходил из головы неизвестный солдат в каске, что сидел в окопе и на которого шли танки... Нет, не свои, как у нас сейчас на учении, а фашистские...

Мысль моя то и дело переносилась в ту обстановку, в которой оказался тот, может быть, такой же юный, как мы, но сожженный войной солдат. Может, он тоже любил песню жаворонка в бездонно-синем небе, писал ласковые письма голубоглазой девушке и обещал ей вернуться с победой. На перекуре между атаками любовался нежными цветами и думал о самом заветном. Он очень хотел, чтобы это заветное сбылось. А на него пошли фашистские танки...

Жутко все-таки, когда представишь, как все это было...

— Ты не спишь, Миша? — На ящики ко мне подсел Федотов.

— Не до сна почему-то, — ответил я ему.

— Тсс! — прижал он палец к губам. — Комбат заснул. Связались наконец с этим «Ястребом»...

Мы уселись рядышком, плечо к плечу, и молчали. Темнота заметно редела, становилась проницаемой, мягкой. Деревья по сторонам уже не расплывались в черные пятна, их контуры вырисовывались четко. Но в небе еще сочными гроздьями висели звезды. И тишина. Такая тишина, что казалось, будто звезды чуть слышно звенят.

— Сколько, по-твоему, лет вот этой березе? — шепотом спросил Федотов.

— Лет тридцать, а что?

— Говоришь, тридцать? — Федотов уселся поудобнее. — Ты знаешь, отец мне рассказывал, как однажды его ранило в бою. Фашистов погнали дальше, а он без сознания остался лежать на полянке. Когда пришел в себя, почувствовал: пить смертельно хочется. Только бы один глоток воды — и жизнь возвратится к нему! Представляешь, один глоток, а фляжка пустая. И тут он увидел рядом березку. Ранило ее снарядами. Видит — сок течет по коре. Весной дело было. Кое-как пополз, припал к ране... Потом его подобрала. Выжил он. Говорит, это березка спасла его.

— Может, и тот солдат, чей орден нашел Садык, тоже не погиб? — произнес я.

— Кто его знает! — отозвался Федотов. — Комбат же сказал, что наведет справки. А уж он, если сказал, сделает. Твой-то отец воевал?

— До Берлина дошел — и ни одной царапины. Повезло...

— Представляешь, — снова зашептал Федотов, — комбат наш мальчишкой воевал. Был сыном полка. В Эстонии наши солдаты его подобрали. В десять лет медаль «За боевые заслуги» получил.

— До чертиков ты любишь своего майора.

— Мы все его любим. Строгий он у нас, но справедливый. А тебе нравится твой командир?

— Скажешь тоже!.. Конечно, нравится...

— А чего ж тогда удивляешься, что мы любим своего комбата?

— Не удивляюсь, а просто спросил.

— Ну и я просто спросил, — усмехнулся Федотов.

В лесу защebetали птицы. Светало. Уже можно было различить цветы. Все начинало жить в полную меру: трава, деревья, птицы. Мир снова становился цельным и гармоничным, как в раннем детстве, когда мысль о конце ни разу не ознобила мою душу. И оттого, что наступал рассвет, буйствовала природа, что рядом со мной сидел Федотов и вообще, что появились у меня новые друзья, хотелось снова что-то делать для людей и для времени.

А вдали по-прежнему шумело море, шумело накатистыми вздохами, с короткими ритмичными передышками... Я слушал море и подумал: проснется майор — попрошусь в отделение Джураева. Там работа погорячее. До корабля я еще не скоро, видно, доберусь, а быть гостем на учениях — не матросское это занятие.

ФЛОТ ВЕДЕТ БОЙ

Флот **ВЕДЕТ БОЙ**

С. Чумаков
ВИДИМОСТЬ — «НОЛЬ»
Повесть

МОСКВА. 10 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА

В папке утренней почты наркома морского флота была информация из английского адмиралтейства. Союзники сообщали, что 5 января в 15 часов 50 минут радиоцентром Акурейри (Исландия) от советского судна принят сигнал бедствия:

«Торпедирован на 74°12' норд 17°54' ост. Всем: на Медвежьем наблюдательный пункт немцев».

В эфир судно больше не выходило.

Нарком, в недавнем прошлом полярник, понимал, что если кто и спасся, то уже давно мертв: по всему Баренцеву морю шли нескончаемые штормы с ураганскими ветрами. Мороз был ниже двадцати.

Но именно в эти морозные полярные ночи, в шторм и пургу поодиночке уходили наши транспорты на прорыв, через Атлантику, где на всем пространстве от Новой Земли до Ньюфаундленда разбойничали фашистские подводные лодки.

После разгрома конвоя PQ-17 союзники временно перестали формировать караваны судов на Мурманск и Архангельск. Вот тогда в наркомате и родилась идея — выпускать пароходы в одиночные рейсы. Маскировка от воздушных налетов — полярная ночь. Непрерывные штормы, снежные заряды, движение вдоль кромки льдов в ледяной шуге снижали вероятность атаки подводными лодками. Суда должны были достигнуть американских портов, принять военные грузы, которые США обязались поставлять по ленд-лизу, и через Панамский канал, Тихий океан доставить их во Владивосток.

Моряки окрестили эти одиночные рейсы «каплями». Пока из восьми «капель» бесследно исчезли две.

К информации из английского адмиралтейства была подколота краткая справка о судне:

«Лесовоз «Ванцетти», порт приписки Владивосток. Построен на Балтийском заводе в 1928 году. Направлялся с грузом леса из Архангельска в Нью-Йорк для ремонта и дальнейшего следования во Владивосток. Команда — 44 человека. Капитан — Веронд Владимир Михайлович, 1912 года рождения, эстонец, беспартийный, холост».

«Ванцетти»... Память подсказала наркому, что с этим лесовозом уже были однажды неприятности. Да, апрель прошлого года... Это ведь его задержали японцы. Увели в какой-то из своих портов: попытка обвинить в шпионаже в пользу союзников. Десять дней допросов, обыски...

Нарком взял толстый красный карандаш, размашисто, наискось справки, как бы окончательно перечеркивая название парохода и все, что с ним связано, «съедая» концы слов, написал:

«Исключ. из списков, сообщить Арх. и Владив.».

Вестям о мертвых срочность не обязательна. Во Владивосток пакет из наркомата пришел в конце второй декады января, в тот момент, когда начальник пароходства и его заместитель по кадрам обсуждали проблему, как наскрести команду для очередного уходящего в рейс судна.

— Что, неприятности? — озабоченно спросил кадровик, увидев, как помрачнело лицо начальника.

Тот, не выпуская страничку из рук, подошел к карте, поставил крестик в Баренцевом море, сказал с горечью:

— Вот здесь торпедирован «Ванцетти». Две недели назад. Черт, а я хотел сберечь Веронда для флота. Он ведь все пороги обил, требуя отправить его в действующую армию. Видишь ли, считал, что больше пользы принесет, командуя торпедным катером. Готов был даже идти в морскую пехоту.

АРХАНГЕЛЬСК. 20 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА

В этот декабрьский день «Ванцетти» еще стоял у бревенчатой стенки лесобиржи. Запорошенный снегом, вмерзший в лед, без единого огонька, лесовоз казался покинутым командой надолго — до далекой весны, когда в океане утихнут свирепые зимние штормы.

Но пароход жил. На лед спустились четверо и пошли гуськом через Северную Двину в город. Пройдя с полкилометра, пролагавший путь массивный, двухметрового роста, матрос остановился.

— В тайге проще ходить, — сказал он. — Погодим маленько. Где тут какая сторона? Где ж та хренова вешка? — Он включил фонарик, и конус синего света заметался по сугробам.

— Быстрее ищите, Машин, — недовольно отозвался капитан, шедший за ним след в след. — Двинемся на звук.

— Его же ветром сносит в такую метель. Вешка нужна, — упрямо повторил матрос.

— Есть вешка! — неожиданно воскликнул радист Рудин: в голубоватом круге чернела верхушка елочки.

— Ну, маркони, ну, нанайский глаз, — повеселел Машин, — тебе не морзянку ключиком стучать — белок в тайге бить!

— Комментарии завтра, пошли! — торопил капитан.

Снова двинулись вперед, подсвечивая тропу хитрыми американскими фонариками: хочешь — синее стеклышко можно выдвинуть, хочешь — красное или зеленое, а можно и просто белое оставить. Но кому сейчас нужна эта маскировка, какой «мессер» в пургу, ночью появится над Архангельском?

Замыкал группу худенький юнга. Его, почти мальчишку, съедало любопытство:

— Слушай, маркони, а что это капитан не в себе? Как стали собираться, так покой потерял. С чего бы это?

— Потеряешь... — неопределенно отозвался Рудин. Он догадывался, в чем дело, но рассуждать на эту тему не хотел. Когда капитан нацепил кобуру, взял портфель, ему велел взять полевую сумку да еще охрану приказал снарядить, Рудину стало ясно: возвращаться придется с засургученными пакетами. А их выдают лишь в одном случае — перед выходом в море.

Капитан действительно был, как выразился юнга Серега Зимин, не в себе. Всего час назад у него еще теплилась надежда встретить Новый год здесь, но вызов в пароходство менял все. Он шел молча и хмуро, а в голове у него, словно дрянная пластинка, прокручивался месячной

давности разговор в техотделе пароходства. Он требовал, чтобы пароход поставили в док.

— Поймите, мы уже семь месяцев таскаемся со скоростью пешехода. Мы не годимся даже в баржевый конвой. Ведь это безумие — с таким винтом идти через Атлантику, а нам рано или поздно придется. Это же все равно что фланировать по переднему краю в расчете на перелет, недолет или пальбу мимо.

— Понимаю вашу озабоченность, капитан. — Ах, как противно, долго, не спеша старичок инженер протирал пенсне, упрямо глядел мимо него. — Судя по вашей докладной, лопасть вы изволили погнуть недавно, в Карском море. Причем замечу, всего одну. Вам, голубчик, еще повезло, учитывая ледовую обстановку минувшей полярной навигации.

— Но нам еще во Владивостоке поставлен винт с неправильно рассчитанным шагом. Удар льдины усугубил... Из-за винта машина все время работает на пределе, котлы в аварийном состоянии. Все может к черту полететь в любой точке океана.

— Позвольте, но какие к нам претензии? — Инженер развел руками: в одной — пенсне, в другой — носовой платочек. — Все вопросы к тому, кто принял судно...

Как он тогда не сорвался? Его недвусмысленно обвинили в том, что он прохлопал брак. Не объяснять же, что лесовоз из Владивостока шел в Америку на ремонт, а вместо этого пришлось срочно доставлять снабжение в заполярные порты. Не рассказывать же о ранней подвижке льдов в Восточно-Сибирском море, о том, как льды выжимали на запад суда, уродуя обшивку, калеча винты. Сам прекрасно все знает. Капитан ответил лишь одной фразой: «Вы должны понять, война заставила».

Инженер наконец прицепил пенсне, сказал:

— Война войной, голубчик. Кто-то под предлогом временных трудностей сделал вам ремонт по принципу тят-ляп. Вы не устояли перед требованием немедленно выйти в море, не позволили себе испросить пару дней для скрупулезнейшей проверки всего, что нагородили дальфлотские ремонтники. В мирное время мы бы исправили ваш брак. У нас прекрасный завод. Вы были там? Нет? А жаль, убедились бы, что теперь нет ни сил, ни материалов. Понимаете, ни-че-го. Вы бы увидели, кто там остался. У меня внучка в «глухарях». Шестнадцать лет — и заклепки, кувалдой, в две смены.

Пришлось самим обрубить погнутую часть лопасти. И вот теперь этот вызов в пароходство. Давно ожидаемый и все равно заставший врасплох.

В кабинете начальника пароходства стелилось облако табачного дыма. Когда Веронд доложил о себе, хозяин кабинета начал без всяких предисловий:

— Итак, погрузку вы закончили.

— Давно. Сейчас своими силами пытаемся привести в порядок котлы.

— Ремонт закругляйте срочно.

— Но...

— Знаю, о чем собираетесь сказать. Отменить приказ не имею права.

— Но, — упрямо продолжал Веронд, — «Ванцетти» в любой момент может оказаться беспомощным, как разбитый параличом старик. Страна может потерять пароход. — Говорил с холодным спокойствием, словно речь шла не о нем самом, его команде и судне, а о ком-то чужом. — Но... это не значит, что я прошу вас отсрочить или отменить приказ. Я лишь ставлю вас в известность о состоянии судна, как видите, даже без письменного рапорта. Капитан ведь имеет право на это?

— Да, Владимир Михайлович, имеет, но он, то есть вы, обязан мобилизовать все силы, чтобы дойти куда приказано. Вот пакет. Координаты, где его надлежит вскрыть, указаны. Распишитесь в получении.

Прежде чем поставить дату и подпись, Веронд полюбопытствовал, за чью она следует. «Цибульский Владимир Андреевич, капитан «Кузнеца Лесова». Почти месяц они стояли на лесобирже рядом. Где он теперь?

Размашистая подпись не уместилась в отведенной клетке. Веронд смущенно пыхнул трубкой, виновато посмотрел на начальника пароходства и встретился с его странно-настороженным, изучающим взглядом.

— Вы, кажется, знали капитана «Кузнеца Лесова»?

— Как понять — знал? — севшим голосом переспросил Веронд.

— Не хотел сообщать перед выходом, но... Но, может быть, правильнее, чтобы вы знали: «Лесов» погиб. Все погибли.

Голос доносился словно издалека. «Все погибли»... Совсем, кажется, недавно он, Веронд, зашел в каюту Цибулькина. Владимир Андреевич сидел в обтянутом белоснежным чохлом кресле, уютный, домашний: в толстом свитере, холщовых штанах, шерстяных носках домашней вязки. И сама каюта — словно частичка далекого-предалекого дома. Привычные морские атрибуты как-то трогательно уживались с вещами, в которых ощущалось незримое присутствие жены. На диване подушечка-думка, вышитая крестиком. Над письменным столом в раме под стеклом множество фотографий: дореволюционные, на плотном картоне с потускневшими бронзовыми названиями фотоателье, недавние, любительские. Портреты самого Цибулькина, жены, детей. Фото пароходов, на которых Владимир Андреевич переплавал за сорок лет флотской жизни.

Все это вспомнилось с поразительной ясностью. Веронд почти увидел живого Цибулькина.

— Где это случилось? — спросил он.

— Сведений нет. — Начальник пароходства подошел к карте, очертил круг размером с Кольский полуостров. — Думаю, где-то в районе Медвежьего. Суда сразу попали в шторм с ураганными ветрами. Английские корабли охранения потеряли караван. Часть судов вынуждена была пройти вблизи от Норвегии и, представьте себе, удачно. Прорвались все. А «Лесов» и «Энгельс» продолжали двигаться рекомендованным курсом, к норду, и вскоре потеряли друг друга из виду. «Энгельс» добрался, а «Лесова» кто-то перехватил, рейдер или подлодка.

Веронд вдруг совершенно ясно увидел кренящийся пароход, лицо капитана Цибулькина и еще распахнутую дверь радиорубки, красавицу Леночку Кривошееву, ее руку на ключе, так и не успевшую отстучать последнюю радиограмму, единственную радиограмму, которую судно могло открытым текстом послать домой.

А начальник пароходства продолжал говорить, словно вбивал гвозди:

— Мы считали, что выход конвоя из Архангельска прошел незамеченным, но, как оказалось, о нем стало известно немецкому командованию. А о конвойных кораблях мне вчера сообщили такую деталь. — Он зло ткнул папиросу в пепельницу. — Коммодор на своем эсминце оказался в Рейкьявике раньше всех. На подходах к порту пароходы встречал. Говорят, шел противолодочным зигзагом, делал

контрольные бомбежки глубинными бомбами, стрелял из всех видов оружия. Так-то, Владимир Михайлович... Тем труднее мне вас отправлять. Извините, что на прощание ничего веселого рассказать не смог.

Весь обратный путь шли молча. Машин и Зимин все-таки ухитрились у кого-то узнать, что их судно вот-вот «вытолкнут» из Архангельска. Расспрашивать было не о чем.

Снова нависла громада «Ванцетти». Последние торосы — след канала, по которому не так давно ледокол уводил «Лесова». Место, где он стоял у причала, угадывалось по пространству гладкого льда, окаймленному глыбами. Остался только этот след.

Веронд заглянул в штурманскую рубку, приказал вахтенному помощнику отменить все утренние отпуска на берег, проверить наличие людей. Затем прошел к себе в каюту, вытащил из портфеля засургученный конверт. На нем были написаны только две строчки: позывные «Ванцетти» и координаты, где конверт предстояло вскрыть: 72°52' норд и 41°42' ост. Та же точка, что у Цибулькина. Значит, и путь, по которому предстоит идти, будет тот же.

За плотно закрытым иллюминатором гудела, свистела вьюга, что-то поскрипывало. В этом скрипе слышался другой, похожий звук — из далекого детства: скрип флюгера над старым домом в Ревеле, где он родился, где жил мальчишкой.

Он помнил только свой дом и дом напротив, тоже очень старый и тоже с флюгером на коньке крыши. От тех времен сохранилось еще ощущение грозной опасности, ворвавшейся вместе с отцом, вооруженным винтовкой. Наспех собрались. Поспешно покинули город, затянутый сеткой дождя. Тряслась старая повозка. Фыркали кони. Они уходили из Ревеля вместе с красным эстонским полком. Разве мог он тогда догадаться, что путь этот закончится за десять тысяч километров от дома, во Владивостоке? За долгие годы жизни на Дальнем Востоке Веронд почти разучился говорить на родном языке. Лишь акцент остался, по которому даже на Камчатке спрашивали: «Вы финн или эстонец?» Страстное желание вернуться в город своего детства продолжало жить. В пятнадцать лет он сбежал из дому в юнги, потому что думал: моряка может занести судьба даже в город, ставший столицей страны, где правили буржуи. Он верил, что память детства

точно проведет его по узким улочкам и ухо чутко уловит скрип того единственного флюгера на доме, в котором он родился.

Но все время был Тихий океан. И даже будучи капитаном, когда Эстония снова стала советской, он не мог распорядиться маршрутом своего парохода и привести его в Таллин. А покинуть Дальневосточное пароходство и уехать на запад он не считал себя вправе. Здесь ему, двадцативосьмилетнему, оказали честь, доверили пароход.

Странно, но давнее воспоминание — скрип флюгера над старым домом — всегда возникало как первое предупреждение о надвигающейся опасности.

ТРОНХЕЙМ. 22 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА

Одной из лучших баз немецких подводных лодок в Норвегии был Тронхейм. От воздушных налетов лодки спасал накат бетона четырехметровой толщины. К осени 1942 года пора легких побед прошла. Уже дважды полностью обновлялся состав флотилии. Лишь одна лодка — V-553 — казалась неуязвимой. Ею с начала войны бессменно командовал корветтен-капитан Карл Турман. Хотя было ему всего двадцать четыре года, но за ним прочно закрепилась кличка «Старый хитрый лис». С завистью так его называли. Выжить два года в подводной войне значительно труднее, чем прокоптить сто лет на берегу.

К выходу все было готово, и Карл отправился в город. Он не обращал внимания на дождь — морозящий, холодный, на редких прохожих, жавшихся к серым, мокрым стенам домов, не поднимал глаз, даже когда приближался стук солдатских сапог и чья-то рука взлетала, приветствуя его. Казалось, корветтен-капитан был поглощен лишь соблюдением точности шага и созерцанием собственного зыбкого отражения в мокром граните мостовой.

Он поднимался к собору, такому же древнему, как сам город в глубине фиорда. Когда-то отсюда уходили викинги искать новые земли и наживу. Собор был построен в те далекие легендарные времена. Гулкий, холодный, с готическими сводами, словно размытыми дневной полумглой, с наивной мозаикой витражей, аскетическими статуями святых и пышными надгробьями, он словно возвращал Карла в тюрингский городок, столь же старый, как и Тронхейм, так же уютно

дремлющий в складках лесистых гор. В его городке был собор, до странности похожий на этот, что говорило о духовной близости викингов и nibелунгов. Однако не высокие сравнения, не ностальгия по родине и не сентиментальные воспоминания о провинциальной юности влекли его сюда. Карл Турман был глубоко религиозен и считал святую веру лучшим, что воспринял от горячо любимых родителей. Он с ними расстался всего четыре дня назад.

После труднейшей охоты — непрерывный десятибалльный шторм и всего одна победа — он вернулся в базу, получил законный десятидневный отпуск. Но... дома не нашел ни утешения, ни радости. Даже прощальная фраза матери, сказанная шепотом, чтобы не услышал отец, прозвучала похоронно:

— Боже, ты даже не можешь попасть в плен в своем море. Тебя там даже не могут ранить...

Весь путь из дома он старался забыть этот шепот — панихиду по нему, живому. Но шепот все время возвращался и сейчас, по пути к собору, звучал в ушах, заглушая и шум дождя, и стук сапог, и шорох шагов прохожих. Карл старался убедить себя, что женским страхам нечего верить, что по-прежнему его хранят счастливая звезда и спасительная сила святой исповеди. Да, да, исповеди. Особенно в последнее время она стала не только частью веры, а суеверной необходимостью. Отпущение грехов превратилось для него в незримый талисман, который он как бы принимал из уст священника перед каждым выходом в море.

Ритуал посещения собора был всегда одинаков, как и шаги по гранитным торцам. Карл входил смиренно и тихо в гулкую тишину, осенял себя крестным знамением, потом проходил к последнему ряду скамей, садился и устремлял взгляд куда-то сквозь алтарь, вспоминая все, что с ним случилось от начала последнего похода до этого часа. Он вспоминал весь путь милю за милей, день за днем, чтобы четко отсеять долг от греха.

Война есть долг. Войне он отдавал месяцы, а берегу — дни. Всякий раз с удовлетворением убеждался в ничтожности своих грехов, и это радовало. Но случалось, что его посещали сомнения, Карл не мог сам решить, на какую чашу весов бросить поступок. Тогда, взвешивая каждое слово, отдавался на суд пастора.

Так уже было однажды. Боже, как давно, еще весною, когда моторист второго класса Пауль Рашке сошел с ума. Находясь в точке

50°45' норд и 49°30' вест, Карл приказал всплыть, сунул в карман «вальтер», поднялся на мостик, скомандовал самый полный вперед, а затем к нему привели безумного моториста. Сквозь стук дизеля кое-кому в центральном посту слышался щелчок пистолетного выстрела, после которого командир быстро спустился вниз. Один. Скомандовал погружение. Затем подошел к вахтенному штурману, приказал:

— Занесите в журнал: координаты... время... При ходе десять узлов, шторме десять баллов, видимость — ноль моторист второго класса Пауль Рашке смыт волной за борт. Поиски не увенчались успехом.

Исповедуясь после этого, Карл признался пастору:

— Каюсь, я был вынужден силой приблизить к богу подчиненного мне матроса.

— А слова не нашлось у тебя, сын мой, доброго слова?

— Он был глух к словам.

Пастор поспешно отпустил этот единственный грех.

После той исповеди прошло уже долгих семь месяцев. Он, Карл Турман, по-прежнему жив. Значит, прав перед рейхом и чист перед богом.

Вот и сейчас командир V-553 вошел в знакомую гулкую полумглу. Собор был пуст. Он сел на свою скамью с высокой резной спинкой. Сегодня, накануне рождества, он решил подольше побыть здесь. Сегодня его юбилей.

Ровно два года назад, еще обер-лейтенантом, он вступил в командование этой лодкой, только что построенной в Гамбурге. Недели, даже месяцы постепенно стерлись из памяти, да и зачем их помнить? Достаточно заглянуть в вахтенный журнал, там записано все. Вспомнилось недавнее, начало 1942 года...

Кончался двенадцатый день января. Соблюдая полное радиомолчание, стаи подводных лодок затаились вдоль берегов Северной Америки. Карл всплывал лишь по ночам для подзарядки аккумуляторов и чтобы хлебнуть свежего воздуха. По ночам радист не снимал наушники, ожидая сигнала начала операции, которую какой-то романтик в штабе Деница называл «Удар рапирой».

Карл время от времени давал команду всплыть на перископную глубину, конечно, когда акустик переставал монотонно бубнить: «Слышу шум винтов, пеленг...» В перископ были видны мачты, грузные, неповоротливые туши пароходов. Они шли чередой, не таясь,

чаще всего безо всякого охранения, словно не было войны. По ночам сверкали огнями. Ночью Карл часами простаивал на мостике, нетерпеливо и алчно провожая эти огни, на глаз прикидывая тоннаж проплывавших судов, и не смел до условного сигнала начать торпедную атаку. Он знал: десятки командиров так же, как он, стоят на мостиках и, словно коты на масле, смотрят на пароходы, так доверчиво подставляющие свои скулы под удар.

Наконец в полночь 13 января был принят условный сигнал. Командиры получали свободу действий у берегов Америки.

— Слава богу, какая удача! — воскликнул Карл, тут же скомандовал боевую тревогу и вскоре: — Первый, второй торпедные аппараты, товсь!

Рядом проходил огромный «пассажир». Он был иллюминирован, как новогодняя елка, оттуда доносилась беспечная джазовая мелодия. Не нужно было даже разворачиваться на боевой курс — так удобно шел пароход. Карл не захотел спускаться в боевую рубку, только вахту отправил вниз. Он хотел все увидеть и услышать сам.

Прочертили море следы торпед. Раздалось два взрыва. Выше огней взметнулись столбы воды. Через несколько минут на том месте, где был пароход, шевелилась какая-то мелочь, на поверхности лопались огромные пузыри воздуха, слышались приглушенные расстоянием и шумом волн крики. На востоке занималась заря. Лодка погрузилась и исчезла, как будто ее здесь никогда не было.

Карл спустился в центральный пост, сбросил реглан, пожал руки офицерам, поздравил с первой победой. Прошел через унтер-офицерский кубрик. Там боцман, обладавший талантом красиво писать цифры, выводил на вымпеле последний ноль.

— Двенадцать тысяч — неплохое начало, а боцман?!

— Так точно, поздравляю! — ответил боцман, пытаясь вскочить с неудобной койки.

— Сидите, боцман, готовьте еще один вымпел, — сказал командир и отправился в каюту соснуть часок-другой.

Однако его вскоре подбросил возглас акустика:

— Пеленг семьдесят пять. Слышу шум винтов. Пеленг семьдесят пять. Слышу шум винтов. Шум винтов усиливается.

Видимо, тонущий «пассажир» успел послать в эфир сигнал бедствия и кто-то, забыв об осторожности, спешит ему на помощь, может быть, по наивности своей думает, что причина драмы —

принесенная невесть откуда мина. А это было начало тотальной подводной войны. «Удар рапирой» пронзил тысячекилометровое прибрежное пространство вдоль Америки. Жертвой его стали десятки судов.

Ровно через час тридцать две минуты после контакта с новым судном боцман с удовольствием рисовал цифры еще на одном вымпеле.

Так началась для Карла самая большая и удачная охота.

Здесь был воистину край непуганых кораблей. Они плыли, словно утки по заповедному озеру, неторопливо ворочая лапами-лопастями, побрякивая басовитыми гудками, оставляя за собой шлейфы черного дыма. А Карл чувствовал себя охотником, затаившимся в камышах, с прекрасным, доставшимся от деда ружьем, сработанным тульскими мастерами, и бил без промаха. Он с удовольствием обнаружил, что судоходство у берегов Америки пока имеет такой же характер, как в мирное время. Целей было столько, что невозможно атаковать все. Он выбирал самых крупных и жирных «гусей». Никогда еще на борту подводной лодки не листали так азартно справочники Ллойда, определяя тоннаж, тип и национальную принадлежность обнаруженных судов. Теперь он безбоязненно всплывал даже днем, потому что сторожевиков было мало и действовали они неумело. Самолетов было больше, но летчики оказались беспомощными мазилами.

...В череду воспоминаний вдруг снова ворвался прерывистый шепот матери: «Тебя там даже не могут взять в плен...»

Но теперь в этих словах ему послышалось не отчаяние и страх, а вера в сыновнюю судьбу, в его осторожность, мудрую храбрость. Он ведь тогда, в январе, слава богу, теперь кончающегося года, не впал в опасный азарт, не заключал в офицерском казино пари на потопленный тоннаж. Его коллеги не заметили, что враг, получая синяки, учился, огрызался все яростнее, беспощаднее и успешнее. Где теперь командиры, что презрительно обвиняли его в скаредности? Он ветеран среди зеленых юнцов, для которых первый рейс все чаще становится последним. А ему и последний поход, из которого вернулся две недели назад, принес удачу.

Карл повел лодку в квадрат, центром которого был остров Медвежий. Там, по сведениям разведки, должен был пройти небольшой конвой, вышедший из Архангельска.

Десятибалльный шторм при ледящем ветре. Лодка то стремительно скатывалась в ущелья между волнами, то карабкалась на крутые гребни, с вершин которых ветер срывал пену, а мороз мгновенно превращал ее в ледяные иголки. Дикая качка, изматывающий ритм всплываний и погружений, а еще больше томительное ожидание боя, неистраченный запас торпед изнурили, раздражали команду.

Карл выбрался на мостик, инстинктивно заслонил ладонью лицо от колючих брызг, а когда схватился за поручень, чтобы не быть смытым за борт, и глянул вперед, замер от радости. Не потому, что ветер вдруг унес мрачные тучи и открыл звездное небо, по которому можно было наконец определить место лодки в океане, — в тот момент, когда его «ладья» взобралась на гребень волны и застыла, чтобы ринуться в темный провал, он увидел силуэт парохода. Сперва Карл не поверил глазам своим, ведь гидроакустик молчал. Но вот лодка снова взобралась на волну... Да, впереди пароход. Лагом к волне, беспомощно переваливается с борта на борт — то ли капитан сумасшедший, то ли отказало рулевое управление. Скорее всего, руль. Тем лучше, не увернется.

Впереди была дичь, не подозревавшая, что охотник рядом. Русский транспорт едва двигался и был одинок в океане. Видимо, отбилась или отстал от конвоя.

Карл стремительно слетел по трапу, прилип к визиру перископа. Из боевой рубки понеслась привычная череда его команд. Запоздало стал докладывать акустик:

— Слышу шум винтов, пеленг...

— Пеленг докладывать непрерывно! — гаркнул Карл. — Обе машины средний вперед. Курс...

Он почувствовал, что вся команда мгновенно и послушно заработала с точностью автомата.

— Первый торпедный... Пли!

— Торпеда идет... торпеда идет, — монотонно докладывал акустик. — Контакт!

Все ощутили, как вздрогнула лодка, но только командир увидел вспышку и всплеск.

По тому, как быстро погружалось судно, был убежден: тот не успел дать SOS.

— Полный, самый полный вперед! — Карл спешил увидеть еще живое лицо врага. Он расстегнул кобуру и ощутил холодок рукоятки

«вальтера», из которого стрелял только раз. Приказав взять автоматы и гранаты, он отправил на мостик боцмана и двух матросов. Вслед за ними поднялся сам. В зеленоватом свете, в красных отблесках пятен горящей нефти он увидел шлюпку и плот. В нелепом гневе кто-то грозил кулаком его лодке. Со шлюпки раздался беспомощный пистолетный выстрел, и пуля щелкнула о броню.

— Самый малый!

Рулевой послушно продублировал команду в машину. Над ухом Карла прогремели автоматные очереди. Они уложили на дно шлюпки и того, в тельняшке, что грозил кулаком, и того, что стрелял, и гребцов.

Рубка лодки медленно прошла всего в нескольких метрах от шлюпки, и боцман бросил туда гранату, забыв о том, что можно пострадать от своих же осколков. Одного из матросов действительно задел осколок, но заметил он это, когда все кончилось. А пока все трое продолжали иступленно выпускать очередь за очередью по полуразрушенной шлюпке, по тем, кто был еще жив и судорожно хватался коченеющими пальцами за доски, и по уже замерзшим, кого на плаву удерживали спасательные жилеты.

Раздался треск. Нос лодки врезался в плот, разметал его. Сорванное полотнище брезента зацепилось за леер, потянулось за лодкой, словно шлейф. И тут Карл увидел руки, вцепившиеся в край брезента; женские руки с длинными, тонкими, белыми пальцами. А потом увидел лицо. Совсем близко... Лицо девушки. Ее губы были плотно сжаты. Застывающие глаза глядели в упор из-под черных, почти сросшихся у переносья бровей. По воде вслед за нею тянулись длинные змеи кос. Карл выхватил «вальтер» и стал стрелять. Он выпустил всю обойму, загнал другую — и снова мимо, мимо, мимо. Наконец волны сорвали брезент. Лишь теперь Карл заметил, что он вхолостую продолжает щелкать курком.

Карл приказал развернуть лодку и снова прошел самым малым мимо остатков спасательного плотика, мимо разбитой шлюпки, на которой удалось прочитать часть названия судна: «Кузнец...» Людей не было. Убедившись в этом, Карл спустился в лодку и скомандовал погружение.

В центральном посту он снял реглан, отряхнул его, бросил на чьи-то услужливо протянутые руки. Прошел в крохотную каютку, которую любил называть кельей. Отодвинул ящичек тумбочки, вынул салфетку не первой свежести и бутылочку одеколona, отвернул крышку, щедро

плеснул на салфетку, с наслаждением неторопливо стал вытирать соль, стягивавшую и щипавшую кожу лица. Потом разложил салфетку на одеяле, чтобы скорее просохла, спрятал на место одеколон и вышел из своей «кельи». Перешагивая через чьи-то ноги, двинулся было в сторону галюна, но увидел нырнувшую туда спину, мысленно чертыхнулся и направился к штурману. Тот заполнял вахтенный журнал. Прочитал через плечо: «...Одной торпедой, водоизмещение 6000 тонн», заметил:

— Не вижу точки в конце фразы.

— Я не окончил запись.

— О чем же вы еще намерены сообщить потомкам?

— Об успешном бое с остатками команды этого «Кузнеца».

— О каком бое? Мы дали лишь салют в честь нашей победы.

Поставьте точку, штурман, и рассчитайте кратчайший курс в Тронхейм. Здесь нам делать больше нечего. Я пошел спать...

Все так же аккуратно печатая шаг по торцовой мостовой, корветтен-капитан вернулся в порт. Под бетонным накатом в свете прожекторов происходила обычная кутерьма. На пирсе все еще высилась гора ящиков, мешков, пакетов, которые матросы поспешно перетаскивали в люк. Гора месячных припасов быстро исчезала в недрах его «ладьи».

22 декабря 1942 года V-553 выскользнула из-под бетонного козырька и двинулась вдоль отвесной стены фиорда. Вскоре вышли из своих нор V-100 и V-202 — вся стая. Ей предстояло патрулировать район в северо-западной части Баренцева моря. Карл — на правом фланге, в районе Медвежьего.

По сведениям, русские стали выпускать одиночные транспорты. Несколько прорвалось. Нужно было закрыть лазейку, вынюхать тропу, по которой они пробирались. Миновать Медвежий русские не могли. Карл рассчитывал выйти в зону милях в тридцати южнее острова. Севернее русские не пойдут, чтобы не попасть в зону видимости Медвежьего, ведь наверняка догадываются, что там НП. Забраться южнее этих тридцати миль тоже не рискнут — близко побережье Норвегии.

МЕРИДИАН МЕДВЕЖЬЕГО. 5 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА. 10.00

«Ванцетти» втягивался в горло Белого моря, когда на мостик вбежал стармех, пробасил глухо:

— В правую топку проникает вода. Ничего не можем поделать. Нам ведь все равно в Поной заходить за конвойным кораблем. Лучше там задержаться, чем...

— Сколько времени нужно на ремонт? — перебил его Веронд.

— Двое суток.

— Сутки, больше дать не могу.

— Рискнем за сутки, — обреченно вздохнул механик.

Прежде чем спуститься в машину, он отправился к судовому медику и попросил бинтов «сколько не жалко». Фельдшер Клава сидела в изоляторе и вязала носки.

Услышав просьбу «деда», она переполошилась, решила, что в машине случилось что-то серьезное, кто-то ранен, а старший механик хочет скрыть беду. Наверняка произошло какое-то нарушение техники безопасности.

— Никакого нарушения пока нет, но будет. Так что еще часа два можешь спокойно вязать варежки. А как станем в Поное, бери свою сумку с красным крестом и жми в машину.

Как только ошвартовались в Поное, Клава прихватила сумку со средствами первой помощи и отправилась в машину. Она никак не могла привыкнуть к трапам, ведущим в машинное отделение, — крутым, скользким от масла бесчисленным ступеням. Каждый шаг — испытание. Она была еще на полпути к рифленным металлическим листам, которыми выложена палуба, когда услышала обрывок фразы старшего механика. «Будем работать по двое».

С лицами, обмотанными бинтами так, что оставались лишь щелочки для глаз, неловкие — на каждом два ватника, — старший механик и кочегар нырнули в жаркую тьму.

Клава присела к столику, раскрыла «Машинный журнал», прочла последнюю запись: «Течь трубок в кормовой доске». Разложила все, что, по ее мнению, могло срочно пригодиться: мазь от ожогов, бинт, валериановые капли, нашатырный спирт. Надела белый халат и стала ждать.

Первая пара вывалилась быстро. Ватники тлели; бинты стали черными. Клава бросилась было к стармеху с валерианкой, но тот лишь отмахнулся: погоди, мол, все еще только начинается. После недолгого совещания следующая пара нырнула в топку.

Работать начали в полночь. Потом в машинное отделение спустились кок и буфетчица с кастрюлей, чайником, посудой. Значит, наступило утро, время завтрака. К еде никто не прикоснулся. Все пришлось тащить снова вверх.

Потом Клава задремала и не заметила, как в топку забрался Зимин. Увидела его уже на полу. Сидит и, словно рыба, широко открытым ртом ловит воздух. Когда Клава сунулась к нему с нашатырным спиртом, он возмущенно сказал, что все в порядке, и снова стал натягивать ватник.

Стрелки часов показывали двенадцать, когда стук в котле прекратился. Клава даже не сразу сообразила, что работа окончена.

— Ну и долго же вы! — сказала она и принялась собирать свое хозяйство, включая грязные бинты, которые еще можно было отстирать. — Теперь по очереди идите ко мне на осмотр, а потом будете спать.

— Слушаюсь! — выжал стармех улыбку и, пошатываясь, двинулся к раструбу переговорной трубы. Подул в нее, тотчас послышался голос капитана:

— Ну как, много еще?

— Как будто залатали.

— Спасибо, дорогой. Могу просить разрешение на выход?

— Можешь, Владимир Михайлович!

На палубе курились сугробы сухого, мелкого снега. Команда аврала — сгребала снег к бортам и сбрасывала его в воду. Аврал прервал тральщик. Семафором сообщил:

«Будем сниматься через час. Конвоирую до 68°35' норд и 41°20' ост. Далее следуйте самостоятельно».

Лишь теперь капитан назначил общее собрание экипажа с повесткой: «Задачи предстоящего рейса».

Собрались в красном уголке, куда с началом рейса матросы заходили в основном затем, чтобы почитать последние сводки с фронтов, которые радист вешал возле карты мира. Карта была мелкомасштабной, линия фронта на ней отмечалась приблизительно, но все равно был виден кружок «котла» в Сталинграде. Капитан встал возле карты, коснулся рукой восточной окраины страны, где был родной Владивосток.

— Вот сюда мы должны прийти, все время двигаясь на запад и на запад. Как видите, кругосветное путешествие. Это самый долгий и опасный путь из всех, какие только существуют сегодня на море. Я даже не знаю, как сказать точнее, по тылам ли врага мы будем идти или по линии фронта. Говорю прямо: мы будем идти в одиночку и все время рядом со смертью. От вашей воли, мужества и смелости будет зависеть, как пройдем мы этот путь. На этом пути погибло уже много наших судов. — Капитан уже был готов сказать: «Вот совсем недавно и «Лесов» пропал без вести», но сдержал себя. — Я верю, что мы пройдем, в Америке или в Англии, еще не знаю сам точно, заберем грузы, нужные для фронта, и вернемся домой. Это все, что я хотел сказать.

Прений не было.

На Баренцево море обрушился ураганный ветер, пурга. Тральщик исчез. В конечной точке конвоирования его тоже не оказалось. Может быть, и шел где-то рядом, но видимость была нулевой. Так и не пришлось попрощаться с провожатым.

Капитан вел пароход вслепую: небо сжалось, скрыло в белой круговерти даже дым из трубы. Стекла рулевой рубки покрылись коркой льда. Палуба на крыльях мостика превратилась в каток. Наблюдателей пришлось привязывать к леерным стойкам, чтобы волна и качка не сбросили за борт.

На мостик поднялась Клава.

— Владимир Михайлович, я очень вас прошу, меняйте людей, что снаружи дежурят, как можно чаще, а то им холодно.

— Там ведь не кисейные барышни стоят, — буркнул капитан.

— Я серьезно говорю, — настаивала Клава. — При таком ветрище и морозе, если полную вахту стоять, организм переохладится даже у такого тюленя, как Машин. Организм может застыть так, что человек помрет, а вы и не заметите.

— Не преувеличиваешь?

— Ни капельки. Вам что, лазарет раньше времени открывать охота? — топнула она валенком.

— Нет, Клава, неохота. Подчиняюсь.

А волны всю хозяйничали на судне: помяли фальшборт, разбили парадный трап. Раздался треск, вдребезги разлетелся спасательный плотик. На палубе намерзли тонны льда. Лед превратил кнехты в

зеленоватые холмики. Отовсюду свисали огромные сосульки. Они с грохотом обрушивались, но скоро нарастали вновь. Пароход все грузнее переваливался с волны на волну.

Порой пурга ослабевала. Тогда наблюдатели вжимали бинокли в заиндеветые брови, чтобы не прозевать в белой, пене бурун от перископа. И снова налетал сбивающий с ног шквал. Все вокруг закрывала тьма, из которой валили хлопья снега.

Вахтенный помощник, взглянув на часы, сказал:

— А во Владивостоке уже сорок третий год пошел. Люди поздравили друг друга. Мои старики, наверное, спать легли. Хорошо им, тепло... А мы по какому времени встретим Новый год? По Гринвичу?

— По московскому, — отозвался капитан. Он совсем забыл, что это новогодняя ночь.

Впервые после выхода из Поноя спустился с мостика. В коридоре, едва освещенном синими лампами, было пустынно. В каютах машинной команды никого. Значит, стармех опять объявил аврал. Значит, он снова в своей преисподней возится возле котлов. Зато из каюты кочегаров доносилось какое-то постукивание. Будто закрепившись в раскачивавшейся, словно маятник, каюте, кочегар Зиновий Лосинов... ладил подошву к ботинку. Капитан усмехнулся: «Этот даже в спасательной шлюпке будет сапожничать».

— Которая пара, Зиновий?

— А я не считаю.

— Тебе на вахту скоро, поспал бы.

— А оно, когда руки заняты, спокойнее...

Каюта девушек оказалась пустой. Странно. Делать им в этот момент вроде бы нечего. Обнаружил их в столовой экипажа. Девушки прилаживали украшения к маленькой елочке.

В какой-то точке океана, примерно в шестистах милях от Исландии и в двухстах от Родины, все, кто мог, собрались в столовой. Танцевать в такую качку было невозможно. Серега Зимин на весу держал патефон, чтобы иголка не соскакивала с пластинки. Патефон пел про утомленное солнце, которое нежно прощалось с морем.

Второго января, считая себя предположительно в точке 72°52' норд и 41°42' ост, Веронд вскрыл пакет, полученный в Архангельске. Предписывалось идти в Рейкьявик.

К концу дня ветер стал ослабевать. Ход увеличился до четырех узлов, больше выжать из машины не удавалось. Прошел небольшой снежный заряд, и открылись звезды. Это беспокоило, потому что «Ванцетти» вошел в район, который называли «горячим коридором». Звезды дали возможность определить место судна, впервые после выхода из Поноя. Когда штурман провел по линейке курс, оказалось, что конец карандашной линии почти упирается в Медвежий. Шторм отбросил «Ванцетти» на 25 миль севернее рекомендованного курса. Нужны были снова снег и метель, чтобы не заметили с острова. Но погода все улучшалась, а вдобавок ко всему началась полоса битого льда. Пришлось снизить и без того малый ход, осторожно пробираться, расталкивая «блины». Ночь была безлунная, но небо стало светлеть и вдруг замерцало, засияло. Никогда еще не видели на «Ванцетти» такого роскошного северного сияния.

— Земля! — крикнул наблюдатель с правого крыла мостика.

Это был Медвежий. «Ванцетти» находился точно в центре круга, который очертил в Архангельске начальник пароходства, показывая примерный район гибели «Кузнеца Лесова». Белый лед. Силуэт парохода. Все это явно видно с острова. Веронд повернул судно на юг, прочь от Медвежьего. 5 января в 0 часов 30 минут лед остался позади. Судно снова прибавило ход.

«СЛЫШУ ШУМ ВИНТОВ»

В новогоднее утро V-553 пересекла Северный полярный круг, и этот день едва не стал для нее последним. Лодка переползала с волны на волну, раскачиваясь, словно маятник. Брызги замерзали на прорезиненных плащах, на лицах вахтенных, обвисали сосульками на леерах, тросах антенны. Вдруг из-за низких туч вывалился неслышный в грохоте волн английский самолет.

Всего сорок пять секунд нужно лодке, чтобы исчезнуть с поверхности океана, но это ужасно долго, если самолет над головой. Истребитель, бомбардировщик, летающая лодка или черт знает что там еще успел сбросить несколько глубинных бомб. В лодке загремело, как в консервной банке. Погас свет, на какое-то время она вышла из-под контроля и стала неудержимо проваливаться в глубину. Выровнять ее удалось с невероятным трудом.

Снова загорелся в отсеках свет, обнажив серые лица людей. Через какое-то время механик доложил, что можно идти дальше. Теперь командир ждал оптимистического рапорта от радиста. Он все еще поглядывал на часы, потому что приближалось время связи со штабом, но отремонтировать после встряски удалось только приемник. Ну и бог с ним, с передатчиком! Не возвращаться же из-за этого в базу с полными цистернами топлива и неизрасходованным запасом торпед.

Еще четверо суток упорно шли на север, туда, где на карте были пунктиры вероятных курсов одиночных русских судов. Когда лодка всплывала для подзарядки аккумуляторов, в люки со свистом врывался ледяной ветер. Но никакой ветер и даже вентиляторы не могли выдуть застоявшийся, загустевший, сырой, смрадный запах — смесь пота, выхлопных газов, одеколona, галюна и камбуза.

5 января в 2 часа 30 минут по Гринвичу Карл Турман, намертво вцепившись в леер, вглядывался с мостика в горизонт, постепенно очищавшийся от туч. Появились первые блики северного сияния, и это улучшало обзор. Снизу раздался возглас рулевого:

— Командира вызывает радист.

Оказывается, наблюдатели с Медвежьего засекли в 10—12 милях южнее острова одиночный пароход. Скорость и тоннаж определить не удалось, так как судно ушло на юг и быстро скрылось.

Теперь не упустить случай, не разминуться в безбрежном океане, не отдать добычу лодкам, что болтаются между Ян-Майеном и Исландией. Нужно угадать действия русского капитана. Он, конечно же, шарахнет от Медвежьего, как черт от ладана, но далеко бежать на юг не посмеет, чтобы не врезаться в зону патрулирования авиации. Итак, миль двадцать на юг, потом поворот — и во все лопатки на запад. Значит, район перехвата... Карл дал вахтенному штурману курс. Невидимая с поверхности океана лодка пошла вперед, вслушиваясь в шорохи моря. Сам Карл отправился в «келию», лег на койку. Надо беречь силы для напряженных часов, которые предстоит пережить во время охоты. Он засыпал и снова просыпался. Лишь через несколько томительных часов акустик доложил:

— Есть шум винтов.

Карл вскочил с койки, в два прыжка оказался возле акустика, сорвал с его головы наушники, прижал теплый резиновый блин к уху. Сквозь многоголосье моря доносился едва слышный звук, похожий на

легкое постукивание мякотью пальца по краешку стола. Сомнений не было: лодка напала на след. Расчет оказался верным.

Капитан русского транспорта действовал именно так, как предполагал Карл.

— Не терять! Держать! Пеленг докладывать непрерывно!

Швырнув наушники на пульт, Карл рванулся снова в «келью», по пути крикнув в центральный пост, чтобы всплыли на перископную глубину. Теперь нужно подготовиться к встрече. Первым делом открыл шкафчик, достал бутылку коньяка и бокал, налил до краев, выпил. Показалось мало. Повторил. Нервная дрожь, охватившая его, когда услышал далекие, едва слышные звуки транспорта — ведь так мало было надежд напасть на след одиночного судна, — ушла, стало тепло и весело. Надел куртку на гагачьем пуху, поверх нее старый верный реглан, который служил все два года, и пошел в центральный пост.

Свободные от вахты матросы, еще минуту назад труппами лежавшие на койках, сидели нахохлившись, настороженно, словно петухи на насесте, готовые по боевой тревоге в мгновение ока занять посты. На лицах ничего, кроме покорной готовности. А за спиной монотонный, сиплый голос повторял:

— Пеленг... шум. Пеленг... слышу шум винтов. Пеленг... шум сильнее.

Механик доложил, что лодка на перископной глубине. Карл сам отдраил нижний рубочный люк, первым поднялся в боевую рубку.

— Поднять перископ!

Однако, кроме пены, захлестывавшей глаз лодки, ничего не было видно.

— К всплытию, вахту наверх!

В люк ворвался холодный воздух. Прогрохотали по трапу сапоги трех матросов и боцмана. Вслед за ними на мостик поднялся командир.

Карл первым заметил длинную черную полосу дыма. Потом из волн как бы выросли этажи надстроек, корпус. Пароход тяжело клевал прямым носом. Было видно, как валы разбивались о форштевень, накатывались на палубу. Пароход пересекал курс лодки. Он демонстрировал свой профиль прямо как на картинке справочника Ллойда. Но командир лодки и без справочника знал этот тип судов: лесовоз, скорость девять узлов; с поправкой на волну и встречный ветер — восемь. Больно медленно кивает белым гребням валов. Скорее

всего, сейчас он развивает около шести узлов. Ничего не стоит вклеить торпеду с первого залпа.

— Три звонка дизелистам!

Лодка вздрогнула и стала выжимать самый полный вперед, чтобы выйти на рубеж атаки. Карл медлил, не уходил с мостика, внимательно всматриваясь в приближенный оптикой бинокля корпус транспорта. Там никакого движения. Как и в прошлый раз, беспечная вахта обреченного судна ничего не замечает. Теперь рыбка на крючке и никуда не уйдет.

«ВАНЦЕТТИ». 10 ЧАСОВ 20 МИНУТ УТРА

Небо блекло. Оттого еще глубже казалась чернота надвигавшейся тучи. О приближении полосы нового шторма сигналили резкие порывы ветра. Нужно было успеть под спасительную выюжную крышу до того, как наступит короткий, серый полярный день. Ход не поднимался выше четырех узлов, и стармех, несмотря на все старания, ничего не мог поделать.

Веронд вызвал главстаршину военной команды. Пышущий здоровьем Иван Голик явился налегке, в свитере. На обветренной, кирпичного цвета щеке полоса от подушки. Легкая улыбка на губах — воспоминание о недосмотренном приятном сне.

— Что случилось, Владимир Михайлович?

— Видимость хорошая случилась. Небось Медвежий проспал?

— Точно, — улыбнулся главстаршина, и тут же остатки сна смело с его лица. — Понятно.

— Мгновенно в каюту, надень спасательный костюм, возьми бинокль и сюда. Станешь на левом крыле, будешь вместе с вахтой просматривать юг.

— Минута — я на месте.

Медленно тянулось время. Тишину нарушали только ровный стук машины и глухие удары волн. Да еще что-то поскрипывало, как флюгер на старом-престаром доме из забытого детства. Веронд решил спуститься в кают-компанию, выпить стакан чаю покрепче и уже занес было ногу над комингсом двери, ведущей на трап...

— Бурун...

Главстаршина произнес это слово очень тихо, севшим голосом, но капитан, хотя и был в противоположном конце рубки, услышал, в несколько прыжков оказался рядом, выхватил у Голика бинокль и направил на что-то похожее на пень, стоямя плывущий по волнам. Сперва не мог определить направление, по которому этот пень движется. Потом сообразил: это ведь рубка, и кажется она такой узкой, обрубленной сверху потому, что лодка направляется в сторону «Ванцетти». Нашим «щукам» делать здесь нечего, слишком далеко от родных берегов. Значит, враг.

Лодка шла не таясь. Первое, о чем подумалось: она, должно быть, еще не заметила парохода на фоне надвигавшейся снеговой тучи, такой же безлико-серой, каким издали был «Ванцетти».

— Если не видит, то слышит нас, сволочь такая, — сказал главстаршина. — Четко наперерез идет.

Враг был примерно в трех милях. Открывать огонь из орудия было слишком рано. Далеко. Ребята промажут. За плечами ведь только учебные стрельбы по щитам — и как давно. Лодка тащится медленно, вон как волна шибает по рубке. Курсы пересекутся через час. Значит, остался всего один час. Но можно еще спрятаться в снежном заряде, наперегонки рвануть в сторону кромки льда, от которой так опрометчиво ушел. Еще до того, как объявить боевую тревогу, Веронд приказал рулевому повернуть на норд, прямо в надвигавшийся снежный заряд. Когда судно завершило циркуляцию, сдвинул рукоятку на «самый полный» и крикнул в переговорную трубу стармеху:

— Как хочешь, но вытяни из машины хотя бы еще пару узлов.

Там, в виду Медвежьего, скорее всего, нужно было не сворачивать на юг, а нахально пройти мимо и расталкивать шугу, рвать лед динамитом, но не выходить на чистую воду. Сделанного не воротишь.

Наконец капитан включил ревун боевой тревоги, стал уводить лесовоз противолодочном зигзагом.

ЛОДКА. 10 ЧАСОВ 25 МИНУТ

Подойти незамеченным не удалось. Русский транспорт уходил в снежный заряд и вскоре исчез. Карл чертыхнулся. По данным ледовой разведки, кромка льда была милях в двадцати северней. Значит, в его

распоряжении оставалось часа три-четыре. Впервые рыбка могла сорваться с его крючка.

Тут он заметил, что пеленг, который непрерывно сообщал акустик, незначительно, но все время менялся. В минуту высшего напряжения Карл начинал говорить сам с собой вслух. От этого рулевой, которому было положено репетовать команды вниз, в центральный пост, был в очень трудном положении: попробуй-ка разберись, где кончаются командирские мысли и где начинается приказ.

— Ага, ты мне помогаешь! — почти кричал Карл, поняв, что транспорт уходит противолодочным зигзагом. — Значит, не спешишь, не бежишь сломя голову, петляешь, как заяц. Тем лучше. Я пойду прямо.

Рулевой понял последнее слово как приказ и старательно вел лодку, не позволяя ей отклониться даже на долю градуса.

— Теперь ждать разрыва между снежными зарядами. Не может же снег сыпать непрерывно до самых льдов. Не может быть такого невезения. Пусть даже носом уткнусь в его винт — идти самым полным.

Рулевой уловил командные слова и передал в центральный пост: «Самый полный», хотя лодка и так выжимала все, что могла.

Ни зги не было видно, кроме близких брызг и хлопьев снега.

Прошел час, потом еще один час погони. Акустик доложил, что транспорт где-то совсем близко, кабельтовых в трех-четырех, что он слышит не только шум винтов и стук машины, но даже какие-то другие звуки из недр парохода. Необходим был разрыв в снежной пелене, короткий, минут на пять.

«ВАНЦЕТТИ». 10 ЧАСОВ 25 МИНУТ

По тревоге на крыльях мостика и в кормовой части ботдека появились серые, лоснящиеся, похожие на нерп фигуры. Американские спасательные костюмы делали всех похожими друг на друга. Лишь капитан пренебрег спасательным средством. Он оставался в теплой куртке на «молниях», в унтах и, казалось, с полным безразличием ко всему дымил трубкой. Табак выгорал, но он снова ее набивал, раскуривал. Кроме команд рулевому отвернуть то вправо, то влево, ни слова.

Одна из «нерп» лязгнула затвором крупнокалиберного пулемета «браунинг» и понесла на все этажи заевшую технику. От противоположного борта на помощь метнулась другая «нерпа».

Капитан напрягся: «Ничего себе боеготовность».

«Нерпы» повозились у пулемета, потом раздался смачный шлепок резиновой ладонью и возглас:

— Не дрейфь, порядок!

Пришедший на помощь пулеметчику обернулся, и капитан узнал круглое, краснощекое лицо. Главстаршина, улыбаясь широко, словно сейчас не боевая тревога, а учения, сказал:

— Это у него с переляку. Пулемет в порядке.

В жаркой преисподней парохода нужно было держать пар на марке. Было знойно, как в тропиках, и поэтому никто даже не подумал облачиться в спасательные костюмы. Там знали: в случае удара торпеды им погибать первыми, вряд ли успеть наверх даже тем, кто останется в живых. Кочегары вообще раздеты до пояса. Черные от угольной пыли, лоснящиеся их тела мелькали у раскаленных зевов топок, куда они в темпе, какого еще не задавали себе с начала рейса, швыряли уголь. К ним подключились машинисты. Работа шла в шесть лопат.

По тревоге судовому медику положено было развернуть перевязочный пункт в столовой экипажа. Клава метнулась в изолятор, открыла узкий шкаф. Там, растопыбив лапы, висел ее резиновый костюм с галетами и шоколадом во внутренних карманах. Решила его не надевать: «Как же я потом натяну на эту штуку белый халат, как буду работать?» О том, что в случае беды может просто не успеть натянуть на себя спасательный костюм, не подумала.

Она старательно застелила столы одеялами, поверх положила белые простыни и подушки. Отдельный стол выделила для медикаментов. Когда все было подготовлено, села у иллюминатора и стала смотреть, как в воздухе выются снежинки. Делать пока было нечего.

Капитан, нахохлившись, непрерывно дымя трубкой, сидел в рубке на табурете. По звукам, доносившимся снизу, по дрожи палубы Веронд чувствовал, каких усилий стоило пароходу выдерживать большую скорость.

Продержись еще пару часов, родной, и все мы будем спасены. Правда, надолго ли? Лодка, упершись в ледяную шугу, сообщит

координаты берегу, и как только улучшится погода — жди авиацию.

Веронд взглянул на часы. Прошло уже два часа игры в прятки. Он знал скорости немецких подводных лодок, знал, что они оснащены чуткой аппаратурой. Но несмотря на все это пытался успокоиться, стал думать, что все, может быть, образуется.

Капитан вышел на ботдек. Метель такая, что даже шлюпка, висящая всего в трех метрах, едва просматривается. Между шлюпкой и вентилятором кто-то сидел, скрючившись от холода. Через несколько метров еще один промерзший матрос — «голосовая связь» с кормой. Осторожно пошел дальше по скользкой, покрытой сугробами палубе. У кормовой части ботдека, закрывшись брезентом, коротал время расчет пулемета. Оттуда тянуло запахом махорки. Веронд подумал, что на полуюте ребятам вроде бы полегче: ветер не так задувает.

БОРТ ЛОДКИ. 15 ЧАСОВ 45 МИНУТ

Русский транспорт открылся вдруг. Он оказался так близко, что видны были пятна ржавчины, наросты льда и название «Ванцетти». На подводной лодке сыграли срочное погружение. Важно было не упустить удачный момент, и Карл махнул рукой:

— Второй аппарат, пли!

Тут же раздался сигнал звонка, подтверждавший, что выстрел произведен.

— Торпеда идет, торпеда идет... Торпеда идет...

Рядом с акустиком стоял радист с секундомером в руке. Ему надлежало заметить время от залпа до взрыва, чтобы вычислить точное расстояние до жертвы, и уже второй торпедой...

Транспорт, выполнявший противолодочный зигзаг вправо, вдруг вздрогнул и покатился влево.

— Торпеда продолжает идти, — пробубнил акустик.

Командир лодки чертыхнулся: никогда раньше не мазал даже с большей дистанции. Только теперь понял, в чем дело: скорость судна совершенно не соответствует справочнику Ллойда. Транспорт еле ползет. Никакого упреждения давать не надо было. Стрелять прямо в упор. Пароход продолжал катиться влево, подставляя корму.

— Третий аппарат, пли!

Снова монотонно бубнит акустик:

— Торпеда идет... Торпеда идет... Торпеда продолжает идти. Пеленг...

Снова мимо. Капитан русского парохода — счастливчик или опытнейший игрок в кошки-мышки. Карл вдруг представил себе, что этот тихоход, этот увалень уйдет целым, невредимым и достанется тем лодкам, что крейсируют дальше на запад. Он не мог этого допустить, не мог упустить добычу, которая принадлежала ему по праву первого. Лодка тем временем еще больше сблизилась с транспортом. Теперь расстояние меньше трех кабельтовых. Он внимательнейшим образом рассматривал, что делается у русского на корме. Никакого движения, лишь с ботдека торчит дуло пулемета. Но это не опасно.

— Всплыть! Орудийную команду наверх. Пять снарядов... — отдал команду Карл.

Расстрелять пароход из пушки, в упор, — дело одной минуты.

Вслед за артиллеристами корветтен-капитан выскочил на мостик. Красный веер вспыхнул перед глазами. Это очередь трассирующих пуль ударила в основание рубки, отрикошетила вверх.

— Идиоты! Еще сопротивляются! — воскликнул Карл. — Но ничего, первым орудийным выстрелом смести пулемет, а потом по корпусу этого «Ванцетти».

БОРТ «ВАНЦЕТТИ». 15 ЧАСОВ 45 МИНУТ

Снежный заряд кончился. Лодка успела погрузиться, и на судне ее не заметили. Веронд лишь увидел, как боцман, стоявший на баке, тычет ладонью в море, широко раскрыв рот в немом крике.

«Ванцетти» катился влево, подставляя борт торпедe. Боцман первым понял неотвратимую трагичность только что начатого противолодочного зигзага. Он хотел крикнуть: «Право, право руля!» — но спазм сжал горло, перехватил дыхание.

Капитан тоже увидел след торпеды, успел переложить руль круто вправо и подвинул рукоятку машинного телеграфа на полный вперед. Умница «Ванцетти»! При всех своих немощах он обладал несомненным достоинством — прекрасно слушался руля. Вот и сейчас, не успев набрать инерцию, он вздрогнул, послушно покатился вправо, пропуская рядом торпеду, словно матадор разъяренного быка.

Начиненная взрывчаткой торпеда проскочила в каких-то десяти метрах от борта. Капитан, расчет пулемета ясно видели ее след. Она шла с очень малым заглублением, стремительно и слепо, пронзала острым носом гребни волн, пролетала между ними, обнажая свое акулье тулово, вращающийся винт.

Еще во Владивостоке в самом начале войны Веронд был на инструктаже по борьбе с подводными лодками противника. Командир, читавший им лекцию, аккуратно рисовал на классной доске разные положения врага относительно судна, пунктиры движения торпед и маневры, которые должно успеть выполнить судно. Названо было лишь одно спасительное средство — противолодочный зигзаг: следовало бросать пароход то вправо, то влево, чтобы враг не мог вести прицельной стрельбы.

Стучал по доске мелок, выстраивались колонки цифр. Они должны были доказать скептически слушавшим капитанам, что шанс на спасение есть и по крайней мере три торпеды могут пройти мимо.

— А четвертая? — спросил кто-то.

Лектор пожал плечами.

— Может быть, и четвертая промажет, — сказал он. Потом подумал и добавил: — Но вряд ли... Зато вы к этому моменту успеете вывалить шлюпки и спасти хотя бы часть команды.

Как только была замечена первая торпеда, капитан послал потерявшего голос боцмана в радиорубку. Тот ворвался ошалелый, просипел:

— Гони SOS! Торпеда!

Рудин не поверил. Переспросил рубку через переговорную трубу. Отозвался не капитан — старпом, и всего лишь одним словом:

— Да!

Он передал радиограмму сперва на английском языке, потом продублировал на русском. Англичане приняли сигнал сразу. Наши радиостанции ответа пока не дали. Далеко.

Рудин снял руку с ключа. Теперь отполированная ладонью машинка больше не нужна. Теперь лишь бы услышать отзыв родной земли, подтверждение того, что и там знают о судьбе «Ванцетти».

След второй торпеды, шедшей на судно, Веронд увидел еще издалека. Один шанс из ста — попробовать отклонить ее курс кильватерной струей. Он приказал совсем немного отвернуть руль вправо, чтобы замедлить поворот судна. И теперь, рискуя свалиться за

борт, смотрел, смотрел на полукруг кильватерной струи и прямой след торпеды. Вот белая стрела коснулась кильватерной струи и, не выдержав соревнования с вихревыми потоками, отклонилась в сторону. Этого оказалось достаточно, и торпеда проскочила так же близко, как и первая.

По боевому расписанию матрос Машин исполнял роль подносчика снарядов. Он подбежал к орудию, когда боевой расчет снимал с трехдюймовки чехол, занял место в голове цепочки, хвост которой прятался в надстройке. Приготовился принять снаряд, однако его никто не передавал.

А там, за стеной надстройки, случилась неожиданная заминка. Цепочка людей заканчивалась у погреба с боеприпасами — у черной дыры, куда вели скобы крутого трапа. Судовой плотник, которому положено было нырнуть в погреб и оттуда подавать снаряды, — он так ловко проделывал эту операцию во время учебных тревог — вдруг уперся ладонями в стену над люком, замычал:

— Н-не полезу. Н-не могу!

Тогда Сергей Зимин юркнул под его руками, исчез в темном лазе и заорал оттуда во всю силу легких:

— Держи, а то уроню!

Крик привел плотника в сознание. Он подхватил лоснящийся латунный цилиндр, передал кому-то. Наконец ушли первые пять снарядов. Теперь плотник рукавом вытирал со лба обильный пот, а из люка гудел голос Сергея:

— Мне тут даже лучше. Те-е-пло. Что там слышно, почему не стреляют?

— Должно быть, учебная тревога, — выдавил с надеждой плотник, забыв, что на последнем собрании экипажа капитан сказал, что учебных тревог не будет.

Веронд приподнял бинокль и увидел так близко, что, казалось, можно было тронуть рукой, вздымавшийся из волн корпус лодки, каскады воды, стекавшие с ее палубы.

На мостике появился человек. Вслед за ним выскочили еще трое, бросились к орудию.

— Жалеют торпеды. Решили расстрелять, — проговорил Веронд и тут же закричал в сторону кормы: — Огонь!

Кормовое орудие молчало.

— Огонь, огонь! — повторил дважды.

— Куда? Не вижу! — откликнулся главстаршина.

Капитан сообразил, что с кормы лодку не видно. И в тот же момент рядом застучал пулемет. Трассирующие пули ударили в корпус лодки, высветили рубку, орудие, готовых к артиллерийской дуэли фашистских матросов.

Теперь и комендор увидел цель. Он поймал черную тень в прицел. Первый выстрел дал недолет. Взметнулся столб воды, окатил фашистский орудийный расчет, на несколько секунд сбил артиллеристов с темпа.

Второй выстрел. Разрыв прозвучал так, словно огромным молотом грохнули по наковальне. Не столб воды — отблеск пламени высветил лодку. Третий выстрел — еще один удар молота.

Карл скомандовал «огонь» одновременно с яркой вспышкой на корме русского транспорта. Зенитный снаряд русских прошел металл и взорвался в рубке. В центральный пост под огромным напором ворвался раскаленный газ, вlepил в металл палубы кровавые клочья.

Очищенная исповедью душа Карла Турмана еще не успела отлететь, как снова содрогнулась лодка. Второй снаряд разорвался в центральном боевом посту, вдребезги расшиб мозг лодки и всех, кто там находился. Теперь ничто не могло остановить ее стремительного падения в глубину. Мгновенная смерть всех, кто находился в рубке и центральном посту, была «поцелуем бога» по сравнению с той, что, ломая переборки, бритвенно острыми струями воды била, душила еще цеплявшихся за жизнь.

Огромный пузырь, словно созревший нарыв, вспучился и лопнул на поверхности воды, по которой медленно растекалось пятно мазута.

А зенитка «Ванцетти» выпустила по этому пятну еще три снаряда. След трассирующих пуль впивался в черную воду и гас...

Лишь теперь Веронд взглянул на часы. От первой пулеметной очереди до последнего выстрела зенитки прошла всего минута и сорок секунд.

Он дал команду уходить на северо-восток, в обратную генеральному курсу сторону, чтобы потом снова начать осторожное движение вперед.

Занесенный в список погибших «Ванцетти» пробирался во льдах, тащился, словно истрепанная фронтовыми дорогами полуторке по карнизу горной дороги. Только вместо отвесной скалы были здесь ледовые поля. В промоины между ними забирался пароход, пока брезжил день. Вмерзал и выкарабкивался с помощью динамита. И шел вдоль кромки льдов, которая была сейчас страшнее бездонной пропасти. Снежные заряды сменялись густым туманом, таким же непроглядным, как пурга.

«Ванцетти» брел вдоль 75-й параллели, может быть, севернее, а может быть, и южнее ее. Часами приходилось колдовать над картой, прокладывая курс с учетом бесчисленных поправок на ветер, на течение, на петли в ледяной шуге. Старались угадать — иного слова не придумаешь — место судна в океане. Рейс безнадежно затягивался. Рацион пришлось урезать даже кочегарам.

Расчеты по-прежнему дежурили у орудия и пулеметов круглосуточно. Усиленная вахта вела непрерывное наблюдение за поверхностью океана. Продрогшие на пронизывающем ветру люди бросались в койки, на какое-то время забывались чутким сном. Спали не раздеваясь — спасательные костюмы на расстоянии протянутой руки. Только утомленный, издерганный человек забывался сном, как его уже кто-то тряс за плечо:

— Слушай, пора на вахту.

Никогда еще радист не смотрел с таким вожделением на телеграфный ключ. Так хотелось положить ладонь на рукоятку и отстучать всего два коротеньких слова: «Мы живы». Но это было равносильно самоубийству. Даже по краткому радиосигналу немецкая радиослужба запеленгует судно, доставившее подводному флоту рейха крупные неприятности. А ведь где-то, в какой-то канцелярии уже напечатаны стандартные бланки и разосланы семьям. Черная рукоятка ключа магнитом притягивала руку, и радист даже прикрыл ее коробкой от домино.

...Карандашная линия курса миновала Ян-Майен, скалистую гряду в океане, которую так и не увидели за туманом. Теперь касательная тянулась вдоль северного побережья Исландии.

Капитан упер ножку циркуля в точку, где пока кончалась эта линия, вторая игла повисла, словно раздумывая, куда сделать следующий шаг. В Датский пролив соваться нельзя. Он закрыт минными полями союзников. Может быть, «Ванцетти» уже вплотную подошел к

«дружественным» минам? А может быть, уже в зоне минных полей?.. Ведь с пятого января видимость — ноль, невозможно вести астрономические наблюдения. Пять дней следовали во льдах, определяя скорость на глаз. Лот показал глубину триста восемьдесят метров. Но каждому моряку известно, как круто обрываются берега Исландии. Значит, скалы могут быть рядом.

Осторожно, то и дело, опуская лот, двинулись на юг. Вот уже лот показывает двести, сто шестьдесят метров. Кривая глубин подсказывала: пароход примерно в семидесяти милях западнее порта Акурейри.

Открылись черные голые скалы, а затем показался маяк. Это мог быть только Хорн. А от него недалек и Эйя-фиорд, в глубине которого прячется Акурейри — военно-морская база. В щели фиорда, между базальтовыми часовыми, сразу заглох, запутался ветер, улеглись валы, и «Ванцетти» стала баюкать ровная зыбь. Из-за скалы выскочило быстроходное патрульное судно, запросило позывные. «Ванцетти» ответил. Однако сторожевик проскочил мимо и закрыл выход в океан. В бинокль было видно, как на палубе сторожевика поднялась суeta, как стали расчехлять орудие!

Вскоре явился эскадренный миноносец. Лишь теперь, под прикрытием миноносца, со сторожевика спустился моторный бот. На пароход поднялась военная команда, заняла посты возле пулеметов, трехдюймовки, радиорубки. Офицер сухо поздоровался, потребовал судовые документы, недоуменно пожал плечами.

— Ничего не понимаю. По нашим данным, вы погибли еще пятого января.

— И решили, что мы замаскированный под русский лесовоз фашистский рейдер? — расхохотался Веронд, поняв причину такой встречи.

— Совершенно верно. Но... как вам удалось спастись?

— Честно говоря, я сам до сих пор удивляюсь этому, — и рассказал о скоротечном бое. — Ну а что судну пришлось выдержать после этого неожиданного рандеву, вы сами видите на палубе. Прошу дать разрешение команде сойти на берег. Люди измотаны до предела.

— Понимаю, но я должен запросить берег.

Семафор на миноносце. Оттуда радио в Акурейри. Наконец на миноносце часто замигал прожектор.

— Сожалею, — искренне сказал офицер, — но приказ такой: следовать возможно быстрее в Рейкьявик. Там формируется конвой, который в ближайшие дни должен выйти на запад.

РЕЙД РЕЙКЬЯВИКА

От открытого моря рейд Рейкьявика отделяло лишь боновое заграждение — препятствие для немецких подводных лодок чисто символическое. Правда, по ту сторону заграждения носились два миноносца. Время от времени они сбрасывали серии глубинных бомб, и лишь эти глухие взрывы напоминали о том, что за пределами залива идет война. Даже транспорт с развороченной кормой, полузатонувший у пирса, казался декорацией из голливудского фильма на военную тему.

По аккуратной набережной вдоль ухоженных домов под черепичными крышами слонялась разноязыкая, пестрая толпа моряков — военных и гражданских.

Моторный ботик с «Ванцетти» ткнулся в причал. Из него выбралась первая партия отпущенных на берег. Боцман повел носом, воскликнул:

— Чую запах жареной трески. Курс по ветру. Кто за мной?

Сергей Зимин был ошарашен. Он застыл у витрины первого же продовольственного магазина. Такого в жизни он давно не видел... Вот все бы купить, набить посылку и отправить маме в Ленинград. Но тут же тяжело вздохнул. Неосуществимое желание: какая же посылка дойдет отсюда через океан? Как переберется через кольцо блокады? Он стоял у витрины, опираясь об угол стены. Отвык парень от земной тверди. Тротуар под ним раскачивало, словно палубу, голова кружилась. И вдруг неожиданный, крепчайший хлопок по плечу едва не свалил его. Обернулся, думал, кто-то из своих. А рядом стоял здоровенный детина в толстом свитере и плаще нараспашку. Детина улыбался доброжелательно:

— Русский? «Ванцетти»?

Зимин растерянно оглянулся. Увидел неподалеку своих, поджидавших боцмана, который добывал пачки сигарет из автомата. Кивнул в их сторону:

— Мы все с «Ванцетти»!

— Ура, «Ванцетти»! Субмарина — пуф! — заорал на всю набережную детина.

Матросов окружили рыбаки. Вскоре все очутились в ближайшем кабачке за литровыми кружками пива. Боцман популярно, на пальцах, показывал, как произошёл бой и как он лично действовал. Потом появился возле столика канадский матрос, который представился:

— Джордж Стецько.

— Эмигрант? — в лоб спросил совершенно трезвый Зимин. Ему по молодости лет была выдана жестяная банка с апельсиновым соком.

— Який я эмигрант? Це мий батько був эмигрантом. Да не хвилюйся. Не в революцию тикав, значно ранише. И не з России, а з Пряшевщины. Вид злыднив тикав до Юэсей, а потим в Канаду.

Сергей в общем понял, что парень свой. Вот только кто такие злыдни — не понял. Белые, что ли?

— Ну це коли ничего не мае в кишени, — хлопнул себя по карману канадец. — Ниц нема в хати, — призвал на помощь ещё и польские слова, — оце злидни.

— Значит, из бедняков, — успокоился Сергей. — Будете переводить?

— А як же! В місцевий газети вже прописано про вас, але коротко.

С помощью Джорджа Стецько разговор пошел куда оживленнее, и вскоре вся пивная перекочевала к столику.

Больше никуда не пошли в этот день матросы с «Ванцетти». Сергею с большим трудом удалось оторвать их от застолья.

Джордж Стецько с пирса кричал вслед:

— До побачения у Галифакси! Мы разом пидемо! Двадцать шостого, о десятый години ранку-у-у!

Развеселый боцман хлопал по плечу Сергея:

— Слыхал? Черт те откуда вся Исландия знает про нас. Как у нас на селе — в одном конце чихнешь, в другом «будь здоров» говорят.

Неугомонный боцман пошел посмотреть, «как там брашпиль». Когда он в сопровождении Сергея преодолевал участок палубы от трапа до якорной лебедки, рупор рывкнул:

— Боцман, на мостик!

— Ну, хорош, — беззлобно протянул капитан, когда к нему поднялся боцман.

— Угощение в честь нашей победы.

— Сами, что ли, разболтали?

— Нет, весь порт знает.

— Откуда? — изумился Веронд.

— Порт все знает. И что мы с караваном двадцать шестого ровно в десять выходим, тоже знает.

— Марш отсыпаться, — нахмурился Веронд.

Не столько развеселое настроение вернувшихся с берега обеспокоило капитана — он был готов к такой «разрядке». Поразило сообщение о точной дате выхода каравана, которую он, капитан, еще не знал по причине секретности!

За кормой раздался стук моторки.

— Капитан! — заорал на весь рейд рупор. — Конференция завтра в десять, в офицерской столовой базы.

И об этом по инструкции положено было сообщать лично. В Архангельске и Мурманске инструкции военного времени выполнялись безоговорочно, и то немцы какими-то путями узнавали иногда о времени выхода караванов и даже одиночных судов, а здесь...

Наутро подошел тот же катер. В нем уже сидели капитаны других судов. Без спешки обошли еще несколько пароходов. Выгрузились и толпой по деревянной лестнице поднялись на горку к длинному барaku. Отсюда весь рейд как на ладони. Спокойно стоят, дымят пароходы. «Тесно, как на сингапурском рейде», — всплыло воспоминание о последнем предвоенном рейсе...

Подошел капитан третьего ранга Пантелеев из советского отдела перевозок в Рейкьявике. Они были уже знакомы. В то время как команда отдыхала на берегу, Веронд вместе с представителями английских и американских военно-морских властей подробно разбирал встречу и бой с подводной лодкой. Эксперты пришли к выводу, что лодка была, безусловно, потоплена и потому дальше не могла преследовать пароход. С ходом в пять-шесть узлов от подлодки, даже поврежденной, уйти было невозможно.

— Пока не заходите в зал, — попросил Пантелеев Веронда. — Пусть все рассядутся.

— Это по какому случаю?

— Я тоже задал этот вопрос коммодору конвоя, но ответа не получил. Он лично просил вас войти последним. Придется подчиниться. Хозяева здесь не мы.

— Лучше бы хозяева держали втайне время выхода, — проворчал Веронд. — Боцман вчера все в кабаке узнал. К чему теперь

конференция, не понимаю. Что, в Исландии нет ни одного разведчика?

— Если бы. Двоих недавно за работой на рации взяли. Но что делать... Война здесь проходит транзитом. Никого особенно не задевает, рыбаки продолжают селедку и треску брать. Отсюда и беспечность.

Как только Веронд перешагнул порог, раздалась команда всем встать. Коммодор конвоя, американский контр-адмирал, торжественно произнес:

— Господа! Я попросил вас подняться с мест для того, чтобы приветствовать героического капитана русского транспорта и поздравить его с победой над немецкой субмариной. Этот факт исследован и подтвержден авторитетной комиссией. Кроме того, по данным английского адмиралтейства, штаб Деница с 20 января считает лодку V-553 пропавшей без вести, как исчерпавшую срок автономности. Лодка исчезла в Северной Атлантике. Мы ее не топили. Это мог сделать только русский пароход. Еще раз поздравляю. Считаю для себя честью, что «Ванцетти» будет идти в моем конвое. Как все моряки, я немного суеверен и думаю, что присутствие в ордере героического парохода принесет удачу. Прошу сесть. Приступим к делу.

Наконец и капитаны узнали время выхода. Затем была объявлена скорость каравана: восемь узлов.

— Капитан, вас удовлетворяет такая скорость? — обратился адмирал к Веронду.

Как неловко и трудно после всех лестных слов сознаваться:

— Нет... Максимум, на что способно судно, — семь узлов. Приветливая улыбка сменилась гримасой зубной боли.

Адмирал стал совещаться с коллегами, потом сообщил, но уже без подъема:

— Я не отступаю от своих слов. Вы пойдете с нами. Я решил снизить скорость до семи узлов.

За спиной послышался шумок недовольства. Понятно, всем желательно проскочить скорее проклятую Атлантику, а вместо этого сбавляй скорость. Но открыто никто возражать не стал. Пусть недовольное, но все же согласие капитанов увеличить степень риска ради «Ванцетти» взволновало Веронда больше, чем комплименты коммодора. Веронд встал, повернулся так, чтобы обращаться не только к командованию конвоем, но и ко всему залу:

— Я глубоко благодарен вам всем, господа. Я понимаю цену вашего согласия. Обязательно сообщу о вашей жертве команде. Это даст моим людям новый заряд бодрости и уверенности. Вижу в этом прекрасный пример исполнения союзнического долга.

По окончании конференции Пантелеев от души пожал руку Веронда.

— Рад за вас. Как все прекрасно получилось!

— Теоретически — да, но практически... Я не смогу долго выдержать эти семь узлов. А отстать — это, поверьте, куда труднее, чем с самого начала идти в одиночку.

— Но я надеюсь, что коммодор не оставит вас в одиночестве. Кораблей охранения достаточно, выделит что-нибудь на вашу долю...

— Да-а, — протянул Веронд. — Не посчитайте за резкость, но вашими устами, как говорится, мед пить.

Некоторое время шли молча. Капитан третьего ранга Пантелеев уже полтора года находился в Рейкьявике, знал судьбы всех конвоев, всех судов, понимал, что Веронд, пожалуй, прав. Сколько раз уже было так: английское или американское судно еще на плаву, еще может двигаться вперед, а команда уже перебирается на корабль охранения, и тот топит раненое судно, чтобы не досталось врагу. Но язык не поворачивался говорить об этом. Суховато сказал совсем иное:

— Мне не нравится ваше настроение. Вам нужен, как говорят американцы, допинг.

Веронд как-то странно посмотрел на Пантелеева, медленно произнес:

— Допинга не надо. Он мне уже выдан двадцать второго июня сорок первого года. Меня тревожит другое. Знаете ли вы, что, когда мы пришли сюда, из машинной команды никто, понимаете, никто не сошел на берег, к которому так стремились. Люди спали. Людей сломила усталость. И теперь, как подумаю, что им придется вынести, чтобы держать эти несчастные семь узлов и не угробить машину... Мы ведь никогда не оставим пароход. Будем бороться за живучесть до конца...

1975 ГОД. СЕНТЯБРЬ

На рейде Холмска гудки. В последний, короткий рейс уходил лесовоз «Ванцетти». Во Владивостоке он бросил якорь на задворках

порта, там, где стоят отслужившие свой срок пароходы. Но прежде чем упали мачты, исчезла высокая черная труба, прежде чем сам он переплавился в металл, из которого потом построят новый корабль, а может быть, сделают рельсы, со стены рубки сняли и отправили в музей мемориальную доску:

«В период Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков и японских империалистов экипаж парохода «Ванцетти» отлично выполнял оперативные задания по перевозке войск, военной техники и стратегических материалов для фронтов нашей Родины.

Огнем судовой артиллерии моряки успешно отразили две атаки вражеской подводной лодки и в результате боя потопили ее.

Слава морякам парохода «Ванцетти», проявившим доблесть, мужество и героизм в борьбе за свободу и независимость нашей социалистической Отчизны».

Пароход пережил своего капитана на четырнадцать лет...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ПУТЕШЕСТВИЯ, ФАНТАСТИКА

Приключения,
ПУТЕШЕСТВИЯ,
Фантастика

Д. Лихарев

ПО ВОЛЕ ВОЛН

Очерк

Подгоняемый попутным ветром 36-футовый шлюп «Серпрайз» быстро скользил по спокойной поверхности Атлантического океана, держа курс строго на юг, к Огненной Земле. Передав вахту второму члену экипажа, своему товарищу журналисту Мауро Мансини, капитан крохотного суденышка Амброзио Фогар спустился в кубрик, чтобы сделать очередную запись в судовом журнале.

Хотя прошло уже больше месяца, как-они вышли в море, ничего примечательного за это время не произошло. Лишь сегодня, на тринадцатый день плавания из Мар-дель-Платы к Рио-Гранде, где должен был сойти Мансини, они впервые повстречали китов. В предрассветных сумерках их огромные тела, словно сероватые призраки, внезапно появились из океанской пучины и плотным кольцом окружили шлюп. Журналист тогда пошутил, что если бы он не знал, что война давно кончилась, то принял бы их за волчью стаю германских подводных лодок, решивших расправиться с ними. Когда какой-нибудь из китов направлялся к «Серпрайзу» и затем нырял под него, не доплыв всего несколько метров, то моряки еще видели его хвост, а голова уже показывалась впереди. Хотя гиганты и казались спокойными, кроткими и полными самых добрых намерений, их присутствие невольно вызывало тревогу. Впрочем, с восходом солнца киты исчезли так же внезапно, как и появились.

Едва Фогар успел написать в судовом журнале первые слова: «19 января, 10.00. Ветер», как с палубы донесся возглас Мансини: «К нам приближаются косатки!» В следующую секунду сильнейший удар в борт шлюпа отбросил Фогара к носовой переборке. Раздался громкий треск ломающегося дерева и рев ринувшейся в пробоину воды. По инерции еще продолжая свой бег, «Серпрайз» начал валиться на правый борт, зарываясь носом в волны. Машинально Фогат схватил со столика оставшийся после завтрака полиэтиленовый пакет с сахаром и банку ветчины и бросился к трапу.

Первое, что он увидел на палубе, был Мауро Мансини, который вцепился побелевшими от напряжения пальцами в леер. Собственно, на палубе оставались лишь его голова да плечи, а тело находилось за вздыбившимся левым бортом. Позади него слегка волнующуюся поверхность океана резали три острых спинных плавника косаток.

— Спускай плот! — прохрипел Мауро, останавливая кинувшегося было к нему товарища. — Я сам...

Отвязать принайтовленный на корме спасательный плотик было делом нескольких секунд.

— Отплывай! — крикнул Амброзио другу, сильным толчком послав плотик подальше от тонущего шлюпа. «Если затянет в воронку или накроет парусом — конец», — подумал он, сделав отчаянный рывок кролем вслед за оранжевой скорлупкой.

Не успел Амброзио ухватиться за нейлоновый шнур, закрепленный на бортах спасательного плотика, как позади раздался громкий горестный вздох, словно какой-то неведомый исполин решил выразить свое соболезнование попавшим в беду мореходам. Фогар тревожно оглянулся: неужели опять косатки? Однако единственное, что виднелось на поверхности океана, была голова Мауро Мансини, появлявшаяся в сотне ярдов над гребнями волн.

Еще до конца не веря в случившееся, капитан «Серпрайза» взглянул на часы: стрелки показывали 10.05. За каких-то пять минут из будущего рекордсмена, сумевшего впервые обойти вокруг Антарктиды в одиночку (Мансини должен был остаться на Огненной Земле), Амброзио Фогар превратился в неудачника, чье судно потопили не свирепые штормы «ревущих сороковых» и не грозные айсберги, а обычные косатки.

Впрочем, предаваться подобным размышлениям у Фогара не было времени. Главное — как можно быстрее подобрать Мауро, который с трудом держался на воде в своей намокшей вахтенной робе. Перевалившись через борт плотика, Амброзио схватил одно из коротеньких весел и, опустившись на колено, как в каноэ, принялся отчаянно гребти к другу.

— Доплыть до него и втащить на плотик было делом считанных минут, — вспоминал позднее Амброзио Фогар, — но после этого я почувствовал себя таким обессиленным, словно принял участие в многомильных соревнованиях по гребле. Не знаю, сколько прошло времени, пока мы стали отчетливо воспринимать окружающее, —

сказалось, видимо, нервное потрясение, да к тому же Мауро изрядно нахлебался, — но, когда мы взглянули друг на друга, то прочли в глазах один и тот же вопрос: «Что же дальше?»

Положение потерпевших кораблекрушение было катастрофическим. Все снаряжение спасательного плотика, включавшее жестянки с аварийным запасом продуктов и рыболовные снасти, таинственным образом исчезло. Фогар считает, что, скорее всего, оно было плохо закреплено в гнездах и вылетело за борт, когда косатки торпедировали «Серпрайз». Тем не менее еще оставалась надежда: все снаряжение на спасательных шлюпках и плотках имеет положительную плавучесть, то есть всплывает, как поплавки, и окрашено в яркие цвета. Следовательно, они должны плавать где-то поблизости. Но... поверхность океана была абсолютно пустынной и чистой. Чудом уцелели лишь пятигаллоновая канистра с водой, несколько сигнальных ракет да двухфунтовый пакет сахара и банка ветчины, которые в последний момент схватил со стола и бросил на дно плотика Фогар.

Однако последний и, пожалуй, самый страшный удар двое яхтсменов получили в полдень, когда они определили свое местоположение: они находились в нескольких сотнях миль от побережья Аргентины и далеко в стороне от оживленных судоходных линий. На помощь нечего было рассчитывать. Вывод напрашивался сам собой: лучше сразу самим покончить счеты с жизнью, чем затягивать мучительную агонию.

Однако и Амброзио Фогар и Мауро Мансини, оба опытные яхтсмены, прекрасно знали об эксперименте француза Алена Бомбара, который без запасов пищи и воды один в маленькой резиновой лодчонке за 65 дней пересек Атлантический океан, чтобы доказать, что люди могут прожить длительное время лишь за счет даров моря. Правда, у двух итальянцев не было ни снастей для ловли рыбы и птицы, ни даже сетки для планктона, но они твердо усвоили главную заповедь Бомбара: нужно преодолеть самое сложное препятствие — подавить убийственное отчаяние, смертоносную безнадежность. Если жажда убивает быстрее голода, то отчаяние убивает гораздо быстрее жажды. «Помни, человек, ты прежде всего разум!»

Так началось сражение двух людей, затерянных в Атлантике, за разум, а значит, за жизнь. Они не вели дневника, да и в любом случае записи в нем были бы похожи как две капли воды, которую Фогар и

Мансини отмеряли тоже буквально по капле. Ведь она — главное. Без пищи можно протянуть месяц. Без воды — максимум неделю. Единственный выход, по совету Бомбара, — пить понемногу морскую воду. Но он компенсировал избыток соли соком рыб. Увы, как ни напрягали свою фантазию мореходы, они так и не обнаружили на плоту ничего, что могло бы заменить крючок и леску.

Изобретательный Мауро ухитрился сделать из двух штормовок некое подобие мешка-ловушки. Однако, когда его опустили в океан на нейлоновом шнуре, не пожалев для приманки нескольких ломтиков ветчины, даже те немногие рыбы, что сопровождали плот, моментально исчезли, видимо решив — и не без основания, — что неведомое чудище не сулит им ничего хорошего. Правда, эксперимент дал и положительные результаты: после того как импровизированная «сеть» проболталась целый день за кормой спасательного плотика, в ней набралось несколько ложечек планктона. И хотя итальянцы не могли, подобно китам, переключиться исключительно на планктоновый рацион, цинга им впредь не грозила. К тому же «сеть» вполне была способна заменить плавучий якорь, чтобы плот не развернуло бортом к волне во время шторма.

...Удача пришла совершенно неожиданно. К концу второй недели волочившейся на шнуре ветчиной заинтересовалась какая-то большая морская птица. Когда она подплыла поближе, Фогар сумел оглушить ее ударом весла. Ощипав ее, изголодавшиеся мореходы тут же съели по нескольку ломтиков сырого мяса. И хотя оно сильно пахло рыбой и было жестким, как брезент, маленькие порции настоящей пищи придали им новую надежду: если удалось поймать одну, рано или поздно клюнет и другая.

Забегая вперед, следует сказать, что судьба еще несколько раз была милостива к потерпевшим кораблекрушение. Четыре или пять птиц — Фогар не помнит точно, сколько их было, — все же соблазнились приманкой из головы и перьев первой жертвы.

К тому же Амброзио обнаружил, что на бортах и днище плота поселилась целая колония «блюдечек», крошечных моллюсков, которые стали чуть ли не главной частью ежедневного рациона.

...Дни тянулись однообразной чередой. Жажда, голод, безжалостное солнце днем и пробирающая до костей, пропитанная солью сырость ночью. Чтобы сберечь силы, Фогар и Мансини старались делать как можно меньше движений. Чуть ли не сутками они

лежали на дне плота, в полусне-полузабытьи, лишь изредка обмениваясь короткими репликами, дабы удостовериться, что еще живы. Порой Фогару приходилось силой разжимать зубы Мауро, чтобы тот проглотил хоть чуть-чуть планктонной кашицы или «икры» из блюдечек, сделал глоток-другой соленой влаги да принял «противоядие» — считанные капли пресной воды.

Впрочем, пятигаллонный запас ее подходил к концу. Согласно выводам Бомбара, человек может существовать на одной морской воде без необратимых нарушений в организме лишь в течение пяти-шести дней. Решить своими силами неразрешимую проблему...

«Помни, человек, ты прежде всего разум!»

Бомбар пишет, что он собирал ночную росу, конденсирующуюся на поверхностях. На плотике все было просолено. Значит, надо было любой ценой очистить от соли хотя бы что-то. Целая кружка пресной воды ушла на то, чтобы вымыть, обессолить спину штормовки. Если натянуть ее между весел, то ночью роса будет осаждаться на ней и лоскутком носового платка, вместо губки, вполне можно будет собирать влагу и затем досуха высасывать ее. Так и сделали. Жажда мучала, но не убивала.

И вот, когда, казалось, появился проблеск надежды, судьба нанесла Фогару и Мансини еще один неожиданный удар. Это произошло ровно через месяц после кораблекрушения — Фогар точно запомнил этот день по календарю на ручных часах. С утра ничто не предвещало опасности. Однако к полудню ветер стал крепчать, и вскоре начался настоящий шторм. Огромные пенные валы то подбрасывали крошечный спасательный плотик, словно мячик, чуть ли не в поднебесье, то низвергали в сумрачные пропасти, по обе стороны которых вздымались бутыльно-зеленые стены водяных гор. Стоило обрушиться одной из них, и людям пришел бы конец.

Но океан, подобно кошке, играющей с мышью, не спешил. Он решил «фыркнуть» на двух непокорных сквозь свои седые усы внезапным сильнейшим шквалом в тот момент, когда плот взмыл на гребень высоченной волны. Мореплаватели, как перышки, вылетели из своей спасительной скорлупы, но каким-то чудом все же не выпустили из ослабевших пальцев бортового шнура. Фогар не может утверждать, руководил ли ими слепой инстинкт или разум, но они попытались взобраться обратно на плот лишь тогда, когда тот начал плавно подниматься на относительно пологой волне. И лишь обессиленно

распластавшись на дне, оба поняли: выигран еще один раунд в смертельном поединке.

Постепенно шторм стал утихать, словно неистовый океан тоже признал победу людей. Однако цена ее оказалась слишком высокой: морская вода пропитала абсолютно все. Впредь нечего было и думать собирать ночную росу. Ни Фогар, ни Мансини не сказали друг другу ни слова. Но каждый понимал: теперь их жизнь измеряется глотками оставшейся в канистре пресной воды.

«...Итак, смерть близка... Но какая издевка: в последний момент упиваться, захлебываться сладкой, как нектар, водой... Если бы она была на самом деле, я бы сейчас не умирал... Значит, организм все же сильнее разума, если на пороге небытия заставляет его чувствовать то, чего сам страстно жаждет...»

Таковы были первые мысли Амброзио Фогара, когда к нему вернулось сознание. И лишь через несколько мгновений, захлебываясь, кашляя и с трудом глотая лившуюся сплошным потоком на лицо воду, он понял: это не галлюцинация, а настоящий ливень!

Ура! Разум и стойкость оказались сильнее стихии!

Внезапный короткий, но сильный дождь спас двух итальянских мореходов. Но надолго ли? Сколько еще смогут полумертвые от голода люди сопротивляться отчаянию?.. Ведь никто не знает о постигшей их катастрофе, а следовательно, и не ищет. Да если бы и искали, обнаружить крохотный спасательный плотик в безбрежном океане было просто невозможно.

Фогар и Мансини сами убедились в этом, когда однажды днем услышали гул мотора и увидели летевший довольно низко над водой самолет. С трудом поднявшись на подгибающихся ногах, они кричали, размахивая веслами и штормовками. Увы, самолет исчез за горизонтом раньше, чем Амброзио вспомнил о сигнальных ракетах.

Второй раз надежда возникла перед итальянцами уже в марте месяце — когда точно это было, Амброзио не знает, ибо почти все время мореходы находились в полузабытьи, поддерживая едва теплившуюся жизнь лишь оставшейся после дождя водой да крохотными порциями планктона и собранных с бортов «блюдечек». В тот день Фогар кое-как добрался до кормы за уловом и вдруг увидел вдали черную точку, медленно приближавшуюся к ним.

— Судно, Мауро, судно, — прохрипел он, боясь, что в следующее мгновение видение исчезнет.

Журналист приоткрыл глаза и беззвучно зашевелил губами. Но бывший капитан «Серпрайза» и так понял, что хотел сказать ему друг. С лихорадочной поспешностью — если только это выражение применимо к движениям обтянутого кожей скелета — он вытащил из водонепроницаемого пакета две драгоценные сигнальные ракеты. Минута, другая — и они цветными хвостами рассыпались в воздухе...

И все-таки Амброзио Фогар опоздал: изменив курс, судно уже удалялось от спасательного плота. Уплывала последняя надежда.

...Утром 2 апреля Фогар очнулся с мыслью, что конец неравного поединка с океаном близок. Мауро Мансини уже несколько дней не приходил в сознание. Да и сам Амброзио держался лишь потому, что твердо верил заповеди Алена Бомбара: «Потерпевший кораблекрушение, всегда будь упрямей, чем море, и ты победишь!» Он давно потерял представление, где они находятся, и лишь безучастно смотрел на бесконечные шеренги волн, катившиеся к одним им ведомой цели. Когда на горизонте возникла черная точка, Фогар решил, что начались галлюцинации.

Однако точка приближалась и росла, и мореход наконец поверил, что по направлению к ним идет какое-то судно. Последний шанс. Фогар достает оставшиеся ракеты и одну за другой выпускает их.

...На борту греческого сухогруза «Стефанос» двум итальянским мореходам была оказана медицинская помощь. Однако журналист Мауро Мансини так и не узнал о том, что спасен: через несколько часов, не приходя в сознание, он умер.

...Отправляясь в плавание вокруг Антарктиды, Амброзио Фогар хотел установить рекорд. И хотя он не достиг поставленной первоначально цели, поединок двух итальянских мореходов с океаном может по праву считаться рекордом: 74 дня боролись они со стихией, проплыв за это время 1200 миль. И победили. Ибо человек — прежде всего разум!

На встрече с журналистами Амброзио Фогар сказал, что рано или поздно все же обойдет на шлюпе Ледовый континент. Нет, не ради рекорда. Это будет сделано ради памяти его друга.

Ю. Миронов

РУССКИЕ ПАРНИ

Прочтут потомки
в прессе разных стран:
В двадцатом веке из России парни
прошли на лыжах
через океан...

Стояли там,
на Полюсе высококом, —
стояли, и не верилось никак...
Земная ось
в тот день была
флагштоком:
над белым полем — красный-красный флаг

В. Мезенцев

В ПОРТУ ФРИМАНТЛ, ЗА ПОЛЧАСА ДО

ОТХОДА

Рассказ-быль

Когда я вспоминаю о том, что произошло с нами совсем недавно, перед глазами неизменно встает ночной Фримантл, горящие фонари на набережной и желтые блики луны, разбросанные по бархатной от мазута гавани. А еще — наш турбоход «Леонид Соболев», девятипалубный пассажирский лайнер, переполненный иностранными туристами.

* * *

Уже семь месяцев проработал «Леонид Соболев» у австралийских берегов, осваивая прежде недоступную для нас, советских моряков, пассажирскую линию. Совершал плавания к островам Тихого океана, делал рейсы в Японию и Гонконг, неизменно возвращаясь в Сидней — отправной пункт круизов.

К судну-новичку здесь долго присматривались, не доверяли. Вначале было безлюдно на огромных палубах, в салонах и вестибюлях. А вокруг то и дело сновали переполненные теплоходы австралийцев и англичан. Неохотно, в условиях жесточайшей конкуренции, уступали они право на круизные рейсы турбоходу под красным флагом. Но прошло несколько месяцев, и о русских заговорили газеты.

Случилось это именно в Сиднее, когда молодой капитан дальнего плавания Николай Николаевич Самсонов только принял командование судном. В тот день из-за шторма не вошли в гавань корабли военно-морского флота США, выбросило на камни супертанкер — его владелец понес двухмиллионные убытки. Было отменено движение всех судов.

Но за час до разразившегося шторма, казалось, ничто не предвещало беды. Разгадать в одной туче на безоблачном небосклоне стремительно надвигающийся ураган смог только наш капитан.

Позже, вспоминая этот случай, Николай Николаевич будет шутя говорить о предчувствии. Но лучше назвать это предвидением, тем самым капитанским предвидением, что сродни таланту.

Мастерски развернув судно, капитан направил его к самому узкому и опасному месту гавани — воротам порта. И тут его нагнала туча, хлынули потоки дождя, проливного, тропического..

— Идет ураган, — предупредил лоцман-австралиец. — Нам не пройти через ворота Сиднея.

Сверкнула молния. Вспышка ее была настолько яркой и близкой, что на минуту все померкло перед глазами.

— Прошу вас немедленно покинуть мостик, — ответил капитан Самсонов.

Лоцман повиновался.

Капитан остался на мостике один. Один в ответе за судно, пассажиров, команду. Еще мгновение, и, набрав скорость, лайнер ринулся в морские ворота порта. Лишь одному сиднейскому корреспонденту удалось успеть отснять «Леонида Соболева», уходящего в океанские волны. Вмиг двенадцатиметровые валы скрыли от глаз почти весь турбоход. А еще через минуту, покачиваясь на чистой воде, он лег на заданный курс.

На следующее утро газеты Австралии перепечатывали снимок советского лайнера под заголовком «Бушующее море закрыло Сидней». А внизу: «Ураган! Нет, — говорят русские, — для нас это всего лишь небольшое волнение».

Это был риск? Да, но оправданный. То была очень наглядная победа судоводителя — ему удалось сломить лед недоверия у иностранных клиентов морского сервиса, поднять авторитет своего судна. Ведь мужество и профессиональное мастерство капитана всегда служили для пассажиров самой надежной рекомендацией.

Победителем уходил «Леонид Соболев» с завоеванной им линии, чтобы вновь вернуться сюда уже осенью, к окончанию сезона тропических дождей.

* * *

Капитан понимал, что успех его лайнера не может пройти бесследно, кое-кому он оказался не по душе. Владельцы судоходных

компаний почувствовали в нем сильного конкурента. Реакционные круги испугались проводника социалистической пропаганды, советского образа жизни. В любой момент можно было ожидать от недругов провокаций или даже диверсий. Капитан Самсонов знал много тому примеров.

Еще в 1956 году вахтенный помощник Шарапов пресек попытку подвести мину под теплоход «Грузия», доставивший в Австралию сборную СССР на Олимпийские игры.

В одном из госпиталей Фримантла пытались склонить к измене Родине находившегося там на излечении матроса Дальневосточного пароходства.

Учебное судно «Товарищ» не участвовало в параде парусных кораблей, состоявшемся на реке Гудзон. Полиция предупредила заранее: «С моста могут сбросить бомбу. Мы бессильны обеспечить вашу безопасность». И словно в подтверждение этих слов, при полном бездействии полиции к борту одного из советских сухогрузов, стоявшего в американском порту, была подведена взрывчатка.

В Карибском море обстреляли из пулеметов танкер Новороссийского пароходства. Обстрел велся с быстроходного, хорошо вооруженного катера «неизвестной национальности».

В американском порту на флагман Советского пассажирского флота «Максим Горький» провокаторы забросили пластиковую бомбу, получили ранения два матроса.

Таковы объективные факты.

Тревожные мысли не покидали Николая Николаевича до самых последних дней работы на новой линии. Но вот наступила пора расставаться с Австралией. Прощание в Сиднее, затем Мельбурне...

И вот, наконец, порт Фримантл, куда зашли добрать последних пассажиров на Цейлон и Европу. Отход был назначен на час ночи.

* * *

Несмотря на позднее время, на причале собралось много провожающих. Сотни серпантинных лент связывало судно с берегом. Кто-то выкрикивал последние напутствия. Сколько уже таких встреч и расставаний прошло у борта «Леонида Соболева»! Одни отправлялись

на нем искать счастья из Австралии в Англию, другие — из Англии в Австралию.

Наступила полночь. Но и в этот час посетители все еще не покидали капитанскую каюту. Попрощаться с советским судном пришли представители фрахтующей фирмы и австралийских властей, другие официальные лица — всего человек пятнадцать. Сидя за длинным столом в гостинной капитанской каюты, все по очереди вставали и произносили слова напутствий.

Первым поднялся директор круиза Барри Вудвард, стройный сорокалетний англичанин с улыбочным лицом.

— Кэптан, — сказал он. — Пришло время сказать гуд бай милой Австралии. Мы изменим ей теперь с одной очаровательной старушкой по имени Англия. Ведь в душе мы уже стремимся к ее берегам.

Самсонов рассмеялся:

— Вы хотите обвинить меня в неверности. Ох уже эти мне современные нравы!

— Западные нравы... Ведь именно так вы хотели сказать, — подхватил Вудвард.

Николай Николаевич чуть насмешливо внимал директору круиза. Он давно наладил с ним отличные отношения, что было необходимо для хорошей работы судна. От Барри зависело немало. Через него передавались все указания пассажирам, он занимался береговыми экскурсиями и представлял интересы туристов и фрахтующей фирмы.

— Итак, я продолжаю, — говорил Вудвард. — Хотите исповеди, капитан? Исповеди Барри Вудварда? Я был первым англичанином, ступившим на эту палубу. Что я испытывал в ту минуту? Гордость? Нет, чувство страха! Я знал до этого русских не больше, чем снежного человека. Я вглядывался в глаза каждому матросу, пытаюсь распознать эту таинственную славянскую душу. И не распознал, пока... пока они не запели... Вы помните, Ник, ту непогоду? Палуба на неделю превратилась в дьявольский аттракцион, на котором хорошо тренировать астронавтов. И вот тогда был дан настоящий концерт. С каким мужеством выходили на качающуюся палубу музыкального салона официантки, стюардессы, бармены! Они пели песни своей далекой родины, и пассажиры забывали, что за иллюминаторами штормовая ночь, бушующий океан и дикие валы, обрушивающиеся на судно. Звучали песни солнечной Украины, ледяной Сибири, искрометной Грузии... Вы слышали когда-нибудь «Калинку»,

джентльмены? В ней та самая русская душа, о которой мы ни черта не знаем!

— Могу ли я войти? — За спиной директора круиза показалась долговязая фигура знакомого сиднейского журналиста.

— О, мистер Лонг! — воскликнул капитан. — Какими судьбами? Неужели вы примчались в Фримантл прямо из Сиднея? Прошу к столу. Рассказывайте.

— Решили проводить нас, Лонг? Хотите сделать на нас еще одну сенсацию? — Барри явно переживал, что упустил внимание слушателей.

— Нет, — ответил ему журналист. — Я не собираюсь никого провожать и тем более делать сенсацию. Русские честно поработали, заслужили себе доброе имя, и в этом нет ничего удивительного. Газетам писать больше не о чем. Я отправляюсь с вами в плавание. Вот билет! — Он высоко поднял над столом синий листок картона.

До отхода оставалось не более получаса. Капитана буквально раздирали на части. Подписывались последние документы — многочисленные счета за обслуживание, продовольствие, топливо. Самсонов переходил от обеденного стола к письменному, перекидываясь репликами с агентом и шипчандлером, делая неувлимые знаки стоящим официантам и успевая при этом следить за опустевшими рюмками и бокалами.

Зная хлебосольный нрав русского капитана, многие из австралийских знакомых не могли удержаться от визита. Каюта наполнялась все новыми посетителями. В 00.30 по трапу поднялись начальник полиции Фримантла и сопровождающий его офицер. Видно, и он поддался соблазну. Или просто захотелось старому служаке пожать на прощание капитанскую руку, пожелать счастливого плавания?

Николай Николаевич сам встретил гостей, поздоровался и ввел в гостиную.

Начальник полиции обвел взглядом всех присутствующих и, выдержав паузу, произнес:

— Нам только что стало известно, что на ваше судно подложена бомба. Взрыв может произойти в любую минуту.

За столом наступило оцепенение. Подошедший к капитану агент распахнул на колене «дипломат», да так и остался стоять на одной ноге, словно замороженный. Застыл, поднеся к губам рюмку, Барри Вудвард. Горящая спичка в руках Лонга замерла, не прикоснувшись к сигарете.

Капитан еще продолжал улыбаться. До него дошел весь ужас сказанного, но он не чувствовал себя в силах прервать улыбку.

Бомба! Вот она — смерть! Сейчас грянет взрыв, и все провалится в бездну, мрак, пустоту. Встретить гибель, сгинуть в этой чужой Австралии, в такой дали от дома...

Вся жизнь мгновенно пронеслась перед мысленным взором Николая Николаевича. Вспомнились залитые солнцем аудитории мореходки и палубы кораблей. Вот он курсант, штурман, молодой капитан. Самый молодой капитан во всем Черноморском пароходстве... Ну, что ж, пробил час оправдать это высокое звание, применить весь опыт, проявить выдержку, самообладание.

— Что вы предлагаете? — спросил Николай Николаевич начальника полиции. Голос его не выдал волнения.

— Всем пассажирам и команде немедленно оставить судно. — Австралиец внимательно следил за впечатлением, которое произвело на всех его сообщение.

Первым сорвался с места Лонг.

— Капитан! Где у вас радиостанция? Мне надо немедленно связаться с Сиднеем!

— Сядьте на место, Лонг, — властно осадил его капитан. — В порту судовая радиостанция опечатана.

— Мы просим предоставить право местным властям в течение двух дней обыскать весь турбоход, — продолжал начальник полиции. — Команда и туристы перейдут в отель. Разумеется, отель — за счет вашей компании. Итак, я жду ключи от всех служебных и жилых помещений.

Николай Николаевич отчетливо представил себе пассажиров, уже видящих сны в каютах. Разбуди их сейчас, среди ночи, — неминуемо начнется паника.

«А если это очередная провокация, и никакой бомбы не существует? — лихорадочно размышлял он. — Почему так спокоен сам начальник полиции? Неужели его не волнует вопрос жизни и смерти семисот пятидесяти соотечественников? Да и его самого? Ведь это «может произойти в любую минуту»!»

Все с нетерпением ждали капитанского решения.

— Благодарю вас за информацию, джентльмены, — не громко, но очень твердо сказал Самсонов и улыбнулся. — Я принял решение сниматься.

«Леонид Соболев» выходил из Фримантла точно по расписанию. Убрали трапы, дали три прощальных гудка. Натянулись и лопнули ленты серпантина. Медленно отворачивая кормой, турбоход пополз от причала.

На берегу заплодировали. Пунктуальность океанского экспресса вызвала восхищение.

«Риск! Будет ли он оправдан? Что необходимо предпринять? — думал капитан, разворачивая судно в бухте и выводя его в море. — А вдруг оно уже отстучало, холодное сердце магнитной мины? Что тогда?»

Николай Николаевич подошел к лоцману. Тот стоял как ни в чем не бывало на крыле мостика, попыхивая своей короткой трубочкой.

— Значит, вы считаете, пайлот, что это провокация? — переспросил его капитан.

— Да, я убежден в этом. И если вас просили оставить судно, то только затем, чтобы подложить эту бомбу.

«Положим, что бомба все-таки существует, — думал капитан, слушая лоцмана. — Но тогда она не должна обладать большой взрывной силой. Так — хлопушка: провокаторам нет нужды истреблять своих соотечественников. Важен сам факт взрыва, который неминуемо посеет страх, панику, способные подорвать доверие ко всему советскому пассажирскому флоту. Кто после этого купит билет на наше судно? Взрывчатку могли подложить вместе с багажом в один из трюмов — значит, вдали от жилых помещений... Тогда все останутся невредимы, никто не пострадает. Пробоина? Пожар? Их тоже нельзя сбрасывать со счетов. Но экипаж натренирован в учебных тревогах, а судно оснащено самой надежной в мире сплинкерной системой пожаротушения. Потребуется полминуты, чтобы отсечь место пробоины или очаг пожара. Стальные водонепроницаемые двери захлопнутся автоматически. Нужно лишь нажать кнопку на мостике».

Утвердившись в правильности своего решения, капитан покинул ходовую рубку.

В капитанской каюте собрался старший командный состав турбохода — первый помощник капитана, старпом, главный механик, пассажирский помощник. Перед ними стоял очень серьезный вопрос:

скрывать или нет от экипажа создавшуюся ситуацию? Ведь половина команды — официантки, стюардессы — женщины, да и не у каждого парня, особенно новичка, выдержат нервы. Мнения разошлись.

Выслушав все соображения, капитан отдал приказ:

— Всему комсоставу немедленно собраться в кают-компании на совещание. Объявлений по трансляции не делать. Чтобы не беспокоить пассажиров, приглашать лично. По службам.

Собрались быстро. Все терялись в догадках, чем вызвано такое срочное совещание, но держались спокойно.

Наконец в кают-компанию, сопровождаемый помощниками, вошел капитан. Он внимательно осмотрел присутствующих: как встретят они это известие? Не спасуют ли? Сейчас он проверит их на прочность.

— Прошу садиться, — разрешил капитан, но сам остался стоять.

Он кратко проинформировал о причинах срочного сбора. Серьезность, понимание происходящего, беспредельное доверие ему, капитану, — вот что видел Самсонов в глазах собравшихся. Все ждали дальнейших указаний. И, чувствуя новый прилив уверенности, он приказал:

— Поднять всю команду. Обыскать служебные помещения, трюмы, подшкиперские. Для обеспечения безопасности к дежурным пассажирской службы выделить дополнительно матросов. У меня все. Совещание закончено.

* * *

До рассвета шел аврал. Обшарили все судно, проверили все средства по борьбе за живучесть, спасательные шлюпки, плоты, обеспеченность их продовольствием и пресной водой. Моряки вели наблюдение за каждым коридором. В семь часов утра начальники служб подали капитану рапорты. Ничего подозрительного обнаружено не было.

В ту же ночь Самсонов пригласил к себе Барри Вудварда и его помощников — всего около сорока человек. Гостиная капитана заполнилась до отказа. Далеко не всем хватило кресел, и многие стояли.

— Как вы уже знаете, — начал без долгих предисловий капитан, — офицеры полиции поделились со мной своими догадками о возможной диверсии на борту судна. На чем они основываются, мне судить трудно.

Но каждому понятно — не на любви к моей стране и ее флоту. С настоящего момента судно приведено в состояние повышенной готовности. Тщательно проверены все помещения. Усилены вахты. Приняты все меры для безопасности пассажиров. — Капитан в упор посмотрел на Вудварда. — От вас, Барри, а также ваших людей я требую пресечения любых панических разговоров. Помните: только от полного спокойствия и строжайшей дисциплины зависит судьба всех находящихся на борту.

* * *

Деляя обход судна, капитан чутко вслушивался в голос директора круиза, разносящийся трансляцией по всем палубам:

— Доброе утро, леди и джентльмены! В шесть часов утра для ранних пташек сервируется кофе на открытой палубе. Для тех, кто любит нежиться в постелях подольше, в девять часов будет накрыт континентальный завтрак. Не проспите обед! Он будет проходить с двенадцати до трех. На ужин шеф-повар обещает преподнести вам сюрприз русской кухни. Время ужина с шести до девяти вечера. Не забудьте, что двери ресторана, где будет работать ночной буфет, закроются ровно в час ночи. Не опаздывайте!

«Так. Хорошо. Дальше», — мысленно подгонял Вудварда Самсонов, ожидая нужного сообщения.

— Каждое утро, — разносился по каютам и салонам голос Барри, — будет проходить католическая месса. В одиннадцать часов состоится коктейль для самых маленьких пассажиров. Детей приглашает к себе в гости капитан. С половины двенадцатого до шести вечера открыта сауна, где опытный массажист даст испытать вашему телу забытые наслаждения. Если вы захотите лучше познакомиться с языком Толстого и Достоевского, загляните в библиотеку. Ночной бар музыкального салона работает до четырех утра. А сейчас... — голос Барри на минуту запнулся. Невыключенный микрофон пощелкивал в томительной тишине.

— Ну что же ты! — не удержался Самсонов. — Давай!

И, словно услышав капитана, Вудвард решился:

— А сейчас, леди и джентльмены, согласно международной конвенции, распространяющейся на все пассажирские суда, будет

объявлена учебная шлюпочная тревога. Сохраняйте спокойствие, будьте дисциплинированы.

Щелкнул тумблер, и голос замолк. Наступило самое тревожное время. Как встретят это известие пассажиры? Спокойно, принимая за необходимый акт морского путешествия, или вспышкой паники? Такое тоже можно ожидать, если хоть какие-нибудь слухи просочились к ним от Барри или Лонга.

Но нет, все сошло благополучно. Спокойно, не забывая подбодрить скептиков шуткой, пассажирская служба провела тревогу. Пассажиры познакомились с правилами посадки в шлюпку, научились пользоваться спасательными жилетами. Теперь в случае тревоги люди знали, как им поступать.

А ровно через час после этого...

— Тревога! В районе третьего трюма произошел взрыв! Очаг пожара находится на твиндечной палубе. Аварийным партиям срочно прибыть на свои места! — Эта команда мгновенно разнеслась по всем служебным помещениям.

Пассажиры беспечно отдыхали в барах и салонах, а в трюме быстро разматывались пожарные шланги. По всему судну захлопывались клинкетные двери. Матросы, одетые в спасательные жилеты, бежали к огнетушителям. Командиры звеньев проверяли герметизацию отсеков, открывали аварийные выходы, докладывали на мостик.

И эта тревога была учебной. Капитан Самсонов еще раз проверял свой экипаж.

Жизнь на судне шла своим чередом. Как всегда, после завтрака в каюте Самсонова проходили пятиминутки. Начальники служб решали с капитаном накопившиеся за сутки вопросы. Главмех прикидывал план текущего ремонта. Старший врач оформлял новые лекарства из Англии. Директор ресторана уточнял, где сервировать капитанский ужин. Казалось, что сообщение о бомбе стало забытым дурным сном, о котором никто даже не вспоминал, но по-прежнему весь экипаж находился в постоянной готовности, поддерживалась бесперебойная связь с находящимися поблизости судами и парокходством.

И вот последний, завершающий вечер плавания. В музыкальном салоне турбохода капитан устроил коктейль для пассажиров.

Трудно сказать, что больше всего им понравилось на советском судне. Быть может, «Русское шоу» — так туристы называли концерт художественной самодеятельности, встречаемый с неизменным восторгом. Недаром фрахтователи включали выступления моряков обязательным условием контракта. А может быть, «Вечера под звездами» или им пришлось по вкусу холодные закуски в буфетах, открытых на огромной палубе? Возможно, что у всех подняли настроение бал-маскарад и выборы «мисс круиза»... Но скорее всего, понравилась общая атмосфера доброжелательности, что царила все тридцать дней океанского перехода.

Перед входом в салон Самсонов повстречался с Лонгом.

— Ну, как сенсация? — не без иронии поинтересовался Николай Николаевич.

— Не получилась.

— Вы опечалены?

— Нисколько. Я отлично провел время, капитан. Теперь буду всем рекомендовать ваш турбоход.

«Буду рекомендовать» — это самая высокая похвала, которую мог высказать пассажир. От подобных отзывов зависел успех работы в условиях конкуренции с сильнейшими судоходными компаниями мира...

Музыкальный салон притих в ожидании. Гарсоны разносили коктейли. Мелодично позванивали бокалы, с минуту на минуту должен был появиться капитан.

Свет погас, и яркие лучи юпитеров выхватили из темноты фигуру Самсонова, облаченного в белый парадный костюм. За ним следовали его помощники. Гремела музыка, в глаза били потоки света, и надо было улыбаться, шутить — одним словом, быть капитаном пассажирского судна.

— Леди и джентльмены! Мне приятно говорить перед столь почтенной публикой, — начал Самсонов, и многие пассажиры были удивлены тем, как свободно владеет он английским языком. — «Леонид Соболев» — это маленький островок нашей страны, где вас приняли как самых желанных гостей. С каждым рейсом мы обретаем сотни новых друзей. Я верю, что многие из вас снова вернутся на борт судна.

— Таких здесь большинство, — подал реплику Лонг, и в салоне одобрительно зааплодировали. Это была благодарность гостей судна за внимание и заботу о них.

— Должен сказать вам, что «Леонид Соболев» — молодое судно. Конечно, кто-то может мне возразить, ведь турбоход избороздил уже все моря и океаны, со дня его спуска на воду прошел не один год. Но экипаж-то наш молод, потому что половину его составляют женщины, а они молоды в любом возрасте.

И снова раздались одобрительные аплодисменты. Русский капитан с такой непринужденностью держался перед публикой, что, казалось, он управлял ею, как своим турбоходом, настраивая всех на нужный курс.

— Не могу не сказать о маленьких проблемах, которые иногда возникали во время плавания. Чаще всего они возникали из-за еще не совсем совершенного знания английского языка членами нашего экипажа. Хотя, надеюсь, вы имели возможность убедиться, что стюардессы и официантки, обслуживая вас, обходились без помощи переводчиков. — В глазах капитана блеснули веселые огоньки. — Впрочем, многие из вас, леди и джентльмены, особенно американцы и канадцы, частенько прибегают к такому слэнгу, вворачивают в свой английский язык такие словечки, что ваши бедные русские друзья не могут отыскать их даже в самых современных и полных словарях.

Первым не выдержал канадский священник.

— Так их, мастер! — захохотал он. — Подайте еще этим безбожникам!

На следующее утро судно час в час вошло в гавань и мастерски ошвартовалось. Закончился изнурительно трудный рейс. Предположение капитана о том, что мнимая бомба была всего лишь провокацией, подтвердилось. Риск оказался оправданным. Рейс сорвать не удалось, так же как не удалось подорвать доверие к нашему судну, да и ко всему советскому пассажирскому флоту, работающему за рубежом.

Пассажиры покидали борт «Леонида Соболева» с благодарностью за чудесное путешествие. Никто из них так и не узнал, чего оно стоило советским морякам.

С. Гагарин

РАЗУМ ОКЕАНА

Фантастическая повесть ^[8]

«Дельфос» в переводе с древнегреческого означает «брат».

ВЗРЫВ В САНГАРСКОМ ПРОЛИВЕ

Диссертацию Бакшеев защищал в субботу вечером. Потом был традиционный банкет. Подвыпивший председатель ученого совета обнимал Степана за плечи и клялся обязательно приехать к нему на Дальний Восток.

Веселились допоздна, потом Володя Данилов увез их с Таней на пустую дачу своих родителей, обещая приехать лишь в понедельник, — мол, отдыхайте и наслаждайтесь природой.

Дача стояла на отшибе, кругом был лес, рядом большое озеро. Они хорошо выспались, потом долго купались, загорали, собирали цветы, дурачились, гонялись друг за другом и надеялись, что понедельник никогда не наступит. А вечером примчался осунувшийся Володя и сказал, что началась война.

* * *

...Его каюта была у самой воды, и светло-зеленые волны бились в стекло иллюминатора.

Умываясь в тесном закутке, он наплескал на пол, смущенно посмотрел на мокрые следы, оставленные подошвами домашних войлочных туфель, искал какую-нибудь тряпку или ветошь, не найдя ничего, огорченно вздохнул и стал одеваться.

В кают-компании уже позавтракали, буфетчица Надя гремела посудой за перегородкой, справа от капитанского кресла в одиночестве сидел за столом долговязый старпом.

— Привет науке, — весело махнул он Бакшееву. — Долго спишь, Степан Иванович. Надюша, чайку покрепче профессору.

Степан хотел снова сказать этому дылде, что никакой он не профессор, но знал, что тот ответит: «Значит, будешь профессором», — это неизменно повторялось вот уже две недели их знакомства, — молча пожал Игорю руку и сел напротив.

Сухогрузный пароход «Имандра», приписанный к Владивостокскому торговому порту, шел из Владивостока. Его трюмы были забиты мукой, сахаром, различными консервами и промышленными товарами.

Кроме команды, на борту находились пять военных моряков с молоденьким лейтенантом-артиллеристом во главе. Они обслуживали зенитные орудия, установленные на кормовых и носовых банкетах парохода. Были и пассажиры: угрюмый капитан пограничник и военноморской врач Степан Иванович Бакшеев, он спешил к месту службы, на свой корабль.

Двое суток назад «Имандра» отошла от причала и, оставив по правому борту Русский остров, легла курсом на Сангарский пролив, что между японскими островами Хонсю и Хоккайдо.

Степан допил чай, встал из-за стола, поблагодарил буфетчицу и посмотрел на старпома, продолжавшего сидеть в кресле.

— Что делать думаешь, Игорь?

— На боковую, профессор, до обеда на боковую; С половины четвертого на ногах...

— В такой день... Чудак, — сказал Бакшеев.

— Их будет еще немало, этих солнечных дней у берегов Страны восходящего солнца.

— Что, уже подошли?!

— Спихватился, — лениво зевнул Игорь. — Два часа идем Сангарским...

Степан повернулся и одним махом вылетел на мостик.

Пароход шел левой стороной пролива, и остров Хоккайдо был виден как на ладони, тогда как Хонсю едва синел на горизонте.

Степан поздоровался с Василием Пименовичем Приходько, старым дальневосточным капитаном, кивнул рулевому, посмотрел на подволоку рубки. Там шаркали ногами: видимо, третий штурман, юный парнишка, брал пеленги по главному компасу.

— Япония, Василий Пименович? — спросил Бакшеев, хотя ничего другого, кроме Японии, здесь быть не могло.

— Она самая, доктор, — ответил капитан.

Степан вышел на крыло, почувствовал, как начинает припекать солнце, увидел впереди странной формы пароход с четырьмя трубами, взял бинокль и поднес к глазам.

— Железнодорожный паром, — услышал он рядом голос капитана. — Идет из Хакодате в Аомори.

— Вы бывали здесь? — спросил Степан капитана.

— Неоднократно, — ответил Приходько. — Еще до революции стоял на линии Владивосток — Иокогама. Да и в Хакодате приходилось бывать.

Сверху спустился третий штурман» он шмыгнул в рубку, шепча что-то про себя, наверное, пеленги, чтоб не забыть их цифровые значения. Потом он появился на крыле ходового мостика и только теперь заметил Бакшеева, поздоровался и сказал, обращаясь к Приходько:

— Точка есть, Василий Пименович.

— Через пятнадцать — двадцать минут определяйтесь, — сказал капитан. — Оно вам не во вред, побегать-то.

— Сводку слышал, доктор? — спросил он Бакшеева. — Лезет к Волге, сволочь.

— Сегодня еще не слышал, — ответил Степан.

— И эти, — капитан кивнул в сторону берега, — зашевелились...

«Имандра» шла вперед, к Тихому океану. Море было удивительно красивым и безмятежным, и ничто не напоминало о том, что где-то за тысячи километров идут жестокие бои, льется кровь и воздух пахнет сгоревшим порохом.

— Куда он идет, стервец?! — крикнул Приходько.

Степан вздрогнул от неожиданности и глянул прямо по курсу.

Навстречу «Имандре» полным ходом мчался сторожевой катер с японским флагом на корме.

Расстояние между кораблями сокращалось с каждой секундой. Третий штурман беспокойно глянул на капитану, тот сердито пыхтел, но не произнес ни слова. «Имандра» шла вперед, не меняя курс и не сбавляя ход. Когда до столкновения остались считанные метры, катер резко принял влево и проскочил по правому борту советского парохода.

На мостике скалил зубы молодой офицер в фуражке с высокой тульей. У носового пулемета стоял матрос и, когда катер поравнялся с «Имандрой», взялся за рукоятку и направил ствол в ее борт, будто намереваясь открыть огонь.

— Вот так каждый раз, — тяжело вздохнув, сказал Василий Пименович, когда японцы, покрутившись вокруг судна минут пятнадцать, ушли в сторону коробок-домиков Хакодате. — И войны с ними нет, а чувствуешь себя, как на бочке с порохом.

В 13 часов 10 минут пароход «Имандра» миновал Сангарский пролив и вышел в Тихий океан.

Степан Бакшеев вновь поднялся на мостик. Шла вахта второго штурмана. Капитан после обеда ушел в каюту. Пролит миновали благополучно, на вахте стоял достаточно опытный судоводитель, и старик мог позволить себе отдохнуть.

Сразу после выхода из пролива судно окружили дельфины. Их было много, несколько десятков, они обгоняли пароход, пересекали его, курс у самого форштевня, ныряли под киль, выпрыгивали из воды — словом, резвились кто во что горазд. В четырнадцать часов дельфины исчезли, словно по команде. Еще через пять минут матрос, он стоял на правом крыле, крикнул:

— Смотрите, какой-то предмет!

Штурман и Бакшеев вышли из рубки на крыло.

— Где? — спросил второй штурман.

— Вон, смотрите! Двигается...

Бакшеев увидел над водой темный веретенообразный предмет, который приближался к правому борту их парохода.

— Вот еще один! — крикнул матрос. — Справа...

«Торпеды!» — подумал Бакшеев, но сразу же отогнал эту мысль, ибо теперь явственно видел, что это были дельфины.

— Дельфины, — сказал он побледневшему штурману, ухватившему рукоятку машинного телеграфа. — Только странные какие-то...

Животные нырнули под днище «Имандры», второй штурман хотел ответить Бакшееву, повернулся к нему, открыл рот...

Степан таким его и запомнил: бледное лицо вполоборота, рыжеватые волосы, фуражка с позеленевшим крабом и смятым верхом, застиранный белый китель, застегнутый на одну пуговицу...

Чудовищный взрыв расколол «Имандру». Над разорванным пароходом поднялся водяной столб. Потом он стал оседать. Бакшеев успел почувствовать, как неведомая сила подняла его тело, потом он долго куда-то летел, и все исчезло.

САМУРАЙ ДЗИРО НАКАМУРА

Только что прошел дождь, и умытый асфальт берлинских улиц ярко блестел на солнце.

Такси он отпустил за квартал до особняка на Тирпицуфере.

Здесь находилось управление военной разведки и контрразведки — абвер.

Человек, приехавший на такси, прошел несколько метров по тротуару, отвернул обшлаг пиджака, посмотрел на часы и замедлил шаги. Берлинское время — тринадцать часов пятьдесят одна минута. Его ждали ровно в четырнадцать, и следовало войти в точно назначенный час.

— Господин полковник, обер-лейтенант Генрих Шрайбер прибыл по вашему приказанию!

— Отлично, Шрайбер. Поздравляю. За парижскую операцию наш фюрер наградил вас Железным крестом. Хайль Гитлер!

— Хайль!

— Перейдем, однако, к делу. Полагаю, что вы хорошо отдохнули и готовы снова выполнять свой долг перед рейхом...

— Так точно, господин полковник.

Заместитель начальника первого отдела абвера, занимающегося разведывательной работой в иностранных государствах, придвинул кожаную папку, раскрыл ее, достал лист бумаги и положил сверху.

— На этот раз, Шрайбер, вы получите задание весьма щекотливого характера, — сказал он. — Завтра вечером отправитесь самолетом в Японию, к нашим союзникам, в качестве заграничного сотрудника газеты «Фёлькишер Беобахтер». Журналистское ремесло вам знакомо, и затруднений в этой части я не вижу. Дело в другом. Япония — активный член Антикоминтерновского пакта, наша единственная союзница на Тихом океане, и если мы своими акциями ухудшим отношения между нашими государствами... Вы, конечно, понимаете, чем это обернется для нас с вами?

— Разумеется, господин полковник.

— И тем не менее мы не можем оставить союзников нашего ведомства без опеки. Теперь по существу. Токийский филиал первого отдела информирует о новых работах японских друзей по созданию оружия для ведения морской войны. Известны случаи загадочного исчезновения американских подводных лодок и советских торговых кораблей. Ваша задача — выяснить суть этого оружия, добыть его секрет. Подробности мы не знаем. Из Токио нам сообщили лишь фамилию автора изобретения: профессор Дзиро Накамура...

* * *

Это произошло в городе Урава, префектура Сайтама, за шестьдесят лет до описываемых событий. В старинной самурайской семье родился первенец. Впоследствии новорожденного будут именовать профессором Дзиро Накамурой.

Потомок древнего рода, отец Дзиро Накамуры занимал в буржуазно-помещичьем блоке прочное положение. До рождения сына он активно участвовал в политической жизни страны, а затем, ближе к японо-китайской войне, занял руководящий пост в одной из крупнейших промышленных корпораций.

У него родилось еще двое детей, но больше других он любил первенца Дзиро.

Когда Дзиро подрос, любимым его занятием стала рыбная ловля, а потом и охота на морского зверя. С любопытством и тщательностью он постоянно рассматривал внутренности своей добычи, словно искал ответы на свои еще неосознанные вопросы...

В девятьсот пятом году Дзиро Накамура — студент-биолог Токийского университета. А с последнего курса он неожиданно для всех уходит добровольцем в действующую армию — тогда шла война с Россией.

Его направили было в полевые лекари, но Дзиро ответил, что бросил скальпель, чтобы держать оружие, и потребовал отправить его на передовую.

О храбрости этого добровольца рассказывали легенды, но, понижая голос, добавляли, что лучше держаться от него подальше. Он страшен в своей храбрости, в своем диком фанатизме...

В университет Дзиро Накамура вернулся через полгода после войны. Он стал еще более худым, скулы заострились, из-под век тяжелым холодным блеском горели глаза.

Наград, а их было немало, лейтенант запаса Дзиро Накамура не носил.

Как голодный на рис, набросился Накамура на учебу. Окончив университет, он устроился работать в лаборатории профессора Китазато. Но в чем-то они не ладились, и Накамура ушел. Вскоре он исчез из Токио. Вновь возник Накамура в двадцатых годах. Он опубликовал ряд работ по микробиологии в Америке, появились его статьи и в японской научной печати. Дзиро Накамура с блеском защитил диссертацию и стал работать в Токио в первоклассно оборудованной собственной лаборатории. Одновременно он читал курс микробиологии в университете и вскоре получил профессорское звание.

Когда «доблестная императорская армия» высадилась в Маньчжурии, Накамура уже стал известным специалистом в своей области. Лаборатория его была весьма обширной и прекрасно оснащенной. Все относили это за счет наследства, которое осталось после отца. Но дело обстояло иначе. Деньги профессор Накамура в обстановке строжайшей секретности получал от военного ведомства. Такой же тайной была окружена и его подлинная деятельность.

* * *

Последняя диспетчерская радиограмма с «Имандры» была принята в 12 часов 30 минут. Через два часа судно уже лежало на дне океана, разорванное пополам.

Дежурный диспетчер Владивостокского морского торгового порта Марина Попова записала в журнале: «Имандра» не вышла на связь».

Утром 19 июля этот факт отмечался в сводке для начальника Дальневосточного пароходства. Опытные радисты центральной радиостанции обшаривали эфир, отыскивая в хаосе звуков четыре буквы «У-Т-И-Г» — позывные «Имандры». Затем в поиски включились все судовые радиостанции и военные корабли Тихоокеанского флота.

Двадцатого июля диспетчер доложил:

— «Имандра» молчит.

— Могла выйти из строя рация, — тихо, словно для себя, произнес начальник пароходства.

— Да нет, рация новая, — сказал начальник отдела связи, — и потом, ведь у них есть аварийный передатчик.

— Послезавтра они должны быть в Петропавловске, — сказал главный диспетчер. — Подождем...

* * *

«Совершенно секретно, государственной важности»

Начальнику II спецотдела штаба императорского военно-морского флота

*Копия: Начальнику военной лаборатории «Оба»
профессору Дзиро Накамуре.*

С глубочайшим удовлетворением информирую уважаемых лиц о том, что новое оружие, обозначенное в переданном мне циркуляре кодовым словом «фуэ», оправдало все ожидания. Я имел личное удовольствие наблюдать его действие при ликвидации советского парохода «Имандра», затонувшего со всем экипажем. Поздравляю всех вас с успехом, и да послужит он прославлению в тысячелетиях нашей несравненной Страны восходящего солнца и великого императора!

Искренне склоняющий голову

Мицуюэси Набунага,

капитан флота его императорского величества,

начальник группы «Тэтта».

РЕЗИДЕНТ АБВЕРА

Таня стояла к нему спиной, закрывая собою солнце, и он видел темный ее силуэт, врезанный в сине-желтое небо. Степан хотел, чтоб она повернулась, и почему-то боялся этого.

Желтого в небе становилось все меньше, приливали холодные краски, дрогнула и повернулась Таня, и Степан не увидел за нею солнца.

Теперь это уже не пугало, теперь он видел ее глаза и ощутил на губах край чашки — чашку протягивала ему Таня. Она сказала Степану, что это чай и его надо выпить поскорее. Степан жадно хлебнул. Звякнула и рассыпалась на части упавшая на землю чашка.

«Зачем она так?» — горько подумал Степан о Тане, но Таня исчезла. Теперь он ел горячие пирожки с мясом и досадовал, что в них много перца...

Внезапно он почувствовал, как поднимают его чьи-то руки, зеленое исчезло, синего тоже не было больше, только глухие человеческие голоса ударяли в застывшее сознание, не могли проникнуть в него, бессильно отступали и снова бились о невидимую преграду, как мухи об оконное стекло.

С первым глотком воды внешний мир стал реальным, Степан услышал татаканье двигателя, высокие голоса проникли в сознание, и Степан знал теперь, что он спасен...

* * *

Трамвайная линия от Иокогамского порта до деловой части города давно нуждалась в ремонте. Вагоны валились из стороны в сторону, яростно скрежетали и повизгивали на поворотах, пассажиры хватались за ремни, провисавшие от стены к стене, но терпели все это молча...

И расхлябанность дороги, и эта терпеливость пассажиров, и вся мешанина европейского с азиатским, заполонившая Иокогаму, странным образом воздействовала на Генриха Шрайбера, теперь носившего имя Генриха Раумера, нового корреспондента гитлеровской партийной газеты «Фёлькишер Беобахтер» в Японии.

Неделю назад он прибыл на Острова, нанес визит германскому послу, устроил небольшой товарищеский ужин для группы немецких журналистов, проживавших в Токио.

Теперь он приехал в Йокогаму и готовился к встрече с местным резидентом абвера, тщательно законспирированным и опытным разведчиком, который должен был вывести Раумера на сверхсекретную деятельность лаборатории профессора Накамуры.

Встреча была назначена на сегодняшний вечер. С утра Раумер отправился бродить по городу, знакомясь с его особенностями и обитателями. Одновременно он хотел убедиться в отсутствии слежки.

Генрих Раумер ходил по улицам Йокогамы, неожиданно садился в автобус, выезжал в пригород на такси, блуждал лабиринтами жалких лачуг и крохотных магазинчиков-лавчонок, толкался в толпе грузчиков в порту и сейчас возвращался на дребезжащем трамвае в город.

Его притиснули к задней стенке тормозной площадки, молодая девушка с густой черной челкой на покрасневшемся лбу прижалась грудью к его рукам. Раумер держал их локтями вперед, еле сдерживая волну распаренных человеческих тел.

Девушка попыталась высвободиться, повернуться к Раумеру плечом, трамвай дернулся, под ногами заскрежетало, снова упали люди, трамвай набирал скорость; Раумер стоял рядом с девушкой, она подняла голову, посмотрела ему в глаза, тряхнула челкой, отвернулась и стала пробиваться к выходу.

Вряд ли ей удалось бы выйти, но Раумер отчего-то решил покинуть трамвай. Он раздвинул людскую массу, энергично пуская в ход локти, встал впереди девушки, и она пошла за ним, как миноносец в кильватер линкору.

Спрыгнув на мостовую, Раумер подал девушке руку, стукнули деревянные подошвы гэта, она слегка присела, благодаря за помощь, и скользнула мимо Раумера, исчезнув за прозрачной дверью парикмахерской, где вместо вывески сверкал стеклянный шарик.

Раумер проводил ее взглядом, достал платок и вытер шею. Трамвай ушел. Тени удлинялись и в ряде мест перекрыли узкую улицу. До встречи оставалось два с половиной часа, и по-прежнему было жарко.

...Дом, где жил доктор Адольф Гофман-Таникава, представлял собой типичный «бунка-дзютаку» — распространившийся в двадцатом веке гибрид традиционного японского жилища и европейского строения. Первыми к их строительству приступили деловые люди,

японцы, связанные коммерческими и иными контактами с представителями неазиатского мира. Особенное развитие эта уродливая архитектура, пытающаяся совместить несовместимое, получила в приморских городах, теснее других соприкасавшихся с тем, что чуждо и неприемлемо японской душе.

В «бунка-дзютаку» Гофмана-Таникавы японская часть дома служила для приема соответствующей категории гостей, постройка европейского типа предназначалась для других. Белых он принимал, как правило, только в комнатах, покрытых циновками — татами.

Генриха Раумера хозяин встретил радушно, расспрашивал о Берлине, новостях с Восточного фронта, угостил плотным ужином в добром немецком духе: «Вспомним фатерлянд, дорогой земляк». Сосиски с капустой были недурны, пиво из холодильника тоже. Раумер сказал об этом доктору, хозяин довольно заулыбался и ответил, что готовил он сам, для земляка старался.

Вспомнилось: о любви резидента к тайнам кулинарии тоже есть строчка в характеристике, и Раумер усмехнулся.

О деле пока не было сказано ни слова.

Адольф Гофман-Таникава был довольно высок для японца, несколько полноват, скулы едва обозначались на лице, волосы темно-каштановые, густые, голова с широким лбом без намека на лысину. Прямой нос и большие, прижатые назад уши, подбородок вялый, слегка раздвоенный. Мало японского было в облике хозяина, разве что глаза выдавали его причастность к островной нации.

После ужина Гофман-Таникава предложил сигареты и посерьезнел сразу, давая всем видом понять: настало время приступить к делу.

Раумер начал первым:

— Итак, что вы можете добавить к сообщению, которое вы передали в Берлин?

— Почти ничего. Но с вашей помощью я надеюсь проникнуть в тайну.

— Располагайте мною. Я к вашим услугам.

— Благодарю вас.

Гофман-Таникава легким щелчком сбил с сигары серую шапочку пепла в перламутровую раковину.

— Мне стало известно, что лаборатория профессора Накамуры находится на одном из необитаемых островов Тихого океана. Координаты острова тщательно засекречены. Их знают три-четыре

человека во всем государстве. Мне эти люди известны. Попытаться сделать их информаторами бесполезно — самураи, фанатики. Пришлось действовать другим путем.

Доктор выдержал паузу. Раумер, смотревший во время разговора в сторону, повернул голову и вопросительно взглянул на него.

— Через профессора Накамуру, — с явным удовольствием произнес Гофман-Таникава.

Раумер приподнял брови, но ничего не сказал, разочаровав хозяина: Гофман-Таникава рассчитывал на больший эффект.

— Разумеется, косвенно, — сказал доктор.

Раумер больше не смотрел в сторону.

— Случайность, не больше, но главное в нашем деле — искать в хаосе случайного то, что необходимо явится залогом успеха, — несколько рисуясь, сказал Гофман-Таникава.

Эту черту его характера Раумер отметил в своей памяти еще в Берлине.

— Года три назад я принял в свою клинику молоденькую медицинскую сестру. Она пришла ко мне с рекомендацией моего коллеги, ведающего медицинской школой, эту школу и окончила девушка. Хороший отзыв и приятная внешность заставили меня принять положительное решение... Нет, нет, — сказал он, заметив мелькнувшую на губах Раумера улыбку, — это не то, о чем вы подумали. Просто в моей клинике существует правило: обслуживающий персонал воздействует благотворно на больных, и привлекательной внешностью в том числе. Коллега мой оказался прав: у Тиэми Тода был природный дар сестры милосердия, — продолжал доктор. — Через год она стала лучшей моей помощницей в операционной, а ведь ей было лишь восемнадцать. Жила Тиэми с матерью, скромная, трудолюбивая девушка, я привязался к ней, как к родной дочери. И вот случайность. Недавно умирает ее мать, она болела давно, иной раз я заглядывал в их квартирку, кое-чем помогал. Перед смертью мать Тиэми Тода передает мне шкатулку с просьбой распорядиться ее содержимым по своему усмотрению, но не оставить девочку без помощи.

В комнату неслышно вошла то ли экономка, то ли служанка хозяина — высокая японка с плоским и до удивления круглым лицом.

Она подняла левую руку вверх и пошевелила пальцами, потом согнула руку в локте и сделала ею полуоборот в воздухе.

Доктор ответил ей похожим жестом, только правой рукой, женщина кивнула и выскользнула из комнаты.

— Китоки — глухонемая, очень удобно иметь такую особу в доме, — сказал Гофман-Таникава. — Скоро придет Тиэми, я вас представлю.

— Это необходимо? — спросил Раумер.

— Особой необходимости в этом нет, но и вреда тоже. Ведь наши отношения с вами вполне легальны.

— Хорошо, я не возражаю. Продолжайте, пожалуйста.

— Короче, в шкатулке были жемчужины, довольно ценные, хватило бы Тиэми закончить медицинский факультет, но главное для нас не это. В шкатулке я обнаружил документы, неоспоримо доказывающие, что Тиэми — дочь профессора Накамуры!

— И он, конечно, ничего об этом не знает? — спросил Раумер.

— Естественно, он никогда не был женат, и мать Тиэми, бывшая любовница Накамуры, никогда и никому о рождении дочери от него не говорила.

— Гм, это уже что-то... И как вы использовали такой козырь?

— Постарался, чтобы об этом узнал папаша. У меня не было почти никаких сведений о его нраве, но я попал в точку. Очевидно, старик догадывался о возможном существовании ребенка. Как бы там ни было, но он примчался сюда, в Йокогаму, хотя я знаю, как труднее даже ему, добиться разрешения покинуть остров. И вот тут-то я сделал свою игру. Профессору требовался ассистент, опытный патологоанатом, он искал его через свое ведомство, об этом узнал я и подсунул старику своего человека, некоего Косаку Хироси, специалиста моей клиники. У меня он работает совсем немного, я знаком с ним по Китаю, но Косаку свой человек, и, кроме того, он равнодушен к Тиэми.

— Он обработан вами?

— Тут дело сложнее. Косаку Хироси выполнял ряд моих поручений, не зная истинного их назначения. Он тщеславен и любит деньги. У меня есть на него компрометирующие материалы. Но задания, связанного с профессором Накамурой, он не получил. Думаю, лучше сделать это вам. Вас я представлю Хироси как моего близкого друга, и вы быстро найдете с ним общий язык.

— Отводите от себя удар в случае провала?

Раумер сощурился и в упор посмотрел на хозяина.

— Что вы, — улыбнулся Гофман-Таникава, — как можно так думать?! Таково указание шефа, и мы оба должны его выполнить. Впрочем, позволю себе заметить, что мой провал принесет больше вреда рейху, нежели ваш. Не сердитесь, камерад, и не хотите ли выпить?

— В Берлине известно, в каких трудных условиях приходится вам работать здесь, в этой стране, — примирительным тоном сказал Раумер.

— Это хорошо, что вы стали это понимать там, на Тирпицуфере, — откликнулся хозяин дома. — Кемпетай и тайная военная полиция просто вздохнуть не дают свободно. Любой контакт японца с представителем белой расы берется на контроль и всесторонне исследуется. Ни одна японская девушка не имеет права принимать какие-либо ухаживания со стороны иностранного подданного. Я, так сказать, наполовину европеец, и это помогает мне встречаться с людьми неяпонского происхождения. Вот и о вашем визите будет известно. Правда, в этом случае я принял меры... Поймите меня, камерад, — лицо Гофмана-Таникавы приняло грустное выражение, — хоть я работаю в дружественной великому рейху стране, но и мне бывает иногда не по себе... Кемпетай — это ведь не просто контрразведка. Это организация с весьма широкими полномочиями по охране японского образа жизни от влияния Запада. С тайной полицией немного полегче. Она имеет среди населения такое огромное количество информаторов, что не успевает изучить их донесения с более или менее приличной степенью точности. Это тот случай, когда шпионomanия идет на пользу разведчикам. У вас не так много времени, — продолжал резидент, — через три дня Косаку Хироси и Тиэми Тода на подводной лодке отправляются к папочке Тиэми на остров, координаты которого — увы! — неизвестны.

— Мне не ясны ваши намерения относительно роли дочери Накамуры, — сказал Раумер. — Не думаете ведь вы, что...

— Нет, не думаю. Пока... Насколько я знаю Тиэми, заставить ее работать на нас против отца, появление которого она встретила с величайшей радостью... Нет, пока это исключено. Вот если Хироси сумеет окончательно подчинить ее своему влиянию, тогда другое дело. Но в любом случае позиция Косаку, позиция жениха дочери профессора, естественно, укрепляется.

— Что-нибудь прояснилось по существу работ лаборатории? — спросил Раумер.

— Ясного мало. Собственно, нам ничего не известно. Накамуру знают как микробиолога, но в последние годы его работы вообще не публиковались. Правда, мы определили, что между исчезновением американских подводных лодок, таинственной гибелью русских торговых судов и лабораторией Накамуры существует прямая связь. Какая? Что ж, это попытается выяснить наш Хироси. Главное, не скупитесь, мой друг, повторяю: он тщеславен и любит деньги. Но специалист отличный — Накамура будет доволен. Мы — тоже.

— Когда вы сведете меня с этим препаратором?

— Патологоанатомом, — поправил доктор. — Завтра утром. Ночевать я оставлю вас у себя. Кстати, вот и Тиэми. Это ее голос. Сейчас вы увидите лучшую представительницу японской нации. Входи, Тиэми, мы ждем тебя.

С легким шорохом раздвинулись стены, в комнату вошла Тиэми Тода. Раумер повернулся, привстал и узнал в ней девушку из трамвая.

ИСПЫТАНИЕ ТЕМНОТОЙ

— Мы весьма сожалеем, господин Бакшеев, но его превосходительство склонен рассматривать ваше появление у берегов Японского государства как попытку проникнуть на чужую территорию с целью шпионажа в пользу иностранной державы, с которой божественный император находится в состоянии войны. Мы удручены необходимостью сообщить вам, господин Бакшеев, что подобное деяние рассматривается как преступное и влечет за собой высшую меру наказания — смертную казнь через повешение.

— Насколько мне известно, наши государства в апреле сорок первого года заключили договор о нейтралитете. Или за последние двое-трое суток обстоятельства изменились?

— О каком государстве вы говорите, уважаемый господин Бакшеев?

— О Советском Союзе, разумеется, гражданином которого я имею честь быть и с представителями которого категорически настаиваю на встрече.

— Но позвольте, его превосходительство не допускает и мысли о том, что вы гражданин Советского Союза. Разве мы стали бы задерживать вас в этом случае?!

— Так кто же я, по-вашему, черт возьми?!

Не стоило, конечно, выходить из себя. Этот тип из контрразведки или еще откуда сразу заулыбался и стал более любезным, прямо до тошноты.

— Мы хорошо понимаем ваши чувства и соболезнуем вам, как достойному противнику, сделавшему неверный ход и попавшему под неумолимое колесо судьбы. Ваша родина далеко отсюда, но мы скрасим вам последние минуты и, возможно, попытаемся что-нибудь сделать для вас, если вы отнесетесь к нам со столь же высоким уважением и поможете в нашей неблагодарной, но такой важной для государства работе. Чашечку сакэ, сигареты, кофе? Не стесняйтесь, мы радушные хозяева, но не пора ли нам перейти на английский?

— Почему? — спросил Бакшеев. — Вы отлично говорите со мной по-русски. За кого вы меня принимаете, в конце концов?

— Как жаль, как жаль, господин Бакшеев... Что же, видимо, мне самому придется назвать ваше подлинное имя... Джон Фулбрайт, агент американской разведки! Не так ли?

— Это легко опровергнуть, если вы дадите мне возможность встретиться с советскими представителями, — спокойно, хотя сделать это было нелегко, сказал Бакшеев.

— Умная мысль, мистер Фулбрайт, — улыбнулся японский контрразведчик. — Конечно, из союзнических соображений Советы без колебаний признают в вас кого угодно. Только мы верим в первую очередь фактам.

— Каким же?

— Факт номер один: сообщение наших сотрудников, находящихся в Штатах, о вашей предполагаемой высадке. Факт номер два: обнаруженный на нашем побережье труп подлинного Степана Бакшеева.

— Что?

— Не хотите ли вы взглянуть на его документы?

Контрразведчик приподнял газету, лежавшую на столе, и Степан увидел потемневший от воды бумажник, тот самый, который еще в мирное время покупала Таня, и его содержимое: покоробившиеся документы рядом.

«Китель, — подумал Степан. — Ведь на мостике я был в кителе...»

— Вы сказали о трупе? Могу я увидеть его? — тихо спросил он.

— К сожалению, он сильно обезображен, мистер Фулбрайт, к тому же видеть покойников вообще не очень приятно. Мы передали советским представителям трех спасенных нами членов экипажа судна и тело господина Бакшеева вместе с теми вещами, которые могли бы подтвердить, что этот несчастный действительно Бакшеев. Кое-что из его документов мы позволили сохранить для себя в качестве сувениров, а также для того, чтобы иметь возможность убедить вас, коллега, в необходимости говорить правду.

— Я не понимаю вас, — сказал Степан. — Да и как может человек засвидетельствовать... свою собственную смерть... Что за бред?!

— Тело Бакшеева в нашем присутствии опознали спасшиеся советские моряки. Очень жаль, мистер Фулбрайт, мы надеялись на разговор джентльменов. Что ж, вы этого не захотели сами.

Он поднялся, склонился над столом, и Степан услышал, как за дверью звякнул звонок.

...Если человек не родился слепым, темнота для него никогда не бывает бесцветной. Она обступила Степана, как только захлопнулась позади дверь. Степан опустился на четвереньки и ощупал руками пол. Пол был гладкий, не каменный, не железный, не деревянный, а какой он, Степан определить не сумел. Помедлив, он выпрямился, старательно таращил глаза в тщетной надежде увидеть хоть маленькую толику света, но света не было, и только оранжевая темнота со всех сторон набрасывалась на него.

Степан выдвинул ногу вперед и носком ботинка очертил полукруг. Нога не встретила препятствия, и он твердо поставил ее на пол, сделав первый шаг в темноте.

Снова нагнулся, намереваясь разведать невидимое пространство руками. Пальцы обежали поверхность, показалось, что чуть подальше, справа, поверхность обрывается...

Степан наклонился, зажал в кулаке пустоту, потерял равновесие, судорожным движением рванулся вверх, чтобы встать на ноги, не успел подняться, взмахнул правой рукой и упал.

Лиловые пятна замелькали повсюду: они роились в беспорядочной суеде, собирались в бесформенные клубки, рассыпались, кружились, кружились и вновь сливались в бесформенные образования. Клубков становилось все больше и больше, они соединялись друг с другом, их движение становилось медленным, пространство между ними все

уменьшалось, и, когда оно вовсе пропало, лиловое исчезло, и повсюду застыли огненные круги.

Степан оперся на левую руку, перевернулся, лег на живот и пополз к золотистым елочкам, замаячившим впереди, пополз к ним, крепко, до боли, зажмутив глаза. Он не мог определить, сколько полз вот так по гладкому полу, вначале не подумал об этом, а когда сообразил, ладонь вдруг ощутила препятствие. Степан вздрогнул от неожиданности, замер, отдернув руку от того, что притаилось в темноте, с минуту не двигался, затем вновь нашел препятствие, ощупал его и понял, что перед ним стена.

Не отнимая ладони от стены, Степан подтянул обе ноги, повернулся и встал на колени. Затем выпрямился во весь рост, при этом он потерял на мгновение встреченную им преграду, непонятный страх стиснул гулко стучавшее сердце. Он рванулся вперед и, не рассчитав, больно ударился о стену головой.

Степан потер ушибленное место, рука скользнула к глазам, закрывая их, но багровые круги не исчезали, и он шагнул к ним навстречу.

Степан считал шаги, это занимало его мысли, и помогало бороться с темнотой. Вот закончилась первая сотня шагов, он начал отсчет второй, стена оставалась такой же, как и в начале пути, и казалась бесконечной.

На числе «двести одиннадцать» он вдруг явственно услышал частое дыхание справа, протянул руку и, растопырив пальцы, схватил ими... воздух. Тот, кто дышал справа, отодвинулся дальше. Степан прыгнул, выбросив руку вперед, не удержал равновесия и с размаху упал на пол...

Бесшумно надвинулось сверху черно-черное небо. Оно медленно падало на Степана, лежавшего ничком на полу, и он затылком чувствовал его неотвратимую тяжесть.

Степан повернулся на спину, чтобы лицом к лицу встретить врага, подвинувшись назад, нашел спиной стену, оперся на нее.

Он не знал, сколько времени так просидел. Когда устала спина, Степан поднялся, снова обошел пространство, где были он и темнота. Тщательно ощупав стену, Степан так и не обнаружил следов двери и вообще ничего не обнаружил. Но теперь он знал, что помещение круглое, звуков никаких стены не пропускают, потолок высокий, по крайней мере, Степан не смог его достать, хотя и пытался прыгать с

поднятой вверх рукой. Ему сильно хотелось есть, но на его окрик в темноту никто не отозвался. Потом Степан попросил воды, и опять темнота молчала. Он предполагал, что за ним наблюдают, его слышат. Степан чувствовал, как кто-то смотрит на него, но, может быть, он ошибался, ведь мерещились ему серебристые пчелки и зеленый туман.

Он двинулся вдоль бесконечной стены, через каждые три шага останавливался, колотил по стене кулаками и, срывая голос, кричал:

— Откройте! Откройте! Откройте...

Теперь он не считал ни шагов, ни остановок. Как и тогда, в море, сейчас его мучила жажда. Губы потрескались, язык одеревенел, и теплое удушье уводило в небытие...

* * *

Момент возвращения к нему сознания Степан определил довольно точно. Он вспомнил, что в темноте ни разу не открыл глаз, и сейчас за сумерками увидел небольшую люстру прямо над головой. Степан закрыл глаза, и люстра исчезла.

— Как чувствуете себя, господин Бакшеев? — услышал он ласковый голос.

Степан повернул голову и затылком ощутил подушку. Он не ответил на вопрос, помедлил и открыл глаза. Люстра была на месте. Бакшеев приподнял голову, люстра сдвинулась с места, выдвинулось улыбающееся лицо мужчины в очках.

— Мы очень рады приветствовать вас, господин Бакшеев, — сказал человек и повторил вопрос: — Как вы чувствуете себя?

— Спасибо, хорошо, — буркнул Степан. — Уже вечер?

— Нет, сейчас полдень. На вас светофильтры. Наверное, вы можете их уже снять.

Степан поднял руку к лицу, и сумерки исчезли.

«Странное дело, — подумал он, — куда девалась жажда? Мне почти не хочется пить».

Он остановил взгляд на узком графине с вишневого цвета жидкостью.

— Вы уже выпили два таких графина, — сказал человек в очках. — Но если хотите еще...

Степан покачал головой.

— Где я нахожусь? — резко спросил он.

— У друзей, господин Бакшеев, у ваших друзей! — воскликнул незнакомец.

— Я настоятельно требую встречи с советскими представителями, — сказал Степан.

— Ну зачем так торопиться? Мы выяснили, что вы действительно есть Степан Бакшеев. Наши сотрудники несколько поторопились... Теперь вам лучше чем кому-либо, понятно, как это неосторожно — торопиться.

— Я продолжаю настаивать, — сказал Бакшеев.

— Видите ли, — продолжал человек в очках, — нам стало известно, что вы биолог, специалист по головоногим моллюскам и китообразным...

— Какое это имеет значение в данной ситуации?

— Не хотите ли пить? Ах, простите, я забыл предложить вам завтрак. Вы сможете подняться?

Завтрак подали сразу, он был изыскан и обилен, но Степан поел немного, хотя с трудом сдерживал желание проглотить принесенную еду.

Когда убрали посуду, Степан узнал, что от него требуется несколько консультаций по ряду биологических вопросов, связанных с его специальностью. Это совсем недолго, а потом его отправят домой.

— Считайте, что этим вы оплатите за наше гостеприимство, — ласково улыбаясь, сказал человек в очках. — А сейчас отдыхайте, работу начнем завтра. Хотите почитать? Я пришлю вам русские книги. Чехов, Достоевский? Хорошо?

До вечера Степан Бакшеев валялся в постели, бездумно просматривая «Братьев Карамазовых», книга была издана на русском языке в Харбине. Когда за широкими решетчатыми окнами стало темнеть, его охватил страх.

Принесли ужин. Степан сказал пожилому японцу-слуге:

— Прошу вас, не выключайте на ночь свет. И если можно, снотворное...

Старик кивнул головой.

Утром пришел человек в очках. Он принес Степану новую одежду, вежливо пожелал доброго пути, проводил до выхода и простился у крыльца небольшого домика.

«А где тюрьма?» — подумал Степан, и тут к нему подошли два крепких парня в светлых костюмах.

Они взяли его под руки, как берут больных, бережно и аккуратно, и повели к большой легковой машине, стоявшей поодаль.

Ехали часа полтора-два. Бакшеев прикидывал время по солнцу.

Они проехали город, два небольших поселка и там, где дорогу пересекло шоссе, остановились.

— Извините, — сказал один из сопровождавших, — мы завяжем вам глаза. Во избежание неприятностей советуем не пытаться срывать повязку.

Он поднес к лицу Степана черный платок, ловко набросил его — повязка плотно охватила глаза.

Степан почувствовал, как сбавила ход машина и через минуту остановилась.

— От господина Каваматы, объект «Ниссан-мару», — сказали с переднего сиденья.

Послышался короткий окрик, машина медленно тронулась.

Когда Степана вывели из автомобиля, он ощутил на лице ласковое прикосновение влажного теплого ветра. Резко пахло гниющими водорослями.

«Море, — подумал Степан, — море...»

Его тронули за локоть, предлагая идти, и Степан принялся считать шаги, двенадцать — прямо, свернули налево, еще двенадцать, теперь направо и, кажется, вниз, девятнадцать шагов... Проводники, держащие Степана под руки, остановились.

— «Ниссан-мару»? — сказал тот, что был слева.

— Не могли бы вы побыстрее? — прошипели так близко и неожиданно, что Бакшеев отшатнулся. — У меня, вы понимаете, на счету каждая минута!

— Не надо сердиться, капитан, — примирительным тоном сказал правый проводник. — Мы сделали все, что могли.

— Хорошо, но пожалуйста, побыстрее. Я должен выдать расписку?

— Да, она уже готова. Собогазоволите только вот здесь поставить свое имя.

Степан вдруг остался один. Никто не держал его, он расправил грудь, потянулся и снова ощутил на себе чужие руки. Но уже совсем другие, в этом-то он разобрался сразу.

— Пожалуйста, вперед! — приказали сзади.

Он шагнул раз и второй, поверхность пружинила, провожатые распределились спереди и сзади и вели Степана за руки, как ребенка.

«Трап, — догадался Бакшеев. — А теперь палуба...»

Он подумал, что сейчас его вновь возьмут под руки, но они продолжали идти гуськом. Шагов через тридцать, коротких, неровных шагов, Степана остановили:

— Здесь люк. Спускайтесь осторожно.

— Снимите повязку, — сказал Степан.

— Это мы сделаем внизу. Спускайтесь.

Перебирая скобы, Бакшеев протиснулся в слишком узкий для его туловища люк. Когда закончились скобы, он протянул руки и стал поворачиваться, обшаривая пространство.

Кто-то прикоснулся к его затылку, и черная повязка упала с глаз.

Яркая лампочка на низком подволоке заставила зажмуриться Степана, он поднес к глазам ладонь, прикрывая свет.

Его подтолкнули в спину, он нагнул голову, чтоб не задеть ею за низкий подволок, подошел к овальной двери с высоким порогом — комингсом. За дверью тянулись вдоль переборок двойные, с пробковыми матрацами, койки, свет здесь не был ярким, и Степан насчитал таких коек двенадцать, по шесть с каждого борта.

Он задержался немного, и вновь его подтолкнули. Степан не оборачивался, но все время чувствовал того, кто идет позади.

Вместе миновали они этот отсек, снова протиснулись в овальную дверь, за нею тянулся короткий коридор, а справа чернела неширокая щель. Степану велели остановиться, худая, с длинными пальцами рука отодвинула его в сторону, исчезла в черной щели, расширила ее, щелкнул выключатель, и Степан увидел крохотную каюту, скорее собачью конуру — такой она ему показалась.

— Вот ваше место, — сказали позади. — Можете лечь, если хотите.

«Если сумею», — подумал Степан Бакшеев и втиснулся в каюту.

Небольшая дверца захлопнулась за ним. Степан стоял согнувшись, потом услышал какие-то команды, в брюхе субмарины заурчало — а что он находится на подводной лодке, Степан уже не сомневался. Пробухали подошвами матросы. Потом стало тихо, за переборкой раздался звонок, кто-то крикнул непонятное по-японски, подводная лодка качнулась, застучали дизель-моторы, и Степан почувствовал, что субмарина движется.

Он постоял еще немного, низкий подволок прижал голову к груди, стоять так было неудобно, и Степан присел на краешек узкой койки. Субмарина уходила в неизвестность.

ВУЛКАН

Тонкая струйка воды прозрачной нитью повисла над кроной раскидистой сосны, оросила темно-зеленые иголки и светлыми каплями по желтому стволу убежала в землю.

Тиэми Тода заглянула в фарфоровый сосуд — она держала его в руке — и увидела, что он пуст. А ей надо полить еще две сосны и вот тот трехсотлетний дубок, гордость ее отца, и клены она не напоила тоже.

Перед девушкой стояло около двух десятков фарфоровых горшочков, в которых росли самые настоящие деревья, только уменьшенные во много раз.

Она посмотрела вокруг, надеясь догадаться, где можно достать воды, ведь этот кувшин принес ей Косаку Хироси: она еще плохо ориентируется в странном жилище отца.

Тиэми поставила пустую посуду и опустилась на татами. Ведь Косаку Хироси обещал вернуться через десять минут, а отца она увидит теперь лишь во время обеда.

Мысли девушки вновь вернулись к патологоанатому.

«Какой он веселый, — подумала Тиэми Тода о Косаку Хироси. — И умный... Много, наверное, знает интересного, прожил такую трудную жизнь».

Впервые она встретилась с ним в Йокогаме. Шеф Тиэми, доктор Адольф Таникава, человек, который нашел девушке отца, представил ей своего молодого коллегу, недавно поступившего в клинику, и сказал, что вместе с ним Тиэми уедет к профессору Накамуре.

...Тиэми почувствовала, что дверь за ее спиной бесшумно открылась. Здесь все открывалось и закрывалось бесшумно. Она обернулась и увидела Аритомо Ямаду, молодого ассистента профессора Накамуры. Их познакомили на второй день после прибытия Тиэми в лабораторию.

— Здравствуйте, Тиэми, — сказал Аритомо Ямада, — Косаку Хироси задержал профессор, поэтому освободится он не скоро. Мне

поручено развлекать вас.

Тиэми улыбнулась:

— И с чего вы начнете выполнять это поручение?

Ассистент смутился.

«Ой, да он совсем еще мальчик», — подумала Тиэми, считавшая себя достаточно взрослой в свои двадцать лет.

— Не знаю, — сказал Аритомо. — Что-нибудь придумаем вместе. Давайте погуляем, а потом пойдем встречать подводную лодку. Масаси Кэндо, это наш начальник охраны, сказал мне, что она прибывает часа через два.

— Принесите мне воды, — сказала Тиэми и протянула Аритомо сосуд, — придется сначала полить эти деревья. Потом я согласна участвовать в выполнении порученного вам задания. Так и быть, развлекайте меня, Аритомо-сан.

...Они стояли на берегу подземного залива и ждали появления субмарины. Собственно, подземным залив следовало называть относительно. Над головами синел кусок настоящего неба, и, когда солнце поднималось достаточно высоко, оно заглядывало в кратер потухшего вулкана.

Весь остров, где разместилась лаборатория профессора Накамуры, представлял собой гигантский, торчащий из воды вулкан. Внутри он был полый, залитый океаном, с которым сообщался подводным каналом, настолько широким, что через него свободно проходила подводная лодка и всплывала в бухте, окруженной базальтовыми стенами. Лучшее место для секретной лаборатории трудно было бы отыскать. Со стороны океана случайный наблюдатель не увидел бы ничего, кроме безжизненных скал.

Но внутри потухшего вулкана профессор Накамура и его люди без устали трудились над новым оружием.

Тиэми Тода, конечно, не знала, чем занимается ее отец. Профессор-биолог, крупный ученый — вот, пожалуй, и все, что ей было известно.

— Пришли встречать гостей с острова, госпожа? — услышала Тиэми мужской голос за спиной.

Она обернулась и, оступившись, едва не упала. Аритомо Ямада поддержал ее за локоть.

Перед девушкой, кланяясь, стоял кряжистый японец, пожилой, в форменной фуражке, с плечами борца и крупными зубами. Он обнажил их, приветливо улыбаясь.

— Да, — сказала Тиэми и вопросительно посмотрела на молодого спутника.

— Масаси Кэндо, начальник охраны, — представил плечистого японца ассистент профессора. — А это Тиэми Тода, дочь господина Накамуры.

Тиэми улыбнулась охраннику, тот еще ниже склонил голову, не снимая фуражки, потом резко выпрямился и протянул руку, указывая на что-то за спиной Тиэми.

— А вот и гости, — сказал Масаси Кэндо.

— Смотрите, Тиэми, лодка всплывает! — воскликнул Аритомо.

Сверху ударили яркие лучи, и в свете их девушка увидела, как в бухте вырастает среди пены продолговатый корпус субмарины.

Тиэми с трудом удержалась, чтобы не захлопать в ладоши, — так это было красиво.

Вот на мостике рубки показалась человеческая фигура, из носового люка выскочили два матроса, и лодка двинулась к причалу.

Вскоре они стояли у борта субмарины. Ее командир поприветствовал обитателей острова, почтительно улыбнулся Тиэми.

— Вы получили извещение о том грузе, майор? — спросил командир у Масаси Кэндо.

— Разумеется, и я здесь, чтобы лично принять его.

— Что ж, получайте, — ответил командир и отдал вниз приказание.

Прошло несколько минут, и вот тогда Тиэми Тода впервые увидела его.

Она смотрела в другую сторону, на корму, откуда матросы передавали ящики на берег, поэтому не видела, как вылезал он из носового люка.

Тиэми Тода обернулась, когда матросы субмарины свели его на причал и он остановился прямо перед Кэндо, едва достигавшим головой до мощной груди этого человека.

Она увидела его крупное продолговатое лицо с голубыми, скорее, синими глазами, русые волосы, курчавую бородку, ею успели зарастить подбородок и щеки, прямой нос и сильные руки, немного согнутые в локтях, и всю его позу, настороженную, словно у бойца, не знающего еще, кто будет его противником и в какую минуту начнется бой.

— Я майор Кэндо, — сказал начальник охраны. — Мне поручено встретить и проводить вас в подготовленное помещение. Вы говорите

по-японски?

— Вам следовало начать с этого вопроса, майор, — ответил этот человек.

Когда он заговорил, Тиэми Тода вздрогнула. Ее вдруг проникал непонятный страх. Тиэми вспомнила, что видела эту сцену во сне. Вот все так и было. Подводная лодка, подземный причал, таинственный незнакомец, звук его голоса. Она видела это во сне, и сейчас он должен взглянуть на нее, Тиэми Тода, дочь профессора Накамуры. Сейчас он посмотрит на нее так, как было это во сне.

И страшно ей потому, что помнит Тиэми Тода, чем закончился тогда ее сон.

Он посмотрел на нее, этот человек.

Тиэми закрыла глаза, пошатнулась, ухватила руку за Аритомо Ямаду.

— Что с вами? — шепнул ассистент.

Девушка открыла глаза. Незнакомец уходил прочь, сопровождаемый майором Масаси Кэндо.

* * *

— Вы доктор Бакшеев?

— Да.

— Мне чрезвычайно приятно приветствовать вас в моей лабораторий, молодой коллега. Меня зовут профессор Накамура.

Степан Бакшеев пожал плечами и ничего не ответил. После некоторой паузы профессор Накамура спросил:

— Скажите, ведь вы работали в Океанологическом институте?

— Да.

— И являетесь автором статьи «К гипотезе о разумной жизни в океане»?

— Совершенно верно.

— Очень хорошо. Прошу вас садиться. Вы свободны, Масаси Кэндо.

Майор повернулся и осторожно притворил за собой дверь.

Степан Бакшеев продолжал стоять посреди просторного, с огромным окном, кабинета профессора Накамуры, заставленного полками с книгами, лабораторным оборудованием. За окном Степан

увидел розоватый пейзаж с просвечивающей сквозь дымку горой Фудзи. Внимательно всмотревшись, Бакшеев понял, что это искусная имитация: и за этим окном такой же базальт, как и тот, из которого состоит весь остров.

— Садитесь, пожалуйста, — вновь сказал Накамура.

Степан опустился в низкое кресло.

— Приступлю сразу к делу, — сказал профессор.

Степан пожал плечами, промолчал.

— Вы находитесь в моей лаборатории, где проводятся опыты с морскими животными. Мне известны обстоятельства, при которых вы попали к нам. Знаю также, что вы — специалист по головоногим моллюскам и другим морским животным, в частности — по дельфинам. Теперь мы будем работать вместе, и от ваших успехов в работе будет зависеть ваша свобода.

— Я ваш пленник?

— Ну зачем так, доктор Бакшеев, — возразил Накамура. — Вы мой коллега.

Бакшеев никогда не слышал о профессоре с этой фамилией, хотя хорошо был знаком с работами японских морских биологов и даже жил некоторое время на Островах, где он и изучил язык. Впрочем, ничего удивительного в неосведомленности Степана не было. Работы профессора Накамуры были засекречены еще задолго до того, как Бакшеев поступил в университет.

Степан посмотрел на сидящего перед ним профессора. Был Накамура худым смуглым стариком, впалые щеки, глаза прятались за сильными увеличительными стеклами очков без оправы, седые волосы коротко острижены, тонкие губы поджаты, и, когда улыбается Накамура, поблескивают золотые зубы.

Одет он был в белый накрахмаленный халат, халат застегивался сзади, из левого рукава высовывался протез с неподвижными желтыми пальцами.

— Надеюсь, мы сумеем договориться с вами, доктор Бакшеев.

— Что я должен делать?

— Пока ничего. Привыкайте. Отдохните после дороги, а завтра вам покажут ваше рабочее место.

— Я хотел бы...

— Что бы вы хотели?

— Нельзя ли сообщить моим близким хотя бы, что я жив...

— Мы подумаем над такой возможностью, — сказал Накамура и встал. — Скажите, вы большевик?

Степан Бакшеев поднялся тоже.

— Большевик.

— Никогда не видал живого русского большевика. Китайских приходилось. Ну что же, возможно, это даже лучше, что вы большевик... Сейчас вас проводят к себе. До следующей нашей встречи советую ознакомиться с последней научной информацией по биологии дельфинов. Необходимую литературу вам принесут.

Накамура взял Степана Бакшеева за локоть и подвел к двери.

Она распахнулась. На пороге стояла пожилая японка.

— Табэ, отведите доктора в комнату номер семь, — сказал профессор Накамура.

* * *

К вулканическому острову, где пряталась секретная лаборатория, примыкала бухта, надежно защищенная от океана скалистыми берегами. С внешним миром сообщалась она небольшими проходами в ее северной части. Эти проходы были закрыты теперь решетками, и открыть их мог только Масаси Кэндо и сам профессор. Бухта была просторной и глубокой. Коридор, пробитый в скале, соединял ее с основной лабораторией.

На третий день после прибытия Степана Бакшеева разыгрался шторм. Волны били в каменную грудь острова, злобно ворча, откатывались назад и вновь шли на приступ.

Но в бухте было тихо. И только рябь от проникавшего между скал ветра морщинила зеркальную поверхность потемневшей воды.

Вдруг у одного из камней, в изобилии нагроможденных у внутреннего берега бухты, появилась черная голова. Голова медленно повернулась, блеснуло широкое стекло и настороженные глаза за ним, изо рта уходила за спину трубка. Потом все исчезло. Через две минуты у второго камня послышался всплеск, и из воды поднялся человек, затянутый в черный резиновый гидрокостюм. Человек казался уродливым, горбатым из-за двух баллонов со сжатым воздухом за спиной. Он оглянулся и замер, когда ему показалось, будто он слышит шорох, потом скрылся среди камней.

Если б кто-нибудь следил за ним сверху, то увидел бы, как вышедший из воды устроился поудобнее в камнях, отстегнул от пояса резиновую сумку и вытащил оттуда ящичек со множеством ручек и кнопок. Из ящика человек выдвинул длинный металлический стержень, словно хлыст, закачавшийся над ним, покрутил одну-вторую ручку, нажал какие-то кнопки — сбоку на ящике загорелся красный глазок. Он снова нажал кнопку, потом отнял палец и вновь опустил его на светлую пуговку кнопки.

В это же мгновение за многие километры от острова под рукой человека с наушниками на голове легли на бумагу строчки трехстишия средневекового японского поэта Басё:

Едва-едва добрел
Усталый до ночлега...
И вдруг — глициний цвет!

Где-то далеко, на безымянном острове, человек в черном гидрокостюме и сдвинутой на лоб стеклянной маске нажимал на белую кнопку. И через океан неслись проникновенные классические стихи Басё:

Увидел я раньше всего
В лучах рассвета лицо рыбака,
А после — цветущий май.

Человек с наушниками записывал на бумаге:

За колосок ячменя
Я схватился, ища опоры...
Как труден разлуки миг!

Еще через некоторое время бессмертные стихи превратились в деловые строчки рапорта Генриха Шрайбера-Раумера, отправленного в Берлин, на Тирпицуфере, 74, в «лисью нору» адмирала Канариса.

«Адольф Гофман-Таникава подготовил агента Косаку Хироси, японца по национальности, патологоанатома, 29 лет. Завербованный под кличкой Кёрай, Косаку Хироси с помощью Таникавы внедрен в лабораторию профессора Накамуры. Согласно сообщению, прибыл на место и приступает к работе.

Раумер».

ДРУГ ИЛИ ВРАГ?

— Спасибо, отец. Вы так добры ко мне.

— Ты здесь хозяйка, Тиэми. Я сделаю так, чтобы ты не нуждалась ни в чем.

— Я буду помогать вам, отец, в вашей работе.

— Отдохни еще немного, Тиэми. Осмотрись, привыкни к новой обстановке. Тебе, наверное, скучно у меня... Здесь нет твоих друзей... И ты единственная женщина на острове, не считая старой Табэ. Но помощники мои — молодые люди. Они будут рады сопровождать тебя на прогулках. Я скажу, чтоб тебе приготовили костюм для подводной охоты.

— Это, наверное, очень интересно, отец.

— Конечно. Раньше я сам увлекался подводной охотой, а сейчас не имею права тратить свое время на развлечения. Судьба нашей родины зависит от меня, Тиэми.

— Отец, я...

— Понимаю, ты хотела бы знать, чем твой отец занимается здесь, на острове. Не так ли?

— Я не любопытная, отец.

— И все же тебе хотелось бы знать... Не спорь, это можно понять. Что ж, ты узнаешь об этом, но не сразу. Видишь ли, я тебе вполне доверяю, но следует тебя подготовить к восприятию нескольких совершенно необычных для тебя истин. Кстати, Тиэми, тебе никогда не казалось, что животные, окружающие человека в его жизни, будто понимают, о чем ты думаешь или говоришь?

— Да-да, отец, я не раз замечала и размышляла об этом!

— Вот видишь. И что ты думала по этому поводу?

— Я была еще девочкой, у меня была собака, и мне иногда становилось жутко, когда собака смотрела на меня. Мне все время казалось, будто она хотела что-то сказать.

— И это собака, имеющая относительно небольшой мозг! А ведь существуют гораздо более высокоорганизованные животные, со сложным, не уступающим в этом отношении человеку мозгом. И обладающие при этом такими качествами, каких нет у человека. И вот поставить эти качества на службу нашему народу... Словом, ты все узнаешь. Скажи, ты давно знакома с этим Косаку Хироси?

— Я работала с ним в одной клинике, и, как ты знаешь, мы приехали сюда вместе. Он интересный, хороший человек.

— И нравится тебе? Ладно. Вот и он идет сюда.

— Здравствуйте, господин профессор, здравствуйте, Тиэми.

— Мы рады вас видеть, молодой человек. Оставляю дочь на ваше попечение. Покажите ей нашу библиотеку и проводите в сад. Она не была еще там, а вы, насколько мне известно, все уже осмотрели...

— Кроме океанариума, господин профессор.

— Ну там мы побываем все вместе. Пришлите ко мне в лабораторию Аритомо Ямаду.

— Хорошо, сэнсей.

* * *

Стая мелких рыбешек медленно продефилировала к коралловым кустам и разбилась на группы, одна за одной исчезающие меж ветвей. Из впадины показались продолговатые тени и бок о бок поплыли к отвесной скале, облепленной разноцветными водорослями.

— Посмотрите, какое богатство красок! — слышался в наушниках Степана Бакшеева звонкий голос Аритомо Ямады.

— Жалко, что нельзя это сфотографировать, — ответил Степан.

Аритомо вытащил нож и протянул его вперед, стараясь отделить от скалы оранжевый стебель.

— Это очень вкусно, если умело приготовить, — сказал он и стал складывать водоросли в сумку, прикрепленную к поясу. Пузырьки воздуха от его головы хрустальной цепочкой уходили к поверхности.

— Не пора ли нам возвращаться? — спросил Степан Бакшеев. — Мы далековато забрались.

— Дальше острова не уйдем, — ответил Аритомо Ямада. — Ведь бухта закрыта со всех сторон. Сюда не проникнет и отсюда не уйдет ни одно существо с диаметром тела больше дюйма.

Он закрыл сумку, повис вниз головой и, перебирая ногами-ластами, заскользил вдоль скалы.

Степан остался на месте. Это была его первая подводная прогулка в особых скафандрах, позволявших человеку чувствовать себя в море буквально как рыба в воде, и Степан не мог отделаться от ощущения, что он загадочным образом приобрел вдруг способность летать, быть легче окружающей среды, становиться невесомым. К человеку такая способность приходит во сне, и, познав ее наяву, Бакшеев был так захвачен всем этим, что на время забыл о своем непонятном для него положении то ли гостя, то ли пленника.

К работе его еще не привлекали, если не считать работой чтение литературы о дельфинах, ее в большом количестве поставлял ему ассистент профессора Аритомо Ямада.

«Сегодня началась вторая неделя моего-пребывания на этом странном острове, — размышлял Степан Бакшеев. — Профессор почему-то не пожелал со мной увидеться еще раз...»

Степан вспомнил, как на второй день в его комнате появился молодой японец и сказал, что его зовут Аритомо Ямада, профессор, мол, Накамура поручил ему показать доктору Бакшееву лабораторию.

То, что Степан увидел здесь, на острове, потрясло размахом, широтой интересов человека, сделавшего все это. Отличное оборудование, первоклассная аппаратура... Назначение многого было ему непонятно. Кое-что проводник Степана объяснял, а иногда говорил: «Узнаете со временем». Вежливо, но уходил от ответа. И Бакшеев чувствовал, что самого главного ему, конечно, не показывают. Собственно говоря, он видел лабораторию для всесторонних исследовательских работ в области биологии морских животных. И он был не столь наивен, чтобы думать, что в этой лаборатории, куда надо за многие мили добираться на подводной лодке, занимались невинным препарированием осьминогов и дельфинов.

Бакшеев вспомнил, как перебирал он пачку книг и реферативных статей, принесенных Аритомо Ямадой, и нашел брошюру с занятным заголовком — «Младшие или старшие братья по разуму?». Книга заинтересовала Степана. Автор не сомневался в разумности дельфинов,

он ставил вопрос: не разумнее ли людей эти загадочные существа? Издана брошюра была в Мельбурне...

После первой встречи Степан Бакшеев видел профессора Накамуру еще один раз, когда Аритомо привел Степана в океанариум. Накамура отдавал распоряжения лаборантам, собиравшим у стенки океанариума какую-то аппаратуру.

Профессор увидел Бакшеева, кивнул ему и, не говоря ни слова, удалился, сопровождаемый лаборантами. Они уходили, согнувшись под тяжестью ящиков.

Здесь, в океанариуме, Бакшеев понял, что интерес Накамуры к дельфинам далеко не академический. Дельфины были хозяевами этого гигантского сооружения. Океанариум состоял из трех бассейнов, соединявшихся между собой. Каждый из них имел площадь не менее тысячи квадратных метров. Помимо бассейнов существовали помещения поскромнее размерами, но тоже с океанской водой. От одного из бассейнов прямо в скалу уходил трехметровой ширины рукав. Вся система бассейнов сообщалась с бухтой. И всюду, во всех помещениях океанариума, Степан видел дельфинов. Здесь были афалины и гринды. И только в одном из загончиков Бакшеев увидел беломордых дельфинов.

— Что это? — спросил он Аритомо Ямаду. — Вы работаете с дельфинами? Зачем?

Аритомо Ямада пожал плечами.

— Я должен вам все показать. Рассказывать — прерогатива господина профессора...

* * *

После посещения океанариума Степана Бакшеева не беспокоили целый день. А к вечеру пришел Аритомо Ямада и принес статью американского ученого «О загадочных свойствах кожи дельфинов».

— Это интересно, — сказал Аритомо Ямада. — Ознакомьтесь, пожалуйста.

Этой статьи Бакшеев раньше не видел. Американец обратил внимание на то, что дельфины непостижимым образом уменьшают завихрения при движении в воде и развивают такую высокую скорость, что она явно не соответствует силе их мускулов.

Ученый предположил, что поток воды вблизи хвоста плывущего дельфина движется назад относительно окружающих слоев воды, а задняя часть тела дельфина уменьшает завихрения..

«Что ж, это понятно, — подумал Бакшеев, листая статью и вспоминая о «парадоксе Грэя», — попросту гидродинамические свойства тела дельфина гораздо более совершенны, чем в конструкции любого аппарата, созданного человеком для движения в водной среде...»

Он отвел глаза от статьи и покосился на Аритомо Ямаду, стоявшего у стены. Ассистент рассматривал — или делал вид, что рассматривает, — копию с картины Сессю «Горный пейзаж».

«Не этим ли они здесь занимаются? — подумал Степан. — Разрабатывают оптимальную форму торпед и субмарин, изучая особенности строения тела дельфинов...»

— Гидродинамические свойства тела дельфинов — вчерашний день науки, — словно прочитав его мысли, заговорил вдруг Аритомо Ямада. — Быстроходность этих животных обеспечивается не только формой и мускульной энергией хвоста.

— Вы имеете в виду строение кожи?

— Да, и в той статье, что вы держите в руках, говорится об этом как о каком-то откровении.

Аритомо Ямада усмехнулся, подошел к Степану и взял из его рук статью.

— Вот смотрите: «Нами установлено, что дельфины обладают специфической структурой кожного покрова с его гидрофобными, антитурбулентными и гасящими свойствами. Одной из причин столь быстрого движения их в воде является существование двигательного механизма кожи, сбивающего вихревые потоки вокруг быстро перемещающегося тела». Об этом мы знали уже несколько лет назад.

«Зачем он говорит мне это?» — подумал Степан.

— Вы ведь тоже работали над этой проблемой? — спросил его Аритомо Ямада. — Можете не отвечать, но я должен предупредить, что за вашими исследованиями постоянно следили. Впрочем, на деятельность профессора Ветрова, вашего шефа, режим секретности не распространялся. Не так ли?

— Верно, — сказал Степан Бакшеев. — Это верно.

— Ветров многое успел сделать, — продолжал Аритомо Ямада. — Он приблизился к решению главной проблемы, и если бы не эта его

нелепая смерть...

Аритомо Ямада вдруг замолчал, пересек комнату Степана и опустился на татами.

«Стоп! — подумал Бакшеев. — Он знает даже о Ветрове?! Что это значит? Кто он, этот парень? Спокойно, Степан, спокойно, держи ухо востро...»

— Итак, о коже дельфинов, — сказал Аритомо Ямада. — Эта статья устарела, господин Бакшеев.

— Устарела?

— Конечно. Ведь существует уже искусственная кожа, обладающая свойствами настоящей. Она испытана и показала, на что способен предмет, обшитый такой кожей и движущийся в воде. Мне бы хотелось, чтоб вы вместе со мной поработали над этой проблемой.

— Вы создали такую кожу? — спросил Бакшеев.

— Да, я создал ее. Но есть еще ряд нерешенных вопросов. Жаль, что вы не сможете поработать со мною вместе...

— Почему не смогу? — спросил заинтересованный Степан.

— Профессор Накамура имеет в отношении вас другие планы.

— Какие?

— Об этом он скажет вам сам.

Степан Бакшеев понял, что расспрашивать Аритомо Ямаду бесполезно.

— Вы говорили об искусственной коже, — сказал он.

— Да, говорил. Мне удалось проникнуть в механизм кожи дельфинов, и я попытался имитировать его.

— Это любопытно, — сказал Бакшеев.

— Как-нибудь покажу вам ее в действии.

Аритомо Ямада поднялся, оставив статью на татами, прошел к двери и обернулся:

— Уже поздно. Вам нужно хорошо отдохнуть. Завтра мы пойдем на подводную прогулку. Майор Масаси Кэндо подписал для вас разрешение.

Он помедлил, нащупал за спиной рычаг, отодвигающий массивную дверь в глубь стены, и тихо проговорил:

— Сожалею, что нам не придется поработать вместе. До завтрашнего дня, господин Бакшеев.

Дверь бесшумно раскрылась и вновь сомкнулась. Аритомо Ямада вышел, оставив Степана Бакшеева наедине со своими мыслями.

Тень Аритомо Ямады исчезла в зарослях водорослей. Степан наслаждался невесомостью своего большого тела. В гидрофонах слышался шум. Степан посмотрел вверх и увидел группу дельфинов, промчавшихся у поверхности. Степан шевельнул ногами и двинулся вниз, туда, где скрылся Аритомо Ямада.

Ему показалось, что какой-то продолговатый предмет проскользнул стороной.

«Аритомо Ямада? — подумал Степан. — Нет, там он не мог оказаться. Кто-нибудь третий?..»

Додумывая эту мысль, Степан продолжал опускаться, и вот он уже видел стоявшего на выступе скалы Аритомо Ямаду.

Вдруг Степан Бакшеев рванулся вперед. За спиной Аритомо Ямады он увидел быстро приближающуюся тень и, прежде чем сумел различить, что это такое, рванулся вперед с криком: «Сзади, сзади!»

Аритомо Ямада мгновенно повернулся; на него неслась трехметровая рыба-меч. Ее страшное оружие сейчас пронзит насквозь скафандр и беззащитное тело человека. Бакшеев мчался наперерез, но его скорость была ничтожна по сравнению со скоростью живого меча.

Аритомо Ямада успел броситься ничком в заросли авизалии, страшное оружие пронеслось рядом со спиной Аритомо Ямады и вонзилось в расщелину скалы.

Рыба-меч попала в западню.

Она принялась яростно извиваться всем телом, с силой ударяла хвостом, дергалась, пытаясь освободиться, и обрывки водорослей, перемешанных с илом, закрыли место, где едва не разыгралась трагедия.

Когда рыба вонзила свой меч в расщелину, Бакшеев выхватил нож и бросился к ней. В замутненной илом воде он еще различал веретенообразное тело чудовища и нанес несколько быстрых и сильных ударов.

Рыба-меч продолжала вырываться из западни, окрашивая кровью воду.

Прошло еще немного времени, и рыба-меч перестала двигаться вовсе. Медленно оседали на дне обрывки водорослей и частички ила.

Аритомо Ямада вплотную подплыл к Степану, схватил руками за плечи и приблизил свой шлем к шлему Бакшеева. Глаза Аритомо Ямады сквозь двойное стекло скафандров в упор смотрели в лицо Степана.

— Вы спасли мне жизнь, — растроганно произнес Аритомо Ямада. — Я ваш должник, господин Бакшеев.

— Меня зовут Степан, — ответил Бакшеев. — И бросьте говорить об этом.

Он снял руки Аритомо Ямады со своих плеч и посмотрел на часы, вмонтированные в запястье скафандра.

— Надо же, — удивился он, — прошло всего четыре минуты с тех пор, как я стал опускаться, чтобы найти вас здесь...

— Пора возвращаться, — сказал Аритомо Ямада. — Пойдемте.

— А трофей? — спросил Бакшеев.

— Пусть остается на месте.

Пологие ступени опускались в бухту метра на четыре в глубину. По ним Бакшеев и Ямада поднялись на площадку и по галерее, соединяющей бухту с помещениями океанариума, прошли в комнату, где раздевались перед спуском в воду. Здесь они сняли скафандры и передали их молчаливому средних лет лаборанту в желтой униформе, которую носила охрана лаборатории и обслуживающий персонал.

Аритомо Ямада подхватил сумку с водорослями и знаком велел Бакшееву следовать за ним.

Молча дошли они до комнаты Степана, и только возле нее Аритомо Ямада тронул Бакшеева за локоть.

— Отдыхайте, а я пойду приготовлю это... — Он поднял и опустил сумку. — Я зайду за вами позднее. Хочу познакомить вас с дочерью профессора Накамуры. Интересная девушка.

Он помолчал.

— О нашем приключении не говорите.

Степан согласно опустил голову.

— Спасибо, — сказал Аритомо Ямада, сжал Бакшееву локоть и зашагал по коридору, залитому светом матовых ламп.

Сильная струя воды вырывалась из брандспойта и хлестала по лоснящейся на солнце палубе американского танкера «Челленджер». День стоял жаркий, и матросы то и дело принимались окатывать палубу забортной водой, хотя и ее температура была не на много ниже температуры воздуха.

«Челленджер» шел в Австралию с грузом горючего для английских и американских самолетов в сопровождении конвоя из двух корветов — кораблей противолодочной обороны.

Ричард Кэррол, капитан «Челленджера», в последние дни не уходил с мостика. Танкер проходил район, где можно было ожидать нападения с воздуха или из морских глубин, а на борту судна — десять тысяч тонн авиационного бензина, и на эти юркие кораблики, что шныряют рядом, у капитана были не очень большие надежды. Ричард Кэррол и спал на мостике, приспособив для того узкий диванчик в штурманской рубке.

Сейчас, в полдень, Ричард Кэррол склонился над штурманским столом и прикидывал циркулем, сколько миль осталось до места, где, согласно шифрованной радиограмме, их ждал дополнительный конвой.

Как выяснилось впоследствии, первым увидел их матрос Перкинс. Он стоял на переходном мостике со шлангом в руках и окатывал танки струей воды. Трудно сказать, что заставило его взглянуть в сторону океана, но Перкинс глянул туда и увидел на блестящей поверхности его две темные точки, параллельными курсами идущие к борту «Челленджера». Корветы-телохранители спокойно шли впереди и сзади подопечного корабля.

Разинув рот, Перкинс застыл, глядя на приближающиеся предметы, шланг выскользнул из его рук и упал, дергаясь от напора воды и швыряя струю в разные стороны.

Наконец Перкинс пришел в себя, с криком «Торпеды! Торпеды!» метнулся к противоположному борту, прыжком перемахнул через леерное ограждение и бросился в океан.

На палубе слышали крик. Люди в панике заметались по судну. Ричард Кэррол стоял на крыле мостика и, вцепившись в планшир, лихорадочно рассчитывал маневр судна, чтоб уйти от торпед. Он скомандовал: «Право на борт!» Громадное судно стало медленно разворачиваться. Капитана удивило, что корветы продолжают идти как ни в чем не бывало. Неужто не слышат они шума винтов субмарины?

Теперь Ричард Кэррол ясно видел, что взрыв неизбежен, торпеды шли прямо на «Челленджер», капитан отвернулся и не щурясь, невидяще глянул на солнце...

— Смотрите! Смотрите, сэр! Это кричал второй штурман.

Капитан оглянулся и увидел, как черные точки свернули с пути и уходят прочь от «Челленджера». Ричард Кэррол схватил бинокль, и едва он успел поймать торпеды в окуляры, они пошли друг другу навстречу.

Зеленая колонна медленно вырастала из воды. Вершина ее была увенчана белой клубящейся пеной. Колонна поднималась все выше и выше, вот она замерла и с грохотом вернулась в океан. Крутая волна резко трянула танкер, и маленькие корветы по рубки зарылись в ней.

Вскоре океан успокоился. Танкер «Челленджер» продолжал идти прежним курсом, неся в своем брюхе горючее для самолетов. Командиры корветов, когда они все благополучно пришли в базу, клятвенно уверяли Ричарда Кэррола, что их гидроакустики не зафиксировали ни шума винтов подводной лодки, ни шума двигателей торпед, и искоса поглядывали на серебряный вихор капитана танкера.

* * *

— Мне просто не верится, Аритомо Ямада... Неужели это те самые водоросли, что вы нарвали в бухте?

— Те самые.

— Тогда вы волшебник, — сказал Бакшеев.

— А вам не нравится, Тиэми Тода? — спросил у девушки молодой ассистент.

Дочь профессора Накамуры сидела несколько поодаль, потупив глаза, и не произнесла ни слова за весь вечер, по крайней мере, с тех пор как сюда, в комнату Аритомо Ямады, вошел Степан.

Не сразу услышав вопрос, она вскинула глаза, мельком взглянула на Степана и, обращаясь к Аритомо, едва слышно произнесла:

— Да, мне понравилось, очень... — И снова опустила глаза.

«Что это она? — подумал Бакшеев. — Пуганая какая-то...»

А Тиэми Тода думала о том странном сне, какой привиделся ей еще в Йокогаме, и о герое этого сна — он сидел сейчас с нею вместе и нахваливал кушанье, приготовленное Аритомо Ямадой.

— Расскажите о дельфинах, — попросила девушка Аритомо. — Их так много здесь...

— Хорошо, — сказал молодой японец. — Я расскажу вам об одном замечательном дельфине. Его называли Джеком из Пилароса. Недалеко от Новой Зеландии есть Французский пролив с быстрым течением. Он начинается у островов Дюрвиль и Пиларос Саунд и доходит до Тасманского залива. Предательские течения и острые подводные скалы создали проливу плохую славу...

Первой познакомилась с этим замечательным дельфином шхуна «Бриднел» из Бостона. Произошло это в один из штормовых дней 1871 года. Шхуна шла в Сидней. И тут команда заметила перед носом корабля большого серо-синего дельфина.

Матросы по ошибке приняли его за молодого кита и хотели было загарпунить, но жена капитана отговорила их. Пробираясь сквозь туман и дождь вслед за играющим дельфином, корабль благополучно прошел через опасный пролив. Так началась удивительная карьера Джека. С тех пор он всегда ожидал проходящие корабли, чтобы провести их через пролив. Скоро он стал известен среди моряков во всем мире.

Джек встречал корабли, приветствуя их прыжками. Моряки и пассажиры разражались аплодисментами и радостными криками. С тех пор как Джек заступил на службу, в водах Французского пролива не было ни одного кораблекрушения.

Джек обычно плыл недалеко от корабля, время от времени подныривая под него, чтобы вынырнуть у противоположного борта, словно сторожевая собака, загоняющая овцу в стадо. И когда корабль подходил к пенящимся водам Французского пролива, Джек вырывался вперед и оставался перед форштевнем корабля на виду у рулевого, пока судно не преодолеет опасную зону.

В 1903 году пьяный пассажир с корабля «Пингвин» выстрелил в Джека из пистолета. Команда корабля хотела линчевать этого пассажира, и капитану пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить матросов отказаться от своего решения. В течение двух недель Джек не появлялся на «службе», и все решили, что он убит. Но однажды ясным утром он снова появился, этот надежный лоцман Французского пролива.

Муниципалитет Веллингтона принял постановление, защищающее Джека от покушений на его жизнь. Этот закон моряки выполняли с особой радостью.

После случая с «Пингвином» Джек никогда больше не выходил встречать этот корабль — единственное судно, которому он отказывал в помощи. Моряки перестали наниматься на это судно, утверждая, что «Пингвин» проклят. И в конце концов корабль наскочил на скалы и затонул.

Джек оставался на своем посту до апреля 1912 года, а потом пропал так же неожиданно, как и появился... Благодарные люди воздвигли Джеку памятник на одной из набережных Веллингтона...

— Удивительные животные, — проговорила Тиэми Тода. — Мне кажется, что они все знают о нас, людях...

Степан и Аритомо Ямада переглянулись.

Когда перешли к чаю, Ямада сказал Степану:

— Вы отлично знаете наш язык. Я пытался изучить русский, но за недостатком времени в этом далеко не преуспел. Мне известно, что у русских есть замечательные поэты.

— Конечно, — сказал Степан. — Но в Японии каждый японец пишет стихи.

— Писать стихи — не значит быть поэтом, — возразил Аритомо. — Прочтите что-нибудь по-русски.

Бакшеев пожал плечами.

«Дела, — подумал он, — самое время устраивать литературный вечер... Неизвестно, что со мной будет завтра, дома меня уже похоронили... Ну что ж, надо читать стихи. Это не самое худшее из того, что мне предстоит...»

Он помедлил немного и принялся читать негромким глуховатым голосом:

Чародейкою-зимою
Околдован, лес стоит.
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.
И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой, —
Сном волшебным очарован,
Весь окутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Звуки чужого языка проникали в сознание Тиэми Тода, и ей казалось, будто она понимает, о чем говорит этот огромный человек, так не похожий на тех, кто окружал ее всю жизнь.

А Бакшеев продолжал читать стихи: Тютчева, Лермонтова, Блока. Наконец он замолк и пристально посмотрел на девушку. Она словно замороженная смотрела на него и на этот раз не отвела глаз.

— Вы любите стихи? — спросил Бакшеев по-японски.

— О да, — ответила Тиэми.

— Она сама их пишет, — улыбаясь сказал Аритомо, — и даже опубликовала некоторые из них.

— Это интересно, — сказал Степан, — прочитайте, пожалуйста.

Тиэми не заставила себя упрашивать. Она склонила голову и стала читать. Это были традиционные японские трехстишия — хокку:

Поставить паруса легко,
Но, оттолкнув от лодки землю,
Каким ты ветром паруса наполнишь?

«Как жаль, что сны не повторяются, — подумала она. — Я хотела бы увидеть снова...»

Зеленая луна
Светит в глаза,
И горячим становится сердце.

«Этому человеку можно довериться, — подумал Аритомо Ямада. — Он такая же птица в клетке...»

Я ищу опору
И хватаюсь за нити,
Оборванные нити дождя.

«Нельзя сидеть сложа руки, — подумал Бакшеев. — Незнание лишает уверенности в своих силах. Надо искать выход».

Черная сакура
Зацветает в душе.
Скоро ли грянет гром?

Бесшумно раздвинулись двери, и вошел, улыбаясь, Косаку Хироси. Тиэми поднялась на ноги, вслед за нею встал Степан, чувствуя, как затекли ноги от непривычной позы.

Аритомо Ямада продолжал невозмутимо сидеть.

— Извините, — сказал Косаку Хироси, — я помешал вашей беседе, но профессор просит господина Бакшеева почтить его своим посещением. Мне поручено проводить вас.

Он низко наклонился и повернул к двери. Бакшеев нерешительно посмотрел на Тиэми, потом на Аритомо. Последний едва заметно наклонил голову.

— Простите... Ваши стихи прелестны, но мне необходимо уйти, — сказал Бакшеев, обращаясь к девушке.

Она не ответила, и Степан вслед за Хироси вышел в коридор.

* * *

— Мне нужно спросить вас кое о чем, господин Бакшеев, — сказал профессор Накамура, когда они остались вдвоем.

— Готов ответить вам, насколько это в моих возможностях, при условии, что не будут затронуты интересы моей страны и ее союзников.

— Понимаю вас, — сказал Накамура. — Можете мне поверить, что ни о чем подобном я и не помышлял. Речь идет о сугубо научной проблеме. Меня интересует ваше мнение по такому вопросу: чем объяснить нередкие случаи обсыхания животных и гибель их на берегу? Вам известны, конечно, такие случаи?

— Еще бы, — ответил Степан. — Я специально выезжал на Камчатку для расследования причин гибели большого количества китов.

— Согласитесь, что это странно. Животные, обладающие великолепными способностями ориентироваться в водной среде, вдруг теряют это качество и оказываются на берегу! Не объясняется ли это

массовым психозом, толкающим животных на коллективное самоубийство?

— Мне кажется, следует разграничивать случаи одиночного и группового обсыхания, — произнес Бакшеев. — Вы знаете, как развито чувство взаимопомощи у дельфинов. Можно предположить, что первое животное, попав на мель и не имея возможности выбраться в безопасное место, подает сигнал бедствия. Остальные дельфины спешат на помощь и разделяют судьбу жертвы.

— А что вы скажете об одиночных обсыханиях?

— Ответить на этот вопрос однозначно гораздо труднее, — сказал Бакшеев. — По всей вероятности, внешние условия, в которые попадает дельфин, выводят из строя его эхолокационный аппарат. Ведь известно, что случаям обсыхания сопутствуют штормовая погода, ветер, дующий с моря, высокая зыбь. У нас на Охотском море, где большая амплитуда колебания между приливным и отливным уровнями, есть настоящие китовые ловушки, обычно в устьях рек. Во время сильного шторма грунт перемешивается с пузырьками воздуха, образуется среда, в которой эхолокационные сигналы дельфинов и китов искажаются. Эти помехи дезориентируют животных и сбивают их с правильного курса.

— Любопытно, — сказал профессор. — Но чем вы объясните массовое выбрасывание животных в спокойную погоду и одновременно, как будто они подчинялись какой-то команде со стороны? Не думаете ли вы, что животные действительно совершают самоубийство, выполняя чью-то волю? И поступают так, отдавая себе отчет в том, что они делают?

— Но для этого надо признать, что они наделены разумом, — возразил Бакшеев.

— А разве вы думаете иначе? — спросил профессор Накамура.

...Аритомо Ямада встретил Степана за поворотом коридора.

— Я ждал вас, — сказал он Бакшееву.

В комнате он подошел вплотную к Степану и тихо проговорил:

— Ничему не удивляйтесь. Не торопитесь отвергать предложения Накамуры. Он сделает вам их завтра. Вам нужно выиграть время. И мне тоже. Я — ваш друг.

Он нащупал ладонь Бакшеева и стиснул ее.

— Вспомните рыбу-меч. Как она попала в бухту, если все выходы и входы наглухо закрыты службой майора Масаси Кэндо?

ТАЙНА ПРОФЕССОРА НАКАМУРЫ

Кошмар повторялся несколько раз, и, чтобы справиться с ним, Степан открыл глаза, посмотрел на часы с суточным циферблатом. Стрелки часов свидетельствовали о том, что в обычной жизни наступило утро.

«Что оно принесет мне? — подумал Бакшеев, с трудом повертываясь в небольшой круглой ванне. — Этот разговор с профессором Накамурой... И слова Аритомо Ямады. Действительно, как могла попасть в бухту эта хищница? Значит, есть неизвестный охране проход? И Аритомо не хочет, чтоб кто-нибудь узнал о нем... Кто он? На провокатора не похож, да и к чему им эти проверки? Убрать меня можно было и раньше...»

Так и не приняв решения, Бакшеев закончил туалет и в ожидании завтрака уселся за принесенные вчера Аритомо Ямадой рефераты. Степан перелистывал страницы, делая на полях пометки карандашом, и вдруг увидел прямо перед собой пожилую японку, она бесшумно вошла в комнату. Двери комнат на этом острове не имели внутренних запоров.

Бакшеев узнал Табэ, служанку профессора.

— Господин приглашает вас позавтракать с ним вместе, — сказала она, поклонилась, попятилась к двери, еще поклонилась и исчезла.

Степан неплохо ориентировался в расположении жилых и служебных помещений лаборатории и без труда добрался до комнаты, служившей кабинетом. Здесь были сам профессор, его дочь, Аритомо Ямада, Косаку Хироси, майор Масаси Кэндо и мрачного вида японец, его Бакшеев видел впервые.

— А вот и господин Бакшеев, — очень любезно произнес Накамура. — Садитесь, пожалуйста. С сегодняшнего дня вы можете считать себя сотрудником лаборатории.

«А о том, захочу ли я этого, меня и не спрашивают, — подумал Степан. — Что ж, сотрудник так сотрудник. Поглядим, что будет дальше».

— Вы знакомы со всеми, кроме капитана Мицуёси Набунаги, — сказал профессор. — Капитан редко бывает здесь, у него трудная должность, но Мицуёси Набунага блестяще справляется с нею, и сегодня мы рады видеть его и познакомить с вами.

Табэ внесла поднос и стала оделять всех чашечками с едой.

— Вы написали отчет о вскрытии? — спросил Накамура у Косаку Хироси.

— Да, господин профессор, — приподнимаясь, ответил патологоанатом.

— После завтрака принесите материалы сюда.

— Хорошо, сэнсей.

Накамура взглянул на Тиэми Тода.

— Ты неважно выглядишь сегодня. Ты нездорова?

— Нет, нет, все в порядке, отец.

— Вы, Аритомо Ямада, сегодня займитесь с Фаситором. Что-то не нравится мне его поведение. Наш новый коллега попозже присоединится к вам.

Профессор Накамура с улыбкой посмотрел на Бакшеева.

— Вы не возражаете против совместной работы с Аритомо Ямадой? Нет? Вот и прекрасно.

После завтрака все поднялись, сложив ладони около груди. Один за другим сотрудники лаборатории удалились. Профессор Накамура и Бакшеев остались одни.

— Не хотите ли закурить? — спросил профессор, протягивая коробку с сигарами.

— Благодарю, — сказал Бакшеев, но сигару не взял.

Заядлый курильщик, он после приключений последних недель утратил всякую тягу к табаку.

— Я много знаю о вас, Бакшеев, — начал Накамура. — Мне нравится смелость ваших идей. К сожалению, профессор Ветров слишком рано ушел из жизни...

— Да, профессор Ветров рано умер, — сказал Степан.

— Я несколько осведомлен о вашей совместной работе и благодарю providение, которое привело вас ко мне. Надеюсь, здесь, на этом острове, вы будете таким же талантливым исследователем, каким были у профессора Ветрова.

— Что именно требуется от меня? — спросил Бакшеев.

— Пока ничего. Для начала я кое-что покажу вам. Об этом ваш шеф мог только мечтать. Идемте со мной...

Одна из стен этого помещения была сплошь покрыта разнообразной аппаратурой. Назначение ее было мало понятным Бакшееву, и он с любопытством оглядывал ряды индикаторных ламп, экранов, напоминающих экраны осциллографов, бесчисленные

тумблеры и кнопки. На остальных стенах приборов было тоже немало, но между ними оставалось хоть какое-то свободное пространство.

Посреди комнаты возвышался пульт, рядом, под углом друг к другу, стояли два кресла. Они напоминали кресла из парикмахерской. Впечатление усиливали странные колпаки над изголовьями, словно аппараты для сушки волос.

Профессор Накамура подвел Бакшеева к одному из кресел и знаком пригласил сесть. Степан повиновался. Кресло оказалось весьма удобным.

Бакшеев скосил глаза вправо и увидел, как профессор отошел к боковой стене, навстречу ему выдвинулся стержень с утолщением на конце. Накамура приблизил этот стержень ко рту и проговорил несколько слов, их смысла Степан не сумел различить.

«Микрофон», — подумал Бакшеев.

Затем профессор вернулся к Степану, продолжавшему сидеть в кресле, и руками взялся за колпак над его головой.

— Сейчас вы увидите, как далеко ушел я по сравнению с профессором Ветровым, — горделиво произнес Накамура. — Сидите спокойно.

Накамура щелкнул тумблером, и колпак стал опускаться на голову Степана. Он снова подумал о сходстве колпака с тем, какие надевают на головы модниц, и решил, что стать вдруг завитым, как барашек, — не самое страшное из ожидавших его неожиданностей.

Колпак закрыл голову до половины лица. Стало темно. Степану вдруг вспомнилась та темнота, он опустил глаза и с облегчением различил свет, идущий из-под колпака снизу.

— Приготовьтесь! — услышал он голос профессора.

Бакшеев не видел хозяина лаборатории, но по голосу понял, что тот устроился в кресле рядом.

Вдруг Степан ощутил мелодичный звон. Он сразу понял. Именно не услышал, а ощутил... Непосредственно своим сознанием, мозгом, без участия органов слуха.

Звон сменился низким гудящим тоном, затем раздался тоненький свист и звуки, напоминающие плач ребенка.

Степану показалось вдруг, что голова у него постепенно разбухает, увеличиваясь в размерах. Он забыл, что голова стиснута обручами колпака, и попытался тряхнуть ею. Голова даже не шевельнулась.

Снова раздался свист, он становился все пронзительнее. У Степана заложило уши. Наконец свист оборвался на самой высокой ноте и появился голос:

— Хорошо, что ты пригласил меня, Старший Самурай.

Эти слова были произнесены по-японски, и Степан понял, что говорит не профессор, тем более сразу же за этой фразой в его мозгу возникла другая.

— Я тоже рад встрече с тобой, — ответил голос. Это был голос Накамуры.

— Но причины, вызвавшие радость у тебя, и мое желание встретиться с тобой различны, Старший Самурай.

— Ты говоришь загадками.

— Сейчас я скажу все.

— Нет, нет! Не сейчас! Сегодня я снова встречу с тобой позднее. Понятно? Позднее...

Бакшееву показалось, что профессор испуган.

— Хорошо. Что хочешь ты от меня, Старший Самурай?

— Рядом со мной находится молодой коллега. Он давно ищет встречи с тобой, Старшая Мать. Он ученый. Зови его Доктор.

— Я рада приветствовать вас, Доктор, — произнес все тот же далекий голос. Степан сообразил, что обращаются к нему.

— Поздоровайтесь, Бакшеев, — вмешался профессор.

Степан разжал губы, пытаясь произнести хоть слово, но не мог ничего сказать, снова стала увеличиваться голова, он догадался, что отвечать надо мысленно, попытался сосредоточиться, услышал: «Я плохо слышу его», почувствовал, будто голову разрывают на части, хотел крикнуть, и вдруг все исчезло.

Открыв глаза, он увидел перед собой обтянутое желтой кожей лицо профессора Накамуры. Единственной рукой профессор расстегивал ему ворот рубашки.

— Вы можете встать?

Степан тряхнул гудевшей головой и приподнялся в кресле.

— Вот и хорошо, — сказал профессор. — Мне следовало вас проинструктировать... Но может быть, так оно лучше.

— Что это было? — спросил Степан.

— Потом, потом, — сказал профессор Накамура. — Идите отдыхать.

Он подошел к пульта, возвышающемуся между кресел, и нажал одну из многочисленных кнопок.

Степан поднялся из кресла и встал на ноги, стараясь унять в них противную дрожь. Голова сильно кружилась.

Вошел Ямада.

— Проводите коллегу в его комнату, — сказал профессор. — У него было чересчур много впечатлений сегодня.

Пошатываясь, Степан направился к выходу. У двери его поддержал за локоть Аритомо.

— Отдохните как следует, — вслед Бакшееву проговорил профессор Накамура. — Завтра вы будете мне нужны.

Степан и Аритомо прошли длинными коридорами, и у стеклянной двери, ведущей на площадку перед океанариумом, Степан остановился.

— Мне хотелось бы выйти на свежий воздух, — сказал он Аритомо.

Молодой японец толкнул дверь, и они вышли в гигантский кратер, высоко над ними округло синело небо.

— Хотите сигарету? — спросил Аритомо Ямада.

— Нет, подождите, — сказал Бакшеев.

Он услышал тихий всплеск, повернулся и увидел, как из-под скалы, по каналу, уходящему в нее, выплыла крупная, не менее трех метров, самка-афалина, зарылась в воду, с шумом выскочила на поверхность и через открытый шлюз прошла в средний бассейн.

Бакшеев удивленно взглянул на своего спутника.

— Это Фист-ких, — пояснил Аритомо Ямада. — Старшая Мать Фист-ких. Это с ней вы сейчас говорили.

* * *

Громадная афалина медленно ходила кругами, держась в полуметре от стенок. За нею следовала группа из пяти дельфинов.

— Фист-ких рассказывает им о встрече с человеком, — сказал Аритомо, — со Старшим Самураем — профессором Накамурой. Он сам придумал себе такое имя. А они считают, что слово «самурай» означает нечто вроде основателя семейства.

Аритомо говорил спокойно, а Степан стоял ошеломленный.

— Значит, — начал он нерешительно, — профессор Накамура сумел...

— Да, — перебил его Аритомо, — сумел установить с дельфинами прямой контакт. Только не оборачивайтесь, пожалуйста, сюда идет Косаку Хироси. Не говорите ничего лишнего при нем.

— Какие изящные животные, — заговорил Хироси, подходя к ним и показывая рукой на дельфинов в бассейне. — К сожалению, мне приходится иметь с ними дело, когда они уже неподвижны.

— Вы хотите сказать, что предпочли бы резать их живыми? — сощурившись, спросил его Ямада.

— Что вы, коллега, ничего подобного я не имел в виду. Просто ваша интересная работа с этими разумными существами мне больше по душе, — сказал Хироси.

— А мне казалось, что ваше призвание — орудовать ножом, и только, — резко ответил Ямада.

Косаку Хироси слегка скривил рот, затем зубы его блеснули в улыбке.

— У вас дурное настроение, коллега. Простите за назойливость, но я не сумел этого вовремя рассмотреть. Извините. Мы продолжим наш разговор как-нибудь в другой раз.

Он поклонился, попятился назад, затем повернулся и зашагал к дверям, ведущим во внутренние помещения лаборатории. Глухая злоба душила Хироси, когда он миновал порог и двинулся в операционную.

«Ну погоди, щенок, — думал он. — Я найду для тебя достойную расплату за эту наглость. И этот русский... Они, видимо, заодно. Накамура хочет доверить русскому тайну. Старый кретин! Почему он так носится с этим русским? Зачем он ему? И Тиэми стала неузнаваемой с тех пор, как этот человек появился на острове... Нет, нет, это невозможно! Надо что-то предпринимать, надо поближе сойтись с этим Бакшеевым. Зачем он нужен Накамуре?...»

Оставшиеся у океанариума Аритомо и Степан медленно шли вдоль бассейнов. Наступило время кормления дельфинов, и служители в желтой униформе выносили из вспомогательных помещений лаборатории корзины с пищей.

— Пойдемте на берег бухты, — сказал Аритомо.

По дороге Степан спросил:

— Зачем вы так с ним?

— Косаку Хироси — нехороший человек.

— Но именно от вас я слышал совет относительно выдержки. Зачем наживать себе врагов? Да еще в такой ситуации и в таком месте...

— Вы правы.

Они прошли по берегу и присели у края воды на плоский камень.

— Неужели это наконец случилось? — спросил Бакшеев.

— Странно, что от вас я слышу этот вопрос. Ведь вы с профессором Ветровым шли к тому же.

— Да, целью нашей работы было и установление контактов с дельфинами тоже. Собственно говоря, для профессора Ветрова это было основной целью. Я же настроен был скептически, хотя возможность этого признавал. Более того, профессор Ветров поручил мне готовить код для зашифровки дельфиньих сигналов, но работа эта так неожиданно прервалась...

— Так вот, профессор Накамура построил аппарат, который позволяет ему говорить с дельфинами, как нам с вами, — сказал Аритомо.

— Это невероятно! — воскликнул Степан. — Это же такие возможности!

Аритомо Ямада горько усмехнулся.

— Не торопитесь с выводами, — сказал он. — Наша лаборатория является сверхсекретным объектом военного министерства. Понимаете? Военного!

— Вы хотите сказать, что дельфинов можно использовать в военных целях?

— Не «можно», а используют. Помните мрачного капитана Мицуёси Набунагу? Он периодически появляется здесь и увозит дельфинов. Тех, кто прошел собеседование с профессором Накамурой. Не думаю, чтоб этот капитан использовал их для демонстрации различных фокусов перед высокими военными чинами.

— Подождите, — сказал Степан. — Давайте по порядку. Для начала об изобретении профессора Накамуры.

— Это не его изобретение. Ему принадлежит идея. Правда, он величайший специалист по дельфинам. Но профессор Накамура — страшный маньяк. Он не останавливается ни перед чем ради достижения своей цели. А главная его цель — мировое господство Страны восходящего солнца.

— Он не оригинален. Мы воюем сейчас с таким же маньяком.

— Так вот, аппаратуру для преобразования дельфиньего «языка» в язык человеческий создал радиоинженер Тамики Уэда.

— Где же он?

— Несчастный случай. Майор Масаси Кэндо — большой специалист в этой области. Одно слово профессора — и с любым из нас происходит несчастный случай. Но главное — аппарат изготовлен, он работает, дельфины разговаривают на человеческом языке и отвечают на вопросы профессора Накамуры.

— Вы хорошо осведомлены обо всем, Аритомо, — сказал Бакшеев.

— К сожалению, я знаю очень мало. Например, я не знаю, что делают с дельфинами, проинструктированными профессором Накамурой? Как работает аппаратура? Уэда был хорошим парнем, но и он, создав этот аппарат, не знал всего.

— Нам надо узнать как можно больше обо всем. Но мне не верится, что дельфинов можно использовать во зло. Ведь главной чертой их натуры является проявление добрых чувств к человеку. Еще у Плутарха немало сведений об этом. Помните?

— Да, его рассказ о том, как дельфины спасли Телемака, сына Одиссея, от гибели.

— У Геродота, — сказал Бакшеев, — есть легенда об Арионе. Он возвращался после плавания в Грецию, на него напали пираты и взяли в плен. Пираты собирались бросить Ариона в море, но он упросил их разрешить ему перед смертью поиграть на лире. Своей игрой Арион привлек внимание одного дельфина, и, когда пленник был сброшен в море, дельфин подхватил его и вынес на берег.

— Древние греки верили, что дельфины были когда-то людьми и помнят об этом. Да... Но вы не знаете профессора Накамуру, Степан. Это страшный и хитрый человек. Нам не известно, о чем он говорит с дельфинами перед тем, как они попадают в руки капитана Мицуёси Набунаги.

— Вы правы, Аритомо. А эта... Ну та, с которой я говорил...

— Фист-ких? Старшая Мать? О, это необыкновенное существо. Царица среди дельфинов. Это по нашим понятиям, конечно... У них нет ни королей, ни генералов. Ну и чем она вас заинтересовала?

— Во время контакта Фист-ких потребовала какого-то разговора с профессором Накамурой. Высказала нечто вроде просьбы.

— И что же профессор?

— Отказался. И как мне показалось, встревожился.

— Понятно. Он попросту не хотел, чтоб при разговоре присутствовали вы. Кстати, неспроста он так любезен с вами. Будьте осторожны, Степан.

Наступило молчание. Потом Аритомо Ямада едва заметно улыбнулся, и лицо его приобрело мягкое выражение.

— Вы нравитесь Тиэми, — сказал он вдруг.

— Не выдумывайте, Аритомо, — смутился Бакшеев. — Расскажите-ка лучше о себе. Почему вас так волнует моя судьба?

— Я отвечу на этот вопрос, — сказал Ямада. — Моего отца убили жандармы. Он учил меня жить честно и уважать людей независимо от того, какого цвета кожа у них, и помогать, когда им трудно. Он был членом Нихон Кёсанто.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ФИСТ-КЫХ

...Я хочу рассказать о том предпоследнем похолодании, захватившем большие пространства в северной части планеты. Было это за две тысячи поколений до моего собственного рождения. Впрочем, и это Великое Похолодание необходимо мне как отправная точка, ориентир во времени, ибо от него начинается Эпоха Цели.

А началось это с того, что большая гора, извергающая пламя, опустилась на воду. Ничего подобного мы не знали, разве что напоминало это пробуждение подводного вулкана.

Вскоре огонь исчез, и тогда мы впервые увидели пришельцев. Наш народ назвал их Треххвостыми. Не хуже нас они чувствовали себя в водной среде, хорошо плавали и умели передвигаться вертикально, выходя из Океана на сушу.

Старшие Матери сразу распознали в них разумных существ и передали нашему народу: гостеприимно встретить пришельцев. И мы делали все, что могли.

Я родилась спустя две тысячи поколений, но я говорю «мы», поскольку особенностью психики дельфинов является способность растворяться во Времени и осознавать себя живущей за тысячи поколений до твоей теперешней жизни.

Мы делали для них все, что могли. Приносили им пищу, они брали ее, но мы никогда не видели, как едят эти опустившиеся в воду

существа. Мы охраняли их от хищников, лишенных разума, и потом поняли, что вооружены они несравненно сильнее, нежели наш народ.

Правда, нам удалось спасти трех пришельцев. Мы не поняли, что случилось, но увидели вдруг, как начали опускаться они на дно, не властные над своими телами. Группа Отцов, наблюдавшая за пришельцами в стороне, мгновенно бросилась к ним и на своих спинах вынесла к поверхности.

Тогда и был установлен первый контакт с пришельцами. Через некоторое время все наши, находившиеся неподалеку от горы, опустившейся в Океан, слышали сигнал, выражающий благодарность. Все поняли, что нас благодарят пришельцы...

За первым сигналом последовали более сложные, иногда мы не понимали их и сообщали об этом пришельцам. Но постепенно мы научились поддерживать друг с другом связь.

Наши сигналы в чистом виде пришельцы не воспринимали. Они создали сложное устройство, и это устройство переводило нашу речь на их язык. Так же поступали они и тогда, когда хотели сказать что-нибудь нам.

Наш народ подружился с пришельцами. Мы узнали от них о существовании других миров, их посетили пришельцы до того, как опуститься в наш Океан, о культуре и жизни мира, где родились наши гости. А мы рассказывали им о тайнах Океана, собирали образцы камней, растений и живых обитателей, чтоб они могли показать своему народу, какова жизнь в нашем Океане.

Но всему приходит конец. И вот настало время, когда пришельцы должны были нас покинуть. В последний раз собрались вместе с ними наши Старшие Матери. И тогда они сказали пришельцам:

— Давно, очень давно существует наш народ, обладатель разумного начала в Океане. И всегда мы считали, что главная цель нашего народа — существовать. И все, что мы делали, мы делали для этого и ради этого.

Но появились вы, существа из другого мира, и нам стало понятно, что жизнь наша лишена цели. Ведь вы тоже создали идеальные условия существования вашего вида на родной планете. Но это не удовлетворило вас, вы покинули свой мир и скитаетесь во Вселенной в поисках новых миров. Что движет вами? Тяга к знаниям? Мы тоже стремимся узнать побольше. Многие знания, позволяющие нам одолевать темные, непонятные пока для нас силы Океана, хранятся в

слоях его, заменяя нам библиотеки и музеи. Более того, одна из самых главных обязанностей дельфина — сообщать обо всем интересном и важном всем остальным. Но почему мы не рвемся куда-то, почему нет у нас всеобъемлющей, охватившей все наши помыслы цели? Ведь мы тоже разумные существа...

Пришельцы долго обдумывали ответ, а Старшие Матери терпеливо ждали его. Наконец пришельцы нам ответили.

— Во время наших странствий по Галактике мы встречали цивилизации, которые замкнулись в своем развитии, достигнув высокой его степени. Они потеряли стремление к движению вперед, одержимость в одолении препятствий... Трудно сказать, довольны ли жизнью обладатели Разума, свернувшегося в замкнутое кольцо... Но никто не вправе определить развитие чужой судьбы. Поскольку же вы сами говорите, что не удовлетворены своим существованием, значит, вы понимаете, что одного лишь существования и безмятежного гармоничного слияния с природой недостаточно. Мы понимаем, как важна для дальнейшего развития разумного вида цель. Мы попробуем дать ее вам, хотя хотелось бы, чтоб эту цель нашли вы сами...

И Треххвостые пришельцы рассказали Старшим Матерям, что за границей Океана, на суше, откуда мы сами когда-то пришли, появился новый разумный вид. Эти существа, так же как и мы, теплокровны и дышат тем же воздухом, что и дети Океана. Они передвигаются, опираясь двумя конечностями о землю, живут стаями, как рыбы, у них зародилось уже подобие членораздельной речи. Их разум еще дик и темен, но пришельцы считают, что существа эти выживут и создадут новую разумную цивилизацию на твердой поверхности нашего мира.

— Они развиваются очень быстро, эти наши младшие братья, — сказали нам пришельцы, — но пока они влачат жалкое существование. Мы хотели помочь им, но поняли, что только в самостоятельной борьбе с природой они обретут свободу. Эти двуногие уже пытаются воспользоваться дарами Океана, они ловят в нем рыбу, и рано или поздно вы столкнетесь с ними. Вот ваша цель: помогите им, разумные жители Океана, научите их тому, что умеете сами, передайте свои знания, вступите с ними в контакт. Ведь вы родились на одной планете и скорее поймете друг друга.

Эти существа, возможно, будут причинять вам много неприятностей. Не озлобляйтесь, помните, что ваш разум гораздо более древний, а это — дети, которых еще долго придется вам наставлять на

истинный путь. И может быть, они вырастут такими же беспокойными, как мы, и будут стремиться покинуть свою благоустроенную колыбель. И тогда через них вы обретете то, чего не хватает вам, жителям Океана, сегодня...

Так сказали пришельцы и вскоре исчезли, чтоб никогда уже не вернуться. Старшие Матери долго обдумывали слова пришельцев и потом согласились с ними. И началась в Океане Эпоха Цели.

ВТОРОЙ РАССКАЗ ФИСТ-КЫХ

О тех давних временах, когда дельфины вернулись в Океан, даже у нас не сохранилось ясного представления. Бесспорно одно: и люди, и дельфины на заре возникновения земной жизни вышли из Океана. И имели, по-видимому, общего предшественника. А затем пути эволюции разошлись. Ваши родоначальники остались на суше и стали людьми. Миллионы лет назад, когда земли было меньше, чем сейчас, кому-то необходимо было вернуться в Океан. Это и сделали наши далекие предки.

Трудно сказать, кто выиграл от этого разделения сфер существования. Вы создали цивилизацию, которая позволила создавать искусственную среду для обитания. Вы строите жилища, производите разные предметы, вещи и носите искусственный покров, который называете одеждой.

Вернувшиеся в лоно предков дельфины стали совершенствоваться в пределах каждого индивида. В воде мы становимся невесомыми, и силы мышц нам достаточно для передвижения в любом направлении. Поэтому нам не нужны ваши летательные аппараты, ваши корабли, ваши громоздкие и дорогостоящие приспособления, увеличивающие вашу скорость движения в родной стихии — на земле.

Каждый дельфин воплощает в самом себе все достижения нашей цивилизации.

Океан населяют не только дельфины, но и множество иных существ. Об этом вам хорошо известно. Но только мы, дельфины, способны сохранять и передавать из поколения в поколение всю накопленную информацию.

Мы все равны и каждый вид — дельфины, киты, белухи — разумен по-своему, у каждого вида своя жизнь, мы не мешаем друг

другу. Океан велик и щедр к своим детям.

Основу общества дельфинов составляет семья. Во главе ее стоит Старшая Мать. Старшая потому, что в этой семье есть и другие матери, ведь каждая семья объединяет до одиннадцати поколений.

Наши мужья не живут с нами вместе. Они составляют отдельную группу Отцов и находятся поодаль, готовые тем не менее всегда прийти на помощь своим детям и женам.

Большое число поколений в одной семье позволяет сосредоточивать в ней множество полезных сведений об особенностях Океана, уловках наших врагов, событиях прошлого времени.

У нас есть история рода, мы передаем ее из поколения в поколение, и каждая Старшая Мать хранит в своей памяти во всех подробностях события того времени, когда в Океан опустились пришельцы и принесли нам Эпоху Цели.

Как бы ни был совершенен мозг, он не в состоянии вместить информацию, собранную миллионами себе подобных за миллионы лет. На помощь нам приходит Океан. На определенных глубинах простираются его Особые слои. На них мы записываем все сведения и при необходимости можем всегда ими воспользоваться. Как это происходит, какой принцип положен здесь в основу — этого я не могу объяснить, так как на земном языке нет таких понятий, аналогов.

Океан служит для нас и гигантской сетью связи — и друг с другом, и между отдельными группами. В Океане есть подводные звуковые каналы, каналы-волноводы. По этим каналам звуки, особенно те, какие вы называете низкочастотными и инфразвуками, проходят, не теряя силы, по несколько тысяч километров. Это дает нам возможность в любую минуту связаться с любым из сородичей. На всей линии связи у нас есть маяки, они служат для ориентировки при перемещении по Океану.

Кроме того, при дальних плаваниях по Океану мы ориентируемся по солнцу, луне, звездам, а также по вкусу морской воды и различным запахам, растворенным в ней.

Дельфины непосредственно превращают звук в зрительный образ, и наоборот. Мы можем передавать друг другу любую зрительную ситуацию.

Что же составляет основу нашего внутреннего, духовного мира?

Мы давно следим за вами, люди. Еще с тех пор, когда пришельцы поручили нам опекать наших земных братьев. Мы знаем, что как

только первый человек, увидев плывущее дерево, решил отправиться на нем по Океану, он и его потомки стали одержимы Идеей Проникновения.

Люди начали с освоения Океана. Вначале они плавали по его поверхности, постоянно совершенствуя свои корабли. Затем они стали проникать в морские глубины.

В последние годы люди принялись за исследования неба. Человечество рвется к нему, жертвуя своими сыновьями, чьи тела мы не раз находили среди обломков упавших в море аппаратов. И пытались спасти, но они погибали раньше, чем падали в волны.

Теперь мы видим, как люди в своих стремлениях, поисках цели становятся похожими на тех далеких пришельцев, и дивимся мудрости их.

В последние годы Совет Старших Матерей — они координируют всю деятельность нашего вида, связанную с осуществлением задач Эпохи Цели, — предпринимал самые активные попытки установить связь с Человечеством.

Смелые и наиболее мудрые из нас жертвовали своей жизнью во имя Цели. Мы знаем, что люди не признают нас разумными существами, ловят дельфинов крепкими, неподдающимися нашим зубам сетями, убивают так же, как и других, лишенных разума обитателей Океана.

Раньше мы жили с людьми как добрые соседи. Люди обращались к нам за советом и помощью, и мы спасали их в море, загоняли рыбу в сети, получая за это вознаграждение от рыбаков. Дельфины умеют ловить рыбу несравненно лучше, но свою долю мы брали, чтоб не обидеть людей.

Мы понимали, что земные братья наши считают нас прирученными животными, и пока довольствовались этим, полагая, что по мере дальнейшего развития цивилизации на земле люди придут к полному духовному общению с нами.

Но вскоре все изменилось.

Люди принялись уничтожать дельфинов. Нам ничего не стоило уйти от такой участи. Океан велик, и места в нем много. Но Совет Старших Матерей решил, что мы не имеем на это права. Мы обязаны идти и идти к человеку, пытаюсь связаться с ним, даже если эти попытки приносят дельфинам смерть. Ведь и люди жертвуют собою, пытаюсь проникнуть в Океан.

Наши сородичи сами шли в сети, подплывали к тем участкам суши, где в воду устремлялись большие массы людей. Мы пытались вступить в контакт с человеком. Но человек не понимал нас.

Мы меняли тактику, изобретали другие методы. Все оставалось прежним. Мы проводили ваши суда в опасных местах, наводили рыбаков на косяки рыбы, спасали тонувших в воде людей. Время от времени большие группы дельфинов появлялись в определенном месте строго в определенное время, стараясь периодичностью и постоянством появления привлечь внимание людей.

Время от времени мы шли на крайние меры. По принципу, который вы, люди, называете добровольным, дельфины группами и в одиночку выбрасывались на землю в надежде привлечь внимание людей.

Все было напрасно.

И вот в последний период мы заметили, что люди заинтересовались нами. Появились устройства, где дельфинов изолировали от Океана и подолгу держали, предлагая выполнять ряд действий, которые для человека имели определенное значение. Дельфины с большой охотой выполняли их, ведь это соответствовало и нашим намерениям, и подробно информировали нас, Старших Матерей.

Стало ясно, что и человек ищет способ связаться с нами. Для нас такая новость была большой радостью. Мы поняли, что скоро завершится Эпоха Цели, ибо Цель будет достигнута.

С чем шли мы к людям? Более пятидесяти миллионов лет назад наши предки вернулись в Океан, мы накопили огромные знания, но они оседают в Особых слоях Океана бесполезным грузом. Они будут переданы людям. Мы поможем вам проникнуть в Океан, мы сделаем для вас все, и наградой нам за это будет осознание того, что мы достигли Цели: объединились с разумными собратьями. И может быть, люди передадут нашим потомкам свою жажду Поиска, свою Идею Проникновения...

«ЧЕРНЫЙ ЯЩИК» ИНЖЕНЕРА УЭДЫ

Фаситор одним из первых узнал об установлении контакта между дельфинами и людьми. Едва он получил сообщение о свершившемся, как сразу же направился в тот район Океана, где сотрудники из лаборатории профессора Накамуры производили отлов дельфинов.

Вернее, это им казалось, что они ловят дельфинов. На самом деле весть о достижении Цели распространилась по Океану, и выделенные Советом Старших Матерей для контакта с людьми дельфины сами шли в расставленные для них сети.

Когда Фаситор появился в океанариуме, Фист-ких уже не раз беседовала с профессором Накамура. Она рассказывала ему о своем роде, об Эпохе Цели, об устройстве дельфиньего общества. Она знала также и о том, что Старшему Самураю для блага всего человечества нужна помощь собратьев из Океана.

Совет Старших Матерей уполномочил Фист-ких развивать контакты со Старшим Самураем. Совет считал, что профессор Накамура представляет весь род человеческий и действует по его поручению.

Смысл просьбы профессора Накамуры сводился к следующему.

Он разъяснил Фист-ких, что люди построили множество различных кораблей, позволяющих им передвигаться по Океану и даже в его глубинах. Это не было неожиданностью для Старшей Матери. Такие корабли существовали еще задолго до ее рождения. Но случилось так, заявил ей Старший Самурай, что отдельные из этих кораблей вдруг вышли из повиновения и нападают на своих создателей и на те суда, которые остались послушны людям, топят их, уничтожают вместе с людьми, разрушают их жилища на берегу. И люди, сказал профессор Накамура, отчаялись. Они никак не могут одолеть вышедшие из повиновения машины.

Совет Старших Матерей, наблюдавший в последнее время, что в Океане действительно происходит нечто странное, подтверждающее слова профессора Накамуры, принял решение оказывать помощь людям. Понятие «война» дельфинам не было известно. Не знали они и что такое ложь...

Профессор Накамура предупредил Фист-ких, что выполнение его просьбы, просьбы от имени Человечества, будет сопряжено с определенными жертвами для дельфинов. Они попросту будут исчезать из жизни, принося тем самым добро людям.

Совет Старших Матерей принял к сведению предупреждение Старшего Самурая и широко оповестил Океан, зная, что тем не менее недостатка в добровольцах пожертвовать собой ради достижения Цели не будет.

Дельфины получали инструктаж от профессора Накамуры, напутствие Старшей Матери Фист-ких и попадали в распоряжение капитана Мицуёси Набунаги. На подводной лодке, в специально оборудованном на ней аквариуме, он увозил дельфинов с острова. Назад они не возвращались...

Фаситор прибыл в лабораторию профессора Накамуры уже после появления там Фист-ких.

Дельфин Фаситор был Старшим Отцом, руководил объединением взрослых дельфинов-мужей, которые держатся в общем роду несколько особняком. Хотя у дельфинов нет никакой власти одних над другими, в человеческом смысле, Фаситор все-таки занимал положение, приблизительно равное со Старшей Матерью Фист-ких.

Когда профессор Накамура узнал о прибытии Фаситора и о его готовности пожертвовать собой, он предложил оставить Старшего Отца в океанариуме. Накамура заявил, что в лаборатории Фаситор принесет гораздо больше пользы, наставляя вместе с Фист-ких младших сородичей.

Для проведения операции «Фуэ» руководитель секретной военной лаборатории профессор Накамура предпочитал использовать молодых дельфинов.

* * *

— Вы бывали у нас в стране? — спросил у Степана Аритомо Ямада.

— Да, — ответил Бакшеев, — мне довелось трижды приезжать в Японию.

— И конечно, приезжали в Киото?

— Разумеется. Посетить Киото считает своим долгом каждый гость вашей страны, ведь это настоящий музей древнеяпонской архитектуры!..

— А не довелось ли вам увидеть Философский сад?

— Я слышал о нем, но видеть не доводилось.

— Жаль... Философский сад существует более шестисот лет. Расположен он при одном из буддийских храмов и предназначался для тех, кто хотел бы погрузиться в медитацию, уйти в себя, в самоуглубление. Пожелавший этого проходил на деревянный помост,

покрытый ровным слоем песка, среди которого в определенном порядке размещены камни. Их шестнадцать, разной формы и высоты, шестнадцать серых камней среди желтого песка. Вы садитесь на помосте и видите перед собой пятнадцать камней...

Аритомо Ямада замолк.

— Но вы сказали — шестнадцать, — осторожно заметил Бакшеев.

— Нет, я не оговорился. Камней действительно шестнадцать, и в этом легко убедиться, стоит лишь пройти вдоль помоста и пересчитать камни. Но если вы остановитесь, то, в какой бы точке помоста ни сели, вы будете видеть лишь пятнадцать камней, вы не увидите все камни одновременно. И вот, чем больше вы остаетесь в этом саду, с тем большей силой охватывает вас желание увидеть все камни сразу, хотя вы уже убедились, что это невозможно. Наверное, создатели сада хотели показать всем тем, кто приходил в него, что никому не доступно до конца узнать истину, — познание не может исчерпать себя без остатка, и для каждого человека существует шестнадцатый, скрытый от него, камень Неведомого.

— Да, — сказал Степан, — вам следует добавить еще, что мир познаваем в бесконечной цепи человеческих поколений, и я с радостью констатирую вашу принадлежность к материалистам.

— А я и не протестую против зачисления в эту категорию, хотя формально считаюсь буддистом, по семейной традиции все Ямада — буддисты. Кроме моего отца, разумеется.

— Странно... Я уже думал об этом. Ведь в Японии много буддистов, а неотъемлемой частью этой религии является протест против любых войн. Как это сочетать с японским милитаризмом, духом военщины, экспансионистскими тенденциями? Извините меня, Аритомо...

— Вы вправе задать мне этот вопрос, Степан, хотя мне и не просто на него ответить. Я ведь сказал уже, что большинство японцев исповедуют определенную религию по традиции. Кстати, в Японии достаточно и христиан с их десятью заповедями, которые они, как и их европейские братья по Дзэсусу Кирисито — по-вашему Иисусу Христу — успешно нарушают, и в первую очередь заповедь «Не убий!». Кроме того, надо учитывать нашу национальную психологию, исторические условия развития страны. Японцам всегда было тесно на дрожащих от подземных толчков островах. В то же время японские власти всеми средствами сдерживали проникновение западной

цивилизации на острова, отгораживались от внешнего мира. А затем сработал эффект пружины... Кроме того, большое значение в поддержании такого духа, о котором вы говорили, Степан, имело «бусидо».

— Свод моральных устоев, которыми должно руководствоваться японское рыцарство? — спросил Бакшеев.

— Да, — ответил Ямада, — вы довольно точно охарактеризовали суть «бусидо». С незапамятных времен «бусидо» искусственно культивировалось в нашей стране, его пытались представить как концентрированное выражение японского национального духа.

— Понимаю, — сказал Бакшеев. — Мне думается, японский народ прежде всего надо воспитывать в духе миролюбия и добрососедского отношения к остальным.

— Так будет! Должно быть, я верю в это! — воскликнул Аритомо Ямада.

Степан молча положил руку на плечо своего нового друга.

* * *

...Они сидели на краю бассейна и смотрели, как резвится в воде пара молодых дельфинов: Фката-си и Фтирис. По указанию профессора Накамуры Степан и Аритомо только что провели с дельфинами сеанс обучения человеческому языку.

— Какой интерес преследует профессор Накамура, заставляя нас учить их этому? — спросил Степан. — Ведь с помощью его аппарата — кстати, как он его называет? — можно беседовать с дельфинами совершенно свободно...

— Не знаю, — ответил Ямада, — но цель тут какая-то есть. Может быть, где-то там, куда отправляют дельфинов, с ними тоже приходится объясняться. А аппарат — его называют «Голос Нихона» — всего один. Тамики Уэда создал его в одном экземпляре.

— Но ведь можно, изучив его устройства, построить новые?

— Нет, это невозможно. «Голос Нихона» — типичный «черный ящик». Он действует, но никто, кроме Тамики Уэды, не может объяснить, почему он действует. А инженер Уэда уже никогда больше ничего не объяснит.

— Странно, что профессор Накамура убрал его, не постигнув тайны аппарата...

— Я уже думал об этом, — сказал Аритомо. — Очевидно, Уэда проник в тайну исчезновения дельфинов из океанариума. Когда-нибудь мы узнаем об этом.

Он поднялся, подошел к лесенке, уходящей в воду бассейна, сел на ступеньку и хлопнул ладонями. Фтирис и Фката-си мгновенно перестали носиться и подплыли к Аритомо Ямаде.

— Фтирис, сейчас очередь Фката-си, — сказал Аритомо Ямада, — подожди в стороне.

Фтирис крикнул, перевернулся и отплыл к стене бассейна. Фката-си терпеливо ждала, когда человек начнет обучать ее своему языку.

— Направления «вправо» и «влево» мы разучили, — сказал Ямада. — Сейчас разучим «вниз» и «вверх».

Фката-си внимательно посматривала на него.

Аритомо вновь поднял руку.

— Вниз!

Стремительно нырнув, Фката-си вновь заняла прежнее положение.

— Вверх!

И эта команда была быстро усвоена.

— Молодец, — сказал Аритомо. — Дайте ей рыбину!

Бакшеев сунул руку в корзину с рыбой и протянул Фката-си. Она издала звук, напоминающий скрип ржавых дверных петель, в воздухе мелькнуло стремительное тело, и челюсти, усеянные острыми зубами, аккуратно приняли рыбу из рук Степана.

Фката-си подплыла к Фтирису, наблюдавшему за всем со стороны, передала ему рыбу и, высунув голову из воды, прокричала:

— Хор-р-р-рошо!

У Фтириса дело пошло еще быстрее. Ведь он видел предыдущий урок и сразу понял, что хотят от него люди.

— Какая быстрота усвоения! — сказал Степан.

— Это и понятно. Ведь и Фката-си, и Фтирис прошли беседу с Накамурой. Они знают о контакте, их восприимчивость обострилась оттого, что теперь они осведомлены относительно намерений людей.

— Конечно, все это так, я понимаю, и все же зрелище бесподобное. Вы-то к этому уже привыкли, а у нас с профессором Ветровым, к сожалению, не было «черного ящика» инженера Уэды.

После усвоения дельфинами команд «вперед» и «назад» Аритомо Ямада решил закончить урок.

— Хотите сигарету? — предложил он Бакшееву.

— Давайте, — сказал Степан.

Они закурили, наблюдая, как служители открывают ворота, соединяющие бассейны. Едва они были открыты, Фката-си и Фтирис выскользнули в общий бассейн.

На площадке, повисшей над одним из бассейнов и соединенной переходным мостиком с внутренними помещениями лаборатории, вдруг возникла фигура Косаку Хироси.

Патологоанатом неизменно улыбался.

— Господин профессор просит вас проследовать к нему, Ямадасан, — сообщил он.

Аритомо Ямада отшвырнул окурок сигареты.

— Хорошо. Сейчас иду.

Косаку Хироси приветливо помахал Степану рукой и стал спускаться вниз.

— Как ваши успехи? — спросил он Бакшеева.

Степан пожал плечами.

— Работаем по программе профессора Накамуры, — сказал он.

— Аритомо Ямада — талантливый ученый, — заметил Хироси. — Мы учились с ним вместе в университете. Уже студентом он поражал профессоров своей эрудицией и оригинальностью мышления.

— Вы учились вместе? — спросил Степан.

— Конечно. Аритомо Ямада ничего не говорил вам обо мне? Скрытность — особенность его характера. Вы заметили, что он, мягко говоря, недолюбливает меня?

— Видите ли... — начал Степан.

— Нет, нет, я не жду ответа. Ваше положение весьма сложное, и мне не хотелось бы усложнять его еще больше. Дело в том, что еще в университете нам с Аритомо нравилась одна девушка. Нас было двое, и она предпочла меня. Я хотел жениться на ней, но вдруг выяснилось, что невеста тяжело больна. Это меня не остановило, но она не захотела выйти за меня замуж и покончила с собой. С той поры Аритомо Ямада стал считать меня своим врагом.

«Если он не врет, то Аритомо напрасно так бросается на Хироси, — подумал Бакшеев. — Возможно, его стоит привлечь на свою сторону».

— У меня в Японии старая, больная мать, — продолжал Хироси. — Ради нее я поехал сюда, на остров. Ведь здесь хорошо платят, и работа в лаборатории профессора Накамуры освобождает от военной службы...

— А мне казалось, что каждый японец считает честью для себя воевать за божественного императора, — усмехнулся Степан.

— Вы глубоко ошибаетесь. Многим моим соотечественникам не по душе эта война, — сказал Хироси. — Вы человек с другого берега, и я могу прямо сказать вам об этом.

«Уж не провокатор ли?» — подумал Бакшеев.

— И вот попадаешь в такое место... — Косаку Хироси обвел рукою вокруг. — В такое место, и рядом никого, с кем можно было бы поделиться своими сомнениями.

— Вы ведь приехали сюда с Тиэми Тода? — перебил его Бакшеев, уловив странное выражение его глаз.

— Да, с нею я работал в клинике в Йокогаме. Тиэми Тода хорошая девушка. Чем-то похожа она на покойную мою невесту. Но в последнее время она изменилась. Не понимаю, что с нею творится...

«Может быть, он действительно просто одинокий человек... Тогда ему по-настоящему плохо. Кажется, Косаку Хироси стоящий парень», — подумал Степан.

— Знаете, — оживился вдруг Хироси, — мне пришла в голову мысль устроить подводную прогулку. Вы, Тиэми Тода, ну и я. Может быть, удастся уговорить Аритомо Ямаду? Хотя вряд ли, со мною вместе он не пойдет. Вот если только вы его пригласите...

— А почему бы и нет? — сказал Бакшеев.

«Прогулки по дну бухты — это совсем неплохо, — подумал он. — Глядишь — и наткнусь на выход из этой вулканической западни. Ведь попала же сюда каким-то образом рыба-меч...»

— Давайте организуем прогулку завтра, — предложил Хироси. — Я возьму на себя получение пропусков у майора Масаси Кэндо.

— Хорошо, — согласился Бакшеев, — давайте на завтра. С Аритомо Ямадой я переговорю.

Бакшеев протянул Хироси руку, повернулся и медленно побрел в сторону выхода из океанариума на берег бухты.

Еще тогда, во время прогулки по бухте с Аритомо Ямадой, он показал Степану направление на выход из бухты в океан.

— Сейчас выход перекрыт и тщательно охраняется людьми майора Масаси Кэндо, — сказал Ямада Бакшееву.

И теперь Степан решил обследовать берег бухты и подойти по возможности поближе к выходу из нее.

Вдоль берега тянулась вымощенная обломками камней и присыпанная песком пешеходная дорожка. Бакшеев медленно брел по ней, изредка останавливался, поднимал камешек и бросал его в фиолетовую воду бухты. Постепенно он обошел треть всей окружности, замкнувшей скалами поверхность бухты. Основной конус вулкана с океанариумом, причалом для стоянки подводных лодок и лабораторией оставался у Бакшеева за спиной, впереди он увидел, сразу за поворотом, большой, в три человеческих роста, камень, камень напоминал присевшего у воды медведя. Степан остановился, рассматривая его. Ему вдруг захотелось повернуться, и Степан не мог понять, почему этого ему захотелось. Степан повернулся и вздрогнул.

Позади, метрах в пяти, держа автоматы у пояса, стояли два охранника в форме канареечного цвета.

До выхода из бухты оставалось метров сто пятьдесят, ну, может быть, двести.

— Нельзя, — сказал тот, что стоял справа. Он шевельнул автоматом. — Пожалуйста, назад.

«М-да, — сказал про себя Бакшеев. — Но откуда они так неожиданно появились?»

Он шагнул к ним навстречу, огромный, светлые волосы, отросшие за последние недели, копной громоздились на голове и спадали к плечам. Охранники едва достигали ему до груди. Степан шагнул к ним навстречу, они не дрогнули, и только один из охранников приподнял ствол автомата.

Степан сделал второй шаг, и желтые охранники отступили в сторону, пропуская его.

Он неторопливо прошел мимо них и через полсотни метров повернулся.

Позади никого не было.

«Чудеса, — подумал Бакшеев. — Видно, этот Масаси Кэндо действительно знает свое дело».

Когда он расстался с Косаку Хироси, было уже далеко за полдень. Часов у Бакшеева не было, его старые «кировские» отобрали при аресте, а новых ему никто не догадался презентовать, и Степан не знал, сколько времени провел он, бродя среди скал, заполнивших берег. Сейчас солнце уже цеплялось диском за причудливые выступы утесов, и Степан прибавил шагу, не решаясь задержаться здесь до наступления темноты.

Он прыгал с камня на камень, торопливо шагал там, где направление дорожки совпадало с прямой линией на вход во внутреннюю часть бухты, и сворачивал с нее, снова прыгая по камням там, где дорожка уходила в сторону.

Неожиданно один из камней, на него Степан едва успел встать ногой, подломился, и, потеряв равновесие, Бакшеев упал, сильно ушибив правую руку.

Ругая себя за неосторожность, он поднялся на ноги и вдруг увидел, что камень, который подвел его, скрывает собою какой-то предмет. Видно, спрятан он был надежно, но камень повернулся под ногой Бакшеева, невольно открыв то, что скрывалось под ним. Степан наклонился и увидел небольшую резиновую сумку. Он оглянулся по сторонам и осторожно взял ее в руки. «Странная находка, — подумал он. — Это спрятано здесь неспроста...»

Он внимательно осмотрел ее, снова огляделся, присел на корточки и попробовал открыть сумку. Сначала это ему не удавалось, потом Степан разгадал секрет запора сумки и открыл ее. Там был портативный радиопередатчик.

«Дела, — подумал Бакшеев. — Вот это находка! Но чей он, кто спрятал здесь радиопередатчик? Разумеется, это не филиал официальной островной радиостанции. А что же тогда? Кто его хозяин? Кто-нибудь из обитателей острова? Он связывается с внешним миром без ведома профессора Накамуры и майора Масаси Кэндо? Но кто он? Кто?»

Бакшеев аккуратно закрыл резиновую сумку, уложил ее на прежнее место и прикрыл камнем. «Надо разыскать Аритомо Ямаду, посоветоваться с ним», — подумал Степан.

Постепенно темнело, и, когда Степан подошел к входу в океанариум, на небе проклюнулись первые звезды.

Бассейны были ярко освещены электрическими люстрами. Движение дельфинов привлекло внимание Степана, и он подошел поближе.

В углу неподвижно застыла в воде Фист-ких. Рядом держался старый дельфин-отец Фаситор. Группа молодежи шумела — свистела, верещала, ухала, повизгивала — в центре бассейна.

Степан различил среди других дельфинов Фката-си и Фтириса. Вот Фтирис высунулся на половину корпуса из воды и крикнул:

— Внимание! Начали!

Конечно, голос его лишь отдаленно напоминал человеческий, но эти два слова, произнесенные по-японски, Бакшеев отчетливо различил.

Группа молодых дельфинов отплыла к стенке бассейна, освободив его среднюю часть. Это место заняла Фката-си, а Фтирис отодвинулся к противоположной стене. Изумленный Степан, забыв обо всем на свете, следил за этими приготовлениями.

Вот Фтирис вновь высунулся из воды, и Степан услышал команду:

— Вправо!

Фката-си тут же бросилась в правую от Фтириса сторону.

— Назад!

И Фката-си вернулась на место.

— Вниз!

И, изогнувшись, веретенообразное тело Фката-си шло на дно бассейна.

«Вот уж этого я не ожидал, — подумал Степан. — Ведь они обучают друг друга человеческому языку!»

Вдруг он увидел Фист-ких. Сопровождаемая Фаситором, она медленно направилась к нему.

Старшая Мать и Фаситор остановились в метре от стенки бассейна, у самых ног Бакшеева, и разом подняли головы, пытливо разглядывая его маленькими умными глазами.

«Чего они хотят? — подумал Степан. — Будто вот-вот заговорят со мной...»

Фаситор открыл пасть, заскрипел, дважды свистнул, заскрежетал, словно водил напильником по бруску железа.

Степан видел, как двигалось у Фаситора дыхало, вот Фаситор смолк, но дыхало продолжало вибрировать, и Бакшеев понял, что

дельфин издает звуки, неразличимые для человеческого уха.

«Черт возьми, — подумал Степан, — сюда бы «ящик» Тамики Уэды».

Он подумал еще, что надо позвать Аритомо Ямаду и рассказать о только что увиденном уроке человеческого языка, и Степан решил было идти за ним. В это время Фаситор перестал «говорить» ультразвуком. Фист-кых тоже молчала, молодежь сгрудилась, прекратив занятия, Фтирис подталкивал боком Фката-си. Бакшеев собрался идти и вдруг почувствовал, как чья-то рука сжала его локоть.

— Пытаетесь разговаривать с Фаситором? — услышал он голос Аритомо Ямады.

— К сожалению, это пока невозможно, — сказал Степан. — А ведь они явно хотят сообщить нам что-то важное.

— Мне это тоже приходило в голову. И Фист-кых, и Фаситор в последнее время ведут себя довольно странно.

— А вы знаете, что я видел сейчас?

И Степан рассказал Аритомо о том, как Фтирис и Фката-си обучали молодых дельфинов человеческому языку. О радиопередатчике, найденном на берегу, он попросту забыл в ту минуту.

— Очень интересно, — сказал Ямада. — Жаль, что они прекратили это. Завтра попробуем вызвать их на такое действие. Вообще я давно отметил, что «посвященные» каким-то удивительно быстрым способом передают свой опыт другим, и те обучаются почти мгновенно.

— Да, — согласился Бакшеев, — в лаборатории профессора Ветрова мы всегда отмечали, что в своей страсти к новому и необычному познанию дельфины где-то сходны с человеком, с его жаждой исследований и творчества. Дельфины ведь зачастую сами изобретают оригинальные игры и трюки. И это очень важный фактор, профессор Ветров придавал ему большое значение.

— А не задумывались ли вы тогда, в своем институте, что дельфины воспринимают навязанную им тренировку обучения различным трюкам как своего рода игру, которая поможет добиться взаимопонимания с человеком? — спросил Ямада.

— Признаюсь, такие мысли приходили в голову всем нам, а профессор Ветров, по-моему, никогда не сомневался в разумности дельфинов. И теперь вот выяснилось, что он был совершенно прав... Да! — вдруг вспомнил Степан. — На берегу я нашел радиопередатчик.

Ямада резко остановился — они шли уже во внутреннее помещение, — оглянулся по сторонам и схватил Бакшеева за рукав.

— Радиопередатчик? — переспросил он. — Каким образом?

Бакшеев стал рассказывать о своей прогулке, желтых охранниках и о камне, где он обнаружил рацию.

— Надеюсь, вы оставили все на месте? — спросил Аритомо.

— Да, я решил, что полезнее сначала выяснить, кому принадлежит рация.

— Конечно. Завтра вы покажете, где она, и мы поочередно будем наблюдать.

* * *

Фаситору не по душе были и остров, и бассейн, и аппаратура профессора Накамуры, и сам профессор. Фаситор намеревался поделиться этой неясной тревогой с Фист-кых, но, не имея конкретных фактов, подкрепляющих сигналы его подсознания, решил выждать, разобраться в причинах, порождающих необъяснимое пока чувство тревоги.

Потом поступил запрос Совета Старших Матерей. Совет просил уточнить у человека, первым вступившего в контакт с дельфинами, почему он, Старший Самурай, так настойчиво требует у них уничтожения определенных кораблей. Дело в том, что случайно оказавшиеся в местах их гибели дельфины обнаружили после взрыва мертвых людей. Совет хотел знать, нет ли здесь какой-либо связи. И если связь есть, если уничтожение взбунтовавшихся машин ведет к гибели людей, то дельфины не могут участвовать в этом. Надо искать другие пути, не причиняющие зла человеку. Возможно, Старший Самурай не осведомлен. Следовательно, необходимо сообщить ему об этих обстоятельствах.

Но в последнее время Фист-кых, как и Фаситора тоже, не приглашали на беседы с профессором Накамурой. И вскоре они узнали через связного, дежурившего у входа в бухту со стороны Океана, что два их сородича отказались выполнять просьбу Старшего Самурая и его помощника. Они шли в атаку на взбунтовавшийся корабль, и вдруг один из них сообщил по каналу Всеобщей Связи: «Вижу на корабле людей. В результате уничтожения машины гибель их неизбежна. Очевидно,

произошла ошибка. Принимаю решение погибнуть самому — корабль не трогать». Затем он обменялся коротким сообщением со своим напарником, и тот разделил его участь. Дельфины погибли, не тронув корабль, потому что там оказались люди.

Совет Старших Матерей вновь запросил Фист-кых и Фаситора, но они ничего не могли сообщить Совету. Профессор Накамура уклонялся от беседы с ними. Тогда Фаситор решил объясниться с Фист-кых. Но Старшая Мать ничего не сумела объяснить ему. Они решили подождать еще.

* * *

— Вы пойдете с нами? — спросил Степан у Аритомо Ямады:

— Нет, — ответил тот, — наверное, я не смогу составить вам компанию.

— Понимаю, — сказал Степан. — Вы не идете потому, что там будет Косаку Хироси. Но ведь не только он, но и Тиэми Тода, и я, наконец. Кроме того, я хочу использовать эту прогулку для поисков прохода. Помните рыбу-меч?

— Все это так, но дело не в Косаку Хироси, хотя мне совсем не улыбается спускаться с ним под воду. Я не доверяю этому человеку.

— Мне кажется, что вы несправедливы к нему, дорогой Аритомо Ямада.

— Так он рассказал вам об этом? Что ж, действительно, на первый взгляд может показаться, будто я отношусь к нему неприязненно из-за старого соперничества, окончившегося не в мою пользу. Нет, дело не в этом. Просто я убежден, что он причастен к смерти своей невесты. У меня нет никаких фактов, но я уверен, что это так...

Степан хотел возразить Аритомо Ямаде, но передумал.

— Прибыл капитан Мицуёси Набунага, — продолжал молодой японец. — Он просто почернел от злобы. Сразу потребовал встречи с профессором Накамурой, тот назначил ему время. Их встреча состоится в четырнадцать часов. Возможно, я смогу присутствовать при этой беседе. Разумеется, не явно. Об этом они ничего не узнают. Теперь вы понимаете, почему мне нельзя идти на подводную прогулку?

— О да, конечно, — ответил Степан, — извините меня за то, что я напомнил вам старую историю.

— Пустое, — сказал Аритомо Ямада. — Желаю вам отыскать выход из бухты. Будьте осторожны, смотрите, чтоб спутники ваши не нашли его вместе с вами.

* * *

Капитан Мицуёси Набунага резко вскочил на ноги и зашагал по комнате.

— Успокойтесь, — сказал Накамура, — вы самурай, а не слабая духом женщина.

Набунага остановился перед изображением божества милосердия — одиннадцатилицей и тысячерукой Каннон.

— Вам легко говорить о спокойствии, — произнес он глухо, — вы слишком большой человек для того, чтобы с вами случилось неожиданное, а я вынужден буду сделать себе харакири, если подобная неудача повторится.

— Что ж, о такой смерти мечтает всякий самурай. Но к делу. Значит, произошло все так, как на «Челленджере»?

— Именно так. Разве что взрыва было два, а не один. Ведь мы послали в атаку на этот авианосец четырех дельфинов. Сколько дней мы выслеживали его! И все полетело к чертям... Мы действовали по вашей инструкции. Дельфины спокойно позволили надеть на себя контейнеры со взрывчаткой, мы установили реле, объяснили им с помощью вашего кода предстоящую задачу и вывели на цель. И они пошли прямо к авианосцу. Но когда он был уже обречен и на палубе поднялась паника, вдруг дельфины отвернули от корабля, и каждая пара стала сближаться. Один за другим грохнули взрывы. Авианосец остался цел. Что происходит, сэнсей? Что стряслось с этими тварями? Может быть, они испугались?

— Это исключено, капитан, — произнес профессор. — Страх исключается. Здесь другое.

— Что ж? — нетерпеливо спросил капитан Набунага.

— Инстинкт. Запрет на любое зло, причиняемое человеку, стал у дельфинов инстинктом. Они наверняка увидели на палубе людей, сопоставили с этим информацию о прежних взрывах и пришли к выводу, что, если они взорвут авианосец, эти люди на палубе станут мертвецами, человечеству будет причинено зло. Вот и все, капитан.

— Но необходимо что-то предпринимать! — воскликнул Набунага.

— Недаром эта Фист-ких требует встречи со мной, — продолжал профессор Накамура. — Они все поняли или только догадываются... Первый тур мы свели вничью. Попробуем двинуть в игру русский козырь.

— Вы имеете в виду этого большевика?

— Вот именно. Я заставлю его убедить дельфинов в нашей лояльности по отношению к остальному человечеству. Что же касается истинной подоплеки, то этот доктор Бакшеев будет уверен в том, что льет воду на свою мельницу. Об этом я позабочусь...

— Я преклоняюсь перед вашим умом, сэнсей.

— На случай неудачи у меня заготовлен иной, на этот раз беспроигрышный вариант. Но всему свое время. Пойдемте в океанариум, посмотрим на «забастовщиков».

Профессор Накамура поднялся и в сопровождении капитана Мицуёси Набунаги вышел из комнаты.

За сотню метров от помещения, где происходил этот разговор, Аритомо Ямада снял с головы небольшие наушники и рукавом халата вытер со лба пот.

* * *

...Степан Бакшеев присел возле раковины и, склонив в сторону голову, заглянул под верхнюю створку. На бледно-лиловой поверхности мантии матово голубела большая жемчужина. Степан минуту любовался ею, потом оглянулся вокруг, подыскивая что-нибудь, чем можно было бы помешать раковине захлопнуть створки, когда он попытается избавиться ее от драгоценности. Он увидел продолговатый обломок скалы и протянул руку, чтобы поднять его.

И вдруг что-то налетело на Бакшеева, сбilo с ног, завертело, толкнуло и отбросило от раковины, и она тоже исчезла в клубах поднимавшегося со дна ила.

— Вы живы? — услышал он сдавленный голос Тиэми Тода.

Только теперь ощутил Степан ее руки, вцепившиеся ему в плечо.

— А почему я должен был умереть? — спросил он.

— Смотрите!

Мутная завеса редела, и Степан увидел. На том месте, где он только что любовался жемчужиной, возвышался огромный кусок базальта, способный накрыть и нескольких человек. Раковина-жемчужница осталась лежать под ним.

— Так это вы меня оттолкнули? — спросил Степан. — Он схватил руку Тиэми, спрятал в своих могучих ладонях... — Спасибо, — переходя от волнения на русский язык, сказал он.

Тиэми промолчала. Осторожно освободила она руку и поплыла прочь. Степан Бакшеев последовал за нею.

— А где Косаку? — спросил он, догоняя девушку.

Тиэми не ответила. И тут послышался голос Косаку Хироси.

— Где вы, друзья? Что случилось?

Слева появилась его фигура.

— Я чуть не сыграл в ящик, — сказал Степан, — то есть меня едва не убило обломком скалы. Спасибо Тиэми. Она выручила.

— Как же так, — растерянным голосом произнес Хироси. — Надо быть осторожнее... Плыдем домой?

— Да, пора уже, — ответил Степан. — Не стоит больше искушать судьбу.

Когда они сняли скафандры, Хироси вдруг заторопился в лабораторию.

— Я обещал господину профессору подготовить один важный материал. И совсем забыл про него... Извините, я ухожу, друзья.

Он ушел. Степан Бакшеев подошел к Тиэми Тода, положил руку на ее голову.

— Ту жемчужину... Я хотел подарить ее вам...

Тиэми вздрогнула, приникла к Степану и резко отстранилась.

— Вы большой и сильный, — сказала она. — И совсем не хитрый. Как ребенок. Надо уметь скрывать свои чувства и видеть чувства других. Этот человек вас ненавидит и хотел убить. Я видела, как Косаку Хироси столкнул камень...

ДЕЛЬФИНЫ УЗНАЮТ ПРАВДУ

С начальником охраны лаборатории и острова майором Масаси Кэндо Бакшеев столкнулся в коридоре, соединяющем жилые помещения со служебными. Степан разыскивал Аритомо Ямаду,

намереваясь рассказать ему о подводном приключении и последних словах Тиэми Тода.

— Вы торопитесь, господин Бакшеев? — улыбаясь, спросил Масаси Кэндо.

Степан остановился.

— Я задержу вас ненадолго, для вашего же блага, господин доктор. Дело в том, что вы неудачно выбираете места для прогулок. Мне сообщили, что вас задержали мои люди. Считаю своим долгом предупредить, что, если бы это произошло ночью, я не имел бы чести разговаривать с вами сейчас. Охрана получает фотографии всех обитателей острова, они узнали вас в лицо и предложили повернуть назад. Ночью же мои люди обязаны стрелять в любую тень, появившуюся за пределами лаборатории и океанариума...

— Понимаю, господин майор. А сейчас я могу быть свободным?

— О да, конечно!

Майор Кэндо поклонился и, продолжая улыбаться, скрылся за поворотом коридора.

«Вот вы и предупреждение получили, господин Бакшеев, — подумал Степан. — Теперь держите ухо востро!»

Он продолжал разыскивать Аритомо Ямаду, заглядывал повсюду и размышлял о зловещем намерении Косаку Хироси.

«Неужели это правда? Может быть, ей померещилось? Зачем Хироси убивать меня? Приказ Накамуры или происки Масаси Кэндо? Но убить меня можно и менее сложным способом. Нет, очевидно, я нужен им. Тогда Косаку Хироси представляет иные силы и вынужден действовать втайне и от майора, и от профессора. Втайне от всех. Но кто стоит за ним? Или девушка ошиблась?»

Эти мысли настолько заняли Бакшеева, что он не заметил показавшегося в боковом проходе Аритомо.

— Наконец-то! — воскликнул Ямада. — Я узнал, что вы вернулись, но нигде не мог отыскать вас.

— Я тоже искал вас, — сказал Степан.

— Нам нужно поговорить.

Они прошли к бассейнам океанариума и остановились у кромки одного из них.

— Эти-то, наверное, не выдадут нас профессору Накамуре и майору Масаси Кэндо, — грустно улыбаясь, сказал Бакшеев, кивнув на дельфинов.

Увидев у стенки бассейна людей, дельфины остановили все занятия и прислушивались к человеческим словам, высунув головы из воды.

— Если бы мы могли поговорить с ними так, как говорит Накамура, — с горечью сказал Аритомо Ямада. — Но вы, Степан, кажется, получите такую возможность...

— Я?! — переспросил удивленно Степан. — Каким образом?

— Сейчас расскажу. Но прежде о хозяине радиопередатчика. Я знаю его.

— Кто же он?

— Когда вы были на дне бухты, я выбрал удобный момент, вышел на берег бухты и спрятался за обломками скалы. С собой я взял морской бинокль. И вот через полчаса из воды показалась человеческая фигура в скафандре. Неизвестный огляделся по сторонам, подошел к камню, достал из-под него рацию. И тут он сбросил мешавшую ему маску. В бинокль я хорошо рассмотрел его лицо.

— И кто же это был?

— Косаку Хироси.

* * *

Когда Тиэми Тода вошла к нему в комнату, Косаку Хироси незаметным движением набросил край покрывала на обложку лежащей перед ним книги — томика Нагаи Кафу, — дабы не обнаружить перед девушкой своего пристрастия к эротической литературе.

— Я очень рад твоему визиту, Тиэми, — заговорил Хироси, поднимаясь. — В последнее время ты совсем позабыла обо мне. Почему ты избегаешь моего общества?

— Я ненадолго, Косаку, — сказала девушка. — Может быть, мне не следовало приходить сюда.

— Ну что ты, Тиэми. Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь. Я опечален тем, что твои глаза перестали лучиться, когда ты обращаешь их в мою сторону.

— Ты умеешь красиво говорить, Косаку Хироси, и, признаюсь, твои слова всегда задевали мое сердце. Но я перестала тебе верить. Скажи, за что ты хотел убить этого человека?

— Что с тобой, Тиэми? О чем ты говоришь?

— Ты прекрасно знаешь, о ком и о чем. Ты свалил скалу сегодня.

— Ах, ты про этого русского... Я давно заметил, что он нравится тебе, но не думал, что до такой степени. Ты даже обезумела от своих чувств к нему, Тиэми Тода. Для меня это большой удар. Уверяю, тебе показалось.

— Отвечай на мой вопрос, Косаку Хироси.

— Тебе просто померещилось. У меня и в мыслях не было ничего подобного.

— Померещилось? Хорошо, пусть будет так.

Тиэми Тода вышла. Косаку Хироси вытащил из-под покрывала спрятанный от глаз девушки томик Нагаи Кафу и злобно швырнул его в угол.

«Проклятая девчонка! — подумал он. — Она может выдать меня, и тогда все пропало. Конечно, покушение на этого русского можно подать как следствие ревности, но... Не хотелось бы иметь личные счеты с этим медведем. Да и Масаси Кэндо нельзя настораживать. И медлить нельзя. Сегодня же... Нет, сегодня не успею, тогда завтра... Да, завтра передам Гофману, чтоб субмарины были готовы к походу на остров. Примерные координаты мне уже известны, а потом, когда субмарины подойдут, я дам им пеленг».

* * *

Все было так же, как и в тот день, когда Степан Бакшеев впервые сел в кресло, напомнившее ему кресло из парикмахерской. Поблескивающая многочисленными лампами аппаратура, экраны с пульсирующими кривыми, мерный гул и два кресла возле пульта с тумблерами и кнопками.

— Прежде чем мы приступим к основной задаче, я должен сказать вам несколько слов.

Профессор Накамура пристально посмотрел на Бакшеева, затем отвел взгляд и протянул руку к стене.

— Как вы уже знаете, — сказал он, — я разрешил Аритомо Ямаде рассказать вам обо всем. Мне удалось расшифровать язык дельфинов и вступить с ними в связь. Она поддерживается с помощью вот этого аппарата. Рассказывать о его устройстве не имеет смысла. Оно очень

сложное и действует по принципам, пока еще не известным современной науке.

Степан молчал. Он думал о судьбе инженера Уэды и о том, что ему предстоит сделать через несколько минут.

— Вам, специалисту, нет необходимости объяснять, какие возможности открываются перед человеком, сумевшим привлечь этих животных на свою сторону, — продолжал тем временем Накамура. — Но сейчас идет война; и мне не до подводных кладов или океанографических исследований. Мы используем дельфинов во время морских сражений как санитаров. Они подбирают матросов и офицеров, упавших в воду, спасают раненых, доставляя их на специальные госпитальные суда. Гуманная роль, не правда ли?

Профессор Накамура с улыбкой посмотрел на него. А Степан вдруг вспомнил те мгновения, когда «Имандра» подверглась атаке, и внезапно понял, что торпедировали их тогда обманутые дельфины...

— Но в последнее время животные избегают сотрудничества с нами, — сказал профессор Накамура. — Необходимо принять определенные меры. Я пришел к мысли, что одной из таких мер будет беседа о коммунистических идеалах. Да-да, не удивляйтесь. Ваши взгляды близки этим животным. Откровенно говоря, я их не разделяю, но для пользы дела считаю возможным, такой обмен информацией. Сейчас вы будете говорить с Фист-кых, Старшей Матерью. Это глава дельфиньей семьи. Я сказал «говорить», но это понятие весьма условно. Когда установится контакт и вы услышите голос Фист-кых, начинайте мысленно отвечать ей, напрягая всю волю, чтобы сосредоточиться на одном и не отвлекаться по иному поводу. Вы готовы?

— Да, — ответил Степан.

— Прекрасно, — сказал Накамура. — Для первого раза вы назовете себя. Потом расскажете об основных принципах коммунизма и объявите, что вы Главный Коммунист планеты.

— Но это не так, — возразил Бакшеев.

— А какая разница? Ведь здесь, на острове, вы единственный большевик, а остров настолько изолирован от внешнего мира, что сам превратился в отдельный мир. И здесь вы — Главный Коммунист, Бакшеев, равно как и я — Старший Самурай. Садитесь, пожалуйста, в кресло. Я буду сидеть рядом и слушать вашу беседу. На первый раз — принципы, во второй беседе вы должны будете убедить Фист-кых, что

принципы эти обязывают их беспрекословно выполнять наши указания, в этом, мол, их долг перед Человечеством. Приступайте.

Бакшеев сел в кресло. Накамура спросил в микрофон, готова ли к беседе Фист-ких, и, получив утвердительный сигнал, опустил на голову Степана электронный колпак.

Раздался мелодичный звон. Бакшеев перестал ощущать свое тело, ему почудилось, будто он растворился в окружающем пространстве, и только его мозг продолжает жить, напрягаясь от непривычной работы. Степан твердил слова, какими он хотел встретить Фист-ких, он боялся сбиться, мучительный страх проникал в мозг, мелодичный звон продолжался, Степан увидел себя как бы со стороны, и тогда возникли слова:

— Это ты, Старший Самурай?

— Нет, нет! — закричало где-то внутри Степана. — Это я, Степан Бакшеев.

И сразу он сообразил, что его имя ничего не говорит Старшей Матери, оно попросту не укладывается ни в одно из тех понятий, что переданы ей профессором Накамурой. Наступила тишина, глубокая, тяжелая тишина, Фист-ких молчала, и Степан лихорадочно собирал мысли, чтоб стереть ими тишину, заполнившую пространство между ним и разумным существом из Океана.

— Я — другой человек, — произнес, наконец, Степан, — и хочу говорить с тобою, Фист-ких.

И еще он подумал, как здорово, что в свое время он овладел японским языком. Ведь дельфины общались с людьми только по-японски.

— Мое имя Степан, — сказал Бакшеев.

— Я слушаю тебя, Степан, — откликнулась Фист-ких. — Говори, я слушаю тебя, — повторила она.

И Степан стал говорить, вернее, мысленно произносить слова, какими он хотел поведать Фист-ких подлинную историю человеческого рода, не приукрашивая и не сгущая краски, историю, подчас жестокую и не делающую чести человечеству. Но она была, эта история, и люди не могут от нее отказаться. Другое дело — будущее. Люди живут ради него, и каждое столетие приближает их к такой жизни, какая единственно достойна человека. И если сейчас идет страшная война, люди убивают друг друга, то начали эту бойню те, кто хочет будущего лишь для одной группы населения Земли. Как если бы дельфины-

гринды напали на дельфинов-афалин и уничтожили их под предлогом того, что им, гриндам, стало тесно в Океане. Тяжело рассказывать об этом, потому что война — позор человечества, но собратья по разуму должны знать правду. На земле есть люди, они учат других, как навсегда избавиться от этого позора, и он, Степан, принадлежит к их числу...

Бакшеев заторопился. Он знал, что разговор слушает профессор Накамура, старался строить мысли так, чтоб не вызвать у него подозрений. Степан знал и то, что через несколько минут Аритомо Ямада отключит профессора от общей сети и даст сигнал... И тогда он, Бакшеев, сумеет сказать Фист-ких самое главное, но в его распоряжении всего несколько мгновений...

Вот он, сигнал!

Торопясь, Бакшеев сообщил Старшей Матери самое главное и услышал далекий, замирающий, с оттенком глубокой боли голос:

— Нас обманули... Мы видели мертвых людей среди обломков и терялись в догадках. Значит, люди умеют лгать?

— Нет-нет! — закричал Степан. — Старший Самурай не такой, как другие! Он плохой человек, враг остальных людей!

— Я сообщу Совету Старших Матерей. Как встретиться с тобой?

— Уходите! Все уходите! Здесь ждет вас опасность!

— Мы уйдем вместе, — донеслось до сознания Степана, — вместе уйдем...

Завертелся оранжевый шар, разбрызгивая искры. Он вертелся все сильнее и лопнул наконец, осыпав Степана радужными осколками.

Когда он открыл глаза, то увидел перед собой искаженное злобой лицо профессора Накамуры. Профессор широко разевал рот и размахивал руками. Степан понял, что Накамура кричит, но до его слуха не доносилось ни единого звука.

«Оглох, наверное, — подумал Бакшеев. — Успел он услышать или нет? Кажется, успел. Иначе чего ему так бесноваться?»

Он скосил глаза и увидел рядом трех охранников с автоматами в руках. Поодаль стоял майор Масаси Кэндо.

«Попался, — подумал Степан. — Меня успели засечь... Но о чем кричит профессор?»

В голову пришла мысль о преимуществах глухого, которого разносят в пух и прах, он улыбнулся, и Накамура, увидев это, вдруг

подпрыгнул, затопал ногами, размахнулся и сухоньким кулачком неожиданно больно ударил Степана.

Степан дернулся, инстинктивно напрягся, намереваясь ответить, но сдержался...

И вдруг почувствовал, что он слышит.

— ...Животное! Да, превращу вас в животное! — визгливо кричал профессор Накамура. — И ваших приятелей, этих тварей, тоже!

Очевидно, перед этими словами профессор Накамура разъяснил причину своего негодования, но Бакшеев не слышал начала разговора и не мог установить, что известно и чего не знает Накамура.

— Заприте его, — приказал профессор майору Масаси Кэндо. — И не спускайте с него глаз. Эти большевики умеют проникать сквозь стены. Уберите же его! — пронзительно завизжал он.

* * *

Подводные лодки уходили ночью.

Одна за другой, с промежутком в тридцать минут, отошли таинственные субмарины от причалов Вильгельмсхафена, главной базы германского подводного флота, расположенной на левом берегу устья реки Везер. Оставив с правого борта остров Гельголанд, обе подводные лодки направились в сторону английского канала, где во французском порту Шербур их ждали еще две субмарины.

Отряду подводных лодок предстоял тяжелый поход — пересечь по диагонали Атлантику, спустившись на юг до мыса Горн, а затем сложный переход через Тихий океан, с заправкой в тайных базах, разбросанных по островам Полинезии.

В ночь, предшествующую выходу субмарин из Вильгельмсхафена, флагман отряда фрегаттен-капитан Отто Шрайбер был вызван в Берлин, на улицу Тирпицуфере, 74. Его принял в своем кабинете начальник одного из отделов абвера генерал Лахузен.

— Послушайте, фрегаттен-капитан, — сказал Лахузен, — вашей операции придается такое значение, что напутствовать вас хотел лично адмирал Канарис. Но, к сожалению, шеф срочно вылетел на Восточный фронт — так пожелал сам фюрер. Мне поручено передать вам, что руководство абвера разделяет мнение gross-адмирала Деница о ваших высоких командирских качествах. Однако не забывайте, фрегаттен-

капитан, о том, что вы не только моряк, но и разведчик. Никаких необдуманных действий по дороге туда, как ни велико было бы искушение пустить на дно парочку-другую кораблей противника. Помните, что удачное проведение порученной вам операции позволит нам отправлять на дно десятки и сотни вражеских кораблей, сделает нас подлинными хозяевами в Мировом океане. Все инструкции вами получены. Избегайте излишних радиопереговоров. Информация о переходе только с условленных пунктов и по завершении задания. И еще. Пользуюсь случаем передать вам привет от вашего брата Генриха.

— Где он, господин генерал? Я не видел его около двух лет...

— Он там, куда вы направляетесь. Может случиться и так, что вы встретитесь. Только не задерживайтесь в пути. Обстановка в мире постоянно меняется, а нам нельзя опаздывать. Промедление разведчика равносильно его гибели, фрегаттен-капитан. С нами бог!

* * *

— Мне нужна хорошая яхта с небольшой и надежной командой, — сказал Генрих Раумер, корреспондент берлинской «Фелькишер Beobachter» в Японии, доктору Адольфу Гофману-Таникаве.

— Не слишком подходящее время для морских прогулок, — отозвался резидент. — Куда вы собрались, Раумер?

— В гости к профессору Накамуре.

— Вы шутите?

— С чувством юмора у меня всегда было неладно. По крайней мере, во время общения с коллегами по разведке. Вот малая толика юмора в самом существе задумываемой операции — это совсем другое дело. Юмор здесь придает ей элегантность и интеллектуализм. Итак, вы сможете найти мне яхту? Разрешение на выход в море у меня есть.

— Вы намерены вернуться? — спросил Гофман-Таникава.

— Все зависит от того, как справится с порученным заданием ваш препарат...

— Патологоанатом, — поправил доктор.

— Именно он. Прошу меня извинить за недостаточную откровенность, дорогой Адольф, но вы согласитесь, что чем меньшее число людей будет знать о цели моего выхода в море, тем лучше для сохранения тайны. И вам так спокойнее...

— Резонно, Генрих. Я, собственно, и не допытывался... Это хорошо, что вы довольны Косаку Хироси. И я рад за него и за вас. А главное — за дело, которое, судя по всему, успешно продвигается вперед. Будет у вас яхта, Генрих...

— Спасибо. Что еще вы приготовили по тому вопросу?

— Ряд научных материалов о работах ученых самых различных стран по дельфиньей проблеме. Я старался составлять эту подборку как можно осторожней. Наш интерес к дельфинам может навести кое-кого на далеко идущие домыслы.

— Вы правы, Адольф. Давайте-ка посмотрим вместе, что вы раздобыли. И я возьму все с собою. Мне это может пригодиться в самое ближайшее время.

Адольф Гофман-Таникава молча протянул Генриху Раумеру, известному в Берлине как старший лейтенант абвера Генрих Шрайбер, синюю коленкорovou папку.

— Все здесь, — сказал он.

Раумер развязал тесемки и поднес к глазам первый листок.

— «На греческой монете, выпущенной около 2500 лет назад, — вслух прочитал разведчик, — был изображен человеческий глаз, в поле зрения которого дельфин...»

Гофман-Таникава улыбнулся.

— Издалека вы начали, Адольф, — заметил Раумер.

— Скажу больше, — отозвался резидент абвера, — я предложил бы считать этот знак символом нашей операции. Открытие профессора Накамуры в поле зрения германской разведки... Ваше мнение, Генрих?

— Вы романтик, Адольф... В определенной мере это не лишнее качество для разведчика. Но только в определенной мере... Не больше. Ваше предложение будет приятно шефу. В своем рапорте я непременно подчеркну информацию о монете древних греков, — продолжил Генрих Раумер. — Странно лишь одно: почему осуществить контакт с этими «бывшими людьми» удалось японцу?.. Именно японцу. Почему?

— Японцы не занимались массовым промыслом дельфинов, — ответил Гофман-Таникава. — И может быть, «людям моря» как-то известно об этом... Ведь еще Плутарх писал, что из всех живых существ лишь дельфину природа даровала то, что ищут лучшие философы человечества — способность к бескорыстной дружбе. «Дельфину ничего не надо от людей, — подчеркивал Плутарх, — но тем не менее он их великий, друг и многим оказывал помощь...»

Правда, сами люди оставались глухими к настойчивым призывам иной цивилизации...

— Позвольте, Адольф! — прервал хозяина дома Раумер. — Вы и в самом деле считаете этих животных цивилизованными существами?

— Я только исхожу из тех сведений, которые передал наш агент Косаку Хироси. Если они достоверны — а в этом нет причин сомневаться, у Косаку Хироси трезвый, аналитический ум, — то следует признать, что профессор Накамура вступил в контакт со второй земной цивилизацией.

Раумер хмыкнул.

— Боюсь я, — сказал он, — что ведомству, занятому расовыми проблемами, не по вкусу придется вся эта история. Мы не сумели до конца убедить мир в превосходстве одних человеческих рас над другими, а тут появляются эти морские бестии, у которых мозг в полтора раза больше нашего. Может быть, оставить их в покое? А? Что скажете, Адольф?

Гофман-Таникава с интересом взглянул на берлинского коллегу.

— Если вы это и всерьез, Генрих, то уже поздно, — ответил он. — Нам нужна их помощь, чтобы победить в океане. Расовыми проблемами займемся после того, как солдаты великой Германии высадутся на побережье всех континентов. Тогда нам понадобятся дельфины не только для уничтожения вражеских кораблей. Они будут нашими связными, разведчиками океанских глубин, нашими руками и глазами под водой. Овладеть всем океаном — значит, овладеть еще одним миром. А теоретическое обоснование нашего владычества предоставьте, Генрих, специалистам из ведомства Альфреда Розенберга. Будьте спокойны, Генрих, дельфины, принятые на службу великому рейху, займут в нашем обществе подобающее им место.

* * *

Аритомо Ямада, не постучав, быстро сдвинул дверь и вошел в комнату дочери профессора Накамуры. Девушка поднялась и удивленно смотрела на ассистента своего отца.

— Только вы можете его спасти, Тиэми Тода, — взволнованно произнес он. — Только вы!

— Но что он сделал? Почему его заперли? Отец говорит, что он преступник, безумец, опасный для окружающих маньяк.

— Ложь, Тиэми Тода! Степан Бакшеев — замечательный человек и настоящий ученый. Он раскрыл правду дельфинам, ты ведь тоже знаешь теперь о них все. И Степан рассказал им о твоём отце, о его преступлении перед человечеством. Твой отец и Косаку Хироси готовят расправу над Степаном. Его хотят использовать в качестве подопытного животного при экспериментах.

— Я не верю вам, Аритомо Ямада.

— Это слишком чудовищная правда, лучше бы кто-то другой поведал ее тебе. Может быть, Степан... Он, наверное, сумел бы сделать это иначе.

— Говорите же!

— Тогда слушай.

...Когда Аритомо Ямада закончил рассказ, Тиэми Тода не проронила ни слова. Она сидела, опустив голову, и длинные тонкие пальцы ее теребили край кимоно.

— Ты веришь мне? — спросил Аритомо Ямада.

Тиэми Тода молча поднялась и, не обернувшись, вышла из комнаты.

* * *

Мрак, таившийся по углам, с усилием преодолеvalo желтоватое пятно электролампы, забранной в решетчатый колпак. Пол был застлан грубо выделанным татами из рисовой соломы; низкий овальный столик да твердый валик, служивший подушкой, составляли все убранство помещения.

Окна в камере, как, впрочем, и в других помещениях острова, отсутствовали. Дверь уходила при открывании в стену и не имела традиционного в европейских тюрьмах «волчка».

По подсчетам Степана прошло двое суток. Тогда за ним пришли.

С охранниками был майор Масаси Кэндо. Неизменная улыбка и на этот раз растягивала его губы.

— Господин профессор просит вас проследовать в лабораторию, — вежливо, но без обычного поклона сказал начальник охраны. — Покажите ваши руки.

Степан протянул руки вперед, почувствовал, как их охватили металлические обручи. Он потряс наручниками, майор Масаси Кэндо знаком остановил его.

— Не трудитесь, — сказал он. — Это для вашей же пользы. Вы очень сильны и безрассудны.

Степан шел, окруженный желтыми стражами, и думал о необходимости увидеть Аритомо Ямаду, связаться с ним, поведать о новой затее профессора Накамуры.

Они подошли к помещению операционной. Хозяин лаборатории, облаченный в белый халат с короткими рукавами, держал единственную руку с растопыренными пальцами перед собой и ждал, когда она просохнет. Рядом стоял служитель и готовился надеть профессору на руку резиновую перчатку.

Накамура подошел вплотную к Степану.

— Вы не захотели помочь мне убедить этих тварей сотрудничать с нами, — сказал он. — Сейчас вы увидите, какой путь избрал я для достижения все той же цели.

Охранники усадили Степана Бакшеева в высокое кресло неподалеку от широкого стола, на котором высился огромный продолговатый чан, наполненный водой. Охранники встали за спиной Степана.

По команде профессора Накамуры четыре служителя внесли дельфина. Он лежал на длинном куске парусины. Служители осторожно опустили дельфина в чан, закрепили ему голову и удалились.

Вдруг Бакшеев увидел Косаку Хироси. Патологоанатом вошел в операционную, неся в руках стеклянный ящик с хирургическими инструментами. Хироси увидел Бакшеева и едва заметно пожал плечами, будто давая понять, что он, Косаку Хироси, здесь ни при чем.

— Приступим, — сказал профессор Накамура, и вдвоем с Хироси они принялись колдовать над головой дельфина.

Вдруг дельфин дернулся, брызги полетели во все стороны. Накамура и патологоанатом отступили в сторону, держа в руках окровавленные инструменты.

— Что вы делаете, изверги! — крикнул Степан. — Ведь это мыслящее существо!

Косаку Хироси снова пожал плечами, профессор Дзиро Накамура что-то пробормотал неразборчиво, повернувшись спиной к Бакшееву.

Дельфин перестал биться и замер. Он совершенно не дышал.

«Если дельфин еще жив, — подумал Степан, — то находится в глубоком оцепенении. Такое состояние бывает у людей, перенесших эпилептический припадок».

Степан Бакшеев попытался подняться в кресле, но охранники взяли его за локти и настойчиво потянули назад.

Неожиданно дельфин ожил. Его движения были неестественно быстрыми, и Степан узнал в них признаки, предвещающие смерть.

Расплескав воду из чана, дельфин затих.

— Русские говорят: первый блин комом. Не так ли? — сказал профессор Накамура. Служитель мыл его руку под краном.

— Вы преступник... Убийца!

— Преступление — относительное понятие. Все зависит от того, по какому кодексу оно рассматривается. Дельфины не хотели работать на божественную империю добром, заставим их служить нам другим методом. Небольшая операция на мозге — и эти твари становятся послушным орудием в моих руках. Они будут нести взрывчатку туда, куда им будет приказано. Следующим на этом столе будет Фаситор, затем — Фист-кых. И они начнут работать на империю безо всяких бредовых идей о благе для всего человечества. Честное слово, Бакшеев, если б я не был уверен в том, что первым на земле установил контакт с дельфинами, то считал бы их вашими учениками. Дельфины — агенты красных! Неплохо для газетных заголовков, не правда ли?

Профессор Накамура улыбался.

— Вы чудовище, вы недостойны называться человеком!

Степан Бакшеев рванулся с кресла и, облепленный повисшими на нем охранниками, бросился к профессору. Накамура попятился, Степан был страшен.

Кто-то из охранников ловко ударил его ребром ладони по шее, и Степан потерял сознание.

* * *

Капитан яхты, арендованной Адольфом Гофманом-Таникавой для берлинского корреспондента, принял своего пассажира в небольшом рыбацьем поселке, лежащем на Тихоокеанском побережье острова Сикоку. Когда Генрих Раумер оказался на борту, капитан,

малоразговорчивый, угрюмого вида кряжистый японец, вывел яхту из бухты Сусаки, прошел миль пятьдесят к осту, потом повернул к югу, оставив за кормою мыс Мурото.

Он еще не раз менял курсы и весь день беспокойно оглядывал горизонт, успокоившись только ночью, когда передал штурвал помощнику, хромоту, с изрытым оспой лицом корейцу. Третий член экипажа яхты, моторист, почти не вылезал из машинного отделения, где споро суетился на редкость сильный двигатель.

Весь день Генрих Раумер провалялся на койке в тесной каюте, которую капитан отвел своему пассажиру. Он пытался уснуть, но сон не приходил... Раумер знал, кто командует отрядом подводных лодок, идущих из далекой Германии. Мысль о встрече с единственным братом, да к тому же близнецом, не давала Раумеру покоя. Как и у многих немцев, сентиментальность, связанная с культом семьи, домашнего очага, патриархальных традиций, была отличительной чертой Генриха Раумера-Шрайбера тоже.

Пытаясь отвлечься, он вновь возвращался к синей коленкоровой папке, содержащей самые разнообразные сведения о дельфинах. Ведь не исключено, что ему, разведчику, придется вступить в сложную психологическую игру с этим профессором Накамуры. Поэтому чем большую проявит Раумер эрудицию по части дельфинов, тем лучше. Да еще присутствие этого русского, о котором сообщает Хироси... Раумер работал в России, долго жил в Прибалтике и знал, как трудно работать с русскими, невозможно заранее, с большой точностью, рассчитать их поступки.

«Не было печали, так черти накачали», — вспомнил он русскую поговорку, вздохнул и раскрыл синюю папку.

Первым он прочитал сообщение о том, как дельфины обратились за помощью к людям. Удивительную историю рассказали рыбаки, ведущие промысел тунца у берегов Франции, около Канн. Команда «Кориандра» поняла: что-то неладно, — когда услышала невероятный шум, который создавали два десятка дельфинов, неистово выпрыгивавших из воды. От стада отделилось взрослое животное и стало подталкивать впереди себя, видимо, только что родившегося детеныша, который плыл с трудом. Один из рыбаков бросился в воду и поднял на палубу детеныша дельфина. Несколько минут ему делали искусственное дыхание, но спасти дельфина не удалось — он умер от

удушья. Оказалось, он родился с дефектом — непроходимостью дыхательных путей.

Раумер отложил листок, порылся в папке...

«Интересно, — думал он, — значит, дельфины понимают, что люди, которые в них стреляют, могут прийти к ним на помощь. Нет, требуется иной поворот. Если мы вступим с ними в контакт, надо поставить вопрос так, что есть на земле люди, которые ненавидят дельфинов, и люди, которые относятся к ним дружелюбно. Последние — мы, немцы... Следовательно, и работать дельфинам необходимо только на нас. Старый римский принцип «разделяй и властвуй» в дельфиньем царстве! За эту идею можно получить дополнительную благодарность адмирала...»

Раумер прочитал еще одну информацию, подготовленную для него резидентом абвера.

Новозеландский журналист биолог Антони Алперс в книге «Дельфины и мифы» рассказывает, что греческие моряки иногда обращаются к афалинам, громко выкрикивая «Василь», и те, услышав, останавливаются как вкопанные, с выставленной головой, чтобы посмотреть, кто их звал, а при повторном зове подплывают к судну. Этот же биолог описал следующий случай. Греческий рыбак, находясь в лодке, играл на гитаре; музыка привлекла дельфинов, которые подплыли вплотную к лодке...

«Но пора выходить на связь, — подумал разведчик. — По-моему, мы достаточно отделились от Островов. Где этот желтолицый пират? Надо узнать у него координаты яхты...»

Через час с небольшим яхта легла курсом на запад. Генрих Раумер сообщил последние сведения об острове профессора Накамуры флагману отряда субмарин, прибывших в никому не известный район Тихого океана. Следившая за радиообменом «лисья нора» адмирала Канариса не увидела необходимости во встрече двух разведчиков-братьев. Фрегаттен-капитану было предписано действовать самостоятельно согласно полученным в Берлине инструкциям и новым, сообщенным Раумером на субмарину данным. Корреспонденту «Фёлькишер Беобахтер» вменялось в обязанность возвратиться в Токио, дожидаться там преемника и вылететь в столицу третьего рейха для получения нового задания.

РАСПЛАТА

После разговора с Бакшеевым Фист-ких вернулась в океанариум и немедленно информировала Фаситора.

Фаситор подумал, что все его неясные предчувствия оправдались, но не стал сообщать эту мысль Фист-ких, и без того подавленной и растерянной.

Он предложил поставить в известность Совет Старших Матерей, но Фист-ких и большая часть содержащихся в океанариуме дельфинов считали, что до тех пор, пока нет полной ясности во взаимоотношениях между обитателями лаборатории, тревожить Совет преждевременно. Необходимо разобраться в обстановке, окончательно уточнить, соответствуют ли действительности слова Большого Человека, как условно называли они Бакшеева.

Тем не менее был разработан план, предусматривающий возвращение дельфинов в Океан. Он строился на использовании второго подводного хода. Его начало, замаскированное среди обломков базальта и водорослей на дне бухты, вводило в толщу острова, а затем туннель выходил непосредственно в океан. О существовании этого естественного туннеля охрана острова не подозревала.

Сложная часть плана состояла в необходимости открыть в нужный момент шлюзы бассейнов океанариума, чтобы дельфины получили возможность выйти в бухту, откуда начинался туннель. У Фист-ких были свои соображения по этому поводу, но она пока не торопилась высказать их. Фаситор предложил прыгать через барьеры, и дельфины поскущтели: не каждому из них был под силу такой прыжок. Поскольку другого выхода не было, остановились пока на предложении Фаситора.

На второй день после разговора Фист-ких с Большим Человеком из бассейна забрали молодого дельфина Фукиса, большого друга Фтириса. Все решили, что с ним будет проведена беседа: его будут убеждать выполнить волю Старшего Самурая. Поэтому Фукис заявил, что он поначалу согласится, а в океане попытается освободиться от страшного груза, уничтожающего корабли, и уйти от тех, кто убивает своих сородичей.

Фист-ких считала, что ему не следует даже соглашаться служить Старшему Самураю, но молодежь поддержала Фукиса, молодые

дельфины считали, что для борьбы со Старшим Самураем этот метод вполне годится.

Фукис не вернулся. Он погиб в операционной, когда профессор Накамура и Косаку Хироси вторглись в его мозг, устанавливая в нем электроды.

После Фукиса взяли еще двоих. Смерть первого из них видел Степан Бакшеев; операция на мозге второго прошла успешно. Теперь дельфин слепо подчинялся сигналам особого передатчика. Их принимали вживленные в мозг антенны-электроды и управляли поведением лишенного разума дельфина. Профессор Накамура сдержал свое слово. Он превращал мыслящих обитателей океана в слепое орудие убийства.

После первой удачной операции Накамура распорядился подготовить Фаситора.

* * *

— И ты, дочь самурая, можешь защищать того, кто хотел поколебать могущество нашего государства?! Мои уши отказываются слышать это...

— Я не верю, чтобы этот человек мог сделать что-нибудь дурное людям.

— Каким людям?! О чем ты говоришь? Да, он собирался сделать добро. Но он коммунист, Тиэми Тода, а для них не существует ни высокого рода, ни сана. Я хотел использовать его знания на пользу Японии, а он пошел против меня. И потому должен умереть.

— Я прошу тебя, отец...

— Нет, нет! Он наш враг! И мне непонятно, почему тебя так волнует судьба этого русского.

— Я люблю его, отец.

* * *

«Крепко меня ударили, — подумал Бакшеев. — Ну и приемы у них...» Голова кружилась, ныла шея, он поднялся и подошел к двери,

прислушался. Тихо. Бакшеев ощупал дверь, пытаясь определить хоть какое-то подобие запора. Но поверхность всюду была гладкой.

Ему почудилось вдруг, будто он слышит слабый отзвук далекого выстрела. «Показалось», — решил Степан и лег на спину, положив голову на жесткий валик.

Шаги в коридоре. Нет, это не часовой, это не его шаги, нет, не его... Степан приподнялся, опершись на локоть.

— По распоряжению майора Масаси Кэндо я должен доставить этого человека на допрос.

Степан узнал голос Аритомо Ямады. Он поднялся с жесткой татами и замер в ожидании.

— Необходимо предъявить письменный приказ, — сказал часовой.

— Вот он.

За дверью раздался короткий вскрик и послышался шум упавшего тела. Тяжелая дверь отошла в сторону, и на пороге Степан увидел своего друга Аритомо Ямаду. В руках он держал автомат. Скорчившийся охранник валялся у порога.

— Быстрее, Степан, быстрее! — проговорил Ямада.

— Давайте внесем его в камеру, — сказал Степан Бакшеев, показывая на охранника. — Он жив?

— Может быть.

Вдвоем они внесли охранника в камеру и закрыли дверь на запор.

— Теперь пойдем к профессору Накамуре, — сказал Ямада. — Нельзя допустить, чтобы он ускользнул. Мы захватим его врасплох, и тогда уже сами будем диктовать свою волю. Нельзя его упустить, нельзя!

Аритомо спустил предохранитель автомата, прижал его к бедру и пошел впереди. Степан последовал за ним, внимательно прислушиваясь к коротким фразам Аритомо, который рассказывал о событиях минувших суток.

Он начал с распоряжения майора Масаси Кэндо поставить охрану у помещений, занимаемых Тиэми Тода и служанкой Табэ. Аритомо Ямада не знал, что это приказ профессора Накамуры, и считал инициативой начальника охраны.

— Ее нужно освободить, — сказал Степан.

— Это мы сделаем, — ответил Аритомо. — Я приготовил три скафандра. В них мы уйдем с острова.

В это время Степан вновь услышал приглушенный звук орудийного выстрела.

— Вы тоже слышите? — спросил он у Аритомо Ямады. — Мне не показалось?

— Конечно, нет. Это опять стреляют они.

— Кто «они»?

— Подводные лодки.

Степан протянул руку, ухватил Аритомо за рукав куртки, остановил его и повернул к себе.

— Объясните же, что здесь происходит? Куда мы идем? Что я должен делать? Какие лодки? Должен же я хоть что-то знать обо всем!

— У нас мало времени, — спокойно сказал Ямада.

И он коротко сообщил Бакшееву, что ночью при неизвестных обстоятельствах исчез один из охранников майора Масаси Кэндо. Из тех, кто стоит вахту на внешней стороне бухты, у самого океана. Его быстро хватились, подняли тревогу, хотели сообщить сторожевому кораблю. Корабль несет патрульную службу в десяти милях от острова, но радиостанция оказалась поврежденной. Та же участь постигла и аварийный передатчик.

Остров оказался изолированным от внешнего мира. Майор Кэндо метался по острову, организуя тщательные розыски, искоса поглядывая на сотрудников лаборатории.

Но события только развивались. Рано утром у входа в бухту, закрытого бонами и прочной металлической решеткой, охрана обнаружила резиновую шлюпку, а в ней — исчезнувшего охранника, крепко связанного. На груди у него был пакет. Неизвестные лица на японском языке предлагали выдать профессора Накамуру и всю документацию, связанную с работой его лаборатории. Профессора и материалы предлагалось поместить в резиновую шлюпку и отбуксировать катером на две мили от берега. В противном случае остров будет уничтожен подводными лодками.

— Подводными лодками? — переспросил Степан.

— Ну да. Через час после обнаружения охранника они появились на горизонте сразу с четырех сторон. Четыре субмарины. И стреляют сейчас они. На острове нет артиллерии.

— Что с профессором Накамурой?

— Он куда-то исчез. По-моему, Накамура спешным порядком готовит новые торпеды. Оперированные дельфины выполняют любое его

приказание. Но идемте быстрее! Мы можем уйти подводным ходом. Я узнал о нем от Фист-кых. Уйдем и уведем дельфинов. Вернее, они уведут нас с собой.

Аритомо и Степан были неподалеку от комнаты Тиэми. Аритомо остановился и передал Бакшееву автомат.

— Возьмите, — сказал он. — Я попробую без стрельбы. Подождите меня.

Он вывернул из-за угла и не спеша двинулся к охраннику. Тот нервно метался у дверей в комнаты Тиэми Тода.

— Что там происходит? — спросил он подходившего Аритомо Ямаду.

Часовой нарушил строжайшее правило острова. Люди охраны не имели права ни под каким предлогом разговаривать с сотрудниками лаборатории.

— Стреляют, — сказал Аритомо, подходя поближе. — Что это?

Аритомо Ямада обернулся и протянул руку в сторону. Часовой вздрогнул от неожиданности и взглянул туда. Аритомо мгновенно ударил его по горлу. Охранник упал вниз лицом.

— Идите сюда, Степан, — тихо позвал Аритомо и, когда тот подошел, протянул ему второй автомат.

— Подержите, я открою дверь.

Дверь отошла в сторону, и они сразу увидели Тиэми Тода. Девушка изумленно смотрела на возвышавшегося рядом с Аритомо Ямадой Степана.

— Вы живы! — вырвалось у нее.

— Где отец? — спросила Тиэми Тода.

— Не знаю, — мрачно сказал Ямада. — Нам надо уходить отсюда.

— Куда? — спросила Тиэми.

— В океан. Пошли!

Аритомо пропустил девушку вперед и, выждав, когда она отойдет немного, тихо сказал Бакшееву:

— Мы не можем уйти без профессора. Брать его с собой рискованно. Оставлять — тоже. Надо разыскать его, а Тиэми Тода оставим пока в надежном месте.

— Хорошо, — сказал Бакшеев.

Его снабдили взрывчаткой, уложенной в пакеты, и пакеты удобно обняли сигарообразное тело дельфина, чтоб сопротивление воды было наименьшим.

Передатчик послал сигналы в мозг, и электроды-антенны приняли их. Дельфин, нагруженный взрывчаткой, выскользнул в приоткрытый проход и, постепенно набирая скорость, поплыл к одной из подводных лодок, окруживших остров.

Очередь была за Фаситором. Но тот что-то не давался, и майор Масаси Кэндо отправился к профессору Накамуре за консультацией.

Здесь у входа в кабинет, он и столкнулся с Аритомо и Степаном. Майор не успел даже удивиться появлению Бакшеева, как уже лежал на полу со связанными руками. Недаром Аритомо Ямада был чемпионом дзюдо в университете. Да и сил у молодого ученого было побольше, чем у старика майора.

— Почему закрыта дверь в кабинет? — крикнул Аритомо. — Масаси Кэндо, отвечайте!

— Предатель, — процедил сквозь зубы майор.

Степан приподнял ствол автомата и выпустил десяток пуль в то место, где находился механизм, запирающий дверь. Раздался скрежет, скрип, и дверь подалась в стену.

— Вперед! — крикнул Ямада.

Масаси Кэндо подняли с пола и, не развязывая ему рук, втолкнули в образовавшийся проем.

Они миновали прихожую, вошли в кабинет. Профессора не было. Вдруг послышался женский крик. Он донесся из личной лаборатории Накамур, примыкавшей к кабинету.

— Это Тиэми Тода! — крикнул Степан.

Изготовив автомат, он бросился в лабораторию. Аритомо побежал за ним, забыв о майоре. Начальник охраны остался стоять посреди кабинета со связанными за спиной руками.

Вбежавший в лабораторию Степан замер на мгновение у порога. В одном из углов просторного зала с рядами полок, заставленными химической посудой, боксами и аппаратурой, в кресле с высокой спинкой сидел обнаженный до пояса профессор. Его голова бессильно свалилась на испещренную темными пятнами грудь. Поблескивал в электрическом свете седой бобрик, ноги и руки были опутаны светлым шнуром.

А рядом... Рядом с креслом стоял с искаженным от злобы и страха лицом Косаку Хироси. Он держал в руке металлический прут и медленно поднимал его, глядя на приближающуюся от боковой двери Тиэми Тода.

— Отец! — крикнула Тиэми Тода и бросилась к профессору.

Косаку Хироси взмахнул прутком.

Степан вскинул автомат, судорожным движением нащупал спусковой крючок, но сбоку от него загрохотала очередь — это стрелял Ямада.

Прут опустился. Тиэми Тода упала на пол, сраженная ударом патологоанатома. Хироси лежал неподвижно лицом вниз, неестественно подвернув под себя руки.

Степан Бакшеев опустился рядом с Тиэми и, взяв ее руку, осторожно сжал двумя пальцами у запястья. Пульс не прощупывался.

— Что с ней? — спросил Аритомо Ямада.

Бакшеев не ответил. Он до боли зажмурился, зная, что девушка умирает.

На плечо ему опустилась рука Аритомо.

— Профессор очнулся, — сказал он.

Бакшеев встал на ноги и повернулся к креслу. Теперь он отчетливо видел следы раскаленного прута: им Хироси пытал профессора Накамуру.

Профессор застонал. Он поднял голову и помутневшими от страданий глазами обвел стоявших перед ним людей. И отрывисто, как в бреду, заговорил, едва ворочая языком:

— Моя дочь... Остров... Через пять часов... Моя дочь... Взрыв... Взрыв... Через пять часов... Тиэми... Взрыв...

— Что это значит? — спросил Бакшеев.

— Остров заминирован, — сказал Аритомо. — Очевидно, Накамура включил взрывной механизм, и через пять часов произойдет взрыв.

— Наверное, раньше, — сказал Степан. — Ведь он не помнит, сколько времени прошло с тех пор, когда он потерял сознание... И мы не знаем тоже.

— Вы правы. Надо торопиться. А где Масаси Кэндо? — вдруг спросил Аритомо Ямада.

— Черт возьми! — вырвалось у Бакшеева. — Мы совсем забыли о нем. Он, конечно, сбежал в суматохе и сейчас вернется сюда со своими

людьми.

— Стойте на месте, — сказал Аритомо. — Покойный инженер Тамики Уэда говорил мне, что здесь имеется один секрет. Я попытаюсь сейчас использовать его.

Он забросил автомат за плечо, пересек лабораторию и принялся сбрасывать склянки с полок у противоположной стены. Степан стоял на месте и смотрел на тело Тиэми Тода.

— Степан! — услышал он крик Ямады.

Бакшеев поднял глаза и увидел вдруг, что их разделяет трещина в полметра шириной. Она пересекала весь зал и увеличивалась в размерах.

— Бегите сюда! — крикнул Аритомо, но оцепеневший Степан заворуженно смотрел на движущийся пол, стены, мебель той части помещения, где стоял Аритомо Ямада.

— Сюда! — снова крикнул молодой японец.

В это время донесся глухой взрыв. Лишенный разума, нагруженный взрывчаткой дельфин настиг наконец одну из подводных лодок и отправил ее на дно.

Бакшеев приблизился к трещине, а часть пола, где стоял Аритомо Ямада, смещалась вправо, одновременно отодвигаясь все дальше и дальше.

Степан перепрыгнул трещину, оглянулся в последний раз на Тиэми Тода, и вдруг Аритомо Ямада крикнул:

— Берегись!

В той части помещения, которая оставалась неподвижной, возникли желтые фигуры охранников. Их привел майор Масаси Кэндо. Он протянул руку вперед, и его люди вскинули автоматы.

— Ложись! — крикнул Степан, падая на пол и хлестнув очередь по охранникам.

Двое упали. Майор продолжал кричать, размахивая руками. Пули летели над головами Аритомо и Степана, звенело стекло разбиваемых колб, пробирок, сосудов.

У Степана кончились патроны, он отшвырнул автомат и увидел, как сузилось пространство между стенами их части и той, где оставались желтые церберы майора Кэндо. Еще мгновение, и они скрылись из виду. Площадка продолжала поворачиваться. Степан поднялся и увидел, как Аритомо меняет обойму у автомата.

— Больше нет, — сказал молодой японец, — последняя... Вас не задело, Степан?

— Кажется, нет, — ответил Бакшеев. — Куда нас выведет этот секрет?

— Не знаю. Посмотрим.

Через несколько минут площадка остановилась, и сразу же в стене открылся проход. Аритомо Ямада поднял автомат, подбежал к проходу и махнул Бакшееву рукой.

— Скорее сюда! — позвал он.

Когда Степан вместе с Аритомо Ямадой миновали образовавшийся проход, они увидели, что очутились на площадке океанариума.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ

Фаситора готовили для уничтожения подводных лодок. После операции его поместили отдельно. Но случившиеся в аппаратуре неполадки заставили майора Масаси Кэндо отправиться на поиски профессора, где он неожиданно столкнулся со Степаном Бакшеевым и Аритомо Ямадой.

Когда раздались орудийные выстрелы, люди майора, так и не дождавшись его, побросали снаряжение, приготовленное для Фаситора, и разбежались, оставив камеру открытой. Лишенный разума Фаситор выплыл из камеры и медленно кружился на поверхности бухты.

Бакшеев и Аритомо Ямада в это время по секретному ходу проникли в океанариум.

— Я возьму скафандры! — крикнул Аритомо. — А вы открывайте все шлюзы!

Степан бросился к бассейнам. Дельфины выпрыгивали из воды, визжали, щелкали, свистели. Они поняли, что сейчас придет освобождение, они снова станут свободными детьми Океана.

Фист-кых находилась в среднем бассейне. Степан привел в действие механизм, раскрывающий шлюзы, и Старшая Мать с группой молодых дельфинов, среди них были и Фтирис со Фката-си, быстро переместились в последний бассейн. От бухты их отделяла единственная преграда.

Показался Аритомо Ямада. В руках ой держал скафандры, на шее болтался автомат.

— Вот ваш, — сказал он, протягивая Степану скафандр.

Костюм был раза в полтора длиннее оставленного Аритомо Ямадой для себя, но и в него Бакшеев облачился с трудом.

— Быстрее, быстрее! — торопил Аритомо.

Все дельфины сгруппировались у ворот в бухту. Аритомо натянул скафандр раньше Степана и открыл последний шлюз. Фист-кых и ее сородичи оказались в бухте.

Наконец и Степан был в скафандре. Он оглянулся и увидел выбежавших на площадку перед океанариумом желтых автоматчиков.

— Аритомо, смотрите! — крикнул он.

— За мной! — крикнул Ямада.

Вдоль кромки бассейна они выбежали на берег бухты.

Степан и Аритомо пробежали, уходя от погони, еще сотню метров и бросились в воду. Глубина у берега была небольшая, и они торопились уйти подальше, надеясь на толщу воды: вода защитит их от пуль.

Дельфины держались поодаль. Высунув головы из воды, они следили за непонятными им действиями людей.

Кружащий по бухте Фаситор подплыл к дельфинам. Но Фист-кых напрасно пыталась установить с ним контакт.

Неожиданно на бетонной площадке, нависшей над бухтой, возникла фигура охранника с автоматом в руках. Загремели выстрелы. Аритомо Ямада повернулся и ответил короткой очередью. Человек на бетонной площадке качнулся и рухнул в воду. Аритомо и Степан, отстреливаясь, продолжали двигаться к центру бухты, туда, где ждали их друзья из Океана.

Когда на бетонной площадке снова появился охранник, в обойме автомата Аритомо Ямады не было больше патронов, и он отшвырнул бесполезное теперь оружие. Долговязый, с лошадиным лицом солдат вскинул к плечу автомат. Пули чмокнули рядом со Степаном, он услышал жалобный стон Фката-си и увидел, как окрасилась кровью вода вокруг нее.

В то же мгновение Фтирис рванулся к берегу. Охранник, припав на колено, менял обойму у автомата. Он не торопился, уверенный в своей безопасности, ведь эти двое в воде, безоружные и беспомощные. А дельфины охранника не интересовали.

Он снова вскинул к плечу автомат, и вдруг перед ним взлетело сигарообразное тело Фтириса. Своими страшными зубами дельфин

ухватил охранника за шею. Фтирис с охранником рухнули вниз.

Дельфин, познавший контакт с человеком и научившийся понимать, как различны бывают люди, пересилил инстинкт и впервые в истории своего рода напал на человека...

* * *

Навсегда останется неизвестным, почему профессор Накамура заявил, теряя сознание, что взрыв произойдет через пять часов. Взрыва не было ни через пять, ни через десять часов.

Люди и дельфины достигли входа в подводный туннель. Фист-кых вошла в него первой. Ей предстояло одолеть основной его участок, проходивший в толще базальта. Он заканчивался подземной пещерой, куда поступал воздух. Не будь в туннеле этой пещеры, своеобразной перевалочной станции, дельфины не смогли б воспользоваться этим подводным выходом в океан: им попросту не хватило бы воздуха для дыхания.

За подземной пещерой проход лишь наполовину был заполнен водой. Верхняя его часть оставалась свободной, и только у самого выхода туннель снова полностью уходил в воду.

Аритомо и Степан оказались вместе с дельфинами на свободе, и некоторое время люди плыли под водой, стремясь уйти подальше от острова. Затем они вынырнули на поверхность. Полсотни дельфинов во главе с Фист-кых окружили Степана и Аритомо Ямаду.

Остров черной громадой высился в полумиле, подводных лодок с их низкими рубками люди не рассмотрели. Океан был спокоен, солнце стояло высоко на небосклоне.

Аритомо Ямада отвязал от пояса большой мешок. Мешок развернулся в нечто, напомнившее Степану волокушу. В передней части сооружения, сделанного из эластичного материала, прикреплялись длинные тросики с петлями на свободных концах.

— Ложитесь сюда, — показал Аритомо Бакшееву.

Степан вполз на волокушу и схватился за ручку во внутренней стороне ее, Аритомо лег рядом с ним. Затем он издал губами особый звук. Фист-кых первой подхватила петлю одного из свободных концов, еще пятеро дельфинов впряглись в волокушу, и она легко заскользила по воде, неся на себе двух бывших пленников таинственного острова.

А на острове майор Масаси Кэндо продолжал поиски Степана Бакшеева и Аритомо Ямады. Охранники, которые видели беглецов, были уже мертвы и ничего не могли рассказать своему шефу.

Через три часа тщательных поисков, когда охранники обшарили весь остров, майор Масаси Кэндо понял, что этих людей ему не суждено найти.

С помощью охранников, строго соблюдая необходимый ритуал, майор похоронил в водах бухты Тиэми Тода, Косаку Хироси, профессора Накамуру и трупы своих людей.

Теперь майор Масаси Кэндо был совершенно спокоен. Он сделал все, что мог, но все равно оказался в долгу перед божественным императором и сейчас только смертью мог рассчитаться за этот долг.

Масаси Кэндо подозвал к себе старшего охранника и передал ему два ключа. Он пояснил охраннику, что первый ключ откроет дверь, где хранится нечто такое, чем он, майор Масаси Кэндо, разрешает угостить заслуживших это людей. Второй ключ от другой двери, за нею находится телефон. Ровно через четыре часа — начальник охраны повторил это дважды — старший охранник должен набрать на диске телефона три семерки и позвонить майору. Сам он, майор Масаси Кэндо, отправится сейчас отдыхать. Снова повторил он про четыре часа, три семерки и, оставив ключи охраннику, удалился.

Первый ключ действительно открывал охранникам комнату с большим количеством горячительных напитков и деликатесных продуктов. После тревожных часов, истекших с момента появления у острова неизвестных подводных лодок, после перестрелки стоило, право, доставить себе удовольствие.

Начальник охраны отправился в личную лабораторию профессора Накамуры. Она изменила свой облик, ведь исчезла третья часть помещения, но кресло профессора осталось, в нем умер самурай Дзиро Накамура, и Масаси Кэндо сел в кресло, прикрыв воспаленные глаза. Ему захотелось уснуть в покойном кресле, и сон постепенно овладевал им. Майор Масаси Кэндо испугался, что действительно может уснуть и не исполнить долга. Он привстал в кресле, расстегнул мундир и достал кривой, серповидной формы, нож в чехле. Когда он снял чехол, сходство ножа с небольшим серпом усилилось, их различало лишь то, что нож этот был заточен не изнутри, а снаружи и предназначался специально для харакири.

Конечно, если соблюдать все правила, то рядом с майором Масаси Кэндо должен быть кто-нибудь из друзей, чтобы в конце обряда снести ему голову мечом. Но в этой сложной обстановке начальник охраны не мог позволить себе такой роскоши, никто не должен был знать о задуманном им, и потому Масаси Кэндо предстояла долгая и мучительная смерть.

* * *

Шестерка дельфинов уносила двух беглецов все дальше и дальше от острова, делая не меньше восьми миль в час.

Три подводных лодки по-прежнему стояли у острова, выжидая сигнала от агента абвера Косаку Хироси, прошитого автоматной очередью и уже похороненного в бухте.

Четвертая субмарина погибла от необъяснимого взрыва. Это обстоятельство и молчание Косаку Хироси тоже заставляло нервничать командиров и представителей дома с улицы Тирпицуфере, что в Берлине.

* * *

Прошло четыре часа.

Старший охранник отправился выполнять последний приказ майора Масаси Кэндо. Начальник охраны был еще жив. Он надеялся умереть за четыре часа, но не рассчитал своих возможностей. Жизнь продолжала оставаться в его теле, сознание было ясным, хотя силы оставили майора, и он не мог даже приподнять голову, откинутую на спинку кресла.

Старший охранник разыскал дверь, открыл ее ключом и на небольшом возвышении увидел телефон, обычный телефон белого цвета. Больше в этой комнате, скорее, камерке ничего не было. И диск у телефона был самым обычным. Вложив палец в отверстие с цифрой семь, охранник трижды повернул диск. Третий поворот диска замкнул электрическую цепь, и искра ударила во взрыватель.

Командиры субмарин, окруживших остров, видели с мостиков своих кораблей, как над усеченным конусом старого вулкана

взметнулось облако багрового дыма, и до них донесся нарастающий грохот. Конус острова стал медленно разваливаться на части. Клубы черного дыма, прорезываемого багровым пламенем, окутали остров, но было видно, как конус распался и на месте его вершины вырос зловещий оранжево-сизый столб.

Дрогнуло дно океана. Страшная трещина расколола его. Океан устремился во впадину, чтобы заполнить ее и погасить подземное пламя. Огромные массы воды двинулись с разных сторон и, столкнувшись на месте взрыва, образовали гигантский водоворот.

Подводные лодки пытались уйти. Командиры их успели дать ход машинам. Но было поздно. Ринувшиеся к месту взрыва потоки захватили субмарины, понесли их к центру водоворота.

Образовавшаяся от взрыва волна мчалась, теряя силу, растекаясь по океану. Она догнала группу дельфинов, увлекающих Степана Бакшеева и Аритомо Ямаду. Но они и не заметили волну, они слились с океаном, и волна приняла их на свою грудь. Дельфины и люди продолжали идти на северо-восток.

Это направление выбрал Бакшеев. Он объяснил Аритомо, что такой курс может быть единственно приемлемым для них. На юге — острова Океании, занятые японскими войсками, на востоке — безграничный Тихий океан, на западе — Япония и оккупированные ею Филиппинские острова. Если же они пойдут на северо-восток, то достигнут широт, где проходят пути советских судов, идущих из Америки в СССР.

Весь следующий день шел теплый дождь. Он был как нельзя кстати. У людей было всего по фляге воды с собой. И вода стала главной проблемой в их путешествии. Что касается пищи, то людей это не заботило. Дельфины постоянно охотились и то один, то другой подносили к волокуше рыбу.

Фист-ких больше не впрягалась в упряжку. Она шла справа от волокуши, и рядом с нею, словно беспомощный детеныш, двигался безумный Фаситор.

На третий день они увидели дымки на горизонте. По команде Аритомо дельфины свернули влево. Впереди замаячил силуэт военного корабля. Когда люди приблизились к нему, они отчетливо различили белый флаг с красным солнцем посередине.

— Назад! — крикнул Аритомо Ямада.

Волокуша отвернула от корабля незамеченной. Люди и дельфины продолжали свой путь.

Солнце заставило людей прикончить запасы воды, и теперь они утоляли жажду, высасывая влагу из рыбы, доставляемой для них дельфинами.

Шестой день путешествия застал их совершенно измученными. Степан потерял уже счет дням и никак не мог точно определить, сколько же суток прошло с той поры, когда они покинули остров профессора Накамуры.

В океане стало холоднее, солнце нагревало воздух уже с меньшим старанием, и вскоре волокуша с обессиленными людьми вошла в густой туман.

* * *

...Острый форштевень корабля неожиданно возник в кабельтове от волокуши. Степан крикнул — дельфины замедлили ход, корабль быстро проносился мимо. Степан закричал изо всех сил и понял, что его услышали, когда увидел за кормой проскочившего корабля вскипевший бурун.

Степан затормозил Аритомо Ямаду, хриплым голосом повторяя: «Корабль! Корабль!» Он успел заметить полосатый флаг на корме. Но в охватившей его радости от того, что встретил союзников, Степан совсем забыл, что для Аритомо Ямады это флаг воюющей с его страной державы.

Это был американский фрегат патрульной службы. Он осторожно приближался к людям, лежащим на волокуше. Дельфины пришли в буйный восторг. Они выпрыгивали из воды, всевозможными звуками выражали свою радость.

Только Фист-ких оставалась неподвижной, и Фаситор рядом с нею тоже был безучастным.

С фрегата, застопорившего ход, спустили шлюпку, и вскоре Степан Бакшеев с Аритомо Ямадой были на палубе американского корабля.

Их друзья дельфины окружили фрегат и продолжали танец радости в честь спасения людей.

И тут произошло непоправимое. Молодой матрос, рыжий щуплый парнишка, уселся за турель зенитного пулемета и из чистого озорства

хлестнул очередь по окружившим фрегат дельфинам.

Пули миновали всех, кроме Старшей Матери Фист-кых. Но она умерла не сразу и успела послать сигнал страха, что сильнее сигнала бедствия.

В ту же минуту у борта фрегата не осталось ни одного дельфина. Только тело Фист-кых покачивалось на воде, и ничего не понимающий Фаситор осторожно подталкивал его мордой.

С бешеным криком рванулся Бакшеев к мальчишке у пулемета. Степана схватили сильные руки матросов, и подоспевший врач наклонился над ним со шприцем в руках.

Фрегат двинулся дальше по своим военным делам.

После укола Степан потерял сознание, и его осторожно снесли вниз.

Дельфины не вернулись больше. Повинуясь последнему приказу Фист-кых, они мчались туда, где ждал их Совет Старших Матерей. Они мчались туда, где ждали их рассказа о первом контакте с человечеством.

МОРСКОЙ АРХИВАРИУС

Морской АРХИВАРИУС

В. Дыгало

МОРЯКИ СПЕШАТ НА ПОМОЩЬ

Очерк

Во второй половине декабря 1908 года отряд русских военных кораблей Балтийского флота под флагом контр-адмирала В. Литвинова находился в Средиземном море в учебном плавании.

28 декабря^[9] после напряженного дня отработки учебных задач отряд стал на якорь на рейде порта Аугуста, что расположен на восточном берегу Сицилии, в восьмидесяти милях южнее Мессины. Стояла теплая ночь. На рейде сонно покачивались стальные громады линейных кораблей «Цесаревич», «Слава» и крейсеров «Адмирал Макаров» и «Богатырь». Тишину нарушал лишь перезвон корабельных колоколов, отбивающих склянки. О борта кораблей плескалась черная вода, в которой, дрожа, отражались редкие портовые огни и огни кораблей.

Внезапно стальные корпуса линкоров и крейсеров начали содрогаться, точно какая-то неведомая могучая рука наносила тяжелые удары по их подводной части. Одновременно послышался отдаленный мощный гул, и вдруг все корабли в полный штиль резко развернулись носом к морю.

На кораблях немедленно сыграли боевую тревогу, внимательно осмотрели помещения, особенно тщательно жвака-галсы и якорные устройства. Убедившись, что корабли не повреждены и их не дрейфует, с разрешения командира отряда дали отбой боевой тревоги.

Между тем до того спавший город Аугуста внезапно ожил: в окнах домов зажегся свет, с берега донеслись шум и крики людей. Однако скоро все утихло, и казалось, что берег снова погрузился в предутренний покой. Утром отряд вышел на стрельбы, и, только когда корабли возвратились на рейд, стало известно о невиданном землетрясении, разразившемся в Сицилии и Калабрии. В Аугусте были повреждены некоторые здания, нарушена телеграфная связь и пострадал железнодорожный путь в сторону Катании (город к северу от Аугусты).

Вечером из Катании на флагманский корабль «Цесаревич» к командиру отряда прибыли русский вице-консул А. Макеев вместе с капитаном над портом. Они поведали контр-адмиралу Литвинову горестное известие о страшном землетрясении, охватившем юго-западную Италию — Калабрию и северо-восточную Сицилию, с эпицентром в Мессинском проливе. Особенно сильно пострадали города Мессина и Реджо-ди-Калабрия. Менее чем за минуту эти города были обращены в груды развалин. Под обломками зданий оказались погребенными десятки тысяч жителей, а те, кто уцелел, остались без крова, без пищи, без воды. Телеграфная связь повсеместно нарушена. Капитан над портом вручил адмиралу телеграмму от префекта Сиракуз, в которой префект просил «дружественную нацию» не отказать в помощи населению.

Командир отряда приказал всем кораблям приготовиться к походу. Крейсер «Богатырь» временно был оставлен в Аугусте для поддержания телеграфной связи с материком через Палермо.

Ночью 29 декабря отряд вышел в Мессину. На кораблях началась подготовка к спасательным работам. Все экипажи разбили по сменам для высадки на берег. Спасательные команды обеспечили лопатами, кирками, топорами, ремнями и веревками, вещевыми сумками с продуктами; каждому моряку выдали фляжку с водой. Шлюпки, на которых находились ящики с галетами, анкерки с водой и медикаменты для пострадавших, изготовили к спуску.

Все продовольственные запасы на кораблях взяли на учет и установили строжайший контроль над их расходом. В корабельных лазаретах развернули медицинские пункты, оборудовали операционные. Здесь также было много хлопот: надо было позаботиться об инструментах, медикаментах, перевязочном материале. Руководил этим флагманский врач отряда А. Бунге — в прошлом известный полярный путешественник, исследователь дельты реки Лены и Новосибирских островов. Часть медицинского персонала готовилась для оказания помощи пострадавшим на берегу.

Утром 29 декабря показались подернутые легкой дымкой берега Мессинского пролива. Даже глядя на море, можно было судить о размерах бедствия: еще милях в двадцати от Мессины моряки увидели над городом огромное багровое зарево и по мере приближения к нему все увеличивающееся количество всевозможных плавающих предметов, обломков дерева и много разбитых шлюпок, лодок.

Около семи часов утра отряд прибыл на Мессинский рейд. Линейные корабли стали на якорь, а крейсеру «Адмирал Макаров» было приказано войти во внутреннюю гавань. Взорам русских моряков открылось ужасное зрелище: от цветущего большого города (его население составляло свыше 160 тысяч жителей) остались только груды развалин, почти лишенные признаков человеческой жизни. Во многих местах полыхали пожары. Дым застилал бухту. Набережная и портовые сооружения осели, на берегу лежали выброшенные буксиры и мелкие суда, шлюпки, тюки товаров.

Одновременно с русскими кораблями подошел к Мессине и стал на якорь идущий с юга английский крейсер «Сетлей»; в гавани уже находились итальянские крейсер и миноносец.

Как стало известно позже, в районе землетрясения радиусом около 60 километров, считая центром Мессину, погибло около ста тысяч человек.

Города Мессина и Реджо-ди-Калабрия были почти полностью разрушены, лишились света, воды, связи. Искореженные железнодорожные пути были завалены изуродованными паровозами и вагонами.

Землетрясение началось перед утром, когда город, раскинувшийся у подножия вулкана Этна, еще спал. Внезапно земля содрогнулась. Люди были разбужены звоном бьющегося стекла, грохотом падающих предметов. Не успели они прийти в себя, как последовали второй, а затем и третий, еще более сильные подземные толчки, от которых начали рушиться дома, засыпая тех, кто не успел выбежать на улицу. В несколько минут цветущий город превратился в сплошные развалины. Тысячи людей, искавшие спасения, устремились на набережную. Но здесь их ожидало новое несчастье. Вода в глубокой Мессинской бухте вдруг опустилась на несколько метров, после чего на берег хлынула огромная волна, довершая катастрофу. Она разбила многие суда, стоявшие в гавани, затопила набережную, прилегающие улицы, а затем унесла с собой в море все, что встретилось на ее пути. В числе судов, погибших здесь, был и русский пароход «Продуголь», стоявший в Мессинском доке на ремонте. Ни одному из членов его команды спастись не удалось. Город окутался бурыми тучами известково-кирпичной пыли, по развалинам зданий поползли огненные языки. Отовсюду слышались крики, стоны раненых и обезумевших от ужаса людей. «Нет слов, чтобы выразить горе, ни красок, чтобы нарисовать

страшное лицо катастрофы», — писал находившийся тогда в Италии Максим Горький.

Вот как рассказывал о землетрясении один из спасенных:

— Я проснулся от ужасающего гула и грохота. Я сразу же вскочил и должен был прислониться к стене, потому что ноги меня не держали. Толчки следовали один за другим. Мебель подскакивала вверх, стекла лопались с оглушительным звоном, а в разбитые окна врывались порывы вихря. Двадцать секунд длился первый вал землетрясения. Еще ни один дом не упал, но над городом пронесся всеобщий стон, который обращала к небу Мессина, перед тем как умереть. А затем стены разлетелись, как осенние листья, дома превратились в груды щебня. Меня выбросило на улицу. Я думал, что это конец света.

После постановки на якорь с русских кораблей немедленно спустили шлюпки со спасательными командами, врачами, фельдшерами и санитарами. Со стороны это было похоже на высадку десанта. В полной тишине, нарушаемой лишь криками людей с берега, слышались громкие отрывистые слова команд, и вот уже головная шлюпка под флагом командира отряда отвалила от «Цесаревича» и стремительно пошла к берегу. За ней, чуть поотстав, шли другие шлюпки с развевающимися русскими военно-морскими флагами.

То, что моряки увидели на берегу, превзошло их самые мрачные предположения: здесь толпилось несколько тысяч полураздетых, обезумевших от ужаса и израненных мужчин, женщин и осиротевших детей. Из-под развалин доносились стоны и крики засыпанных, повсюду на улицах лежали окровавленные люди, большинство домов представляли из себя кучу развалин, а оставшиеся кое-где стены ежеминутно грозили падением. Среди развалин бродили люди, ища своих близких и родных.

Свезенные на берег с кораблей отряда спасательные партии и пожарные команды, вооруженные разным инструментом, тотчас же начали откапывать засыпанных в ближайших к набережной домах и доставлять раненых на организованные русскими врачами перевязочные пункты, тушить многочисленные пожары. Раскапывать завалы было невероятно трудно, ибо, боясь нанести повреждения людям, моряки действовали преимущественно не инструментом, а руками. Нелегко было бороться и с пожарами: в городе не хватало воды.

Во многих местах раскопки велись с большой опасностью для работающих, так как время от времени ощущались подземные удары,

грозившие обвалом стен, под которыми производились поиски. Организация спасательных работ в городе осложнялась тем, что все представители власти, за исключением тяжело контуженного и совершенно растерявшегося префекта, погибли. Стоящие в городе воинские части почти полностью были погребены в своих казармах. Но из уцелевших людей каждый, кто чувствовал в себе хоть немного сил, самоотверженно помогал русским морякам в спасении пострадавших.

Многие улицы города представляли собой сплошные завалы. Рискуя жизнью, моряки смело взбирались по обломкам стен, пролезали в подвальные помещения, строили галереи и колодцы, чтобы добраться до пострадавших. Работу спасателей в значительной степени затрудняли непрекращающиеся подземные толчки и проливной дождь. В городе стоял сильный трупный запах. Без специальных повязок на лице невозможно было дышать. Но спасатели продолжали свое благородное дело.

Моряки действовали по разработанной штурманом «Цесаревича» инструкции. Они шли по десять человек шеренгами на расстоянии пяти метров друг от друга, осторожно ступая и внимательно прислушиваясь, не застонет ли кто-нибудь. Через каждые пять-шесть шагов по команде старшего все останавливались и опять внимательно прислушивались. Заслышавший стон или зов поднимал руку, и все устремлялись к нему. Старший десятки оставлял двух-трех человек, организовывал работу, а остальные двигались дальше. В пункте сбора десятки объединялись и вновь продолжали поиск и спасение найденных.

С самого начала и до конца спасательных работ продолжались подземные толчки разной силы. Мичман Свицерский, услышав стон, направился к груде обломков. В этот момент сильный толчок вновь потряс город. Свицерский уже был у цели, когда два матроса схватили его под руки и оттащили назад. И вовремя... С грохотом, поднимая тучи красноватой кирпичной пыли, на это место рухнула, стена здания.

Гардемарин Николай Рыбаков из экипажа «Цесаревича» в своих воспоминаниях писал:

«...Десятилетняя девочка привела нас к развалинам ее дома, от которого уцелела лишь одна стена. Из-под развалин мы слышали слабый голос, вызывавший о помощи. Там был завален ее отец. Мы принялись за работу почти голыми руками. Освободив отца, мы прежде всего дали ему попить.

Он лежал среди развалин около двух суток. Тут я почувствовал, что почва заколебалась под ногами, а оставшаяся от дома стена стала наклоняться. Я крикнул: «Берегись!» Мы еле-еле отскочили в сторону, когда стена с шумом рухнула... Несколько минут позже мы снова принялись за работу».

Очевидец трагедии в Мессине Д. Фратта в своих мемуарах пишет:

«Славные ребята! Вот уже три дня я наблюдаю за ними, как они разбирают развалины домов, хлопчут у носилок каждого раненого. Их руки не знают усталости после 10—14 часов чудовищной работы. Тем, кто выражает им свое сочувствие, они отвечают, пожимая плечами: «Ничего!» С помощью переводчика я спросил у этих запыленных, измученных лихорадочной работой ребят с Волги: «Сколько вы спасли сегодня?» — «К сожалению, немногих. Двадцать четыре раненых. Остальные были уже мертвы». — «Вы здорово устали?» — «Ничего! Это наш долг. Ничего, синьор, ничего!»

При одном из подземных толчков засыпало галерею, устроенную под руководством инженер-механика линкора «Цесаревич» Федорова. Галерея была проложена, чтобы освободить группу заживо погребенных итальянцев. В момент обвала Федоров один работал в этой галерее. К счастью, его лишь контузило, и через двадцать минут он был спасен своими товарищами.

...Старший десятки гардемарин Никольский посмотрел вверх, откуда изредка сыпались мелкий песок и кусочки кирпича. То, что он увидел, ошеломило его: над ним на высоте трех этажей, прижавшись к стене, недвижно, словно изваяние в нише, стоял человек. Он, очевидно, не то что кричать, но и пошевелиться-то боялся.

— Мы сейчас снимем вас, — крикнул Никольский и жестами показал, чтобы несчастный сохранял спокойствие и неподвижность.

Марсовый матрос Пенкин, обвязавшись манильским тросом, смело полез по выступам оставшейся стены, но только через тридцать минут добрался к несчастному. Прочно закрепив конец троса за выступавшую балку перекрытия, он привязался страховочным концом к поясу

итальянца и, обхватив трос руками и ногами, спустился вместе с пострадавшим вниз.

В другом месте обнаружили человека, висящего вниз головой с ущемленными между балками ногами. Он совершенно изнемог и, видимо, вот-вот должен был расстаться с жизнью. Матросы проявили чудеса смекалки и, построив подобие пирамиды из своих тел, добрались и спасли этого человека.

Доблесть и самоотверженность матросов были настолько велики, что начальники вынуждены были удерживать их от риска.

Смена спасательных команд на берегу происходила через шесть часов, но многие отказывались от отдыха и оставались работать до вечера.

«Их послало нам само небо, а не море!» — так говорили итальянцы о русских моряках.

Одна из групп с «Макарова», приведенная местным жителем к развалинам банка, откопала несгораемый сейф, в котором, как потом выяснилось, было 25 миллионов лир золотом и ценными бумагами. Касса была немедленно передана на итальянский военный корабль.

Около полудня 29 декабря на рейд прибыли итальянские линейные корабли «Регина Елена» и «Наполи». Последний перешел к Реджо, а с «Регины Елены» свезли на берег спасательные партии, которые немедленно подключились к работам.

А землетрясение не унималось: вечером около 20 часов произошло новое сильное колебание почвы, с грохотом стали рушиться уцелевшие стены. К счастью, жертв не было. Работавшие среди развалин моряки отделались незначительными ушибами, но даже тот, кто нуждался в медицинской помощи, не пожелал уйти с мест поиска пострадавших и продолжал работать. Стоны и крики заживо погребенных людей удесятерили силы русских моряков.

«При понятном рвении помочь несчастным пострадавшим, — писал в рапорте морскому министру В. Литвинов, — раскопки велись изо всех сил, и в этот же день общими стараниями наших команд удалось извлечь из-под обломков зданий около 1000 человек, большинство коих были тяжело искалеченные, нуждающиеся в немедленной перевозке...

Ввиду полного отсутствия какого бы то ни было помещения на берегу... я распорядился отправить перевязанных более тяжело раненных на крейсер «Адмирал Макаров».

Вечером 29 декабря крейсер с 400 ранеными ушел в Неаполь.

...В одной из спасательных групп находился гальванер кормовой башни крейсера «Богатырь» (прибывшего на рейд на сутки позже) Владимир Полухин — впоследствии известный революционер, расстрелянный в числе 26 бакинских комиссаров английскими интервентами. В развалинах одной из улиц внимание Полухина привлекли пятна крови на камнях у угла чудом сохранившегося дома. Видимо, кто-то из пострадавших находился среди развалин второго этажа. Один из матросов набросил трос на конец балки перекрытия и полез наверх. Там он обнаружил придавленную балкой девушку, которая была без чувств. Матрос ничего не мог сделать — не хватало сил сдвинуть балку. Тогда наверх полез Владимир Полухин, человек огромной энергии и редкой физической силы. Обломком толстой доски он приподнял балку и помог освободить девушку. Она была почти без одежды. Полухин снял форменку и надел на пострадавшую. Матросы отнесли девушку на корабль, где ей была сделана сложная операция. Девушка осталась жива.

А вот еще один эпизод тех дней. На остатке балкона третьего этажа, зацепившись рубашонкой за решетку, висит головой вниз девочка лет шести. Снять ее почти невозможно. Обломок стены еле держится и может рухнуть в любую секунду. Матросы нашли выход. Поставили вертикально лестницу почти без всяких упоров. Двое поддерживали ее, двое поднялись наверх. Там один из них встал на плечи другому и достал девочку.

С рассветом 30 декабря начали приходить пароходы, зафрахтованные итальянским правительством для вывоза раненых и эвакуации населения из Мессины и Реджо. Прибыли и две русские канонерские лодки «Кореец» и «Гиляк», доставившие из Палермо роту итальянских солдат, санитаров и принявшие участие в спасении и перевозке раненых из Мессины в Неаполь. После них пришел английский крейсер «Минерва», с которого были выгружены запасы продовольствия и медикаментов. В 9 часов прибыл итальянский линейный корабль «Витторио Эмануоло» под королевским штандартом.

Около 17 часов король посетил линейный корабль «Цесаревич» и выразил признательность командиру отряда и всему личному составу за быстрый приход в Мессину и за энергичную и самоотверженную деятельность всех команд на берегу.

В 18 часов 30 декабря линкор «Слава» с 550 ранеными, женщинами и детьми на борту вышел в Неаполь, имея приказание контр-адмирала Литвинова после передачи мессинцев немедленно возвращаться обратно, закупив лишь свежую провизию, а также перевязочные и дезинфекционные средства.

В Неаполе линейный корабль встречали толпы народа. Вот как описывает эту встречу Алексей Максимович Горький в книге «Землетрясение в Калабрии и Сицилии 15 (28) декабря 1908 года»^[10].

«Первое судно, прибывшее в Неаполь, — наша «Слава», — воистину команда этого судна оправдала его имя, как о том единодушно и горячо свидетельствует пресса всей Италии. Воистину моряки нашей эскадры героически работали в эти дни горя Италии.

Отрадно говорить об их подвигах, и да будет знаменательным и вещим для эскадры это первое ее боевое крещение, полученное ею не в страшном и позорном деле борьбы человека с человеком, а в деле братской помощи людям, в борьбе против стихии, одинаково враждебной всему человечеству. На «Славе» прибыли женщины и дети. Матросы сходили на берег, неся на руках ребят и женщин. О подвигах матросов уже знали в Неаполе, и Неаполь встретил русских восторженными рукоплесканиями.

— Да здравствуют русские моряки!

— Да здравствует Россия! — гремел город.

Неаполитанцы, рыдая, обнимали, целовали моряков».

На титульном листе этой книги значилось:

«Весь доход от настоящего издания поступает в пользу пострадавших от землетрясения».

Кроме этого, Горький организовал сбор средств в фонд помощи потерпевшим бедствие. Значительные суммы в этот фонд поступили из

России.

Газета «Ла Стемпа» писала в те дни:

«Кто не был в эти дни в Неаполе, тот не может дать себе отчет в громадной важности подвигов русских моряков... Итальянцы и русские были два народа, мало друг друга понимавшие. И вот, по мановению судьбы, они встретились в минуты величайшего трагизма... Весь мир теперь знает, что русские были первыми, которые поспешили нам на помощь и превзошли всех в своей самоотверженности при спасении несчастных жертв землетрясения.

Они проявили твердую руку в отыскании заживо погребенных, легкую руку при закрытии глаз умерших и всегда готовую сделать все возможное для своих ближних, не взирая ни на какие лишения, в голод и холод. Первые раненые, привезенные в Неаполь, повторяли имя русских не как людей, а точно ангелов, «ниспосланных им самим богом».

К трагическим событиям в Италии было приковано внимание всей мировой прессы. Но в разных странах и разными газетами эти события освещались по-разному. Сообщая о землетрясении, англичане, например, основное внимание уделили проявлению «истинно монаршего человеколюбия» прибывших в Мессину итальянского короля и королевы; французские газеты были заполнены описанием публичной казни четырех бандитов, пойманных в Мессине. Официальная пресса Австро-Венгрии, находившейся в натянутых отношениях с Италией, злорадствовала, призывая свести счеты с этой страной даже в дни ее национального бедствия.

Осуждая австро-венгерскую прессу, Горький с гневом выступил против ее человеконенавистнических выпадов:

«...Ясно видишь ту трясину культурного одичания, в которую постепенно и неуклонно погружает класс людей, живущих в непрерывных судорогах жадности... Бей, бей итальянцев, пока они не оправились от ударов судьбы. Не позорно ли!»

Уместно напомнить, что в дни мессинской катастрофы Италия входила в Тройственный союз, враждебно относящийся к России. Несмотря на это русские первыми протянули руку помощи итальянскому народу во время его национального горя. Главную роль в этом благородном поступке играли не официальные государственные отношения, а присущая русскому народу отзывчивость к судьбам и страданиям других людей, к какой бы национальности они ни принадлежали.

Героизм простых русских людей на итальянской земле восхитил весь мир. Итальянский народ называл их своими спасителями, своими братьями.

«Италия отныне чувствует великую благодарность к этой благородной стране», —

писала в те дни газета «Италия за границей».

Итальянские врачи Скиорочи и де Викарис, работавшие в Мессине, позже вспоминали:

«Мы были свидетелями подвигов этих героев... Воспоминание о них никогда не изгладится из нашего сердца! Невозможно выразить словами все их величие!»

Итальянский капитан корабля де Анжетс, находившийся во время землетрясения в Мессине, писал:

«Трудно представить себе нечто более героическое, чем поступок русских моряков... Бесстрашное поведение их офицеров и матросов еще более выделялось при их скромности и сердечной простоте. Все это так укрепило симпатии итальянцев к России, что об этом можно говорить как о настоящем политическом событии».

Подвиг тысяч благородных сынов русского народа был по достоинству оценен мировой общественностью, и особенно широкими кругами Италии. Вот некоторые отклики того времени:

«Аугуста (Сицилия)», 5 января 1909 г.

«Муниципальное управление, выражая чувства населения, постановило поднести русскому адмиралу Литвинову грамоту на пергаменте с выражением благодарности русским офицерам и матросам, совершившим акты геройского самоотвержения».

«Министр иностранных дел просит передать самую глубокую благодарность королевского правительства за труды по оказанию помощи, которые несут в данное время корабли нашей эскадры на месте бедствия.

К этой благодарности присоединяется также восхищение офицерами и матросами, преданность и самоотверженность которых не знают границ, чем восхищается пресса и свидетели подвигов наших моряков».

(Из телеграммы русского поверенного в делах в Риме.)

«...Поведение ваших моряков восхитительно, это истинные герои, которые по собственной инициативе спасли от страшной смерти сотни людей. Положение ужасно, и Ваши моряки принесли наивеличайшую помощь, за которую население Вам глубоко признательно».

(Из письма датского консула в Мессине Акселя Фегга.)

Еще трогательнее в своих многочисленных посланиях властям и контр-адмиралу Литвинову выражали свои чувства простые граждане Италии:

«Глубоко тронутые человеколюбивым побуждением, которое руководило вашими героями-моряками, когда они оказали нам помощь в том ужасном несчастье, которое постигло Италию, мы две никому не известные молодые девушки чувствуем, что мы обязаны вам выразить наше глубочайшее чувство благодарности.

Пусть наши слова, будут незначительны, но мы верим, что все женщины Италии в эти дни всеобщего траура воздают

должную дань самоотверженным поступкам великих воинов, которые своим героизмом действительно показали себя братьями несчастных.

Да здравствует Россия!

3 января 1909 года, Ольга Сикка, Лена Монтанья».

Царское правительство было не прочь извлечь политический капитал из героизма и благородной солидарности русских моряков с итальянским народом в годину тяжких испытаний. Но трудящиеся массы Италии еще со времени революции 1905 года неплохо разбирались в разнице между русским народом и царской знатью. Когда спустя некоторое время после землетрясения Николай II направился с визитом к королю Италии, его попросту освистали. Царю пришлось «за неимением времени» вернуться во Францию из пограничного итальянского города...

...Спасательные работы в Мессине продолжались. В них уже принимали участие и экипажи кораблей других национальностей. На площадях строились временные бараки для раненых. Наряду с пунктами первой помощи были организованы пункты продовольственного снабжения. Здесь мессинцы получали бесплатно хлеб, консервы, горячую кашу, чай и питьевую воду. Производилась эвакуация населения в другие города.

1 января 1909 года итальянский морской министр обратился к командиру отряда с просьбой снова предоставить русский корабль для перевозки раненых. Назначенный для этого «Адмирал Макаров», приняв 200 человек раненых и 400 эвакуированных, вышел в Неаполь. В Мессине остался один «Богатырь», команда которого продолжала спасательные работы. Около полудня 2 января «Слава» возвратилась из Неаполя и снова направила на помощь жителям спасательные партии.

В Мессине постепенно устанавливался порядок. К этому времени здесь было сосредоточено более 6000 войск, 40 военных кораблей, собралось свыше 300 врачей, между портами курсировали специально зафрахтованные пароходы. Поэтому контр-адмирал Литвинов запросил адмирала Мирабелло, нужна ли еще помощь русских. Выразив еще раз благодарность от имени короля и народа, морской министр ответил, что теперь они могут обойтись своими силами.

До полудня 3 января спасательные партии с обоих русских кораблей продолжали работать на берегу, после чего они передали спасательные работы итальянцам. В 14 часов в Аугусту ушла «Слава», а в 19 часов — «Богатырь».

В течение шести дней русские моряки самоотверженно вели спасательные работы в Мессине. На смену одним отрядам приходили другие. Ночью работали при свете корабельных прожекторов, с факелами. Русские моряки работали не жалея себя. Они забирались в самые опасные места. Многие из них были ранены, а некоторые навечно погребены под рухнувшими стенами... 8 января отряд перешел из Аугусты в Александрию. Там личный состав наших кораблей был восторженно принят итальянской колонией. К приходу русских моряков была выпущена листовка. В ней говорилось:

«Слава русским офицерам и матросам, не щадившим себя в Мессине во имя человечества!».

По официальным данным, моряки отряда и канонерских лодок «Кореец» и «Гиляк» извлекли из-под развалин и спасли 2000 человек. Около 1800 из них было доставлено в приморские города Италии, не пострадавшие от землетрясения.

Итальянское правительство наградило командование кораблей и врачебный персонал итальянскими орденами и специальными медалями за оказание помощи Мессине. Весь личный состав русских кораблей, работавший в Мессине, был награжден медалью «В память содружества».

Чувство безмерной благодарности русским морякам за их бесстрашие и благородство выразил в своем стихотворении итальянский поэт Фацио Умберто Марио (перевод Н. Букина):

Спасибо, Россия!

О, матери в траурной, скорбной одежде
И жены, убитые болью и горем,
Не плачьте! И головы выше! Надежду
И радость приносит лазурное море.
В ту страшную ночь, когда тайные силы

Взъярились, и стала Мессина могилой,
И берег окутался грозною тучей,
И каменный смерч поднимался могучий, —
Как праздник, как день долгожданной весны,
Пришли к нам на помощь России сыны.
Вам, русские, слава! Не раз вы в походах,
В баталиях громких во славу народа
Врагов сокрушали, врагов побеждали.
Сегодня вы снова себя показали:
С природой коварной из схватки неравной
Вы все-таки вышли с победою славной.
В минуты агоний смертельных и мук
Мы все ощутили тепло ваших рук.
Движимые к людям любовью высокой,
Пришли из страны вы великой, далекой.
О, люди и улицы нежной Мессины,
Приветствуйте каждого русского сына
И каждого имя на век сохраните
В сердцах благородных и в твердом граните!
Спасибо, Россия! Твои корабли
Нам веру и счастье с собой принесли.
Не тяга к наживе, не помыслы злые
Вели к нам, а братские чувства России.
И честь вам, бесстрашные, слава, родные,
Вы лавры примите от нас золотые!
В сказаньях и песнях живут имена
Героев России во все времена.

...Прошло два года. Итальянский комитет помощи пострадавшим в Мессине собрал средства на отливку золотой медали. На ней символически в виде женщины была изображена Мессина, на втором плане — силуэты русских кораблей, надпись на итальянском языке гласила:

«Мессина — доблестным русским морякам Балтийской эскадры».

Было решено вручить ее экипажам русских кораблей, отличившихся в Мессине в 1908 году, а в случае их отсутствия передать медаль любому русскому кораблю, находящемуся в Средиземном море. Им оказался крейсер «Аврора», совершавший в 1911 году учебное плавание. Крейсер получил приглашение итальянского правительства зайти в Мессину.

В 13 часов 1 марта 1911 года «Аврора» вошла в гавань. Набережная была полна народа, раздавались приветственные возгласы и звуки русского гимна, повсюду развевались итальянские и русские флаги. На второй день состоялась торжественная церемония. На корабль прибыли префект и представители мэрии и передали командиру золотую медаль и панно с изображением русских моряков, спешивших на помощь мессинцам.

Под рисунком на итальянском языке выведены слова благодарственного адреса:

«Вам, великодушным сынам благородной земли, героизм которых войдет в историю, первым поспешившим на помощь тем многим, кому грозила верная смерть от ярости земной тверди, мессинцы, пережившие бедствие 28 декабря 1908 года, преподносят этот памятный подарок, не могущий выразить безмерную благодарность, переполнявшую сердца. Ваши имена перейдут в грядущее как незабываемый яркий пример самой высокой и чистой гуманности».

Случилось так, что именно тогда русским морякам еще раз пришлось помогать итальянцам в трудный момент.

В ночь на 2 марта на набережной вблизи стоянки крейсера вспыхнул пожар в деревянном здании кинотеатра. 150 авроровцев ринулись в горевшее здание. Их усилиями пожар был вскоре потушен. Вышедшие на следующий день газеты восторженно отмечали, что, как и два с лишним года назад, русские моряки находились в первых рядах тех, кто бросился на помощь местным жителям. Память о героизме и самоотверженности наших моряков живет в сердцах трудящихся Италии.

Вот как писал об этих событиях спустя пятьдесят лет итальянский писатель Джованни Джерманетто:

«...В сердцах миллионов итальянцев, несмотря на прошедшие пятьдесят лет, еще живы воспоминания о трагических днях Мессины и о героических подвигах русских моряков, спасших тысячи мессинцев от верной смерти. Эти чувства симпатии и благодарности к русскому народу у нас еще более окрепли и умножились после всемирно-исторической победы Великого Октября и разгрома ненавистного фашистского ига во второй мировой войне.

В наши дни, когда русский народ вместе со всеми народами Советского Союза, руководимыми Коммунистической партией, одерживает победу в мирном соревновании с капитализмом и твердо отстаивает дело мира во всем мире, миллионы итальянцев с любовью и надеждой обращают свои взоры к вам, сынам великой Страны Советов. Как итальянец и коммунист, вспоминая героические подвиги русских моряков в Мессине, я хочу пожелать советским людям новых замечательных побед в строительстве коммунизма и в защите великой страны социализма — бастиона мира и светлого маяка всего свободлюбивого человечества».

...В одном из тихих тенистых уголков Мессины в память об этих незабываемых событиях установлен памятник, созданный по проекту итальянского скульптора Пьетро Куфегге. На монументе запечатлен эпизод оказания помощи пострадавшим. Русские моряки навечно застыли в бронзе в порывистом движении. На мужественных лицах решимость прийти на помощь людям, попавшим в беду.

Жители Мессины бережно хранят память о мужестве и самоотверженности наших соотечественников. Свидетельством этому явилась и манифестация, которая состоялась здесь 7 октября 1978 года и была приурочена к 70-летию героического подвига русских моряков.

В присутствии сотен горожан на здании муниципалитета города была торжественно открыта мемориальная доска. В церемонии приняли участие работники советского посольства в Италии во главе с чрезвычайным и полномочным послом Н. Рыжовым и экипаж эскадренного миноносца «Решительный», прибывшего в порт по этому случаю с официальным визитом под флагом контр-адмирала Н. Рябинского.

Выбитый на мраморе текст гласит:

«В память о благородной помощи, без промедления оказанной экипажами русских военных кораблей «Богатырь», «Цесаревич», «Макаров», «Слава» гражданам Мессины, пострадавшим от землетрясения 28 декабря 1908 г. Муниципалитет в память об этой человеческой солидарности, бескорыстном героизме открывает эту мемориальную доску по случаю доставляющего нам радость визита советских представителей и в знак вечной признательности и братской дружбы между городом Мессиной и русским народом».

Выступая на церемонии, мэр Антонио Андо отметил, что жители города помнят о подвиге русских моряков, свято хранят чувство искренней благодарности русскому и советскому народу. Повсюду, где появлялись советские моряки, их тепло приветствовали жители города. Многие представлялись гостям из СССР как сыновья, дочери, внуки спасенных русскими моряками в 1908 году.

Ю. Дудников

ГРОЗДИ БАНАНОВ

Очерк

В Эквадоре до сих пор помнят теплоход «Боливар», хотя со дня его гибели прошло уже почти тридцать лет. Слишком много жизней он унес с собой, вопиюще откровенными были причины трагедии, слишком нагло истинные виновники ее пытались уйти от ответственности. И хотя эта катастрофа относилась к разряду «тихих», то есть неизвестных широкой мировой общественности, она ничуть не отличалась по своему трагизму от «катастроф века».

...Капитана теплохода-парома «Боливар» Педро Гальегу перед самым отходом из Гуаякиля вызвали в правление компании, которой принадлежало судно. Это было необычно и могло сулить лишь неприятности: нечасто капитаны удостоиваются приглашения к сильным мира сего. Поэтому настроение, с которым капитан Гальега добирался по шумным улицам города к зданию, в котором размещался офис компании, было далеко не радужным. Взглядывая на многочисленных нищих, пристававших к прохожим, особенно к иностранцам, капитан поеживался: кто знает, что нужно от него сеньорам из правления? Может статься, что, выйдя из офиса, он тоже будет не капитаном, а таким же вот нищим... И это-то буквально накануне его пятидесятилетия!

Конечно, «Боливар» старая посуда и когда-нибудь он попросту развалится в рейсе. Но кто знает, когда это будет... Пока же он дает возможность существовать и даже кое-что подрабатывать на черный день. Для Педро Гальеги потерять должность капитана было катастрофой... Куда тогда идти? Что делать? Кому он будет нужен?

Чтобы угодить хозяевам, он выполнял все их распоряжения, которые порой шли вразрез со многими требованиями безопасности плавания, не надоедал просьбами о ремонте, откупался от береговых и таможенных властей. И все это ради куска хлеба для себя и своей семьи, ради того, чтобы существовать. И так поступал не только капитан «Боливара», но и капитаны других судов этой же компании. Ибо все боялись пополнить ряды безработных.

Капитана Гальегу встретили приветливо, и он сразу же был приглашен в кабинет к одному из руководящих сеньоров. Разумеется, это был не сам председатель, для него капитан Гальега являлся чересчур мелкой сошкой, но и тот сеньор, который принял капитана, занимал в компании место, внушающее подчиненным глубокое почтение. Педро Гальеге предложили сигару, кофе (хотя он предпочел бы другой напиток), и сеньор, восседавший за полированным столом, сразу приступил к делу. Выразив пожелание благополучных рейсов и всяческих удач, собеседник капитана поставил его в известность, что до конца года необходимо активизировать вывоз бананов, которые составляли большую часть груза паромов, курсирующих на линии Санта-Роса — Гуаякиль. Капитану сказали, что компания заключила выгодный контракт на скорую доставку бананов в Гуаякиль и что от капитана «Боливара» и его коллег на других судах зависит успешное выполнение сделки, а следовательно, и получение высокой оплаты для себя.

Сеньор из правления прямо предложил капитану максимально загружать судно, обеспечивать быструю погрузку, с тем чтобы вывезти все доставляемые в Санта-Роса бананы. Чем больше бананов, тем больше вознаграждение...

— Такие же распоряжения будут даны и другим капитанам, — закончил сеньор из судовладельческой компании.

...«Боливар» насчитывал уже более полувека непрерывной службы. Построенный в самом конце прошлого века, он верой и правдой служил многим хозяевам. Это был пароход, напоминавший те, что ходили по Миссисипи во времена лоцмана Марка Твена. Низкий корпус сорокапятиметровой длины, на палубе которого располагались грузы и пассажиры третьего класса... Трюмы были настолько мелкими, что машины полностью в них не помещались и были частично прикрыты кожухом.

Над корпусом на тонких колонках возвышалась вторая палуба с каютами первого класса, комсостава, камбузом и подобием ресторана. Еще выше, так сказать «на третьем этаже», находились рулевая рубка, каюты капитана и старшего помощника и несколько помещений, гордо именуемых «люкс-апартаментами». Когда наступала ночь, на нижней палубе развешивались гамаки, и, чтобы пройти судно, допустим, с носа до кормы, нужно было ползти под спящими. Впрочем, гамаки

развешивались и на второй палубе: как правило, судно брало на борт пассажиров много больше нормы.

Проработав до середины сороковых годов нынешнего века и выслужив все сроки, пароход не пошел на слом, а попал... к новым хозяевам. Осмотрев свое приобретение, они модернизировали его — котлы и машины выбросили, а взамен поставили старенький дизель, что позволило увеличить грузо- и пассажироместимость «Боливара». На сколько? На это вряд ли кто ответил бы, ибо пассажиров и груз принимали на борт без всяких ограничений.

...Получив столь ценные указания, капитан Гальега быстренько отвалил от своего штатного довольно ветхого пирса и отправился в рейс. Как обычно, до Санта-Роса и груза и людей было сравнительно немного. Зато на обратный путь хватало и того и другого.

В Санта-Роса на таком же дряхлом, как и в Гуаякиле, пирсе «Боливар» уже ожидали штабели бананов, десятки нетерпеливых пассажиров и несколько автомобилей. Началась посадочная суматоха.

Пока грузчики непрерывной цепочкой бегали по прогибающимся сходням, помощники капитана размещали пассажиров, переругивались с владельцами багажа, с бригадами грузчиков, подгоняли своих матросов.

Минул час, другой, а штабели бананов на пирсе не убывали. Капитан видел, что их очень много, но, памятуя наказ сеньора из офиса, распорядился грузить все. Скоро гроздьями бананов были плотно забиты трюм, нижняя палуба, убогий кубрик команды в носовой части корпуса... Подбадривая себя монотонными возгласами, черноволосые, меднолицые, низкорослые грузчики-индейцы мелкой рысцей безостановочно носили грозди зеленых бананов. Каждая гроздь насчитывала двести плодов и весила около тридцати килограммов. Каждый грузчик нес по две грозди, и надсмотрщики зорко следили, чтобы их подопечные не нарушали нормы.

Хозяева автомобилей с проклятиями требовали, чтобы им оставили место, всем позарез нужно было в Гуаякиль. Кое-как на корму впихнули шесть машин — три «фольксвагена», два дряхлых грузовых «форда» и роскошный «олдсмобил» какого-то богатого плебоя.

В банановом аврале участвовала и вся команда, поэтому отлучиться по своим делам удалось немногим. Однако все помнили о пятидесятипятiletнем юбилее своего капитана, и продавцы портовых лавчонок не могли пожаловаться на отсутствие спроса на дешевый, но

крепкий мескаль. Кроме того, отход в рейс совпадал с, так сказать, днем рождения самого «Боливара»: ему исполнилось шестьдесят лет! Для судна это весьма преклонный возраст. Ради этого события немало разнокалиберных бутылок с горячительным содержимым перекочевало из лавчонок на борт. Когда в шестнадцать часов «Боливар» вышел, наконец, в обратный путь, многие члены экипажа были Навеселе.

По самым приблизительным подсчетам на борт было принято почти триста двадцать пассажиров, шесть автомобилей и пятнадцать тысяч гроздей бананов. «Боливар» сел ниже грузовой ватерлинии, но насколько — наверное, было известно одному господу богу.

До следующей остановки — Пуэрто — пассажиры устраивались как могли. Каютные размещались по своим клетушкам, плейбой ругательски ругал «апартаменты», в которых не было кондиционера и прочих благ цивилизации. Палубные пассажиры выражали свое возмущение тем, что из-за бананов буквально некуда было приткнуться. Свободные от вахты члены команды, собираясь кучками где-нибудь на корме, прикладывались к бутылкам с мескалем, тихонько провозглашая здравицу в честь своего капитана и старичка «Боливара». Но если у команды было праздничное настроение, то на душе у капитана, что называется, скребли кошки.

Одних бананов «Боливар» принял около четырехсот пятидесяти тонн. Где-то около двухсот тонн весили все пассажиры. Еще приблизительно двенадцать тонн приходилось на автомобили... Для дряхлого «Боливара» это уже было больше чем достаточно. Но впереди ожидала еще остановка в Пуэрто, где тоже предстояла погрузка, а дальше — путь по Гуаякильскому заливу, вдоль его восточного побережья. Сто семьдесят километров «Боливар» совершал за восемнадцать часов, если была тихая погода. Но как-никак это был океанский залив, и хотя часть пути «Боливар» шел под защитой острова Пуна, его порой покачивало.

С таким перегрузом, как в этот рейс 24 ноября 1950 года, судно еще никогда не уходило, и капитан, чувствуя, как оно тяжело слушается руля, каким стало неустойчивым, мрачнел все больше и больше. Настроение еще больше ухудшилось, когда «Боливар» ошвартовался в Пуэрто. Его ожидала почти сотня пассажиров и сотни гроздей бананов. Юркий молодой человек, отрекомендовавшийся представителем Гуаякильской компании океанских паромов (в маленьких

латиноамериканских государствах любят пышные названия!), фамильярно подхватив Педро Гальегу под локоть, затараторил:

— Сеньор капитан, я знаю, что вы в курсе дела! Эти бананы нужно забрать все! До единой грозди!.. Сеньор управляющий поручил передать вам, что это в ваших же интересах!

— Но сколько же здесь гроздей? Мы уже погрузили пятнадцать тысяч!

— О, здесь пустяки, всего две тысячи девятьсот!

— Святая дева! — воскликнул в ужасе капитан. — Тогда мой «Боливар» уйдет в воду по вторую палубу... Он же не подводная лодка, сеньор! Да еще сотня пассажиров!

— Сто семнадцать, — уточнил молодой человек. — Дело ваше, капитан... Шеф предупредил, что с вами все договорено... Я могу ему позвонить, и тогда все, наверное, уладится... Не знаю только как... Уйдет ваш броненосец под воду или нет, еще неизвестно, а вот вам наверняка придется с него уйти, сеньор капитан!

Капитан беспомощно переглянулся со своим старшим помощником. Несколько секунд он тупо смотрел на кучу бананов. Перед его мысленным взором стояла улица Гуаякиля перед офисом компании и оборванные нищие с потухшими, мертвыми глазами...

— Какого дьявола не начинают погрузку? — забрал он. — Нам еще добираться до Гуаякиля! Или я должен торчать здесь до утра?

— Вот это деловой разговор, — заторопился молодой человек. — Сейчас начнем, капитан!

Скоро под ногами грузчиков закрипели сходни и тридцатикилограммовые грозди поползли на многострадальный «Боливар». Надсмотрщики надсаживались от брани, подгоняя грузчиков. Грозди растаскивали по всему теплоходу. Ими забили все проходы, все свободные места, даже между автомобилями, их взгромодили на вторую палубу, что было вопиющим нарушением всех правил, так как это резко уменьшало остойчивость судна.

Старший помощник сказал об этом капитану, но тот, с ожесточением плюнув за борт, мрачно ответил:

— А что остается делать? Не погрузим все бананы — меня выгрузят за борт... Может быть, святая Мария или сам дьявол помогут нам благополучно добраться до Гуаякиля!

В 22 часа погрузка была закончена. В некоторых местах грозди лежали штабелем чуть ли не до второй палубы. Их обтянули сетками,

чтобы не расползались, кое-как раскрепили тросами... Правда, тросы эти при ближайшем рассмотрении сильно смахивали на простые веревки. Две тысячи девятьсот гроздей вдавили «Боливар» в воду так, что было страшно смотреть. К четыремстам пятидесяти тоннам бананов прибавилось еще около восьмидесяти семи тонн. Всего на борту, таким образом, было пятьсот тридцать семь тонн одних только бананов. Но кто мог поручиться, что гроздей было точно семнадцать тысяч девятьсот? В той спешке, которая царила при погрузке, свободно могли впихнуть и девятнадцать тысяч, ведь старший помощник дважды останавливал погрузку, так как сбивался со счета! Надсмотрщики же старались вовсю: очевидно, они должны были что-то получить за лишние грузы, втиснутые в трюмы и на палубы «Боливара».

А ведь на борту были еще три сотни пассажиров и шесть автомобилей! Такой загрузки «Боливар» не знал со дня своего рождения. Но это было еще не все. После бананов на борт ринулись пассажиры — мужчины, женщины, дети...

Второй помощник лично считал кричащих, ругающихся, суесящихся людей... Перевалило уже за сто семнадцать, а поток пассажиров не иссякал. Помощник грудью преградил сходню, призывая на помощь матросов, но жаждущие отплыть из Пуэрто напирали... Пока матросы препирались у трапа, наиболее ловкие и пронырливые прыгали с пирса на низко сидящую палубу теплохода в носу и на корме.

Словом, когда после отчаянных проклятий, призывов в свидетели Мадонны и всех святых трап удалось убрать, на судне оказалось не сто семнадцать, а верных полторы сотни пассажиров. Впрочем, точно сосчитать было уже невозможно, все они расползлись по судну, смешавшись с остальными пассажирами. Безднадежно махнув рукой, капитан приказал отдать швартовы.

Хрипло завывая сиреной, «Боливар» медленно отошел от причала. Казалось, старое судно протестующе кричит, изнемогая от непосильного груза, наваленного на него, жалуется на свою долгую трудную жизнь. Часы в рулевой рубке показывали 22 часа 40 минут. Астматически дыша выхлопами разболтанного, чиненого-перечиненого дизеля, «Боливар» медленно пополз по проливу Ямбели. Скоро редкие тусклые огни пристани Пуэрто утонули в крошечной тьме. Вода казалась вязкой и тяжелой. Невидимая, она сонно ворочалась внизу, совсем рядом, изредка маслянисто взблескивая в отблесках судовых огней.

Небо затянули темные тучи, постепенно погасившие звезды. Ущербная луна то вырывалась из их цепких щупалец, то надолго скрывалась. Где-то в этой сырой темноте угадывался остров Пуна, но увидеть его было невозможно. Впрочем, вокруг вообще ничего нельзя было увидеть. Казалось, «Боливар» застыл на месте и мелкая дрожь, сотрясавшая его проржавевший корпус, вызывается ночной сыростью, а не работой дизеля.

На палубах теплохода, точно гигантские коконы, покачивались гамаки. Пассажиры, севшие в Санта-Роса, сразу же развесили их, используя для этого малейшую возможность, и теперь, утомленные волнениями дня, спали. В некоторые гамаки ухитрилось втиснуться по два человека: супружеские пары, родители с детьми.

Те, кто попал на борт в Пуэрто, тоже развешивали гамаки, выискивая для этого стойки, свободные трубопроводы, поручни трапов — словом, любое место, за которое можно было бы замотать конец веревки... Кое-где гамаки висели в два, а то и в три этажа. Многие, кому не хватило мест в гамаках, приютились возле бананов и даже на них, используя каждый свободный еще клочок палубы.

Многоголосый храп перекачивался над «Боливаром», порой заглушая даже монотонное бормотание дизеля. Только в каютах кое-где брезжили желтые огоньки, да из «люкс-апартаментов» раздавались вопли магнитофона и пьяный гомон — богатый плеейбой веселился в обществе нескольких собутыльников. Эти звуки доносились до рулевой рубки, в которой находились капитан Педро Гальега, его старший помощник и рулевой, стоявший у штурвала.

Время приближалось к двадцати четырем часам. «Боливар» уже должен был быть у северной оконечности мыса Алькатрас, но судно было так перегружено, что ползло как черепаха. Что оно перегружено, явственно ощущалось здесь, в рубке: «Боливар» как-то по-особенному дрожал и покачивался с борта на борт.

— Держи курс! — сердито прикрикнул старший помощник рулевому. — Не рыскай из стороны в сторону!

— Это не я, — отозвался тощий, долговязый матрос. — Это он сам крутит носом, сеньор... — От рулевого пахло мескалем, и старший помощник дополнительно обругал его и за это.

— Когда же мы пройдем, наконец, мыс? — ни к кому не обращаясь, произнес капитан, глядя в окно, рама которого беспрерывно дребезжала в такт работы дизеля...

— Уже проходим, — отозвался помощник, указывая на едва заметный огонек, мерцавший в темноте. — Проклятые бананы!.. Можно подумать, что они вывалились у нас из брюха и цепляются за дно...

— До дна тут не достанешь, — хихикнул матрос.

— Правь точнее, — заметил капитан. — Сейчас выйдем из-за острова, сразу потянет ветром...

— А задуть есть где, — пробурчал старший помощник. — Как-никак в проливе будет пять миль ширины... Наверное, никогда «Боливару» не приходилось тащить на себе столько груза и пассажиров!

— Не накликивайте беду, — повернулся от окна капитан. — Уже перевалило за полночь!

— Посмотрел бы я, как себя почувствовал господин дьявол на нашем месте, — огрызнулся старший помощник. — После такого рейса на всю жизнь возненавидишь бананы!

«Боливар» минул оконечность острова Пуна — мыс Алькатрас, и сейчас же в его левый борт невидимой сырой лапой уперся слабый, прерывистый ветер. Тучи на какое-то время расползлись, и луна озарила их лохматые края, посеребрила воду громадного залива.

Помощник, достав сигарету, собрался закурить, но выронил в окно рубки зажигалку. Она со стуком упала на настил левого крыла мостика.

— Не хватало еще потерять зажигалку! — с сердцем воскликнул помощник и, открыв дверь рубки, зашарил рукой по настилу мостика. Стоя в неудобной позе, он услышал, как Педро Гальега сердито крикнул рулевому:

— Куда сваливаешь?

— Ветер давит, сеньор капитан!

— Левее! Возьми левее!

Повинуясь окрику, рулевой резко пократил штурвал влево и, также повинуясь законам механики, «Боливар», поворачивая влево, стал крениться в противоположную сторону. Бананы, наваленные в Пуэрто, угрожающе зашевелились. Миг — и гнилые веревки лопнули, сотни тридцатикилограммовых гроздей пократились в сторону накренившегося борта.

Старший помощник почувствовал, как настил мостика под ногами резко дернулся, подбросив его вверх. «Боливар» стремительно повалился на правый борт, стряхивая со своих палуб в воду грозди

бананов, людей из гамаков, автомобили, корзины и узлы... Раздался грохот, шумный всплеск, разноголосый вопль.

...Когда старший помощник вынырнул из воды, его глазам представилось фантастическое зрелище. В тусклом лунном свете возвышалось над поверхностью нечто напоминающее спину какого-то морского чудища, густо покрытого косматой гривой. Это было днище опрокинувшегося «Боливара», обросшее водорослями. Вокруг него колыхались на воде обломки, бананы, вопящие, барахтающиеся люди. И все это было на том самом месте, где только что находилось освещенное огнями судно!

Опрокинувшийся вверх дном «Боливар» находился в таком положении две-три минуты. Внутри его раздался грохот — с фундамента сорвался главный двигатель и другие механизмы. От многотонного удара лопнула палуба и ветхий корпус разломился.

Кормовая часть с шумом и плеском тут же ушла под воду, а носовая продолжала плавать, поддерживаемая воздушной подушкой. За нее цеплялись немногие уцелевшие, кому посчастливилось благополучно скатиться с палуб теплохода в момент его опрокидывания. С отчаянными воплями утопающие цеплялись за этот жалкий обломок, друг за друга. Живое шевелящееся ожерелье окружало его. Но через несколько минут раздался гулкий хлопок, точно откупорили громадную бутылку шампанского: разорвав ржавую обшивку, сжатый воздух вырвался наружу. С шумным всплеском вторая половина последовала за первой, увлекая за собой почти всех, кто пытался найти спасение. Луна из-за туч равнодушно взирала на пустынные воды, где все еще барахтались люди. Потом тучи сгустились, лунный свет померк и все погрузилось во мрак.

Старший помощник, потрясенный мгновенной гибелью своего судна, тщетно звал капитана, других моряков, но никто не отозвался, только с разных сторон откуда-то из темноты доносились крики о помощи. Но их было мало, совсем мало. Мигель Альфаро, только что бывший старшим помощником капитана теплохода «Боливар», понял, что вряд ли он увидит кого-то из своих товарищей и, может быть, не увидит ни своего дома в Гуаякиле, ни свою жену, ни двоих детей.

Залив был огромен и пустынен, до берега — несколько миль, стояла глубокая ночь, и ни одного судна не было поблизости. Уцелевшие цеплялись за то немногое, что осталось от судна. Течение и ветер постепенно разносили их в разные стороны. То один, то другой,

обессилев, исчезал под водой, все реже и реже слышались призывы о помощи.

Она пришла лишь через два часа после катастрофы, в третьем часу утра. Шедший в Гуаякиль небольшой каботажный пароход случайно натолкнулся на погибавших. До рассвета продолжались поиски уцелевших. Последние из них были подняты на борт, когда уже светало. Старшего помощника Мигеля Альфаро подобрали в тот момент, когда он мысленно оканчивал счета с жизнью... Их было совсем мало, этих уцелевших, почти безумных, потрясенных, израненных, ничего не помнящих.

Размеры трагедии выяснились лишь в Гуаякиле, когда подсчитали спасшихся. Увы, подсчеты эти были весьма неутешительны. Точно установить количество бывших на «Боливаре» не представлялось возможным, но по предположениям пассажиров их насчитывалось 170 человек и экипажа — 25. Из этого количества было подобрано 52 пассажира и 7 членов экипажа. Из комсостава уцелел только старший помощник Мигель Альфаро. Ни одного ребенка из находившихся на борту не спасли.

Сотни людей осаждали контору Гуаякильской компании океанских паромов, пытаясь добиться ответа: кто же уцелел при столь чудовищной катастрофе? Но никто из администрации ничего вразумительного сказать не мог — ведь никаких списков пассажиров на «Боливаре» не велось. Для поддержания порядка пришлось вызвать полицию.

Под кричащими заголовками газеты публиковали рассказы немногих уцелевших о катастрофе. Впрочем, ничего вразумительного и они не могли рассказать: была глубокая ночь, слишком неожиданно и стремительно все произошло. Но дотошные репортеры все же кое-что выяснили, и через пару дней в статьях о катастрофе замелькали упоминания о тысячах гроздей бананов, погруженных сверх нормы, о сотнях пассажиров, принятых на борт, об автомобилях, запихнутых на палубу вместе с бананами. Словом, обо всем том, что компания хотела бы скрыть, тем более что страсти подогревались трупами, которые находили то на берегах залива, то плававшими в его водах.

Слишком большим оказалось количество жертв этой «банановой трагедии», как окрестили газеты гибель «Боливара», чтобы ее можно было как-то замолчать, игнорировать, и власти начали официальное расследование, а это сулило Гуаякильской компании океанских паромов

серьезные неприятности. Ее руководители, памятуя, что лучший способ защиты — нападение, начали энергично действовать.

На предварительном следствии ответственные лица компании клятвенно заявили, что никогда не давали покойному капитану Гальеге никаких указаний относительно погрузки бананов сверх нормы и не требовали от него ничего такого, что шло бы вразрез с требованиями морской практики. Следовательно, в случившемся виноват только капитан Гальега, очевидно имевший какой-то процент наградных от грузоотправителей!

Катастрофа могла произойти и от небрежности команды, в частности рулевых, при исполнении своих обязанностей, так как в этом рейсе многие из них оказались пьяными, что показывает на слабую дисциплину на судне, в чем, несомненно, тоже виновен капитан.

Компания отвергла и обвинения в свой адрес, что «Боливар» находился в запущенном состоянии, нуждался в капитальном ремонте и вообще выслужил все сроки. Сам факт столь долгой и безаварийной службы доказывал обратное: «Боливар» был надежным судном и содержался в хорошем состоянии, а его гибель — роковое стечение неблагоприятных обстоятельств.

И так пункт за пунктом опровергались обвинения, выдвигаемые в ходе следствия. Более того, нашлись и свидетели, утверждавшие, что случайно слышали, как капитан соглашался в Пуэрто взять весь груз бананов за вознаграждение для себя и экипажа в три сотни сукре: свидетели клялись в этом на Библии. Проверить же, находились ли они в числе пассажиров «Боливара» или нет, было невозможно.

Уцелевшие члены экипажа чистосердечно, не глядя друг на друга, признавались, что мескаль действительно пили: ну как тут не выпить, если у их капитана был день рождения, а «Боливару» стукнуло шестьдесят лет? Но выпили самую малость, так как капитан приказал всем грузить эти чертовы бананы: мол, обещал их владельцам, что заберет все!

Оставался еще Мигель Альфаро, старший помощник. Уж он-то все видел, все знает и скажет все, как было. Но ко всеобщему изумлению, тот заявил, что выполнял только приказания капитана; что возразить ему насчет перегрузки судна не мог; что пассажиров размещал не он, а погибший второй помощник; и что рейс проходил вполне нормально. Старший помощник допускал, что причиной катастрофы могла стать ошибка рулевого: он оказался пьяным и по приказу капитана его как раз

собирались заменить, для чего он, Мигель Альфаро и спускался с мостика!

Словом, все концы, за которые можно было бы потянуть, ушли на дно Гуаякильского залива вместе с «Боливаром». Проработав четыре недели, следственная комиссия официально объявила, что гибель «Боливара» и находящихся на нем людей произошла вследствие злонамеренной перегрузки его по вине капитана и, вероятно, вследствие преступной небрежности рулевого... Естественно, компания ответственности за эту катастрофу не понесла.

Уцелевшие члены экипажа получили назначения на два других, столь же ветхих парома этой же компании, а Мигель Альфаро должен был получить под команду новый паром, который компания собиралась поставить на эту же линию. Но минул месяц, второй, а будущий капитан все не получал обещанного.

Уходили жалкие сбережения, черноглазая красавица Мануэлла, жена Мигеля Альфаро, сэкономила каждый сукре, но все равно с каждым днем жить становилось все труднее. Мигель Альфаро вежливо напоминал о себе сеньору, принимавшему совсем недавно капитана Гальегу, и тот так же вежливо успокаивал будущего капитана. Но его вежливость убывала по мере того, как уменьшалось количество заметок в газетах о «банановой катастрофе». Когда их перестали публиковать вовсе, сеньор уже не столь вежливо предложил Мигелю Альфаро место помощника на совсем древнем каботажном пароходике. Временно, конечно, пока не улучшится финансовое положение компании...

Мигель Альфаро долго стоял у пирса, от которого в свой последний рейс отошел его «Боливар». Сейчас то, что им было, лежало там, под сверкающими на солнце водами громадного залива, обрамленного высокими горами. На илистом дне лежал капитан Гальега, его помощники, товарищи Мигеля Альфаро, и все они погибли из-за того, что сеньорам из правления захотелось хапнуть лишние сотни сукре. Ему же, чудом уцелевшему, этими же сукре обещали возместить потерянную им совесть, ибо он, Мигель Альфаро, согласился показать на следствии то, что было нужно Компании океанских паромов...

Стыд, горечь и злоба придали бывшему старшему помощнику мужества, и при очередном визите он довольно невежливо осведомился у прилизанного сеньора, когда же ему дадут обещанное судно. Сеньор столь же невежливо ответил, что придется подождать, ведь он уже объяснил ситуацию...

— Тогда в этой ситуации я вынужден буду взять свои показания обратно и рассказать правду о гибели «Боливара».

— Но ведь вы поклялись на библии! — возмутился сеньор из правления.

— Господь прощал и за большие прегрешения, — яростно возразил Мигель Альфаро, — простит мне и невольный обман. Тем более что за него мне не заплатили!

— Кто вам поверит? — ехидно осведомился собеседник. — Кому будут нужны ваши бредни?

— Хотя бы тому, кто захочет загрести денежки на скандале, который я подниму! Ведь загребли же вы деньги на этих проклятых бананах!

Гнев ослепил Мигеля Альфаро, и он высказал побледневшему от злости сеньору все, что он о нем думал, о Компании океанских паромов, о сеньоре управляющем, и, уходя, хватил дверью так, что задребезжали оконные стекла, а секретарша, нагримированная и причесанная под Мэрилин Монро, в ужасе пригнулась.

Увы, бывший старший помощник не знал, как опасно говорить хозяевам все, что о них думают, и делиться своими планами, не подумал, что и по сей день «деловые люди» крепко помнят любимую поговорку пирата Генри Моргана: «Мертвые не кусаются и не болтают».

Он тщетно искал работу, хотя бы матросом, хотя бы за гроши, — его услуги не требовались. Погруженный в мрачные мысли, он не замечал ничего вокруг. Не замечал он и потрепанного, неприметного «фольксвагена», как-то дважды проехавшего мимо него, когда он в тягостном раздумье стоял на тротуаре Авениды Либертад. В машине за рулем сидел... сеньор из правления, а рядом какой-то подозрительный субъект, типичный «пистолеро» — наемный убийца.

— Вы хорошо его рассмотрели? — спросил сеньор.

— Отлично... Я узнаю его везде, в любую минуту. У меня глаз, как фотоаппарат!

— Похвально. Значит, мне не зря вас рекомендовали. Так вот, запомните: как только я вам сообщу, вы сделаете то, о чем договорились. Задаток вами получен. Остальное — по выполнении.

— Будет сделано, сеньор.

— И чтобы все было чисто. Никаких неопознанных тел в переулке или в воде.

— Сеньор, — снисходительно улыбнулся «пистолеро», — как-никак у меня стаж, опыт... Это же моя профессия, наконец. Ведь в Гуаякиле часто бывают драки, а в них все может случиться. Когда мескаль ударяет в голову, рука ударяет ножом.

— Дело ваше, — ответил сеньор из правления, — но все выполните только по моему сигналу. Так сказал шеф.

— Все будет о'кэй, — ответил собеседник.

...Деньги дома кончились. Работы не было. Мигель Альфаро поведал жене о последнем разговоре со своими хозяевами и о своем намерении рассказать всю правду. Мануэлла пришла в ужас.

— Не делай этого! — умоляла она. — Ведь тебя заставят замолчать! Подумай обо мне, о наших детях!

Мигель Альфаро подумал и... отправился в редакции гуаякильских газет.

И снова запестрели заголовки. Бывший старпом «Боливара» рассказывал, какому давлению подвергался капитан Гальега, как принуждали его брать лишний груз, как «обрабатывали» уцелевших членов экипажа и его, Мигеля Альфаро, чтобы дать нужные компании показания, как всем им было обещано хорошее вознаграждение и место. Мигель Альфаро рассказывал о порядках, царящих на судах Гуаякильской компании океанских паромов, о том, в каких условиях приходится работать экипажам, каким опасностям подвергаются пассажиры, какие ветхие суда ходят по Гуаякильскому заливу.

Не все газеты приняли откровения Мигеля Альфаро, но некоторые поспешили напечатать этот разоблачительный материал, рассчитывая заработать если не на сенсации, то на отступных от компании.

Сенсация, однако, продержалась недолго. Через четыре дня в рубрике «Местные происшествия» одна из газет сообщила, что во время пьяной драки в портовой улочке Гуаякиля был убит бывший старший помощник погибшего «Боливара» Мигель Альфаро.

После этого сообщения интерес к делу «Боливара» со стороны официальных лиц угас окончательно. Но вдовы и сироты, близкие погибших на «Боливаре» не могли так быстро и так сразу позабыть эту катастрофу, причины которой не являлись секретом, несмотря на все ухищрения и заключения официальных и неофициальных лиц. Однако они уже ничего не могли вернуть.

Все изменяется в мире, даже климат земли. Неизменными остаются только волчьи законы мира бизнеса, мира чистогана. И то, что творится с помощью этих законов, прикрывается ими. Неизменно и повторимо.

26 декабря 1973 года теплоход-паром «Амстайд» частной судовладельческой компании отвалил от пристани Пуэрто-Боливар рейсом на Гуаякиль, имея на борту 350 пассажиров и более 300 тонн груза. Люди торопились, чтобы провести рождественские праздники дома, и не претендовали на особые удобства, ведь перехода-то было всего два-три часа!

Капитан, имея от своих хозяев приказ «использовать момент», не препятствовал пассажирам втискиваться по три человека на квадратный метр палубы старого судна. Трудно поверить в то, что он не слышал о трагедии «Боливара» и о капитане Педро Гальеге, как и трудно представить себе, что он не понимал, какому риску подвергает сотни людей, свой экипаж и самого себя, перегружая теплоход. Страх остаться без куска хлеба заглушил в капитане Освальдо Каррейре все чувства, загнал куда-то в уголки сознания совесть, чувство долга, здравый смысл.

Все повторяется в этом мире. На полпути между Пуэрто-Боливаром и Гуаякилем от налетевшего небольшого шквала паром резко накренился, плотная масса людей инстинктивно метнулась на противоположный борт. «Амстайд» выпрямился, перевалился на этот же борт... Сместился груз на палубе, поползли автомобили, и в этот момент порыв ветра, который уже не кренил, а поддерживал паром, стих. Подобно «Боливару», «Амстайд» опрокинулся вверх дном и ушел на дно к своему товарищу по несчастью.

Правда, на этот раз катастрофа произошла засветло, и помощь подоспела быстро. В спасательных работах участвовали катера, рыбацьи лодки, вертолеты и корабли военно-морского флота, вышедшие по тревоге из своей базы в Гуаякиле. Но все равно итог был плачевен. Погибло более ста человек, в подавляющем большинстве женщины и дети. До наступления темноты удалось подобрать сто тридцать человек.

Несколько дней на берегах острова Пуна и Гуаякильской бухты находили тела утонувших женщин и детей. Праздник обернулся трауром.

И снова газеты писали о трагедии в Гуаякильском заливе, вспоминали «Боливар», капитана Педро Гальегу, возмущались нравами, царящими среди арматоров, заботящихся о своих доходах и не думающих о безопасности пассажиров. И снова было назначено следствие, и снова сеньоры из судовладельческой компании клялись святой девой, своей совестью и честью, что они, как родные, пеклись о безопасности пассажиров и, конечно же, не давали капитану приказания грузиться сверх нормы, и с пеной у рта нападали на тех, кто указывал на них как на виновников трагедии.

Капитан «Амстайда» не мог оправдаться, так как утонул вместе со своим судном. Старшего помощника не пришлось убирать в «пьяной уличной драке» — он утонул тоже, как и большинство членов экипажа.

Комиссия в конце концов признала, что в катастрофе виноваты... капитан Освальдо Каррейра и недисциплинированные пассажиры! Судовладельцы и в этот раз потеряли только старое судно, но не страховку.

Все повторилось сначала.

А. Рункин

SOS — НАДЕЖДА НА СПАСЕНИЕ

В течение каждого часа судовые и береговые радиостанции во всем мире дважды настраиваются на волну 600 метров (500 кГц) — «частоту бедствия». На три минуты (с 15-й по 18-ю и с 45-й по 48-ю) на этой волне наступает тревожная тишина: радисты чутко вслушиваются в безбрежный океан эфира. Медленно текут секунды. Нервы напряжены. Пока все спокойно. Но вот в эфире появился сигнал тревоги (12 тире). Радиоспециалисты с обостренным вниманием принимают следующий за ним сигнал: три точки — три тире — три точки, так на языке азбуки Морзе звучит сигнал SOS.

Сигнал бедствия! Вобрав в себя страх и отчаяние гибнущих в море людей, мольбу о помощи и надежду на спасение, он обладает неограниченной магической властью. Приняв его, любое судно немедленно меняет курс и спешит к месту катастрофы.

Впервые радиотелеграфный сигнал бедствия прозвучал в 1898 году, когда пароход «Меттьюз» налетел на плавучий маяк «Ист-Гудвин», закрепленный на якорях недалеко от Дувра. Однако принятию этого сигнала в качестве международного предшествовала длительная и упорная борьба.

В 1903 году в Берлине состоялась радиотелеграфная конференция, делегаты которой должны были разработать систему радиосвязи между судовыми и береговыми радиостанциями. На ней присутствовали представители восьми морских держав, включая Россию. Причем в числе русских делегатов был изобретатель радио А. С. Попов. На конференции была сделана попытка учредить единый радиосигнал бедствия. Сначала было предложено буквосочетание SSSDDD. Однако английская радиотелеграфная компания «Маркони» предложила для судов, оборудованных радиоаппаратурой ее системы, свой сигнал бедствия — SOD, который многие признали удобным. Но к единому решению делегаты так и не пришли.

На второй международной конференции в Берлине в 1906 году, на которой присутствовали представители уже 29 стран, германская делегация считала наиболее приемлемым сочетание SOJ (три точки — три тире — одна точка). Однако это предложение было отклонено, так

как буква J по азбуке Морзе передается одной точкой и при дальнем приеме или перегруженном эфире может быть пропущена. В пылу дискуссии один делегат предложил заменить букву J на S. Говорят, этот человек был музыкантом и полагал, что такое буквосочетание — SOS — является самым благозвучным.

Пригласили экспертов — музыкантов, психологов, физиков, и они подтвердили приемлемость предложения.

Многие ошибочно считают, что SOS — комбинация первых букв английской фразы «Спасите наши души». Другие расшифровывают иначе: «Спасите наше судно». Но и первые, и вторые ошибаются. На самом деле SOS ничего не обозначает и представляет собой не что иное, как короткий, четкий и ритмичный, легко запоминающийся и воспринимаемый на слух радиотелеграфный сигнал.

Через месяц работы конференции 3 ноября 1906 года, 27 участников конференции из 29 стран от имени своих правительств подписали Международную радиотелеграфную конвенцию.

Гуманность решения Берлинской конференции не вызывает ни у кого сомнений.

Радиотелеграфная конвенция 1906 года является одним из очень немногих в истории международных отношений документов, который не претерпел со временем никаких изменений.

Однако на случай беды у моряков есть и другие сигналы бедствия. Слово «Мэйдей» — международный радиосигнал бедствия для судов и самолетов, оборудованных радиотелефонными станциями. Этот сигнал, предложенный англичанином Хэнли Монфортом, был принят на Вашингтонской конференции 1927 года. Она же установила для радиосвязи и единую международную частоту бедствия в телефонии — 2182 кГц.

Существуют также звуковые и визуальные сигналы бедствия: выстрелы орудия или взрывы с интервалами в одну минуту; непрерывная сирена; красные ракеты, выстреливаемые через краткие промежутки времени; флажный сигнал Международного свода «НЦ» («Терплю бедствие», «Нужна немедленная помощь»); подъем на гафеле квадратного флага и над ним или под ним — шара и др.

Международные конвенции по охране человеческой жизни на море придали сигналам бедствия силу закона. Благодаря этим сигналам были спасены сотни кораблей и тысячи людей.

КОНЦЕРТ В... АМАЗОНКЕ

С того времени, когда ученые начали изучать акустику океана, общеизвестная поговорка «Нем как рыба» перестала соответствовать действительности. Точная аппаратура, как известно, показала, что море полно звуков, издаваемых рыбами. Некоторые их виды «разговаривают» таким высоким голосом, что могут даже вызвать взрыв акустической мины, взрыватель которой срабатывает от воздействия шумов движущегося судна, главным образом от шумов его гребных винтов. Подобные случаи имели место во время второй мировой войны.

Слабее изучены звуковые сигналы, издаваемые пресноводными рыбами. В последнее время несколько интересных открытий сделал профессор Венского университета биоакустик Фридрих Шаллер, исследовавший бассейн Амазонки. Оказывается, каждый второй или третий из двух тысяч видов рыб, обитающих в ее водах, обладает «даром слова».

Главные притоки Амазонки несут два вида мутных вод — белый и черный. В реках, берущих начало со склонов Анд, содержится много растворенных минеральных веществ, которые придают воде цвет разведенного молока. Реки же, протекающие через джунгли, обогащаются гумусными веществами жирной лесной почвы и поэтому выглядят черными. И чтобы общаться меж собой, пугать врагов и приманивать добычу, рыбы, обитающие в этих водах, в процессе эволюции приспособились издавать звуки.

В отличие от высших позвоночных животных и птиц, имеющих один-единственный звуковой аппарат — горло, рыбы воспроизводят звуки с помощью плавников, зубов, костных пластин, покрывающих их жабры, и даже плавательных пузырей.

Одна из разновидностей сома, которого местные индейцы называют пирарара, издает звуки, напоминающие... трубный голос слонов. Эта сильная, с массивным телом рыба (длиной до метра и весом до центнера) использует в качестве звукового аппарата жаберные створки, сквозь которые с большой скоростью выталкивает проходящую через рот воду и воздух. Эти звуки, по всей вероятности, и отпугивают ее естественных врагов.

Рыба хараки — главный объект промышленного рыболовства — использует в качестве звукового аппарата плавательный пузырь. Самцы имеют по обе стороны пузыря специальные мускулы, которые могут сокращаться с частотой до 100 Гц. Звук, издаваемый с их помощью, похож на ржание. Во время периода размножения этот вид предпринимает длительную миграцию к местам метания икры. Самцы движутся впереди и несколько вечеров подряд устраивают фантастические «концерты». Шаллер пишет, что, когда сотни их начинают упражняться в «колоратурном сопрано», рев их разносится очень далеко в окрестностях. Концерт хараки — одно из сильнейших переживаний, которые преподносит природа путешественнику в бассейне Амазонки.

Рыба пескада издает звук, напоминающий стрельбу из ружья или пистолета. Ее «песня» чаще всего раздается тоже в период размножения.

Сом-мандим издает звуки с помощью грудных плавников, напоминающие визг пилы. Зоологи особенно заинтересовались необычными «поющими» грудными плавниками. Один из учеников Шаллера специально изучает этот уникальный орган.

Профессор Шаллер указывает, что естественный отбор должен действовать одинаково во всех реках, воды которых непрозрачны. И действительно, в последнее время получены сообщения о «шумных» пресноводных рыбах в тропических реках другого континента — Африки. Азия в этом отношении слабо изучена, но и там в ближайшие годы ожидаются интересные открытия в области биоакустики.

ОПАСНЫЙ ОСЬМИНОГ

Обитающий в водах Индийского океана и у австралийского побережья осьминог из рода хапалохлена свободно помещается на ладони и весит всего около 50 граммов. Тем не менее рыбаки, ныряльщики и просто купающиеся в этих местах боятся этого малыша не меньше огромных хищных акул. Дело в том, что крохотный осьминог обладает весьма страшным оружием — сильнодействующим ядом, который пускает в ход в минуты опасности. Особенно страшно, что укус этого, пожалуй, единственного головоногого, способного убить человека своим ядом, почти не ощущается.

Вначале у жертвы начинается сильное головокружение, затем яд парализует нервную систему, и наконец наступает паралич органов дыхания. Только немедленное медицинское вмешательство может предотвратить беду. Правда, осьминог этот никогда не нападает первым и при опасности старается удрать.

СОКРОВИЩА ПИРАТА

Богатства знаменитого английского пирата XVII века Генри Джона Моргана обнаружила группа французских и американских аквалангистов. Как заявил организатор экспедиции, корабль Моргана «Оксфорд», затонувший у побережья Гаити, будет им поднят на поверхность. «Оксфорд» пошел ко дну в январе 1669 года после того, как один из пиратов, перепившихся после удачного грабительского налета, «случайно» взорвал пороховой погреб. Морган был одним из немногих, кому удалось спастись.

На борту пиратского корабля, по свидетельству многих историков, находятся огромные сокровища: слитки золота и платины, золотая и серебряная посуда, шпаги и пистолеты...

После того как сокровища будут подняты на поверхность, организаторы экспедиции планируют провести выставки в столицах разных государств мира.

ДРЕВНИЕ ИСКОПАЕМЫЕ

Окаменевшие остатки древнейших китов найдены археологами на севере Пакистана, в предгорьях Гималаев. Во время раскопок в твердых породах обнаружены задняя часть черепа и несколько зубов этих животных. Киты обитали в древнем море Тетис около 45—50 миллионов лет назад. В то время Индия и Пакистан образовывали континент, отделенный от остальной части Азии. Необычные отложения пород, образовавшиеся вдоль береговой линии древнего моря, содержат также окаменевшие остатки древних наземных и морских млекопитающих.

МЕЖДУ ВАХТАМИ

Messy
BAXTAMM

Е. Сузюмов

ПО ТУ СТОРОНУ ЭКВАТОРА

Рассказ

Произошло это много лет назад, когда советский прославленный корабль науки «Витязь» совершал свои первые океанские рейсы. Все рассказанное здесь — истинная правда, изменены лишь имена участников этого события да не названа страна, в которой все это произошло.

...«Витязь» с веселым шумом рассекал океанские волны и полным ходом держал курс в порт, куда советские корабли не заходили уже много лет. Позади остался месяц напряженных работ в океане. Нас ожидал короткий отдых и знакомство с неведомой интересной страной по ту сторону экватора. Самые нетерпеливые толпились на палубе и жадно вглядывались в туманную дымку на горизонте: пора бы уже было гористым берегам подняться из темно-синих далей океана.

И вдруг возле судна появилась черно-зеленая птичка величиной с нашего скворца. Она устало взмахивала узкими длинными крылышками. Вокруг «Витязя» в непрерывном хороводе кружились чайки и буревестники — эти-то представители пернатого царства рождены, чтобы всю жизнь парить над волнами. А как вот попала сюда жительница тропических джунглей? Скорее всего, перелетала с какого-либо острова на материк, ослабела в борьбе со встречным ветром и потеряла последние силы. Казалось, что она вот-вот упадет на вспененные волны и сделается добычей акул.

Встреча с «Витязем» спасла ей жизнь. Птичка безбоязненно опустилась на судовую лебедку и не спеша начала расправлять тонким клювом блестящие, словно облитые лаком, перышки. Сразу же вокруг новой пассажирки собрались люди.

Кто-то предложил поймать птичку, но против тут же восстал боцман:

— Отдохнет птаха и пускай себе дальше летит.

Однако тут раздались голоса научных работников — биологов экспедиции:

— Наука понесет большую потерю, если мы упустим этот редкий экземпляр тропической фауны.

Боцману пришлось сдаться.

— Ну, если только для науки... Ловите эту беднягу. Только убирать за ней сами будете.

Биологи изловили пернатую гостью и торжественно водворили в клетку. Пока возились с птичкой, не заметили, как показался берег.

Кто не плавал, по морям, тому трудно представить себе, какие преграды из формальностей надо преодолеть, чтобы получить разрешение на стоянку в порту и выход людей на берег. Едва судно коснется бортом причала и опустится трап, как на борт тут же поднимаются представители портовой администрации, чиновники иммиграционной и политической полиции, инспекторы таможни и санитарной инспекции. А тем более не в каждой стране приход советского корабля доставляет властям большое удовольствие. В них полиция и таможня особо придирчиво проверяют судовые и личные документы и осматривают судно. Это как раз была такая страна. Но капитан оставался спокойным. Чистота на судне была образцовой, а все бумаги — в полном порядке. Даже самым придирчивым инспекторам, не к чему было придраться.

Полицейские, таможенники провели двухчасовой тщательный осмотр корабля и поднялись в каюту капитана, чтобы подписать документы. Они приканчивали уже вторую бутылку «Столичной», как вдруг в каюту ворвался карантинный врач. С победным видом он держал в руках клетку с птицей.

— На эту птицу нет никаких документов! — громко заявил он.

Таможенный инспектор разом восторженно.

— Вам известно, — обратился он к капитану, — что ввоз животных в нашу страну без ветеринарного сертификата и уплаты таможенного сбора запрещен?

Капитан развел руками.

— А мы не собираемся ввозить к вам животных. Эта птица из вашей же страны. Она села к нам на палубу за два часа до прихода в порт...

Но таможенник не унимался:

— Вы привезли к нам птицу без документов. Я обязан наложить карантин на судно, запретить выход людям на берег, а с вас взыскать штраф в сумме пятисот долларов.

— А я заявляю протест против ваших действий! — возмутился капитан. — Берите себе птицу и делайте с ней что хотите.

— Карантин накладывать, может быть, не будем, а штраф за беспоплатный провоз животных платите, — упорствовал таможенный инспектор и тыкал пальцем в раскрытую книгу таможенных правил.

Пока шли эти споры, на борт «Витязя» успели проникнуть корреспонденты газет и радио. Они уже начали строчить что-то в своих блокнотах. Таможенник смекнул, что он может быть представлен в смешном виде на страницах некоторых газет своей страны, и пошел на мировую.

— Ладно, — буркнул он, — пишите, капитан, расписку, что все время стоянки вы будете держать птицу в клетке и не выпустите ее. При отходе судна сам приду проверить...

Капитан взял чистый бланк и написал на нем:

«На судне находится одна птица в клетке. Обязуюсь предъявить птицу таможенной инспекции при оформлении отхода судна».

«Витязь» простоял здесь пять дней. С утра до вечера по причалу двигался к нему поток людей, жаждущих познакомиться с советскими гражданами и услышать от них правду о жизни нашей страны. Но среди людей с чистым сердцем и добрыми намерениями оказывались и такие, кто приходил на корабль с камнем за пазухой и пытался хоть чем-нибудь очернить нас и Советскую страну.

Одного такого субъекта моряки раскусили сразу. Он прекрасно владел русским языком, назвался мистером Джеймсом и старался завести разные провокационные разговоры. Нетрудно было догадаться, что никакой он не мистер и не Джеймс, а просто-напросто один из тех, кто предал свою бывшую родину и зарабатывает теперь на жизнь подачками от враждебных нам организаций. С ним прекратили сразу всякое общение, и он одиноко отирался в оживленной толпе гостей. Заметно было, что и местные жители брезгливо сторонились «мистера Джеймса».

Все дни нашей стоянки тропическая птичка мирно отсиживалась в клетке и продолжала тщательно чистить свои лакированные перышки. Надзор за ней капитан поручил буфетчице тете Даше. Та повесила клетку в кают-компании.

За день до отхода «Витязь» посетила многочисленная группа местных ученых. Среди них вдруг оказался и «мистер Джеймс», в качестве переводчика. Большинство советских научных работников хорошо владели иностранными языками, и помощь его им не требовалась. Не составило большого труда заметить, что гости «Витязя» тяготились своим переводчиком, старались держаться от него подальше и обходиться без его услуг.

Джеймс проявлял большую суетливость, часто отставал от группы, «случайно» попадал в жилые каюты, а потом вдруг захотел пить и задержался в кают-компании. Когда моряки проводили своих гостей и сердечно распрощались с ними у трапа, стало уже темнеть.

Я спустился в кают-компанию на ужин и увидел, что там царит великий переполох. Тетя Даша громко плакала. Дверца клетки была широко распахнута, а черно-зеленой птицы нигде не было видно — вероятно, выпорхнула через открытый иллюминатор. Буфетчица, не переставая всхлипывать, побежала к капитану:

— Беда, Игорь Васильевич: улетела наша птичка. Простите, недоглядела. Не иначе как этот Джеймс проклятуший ее выпустил.

Капитан озабоченно шагал по каюте. Дело принимало дурной оборот: за эту злую шутку с птицей придется завтра выложить ни за что ни про что штраф в пятьсот долларов. Он представил себе торжествующую физиономию таможенника и громко чертыхнулся.

— Боцмана ко мне, — приказал он.

— Вот что, боцман, — сказал капитан, когда тот явился к нему, — делайте что хотите, а чтобы птица в клетке завтра была. Поняли? Не то плакали государственные денежки...

Боцман шел от капитана в глубокой задумчивости и на ходу почесывал затылок. Вскоре он заперся в своей каюте вместе с двумя матросами — были на корабле два неразлучных друга, мастера на всякие выдумки, Николай и Гоша, вот боцман и держал с ними совет.

Тайное заседание закончилось, когда над палубой сгустилась душная тьма, а на бездонном небесном куполе зажглись большие и яркие звезды. Настала последняя ночь стоянки «Витязя».

Едва оранжевый солнечный диск успел вылезти из безмятежного, еще не очнувшегося от утреннего сна океана и бросить первые золотистые блики на кроны высоких и гордых кокосовых пальм, как мы увидели, что на палубе появились Николай и Гоша. В руках они несли длинные бамбуковые удилища, к ним были привязаны тонкие

капроновые шнуры, а на крючки насажены куски свежей рыбы. Первым делом они набросали за борт кусков хлеба и объедков пищи с камбуза. Слетелось сразу множество чаек. Крик, гвалт подняли на всю бухту... На куски кидаются, из-за объедков дерутся, с жадностью хватают все подряд. Забросили тут Николай и Гоша в эту свалку и свои удочки. Одна прожорливая птица схватила кусок рыбы и мигом проглотила, чтобы подружки, не дай бог, лакомый кусочек у нее из глотки не вырвали. Ребята не дали птице опомниться, дернули удилище, и оказалась эта дуреха чайка в крепких матросских руках.

Пришел час оформления отхода корабля. Мы с замиранием сердца ожидали, чем закончится история со злополучной птицей. На борт поднялся таможенный чиновник, за ним шел ухмыляющийся «мистер Джеймс». Таможенник достал из портфеля бумагу и протянул капитану:

— Вот ваша расписка. Предъявите, капитан, птицу.

В голосе чиновника звучало плохо скрытое торжество, а лицо Джеймса расплылось в злорадной улыбке.

— Сейчас, — спокойно ответил капитан. — Дарья Федоровна, принесите сюда, пожалуйста, клетку с птицей!

Минуты через две тетя Даша внесла клетку. В ней с трудом ворочалась и пыталась просунуть через частую железную проволоку голову большая серая чайка.

— Вы проиграли, капитан, — с довольным смехом произнес таможенник. — Выписывайте чек на пятьсот долларов...

— Не спешите, господин инспектор, — спокойно возразил капитан. — Вы разве не видите, что в клетке сидит птица? Вы согласны со мной, что перед вами не лев и не крокодил, а самая настоящая птица с клювом, двумя лапами и двумя крыльями?

— Но ведь это же совсем не та птица, что видел я у вас в день прихода судна, — начал горячиться инспектор. — Та была черная с зелеными перьями и совсем маленькая. А сейчас вы мне чайку показываете...

— Не пойму ваших претензий, господин инспектор, — пожал плечами капитан. — Прочтите мою расписку. В ней четко английским языком написано, что в день отхода я обязан предъявить вам птицу в клетке. Что же вы хотите от меня?

Таможенник вскочил со стула, лицо его побагровело от злости. Он швырнул на палубу недокуренную сигарету, разорвал расписку капитана и молча направился к двери. За ним с видом побитой собаки

поплелся сконфуженный «мистер Джеймс». Оба также молча подошли к трапу и, ни с кем не простившись, сошли на причал.

Вскоре «Витязь» уже плыл в открытом океане.

В. Демьянов
СУХИМ ИЗ ВОДЫ
Юморески

МЕЧТА ЛОВКАЧА

Ну, кажется, Налима —
 не возьмешь:
Скользит в руках,
Неуловим, пролаза.
Но и ему
 внушает зависть Ерш —
Нахальный,
 скользкий
 и колючий сразу!

«ВОЗМОЖНЫ ОСАДКИ»

Эта маленькая фраза
Все предсказывает сразу:
Или дождик,
Или снег,
Или будет,
Или нет!

ЧУДЕСНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Поплакав
в кабінете у кого-то,
Пескарь попал

На должность Кашалота.
Пищит Пескарь
и угрожает всем:
— Не рассуждать!
Уволю
Или съем!

ПОСЛЕ ШТОРМА

На берег
на четвереньках
Выбрался кое-как,
Поднялся,
Расправил тельник
И вспомнил,
что он — моряк!

БЕЗ НЕДОСТАТКОВ

Широкой луже
как не быть счастливой —
На океан взирает свысока:
Нет у нее
отливов
и приливов —
Она достаточно мелка.

ЗЕМНОЕ ТЯГОТЕНИЕ

Бежать на берег
был готовым

Хоть по натянутым швартовым.

ДЕЯТЕЛЬНАЯ НАТУРА

Нет, он не мог остаться в стороне.
Потрогал сеть, на пляже отдыхая,
И рыбака
Похлопал по спине:
«Тяни, тяни — идея неплохая!»

НА ИРОНИЧЕСКИХ ШИРОТАХ

* * *

Старый моряк вспоминает:

— Самое страшное случилось на Филиппинах. Огромная волна налетела на корабль и превратила его в щепки. Никто не уцелел...

— А как же вы? — спросил кто-то из слушателей.

— Я? Я был дома в то время...

* * *

— Жорж, видел ли ты господина, который меня спас, когда я тонула?

— Да, дорогая, он вчера приходил ко мне извиняться.

* * *

Шотландец, владелец небольшой фермы на острове, послал в магазин на берегу свою жену со следующей запиской: «Прошу записать покупки на мой счет. Я не могу дать ей деньги, поскольку лед на реке не слишком надежен».

* * *

Двое матросов разговаривают:

— Почему наш капитан так зол?

— Вчера по лотерее он выиграл главный приз...

— Я бы только радовался!

— Ему выпало кругосветное путешествие на корабле...

* * *

Разговаривают двое потерпевших кораблекрушение:

— Как ты думаешь, найдут ли нас в безбрежности океана?

— Меня непременно! Я выплачиваю алименты трем женам.

Перевел с болгарского М. Филонов

Американский судовладелец с женой отправляются в морское путешествие. Во время шторма на палубе теплохода поднимается суматоха, шум, крики. Теплоход начинает угрожающе крениться набок. Американец испуганно говорит жене:

— Патриция! Теплоход тонет!

— Ну и что? Ведь это не наш теплоход.

* * *

Пассажир, страдающий морской болезнью, спрашивает капитана:

— Скажите, там, впереди, земля?

— Нет, горизонт.

— Слава богу, все-таки лучше, чем ничего!

* * *

Моряк, проживший после кораблекрушения несколько лет на необитаемом острове, пришел в неописуемый восторг, увидев приближающийся к острову корабль. С корабля спустили шлюпку, и прибывший на ней офицер вручил моряку кипу газет:

— Капитан предлагает, чтобы вы сначала узнали, что делается в этом безумном мире, а затем уже решали сами, хотите ли вы, чтобы мы вас спасли.

* * *

Нервная пассажирка подходит к капитану судна:

— Что произойдет, если мы столкнемся с айсбергом?

— Айсберг последует дальше, словно бы ничего не случилось! —
ответил капитан.

Пассажирка сразу успокоилась.

Собрал Ю. Вальдман

notes

Примечания

1

Стамуха — айсберг на мели.

Гюйс — красный флаг со звездой белого цвета, поднимаемый в носовой части (гюйсштоке) кораблей первого и второго ранга.

«Флажок» — флагманский специалист (*жарг.*).

4

Отрепетовать — повторить вслух.

«Мотыль» — моторист (жарг.).

Техупр — Техническое управление флота.

Медаль за бэ-зэ — медаль «За боевые заслуги» (*жарг.*).

Публикуется в сокращении.

Здесь и далее даты по новому стилю.

Книга написана М. Горьким совместно с немецким профессором В. Мейером.